

Российская академия наук
Институт археологии

Russian Academy of Sciences
Institute of Archaeology

P. S. Uspenskiy, Z. H. Albegova (Tsarikaeva)

**ANTIQUITIES OF THE CENTRAL CAUCASUS
OF THE VII – XIII CENTURIES AD
(based on the materials
of the Dargavs burial ground)**

Moscow
2021

Российская академия наук
Институт археологии

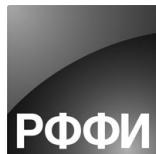
П. С. Успенский, З. Х. Албегова (Царикаева)

**ДРЕВНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА VII–XIII вв.
(по материалам Даргавского могильника)**

Москва
2021

УДК 902/904
ББК 63.4
У77

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 18-09-40105.

Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии Российской академии наук

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР:
д. и. н. *Д. С. Коробов*

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
д. и. н. *В. Б. Ковалевская*;
к. и. н. *У. Ю. Кочкаров*

Успенский П. С., Албегова (Царикаева) З. Х.-М. Древности Центрально-
У77 го Кавказа VII-XIII вв. (по материалам Даргавского могильника). – М.: Инсти-
тут археологии РАН, 2021. 272 с.

ISBN 978-5-94375-356-5

Монография посвящена анализу древностей носителей аланской культу-
ры Центрального Кавказа VII – начала XIII в. Основное внимание уделено
одному из опорных памятников региона – Даргавскому могильнику. В ра-
боте подробно рассматривается погребальный обряд, ряд категорий сопро-
вождающего инвентаря, проводится сопоставление полученных данных с
синхронными памятниками Северного Кавказа и Юга Восточной Европы.
Предпринята попытка разработки хронологии погребальных комплексов
Даргавского могильника. Приводятся результаты комплексного изучения па-
леоантропологического материала, полученного в ходе новейших работ на
памятнике.

Книга представляет интерес для археологов, историков, студентов вузов,
краеведов и всех, интересующихся историей Кавказа.

**УДК 902/904
ББК 63.4**

ISBN 978-5-94375-356-5
DOI: 10.25681/IARAS.2021.978-5-94375-356-5

© Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт археологии РАН, 2021
© Успенский П. С.,
Албегова (Царикаева) З. Х.-М., 2021

Содержание

Введение	7
Глава I. Погребальный обряд	11
Глава II. Погребальный инвентарь	32
II.1. Ременные гарнитур	32
II.2. Фибулы	40
II.3. Предметы вооружения	46
Длинноклинковое вооружение	47
Топоры	52
Наконечники копий	61
Ножи и кистень	62
Детали луков, колчанов и наконечники стрел	62
II.4. Предметы конского снаряжения	67
Стремена и удила	68
Элементы оголовья	73
Предметы парадного конского убранства	74
Седла	79
Редко встречаемые элементы всаднического снаряжения	82
II.5. Зеркала	84
II.6. Украшения	93
Височные кольца	94
Серьги	96
Перстни	101
Браслеты	105
Глава III. Хронология погребальных комплексов Даргавского катакомбного могильника	110
Заключение	123
Приложение 1. Результаты исследований антропологического материала из Даргавского катакомбного могильника (Свиркина Н. Г. Рассказова А. В.)	126
Приложение 2. Радиоуглеродное датирование образца из катакомбы № 97 Даргавского могильника	139
Приложение 3. Корреляция номеров катакомб (камер) №№ 1–30 и захоронения лошадей по монографии Р. Г. Дзаттиаты, по отчетам и условные номера, введенные авторами данной публикации	140
Summary	141
Альбом иллюстраций	143
Список литературы и источников	256
Список сокращений	270

Contents

Introduction	7
Chapter I. The funeral rite	11
Chapter II. Burial inventory	32
II.1. Belt headsets	32
II.2. Fibulae	40
II.3. Weapons	46
Long-bladed weapons	47
Axes	52
Spearheads	61
Knives and knobstick	62
Details of bows, quivers and arrowheads	62
II.4. Horse equipment	67
Stirrups and bit	68
Headband elements	73
Items of ceremonial horse decoration	74
Saddles	79
Rare items of horseman equipment	82
II.5 Mirrors	84
II.6 Jewelry	93
Temporal rings	94
Earrings	96
Finger rings	101
Bracelets	105
Chapter III. Chronology of burial complexes of the Dargavs catacomb burial ground	110
Conclusion	123
Appendix 1. Results of the anthropological analysis of the samples from the Dargavs catacomb burial ground (Svirkina N. G. Rasskazova A. V.)	126
Appendix 2. Radiocarbon dating of a sample from catacomb No. 97 from the Dargavs burial ground	139
Appendix 3. Correlation of numbers of catacombs (chambers) No. 1–30 and horse burials in accordance with the monograph by R. G. Dzattiaty and field reports. Conditional numbers introduced by the authors of this publication	140
Summary	141
Album of illustrations	143
Bibliography	256
List of abbreviations	270

Введение

Центральный Кавказ находится на геополитически и стратегически важных путях, издревле соединявших Юг России с Закавказьем и Передней Азией. Расположение в контактной зоне, наличие богатых залежей металлов в горах, пастбищные угодья, защита, которую давали глубокие горные ущелья в периоды разрушительных войн на равнинах – все эти факторы оказывали влияние на культурно-исторические и этногенетические процессы, протекавшие в среде населения Центрального Кавказа. Основой для изучения этих процессов, помимо редких письменных источников, являются данные археологии, в частности, погребальные памятники.

На протяжении раннего и развитого средневековья одним из ярких явлений для кавказского региона была аланская археологическая культура, носители которой сыграли важную роль в этногенезе многих современных кавказских народов. На сегодняшний день на Северном Кавказе известно более 100 могильников аланской культуры IV–XII вв. (*Коробов, 2003. С. 35; Савенко, 2017. С. 104*).

Центральный Кавказ является одним из наиболее насыщенных археологически памятниками аланской культуры регионов и поэтому постоянно привлекает к себе внимание специалистов. В частности, ряд крупных могильников располагается в предгорной и горной зонах современной Северной Осетии (рис. 1), именно этим памятникам уделено основное внимание в данной работе, направленной на изучение культурно-исторических процессов, протекавших на Центральном Кавказе в VII – начале XIII вв.

Наблюдение за изменением ареала памятников аланской культуры на территории Северной Осетии позволяет выделить три больших хронологических этапа

ее существования: первый (II–V вв.), второй (VI–X вв.) и третий (XI–начало XIII вв.).

В последнее время в научный оборот вводится все большее число памятников аланской культуры Центрального Кавказа на разных этапах ее развития. Оконтушивается период генезиса аланской культуры, её становления на раннем этапе. Проведены раскопки широких площадей Бесланского, Киевского, Братского и Октябрьского подкурганых катакомбных могильников (*Габуев, Малашев, 2009; Дзугуцев, Малашев, 2015; Малашев и др., 2015; Малашев, 2019; Малашев и др., 2020*).

Вводятся в научный оборот яркие археологические памятники второго этапа (VI–X вв.) аланской культуры рассматриваемого региона. К ранее опубликованным материалам относятся древности могильников: Алагир, Владикавказ (Кирпичный завод), Кобан, Тарский, Чми. В течение последних лет были изданы работы, посвященные материалам некрополей Дагом, Даргавс, Садон, Гусара I, Балта (*Дзаттиаты, 2014; Гончаров, Кадиева, 2019; Кадзаева, 2018; 2020; Кадзаева, Канукова, 2020; Кантемиров, Дзаттиаты, 1995; Кузнецов, 1981а, 1981б; Хайнрих, 1995; Шестопалова, 2018*).

Опорными для хронологической привязки перечисленных памятников являются опубликованные материалы таких катакомбных некрополей Северного Кавказа как Чми, Мокрая Балка 1, Клинь-Яр III, Мартан-Чу 1 и др. (*Афанасьев, Рунич, 2001; Виноградов, Мамаев, 1984; 1985; Гавритухин, 2001а; Савенко, 1985а; Флеров, 2000*), а также аналитические публикации по хронологии древностей Северного Кавказа, в частности, Кисловодской котловины (*Амброз, 1989; Гавритухин, Малашев, 1998; Гавритухин, 2001; Малашев, 2001; Ковалевская, 1979; 1981; 1995; 2005*) и Среднего Дона (*Плетнева, 1967; 1989; Комар, 1999*).

Источниковая база о позднем этапе аланской культуры заметно пополнилась благодаря публикациям большого массива данных из раскопок Змейского могильника (Бакушев, Леонтьева, 2020; Кузнецов, 1961; 1995; Савенко, 2017; Фидаров, Бтемиров, 2021; Фидаров, Тотаева, 2019). Для ряда комплексов этого некрополя впервые получены радиоуглеродные даты, что позволяет поднять вопросы хронологии предметов материальной культуры X – начала XIII в. (Бакушев и др., 2021).

Данная работа направлена на изучение двух последних этапов в истории аланской культуры (VI–X вв. и XI – нача-

ло XIII в.). Это время характеризуется выразительными миграционными процессами, когда основная масса аланских памятников исчезает с равнинной части, население перемещается в горную и предгорную зоны, а также на территорию Среднего Дона (Кузнецов, 1997; Албегова, 2007).

В ряду многочисленных погребальных памятников аланской культуры VII – начала XIII в.¹ важное место занимает катакомбный могильник у с. Даргавс². Материалы раскопок Даргавского могильника с 1993 по 2009 гг. были введены в научный оборот автором раскопок Р.Г. Дзаттиаты в 2014 г. Всего было исследовано 78 ком-

¹ В материалах Даргавского катакомбного могильника предположительно могут присутствовать материалы VI в.

² Селение Даргавс (осет. «Дæргъæвс») расположено в центральной зоне Северного Кавказа, в Даргавской котловине в Пригородном районе Республики Северная Осетия-Алания. Даргавская котловина расположена между лесистым и пастбищным хребтами. Центральная часть котловины находится на абсолютной высоте 1425 м. Подробный обзор этимологий названия котловины представлен в работе А.Д. Цагаевой, сама исследовательница переводит слово «Дæргъæвс» как даргъ («длинный») + фæз («поляна») (МАК, 1900. С. 104; Цагаева, 1975. С. 51–54). Действительно, это достаточно протяженная удобная для проживания горная долина.

Первые археологические исследования у с. Даргавс проводились П.С. Уваровой (МАК, 1990. С. 104–110). Графиня раскопала погребения в каменных ящиках ближе к селению у «нижней башни». По любезно предоставленной Э.Л. Черджиевым информации, башня принадлежит фамилии Мамсуровых. Часть полученных ею материалов идентична находкам в обнаруженных позднее катакомбах Даргавского могильника, а часть – более позднего времени.

Даргавский катакомбный могильник был выявлен в 1993 г. экспедицией Северо-Осетинского института гуманитарных исследований под руководством Р.Г. Дзаттиаты и при участии В.Х. Тменова, организованной по инициативе директора института С.П. Таболова. Местные жители И. Сасиев и Х. Баллаев указали археологам на провалы грунта на холме «Уæлмæрдты къуыбыр» («Могильный холм»), который находится напротив с. Даргавс. Раскопки провалов привели к открытию катакомбных захоронений.

Некрополь содержит разнообразные и разновременные погребальные памятники. Основную площадь занимают грунтовые катакомбы аланской культуры с сопровождающими некоторые из них конскими погребениями, единичны могилы в каменных ящиках и гробницах, на периферии могильника расположены несколько полуподземных и наземных склепов XVI–XIX вв. К юго-востоку от катакомбного могильника, на противоположном берегу р. Гизельдон находится широко известный склеповый некрополь «Город мертвых», датирующийся XVI – первой трети XIX вв. (Тменов, 1979. С. 144).

«Могильный холм» представляет собой древнюю надпойменную террасу р. Гизельдон у южной подошвы г. Тбаухох (3007 м) напротив с. Даргавс. На большинстве карт река, протекающая рядом с могильником, обозначена как Гизельдон, фактически это р. Мидаграбиндон, которая является одним из истоков р. Гизельдон.

Центральная часть Даргавского могильника находится на высоте около 1468 м. Русло реки огибает могильный холм с южной и восточной стороны, являясь естественной границей катакомбного могильника. К западу наблюдается постепенное увеличение крутизны склонов, переходящих в отроги массива Тбаухох, с севера памятник ограничивает глубокая щель с протекающим по ее дну ручьем, впадающим в р. Гизельдон. Площадка могильника вытянута в меридиональном направлении и имеет хорошо выраженный уклон к востоку. Следует отметить, что территория, занятая некрополем, использовалась местными жителями под пашни и сенокосы, что является характерной чертой для малоземельных горных районов Центрального Кавказа. Вероятно, выбор места под могильник был связан с тем, что на холм ближе к вечеру падает тень от горы Тбаухох. Таким образом, время естественной освещенности и солнечного тепла на холме несколько меньше, чем на склонах противоположного берега. К востоку от могильника, за рекой находится гора Девичья (Чызджытыхох) (2823 м).

Долина в настоящий момент свободна от лесов, но Р.Г. Дзаттиаты полагает, что ранее они покрывали балки и склоны вокруг Даргавса. Этот вывод исследователь сделал на основании названия одной из расположенных напротив селения балок – «Тулдзджын адаг», или «Изобильный дубами овраг» (Дзаттиаты, 2014. С. 4). Сегодня косвенное подтверждение тому, что ранее в балке росли дубы, позволяет дать анализ угля, которым был посыпан пол камеры 1 катакомбы № 98 (раскопки авторского коллектива 2019 г.). Анализ проведен сотрудником Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН Л.Н. Соловьевой.

плексов (*Дзаттиаты*, 2014) (см. Приложение № 3). Обращает на себя внимание разновременность исследованных комплексов, которая позволяет говорить о длительном периоде существования памятника. Становится очевидной необходимость хронологической систематизации материалов для их синхронизации с другими могильниками Северного Кавказа, степной и лесостепной зонами Юга России.

Многие некрополи региона, по сравнению с Даргавским, имеют гораздо более ограниченные рамки существования. К ним относятся, например, катакомбные могильники донских алан, материалы которых стали важным элементом круга салтово-маяцких древностей. Для центральной части Северного Кавказа можно привести в качестве примера могильники Мамисондон, Змейский, Тарский (Октябрьский), Мокрая Балка и т.д. Продолжительность их существования варьирует приблизительно от 150 до 400 лет.

Даргавский некрополь использовался не менее 600 лет. Могильники с более коротким периодом существования могут отражать такие крупные события, как миграции, военные вторжения, возможно, экологические и эпидемиологические катастрофы. Археологические памятники, существовавшие более протяженное время, помимо указанных событий, демонстрируют целый комплекс социальных явлений. Например, как реагировало относительно стабильно живущее общество на происшедшие вовне его события, какие торговые контакты превалировали на разных этапах его существования, и, в конечном итоге, на какие культурно-политические центры данное общество было сориентировано в разные периоды истории.

Таким образом, исследование материалов Даргавского могильника является актуальной задачей для понимания культурно-исторических процессов, протекавших в среде населения Центрального Кавказа.

Этот памятник может считаться полноценным историческим источником и использоваться в качестве опорного, отражающего историю развития региона в период средневековья. Особое значение могильника в изучении продвижения катакомбного обряда в горную зону Центрального Кавказа отмечал В. А. Кузнецов (*Кузнецов*, 1997. С. 160).

Одной из основных задач данного исследования стало создание хронологической шкалы Даргавского могильника. Для этого авторским коллективом была разработана типология отдельных категорий вещей и проведен анализ их взаимовстречаемости.

Для ряда категорий вещей уже существуют классификации, основанные на материалах отдельных могильников и аланской культуры в целом³. Вместе с тем, в рамках каждого памятника мы находим оригинальные черты, неучтенные типы или отдельные детали морфологии предметов. Это вызывает затруднения при использовании разработанных классификационных схем. Поэтому работа проводилась при учете этих схем, но в большинстве случаев создавалась самостоятельная классификация той или иной категории предметов, позволяющая решать прикладные задачи данного исследования.

Изучение отдельных категорий находок Даргавского могильника уже предпринималось авторским коллективом, в частности, фибул и предметов вооружения (*Дзаттиаты и др.*, 2017; *Албегова, Успенский*, 2017; 2018; 2019). В данном исследовании приведены в значительной степени дополненные и уточненные сведения о них⁴.

Значимой частью работы стало сопоставление полученных данных с материалами синхронных памятников региона

³ Краткий обзор работ, посвященных классификации различных предметов материальной культуры, представлен в соответствующих разделах.

⁴ Ряд массовых категорий предметов (бусы, бубенчики и пуговицы, керамика) подробно не рассматривался или вообще не рассматривался по причине временной недоступности музейных коллекций. Данная работа является задачей будущих исследований. Не рассматривались импортные стеклянные стаканы, неоднократно описанные А. А. Чижовой (*Чижова*, 2016, 2017), металлические амулеты аланской культуры Северного Кавказа, систематизированные В. Б. Ковалевской (*Ковалевская*, 1995).

(рис. 1), позволившее выделить как общие закономерности эволюции погребального обряда и набора инвентаря, так и особенности, присущие средневековым катакомбным могильникам горной зоны Центрального Кавказа.

В 2019 г. авторский коллектив продолжил раскопки Даргавского могильника. В результате проведенных работ были получены качественно новые сведения и отобраны образцы для проведения ряда естественнонаучных анализов. Данные об исследованных катакомбах №№ 97 и 98 частично опубликованы (Успенский и др., 2020).

В предлагаемой монографии приведены результаты антропологического анализа, который базировался на материалах авторских раскопок. В результате комплексных естественнонаучных исследований удалось получить сведения о внешнем облике и условиях жизни людей,

населявших территорию горной зоны Центрального Кавказа в последней четверти I тыс. н. э.⁵ Для уточнения хронологии погребальных комплексов проведено радиоуглеродное датирование образца из катакомбы № 97 (Приложение № 2).

При подготовке книги мы опирались на публикации и научные отчеты, любезно предоставленные Р.Г. Дзаттиаты для работы, за что авторский коллектив выражает ему искреннюю и глубокую признательность (Дзаттиаты, 1994–1996; 2000–2009; 2011; 2014).

Мы благодарим В.Б. Ковалевскую, Д.С. Коробова, У.Ю. Кочкарова за ценные советы, замечания и помощь в подготовке монографии, И.О. Гавритухина за консультации по атрибуции ранних ременных гарнитур, Э.Л. Черджиева за этнографические и географические сведения, а также всех участников археологической экспедиции 2019 г.

⁵ Для авторского приложения (Приложение 1) сохранена самостоятельная сквозная нумерация иллюстраций, и таблиц, графиков и рисунков, ссылки на иллюстрации обозначены как «Илл.». В основном тексте книги ссылки на сопровождающий его блок иллюстраций даются как «Рис.».

Глава I. Погребальный обряд

Могильники эпохи средневековья Северного Кавказа включают в себя большое количество разнотипных погребальных сооружений: грунтовые могильники с погребениями в ямах и каменных ящиках, каменные полуподземные, надземные склепы, подбойные могилы, катакомбы различных типов (Ковалевская, 2005. С. 135).

Погребальный обряд средневековых могильников аланской культуры неоднократно становился объектом исследования, однако постоянно расширяющийся круг источников позволяет вносить важные дополнения в существующие разработки, а также получать новые интерпретации на основе данных погребальных комплексов.

Для анализируемого хронологического среза одним из основных типов погребальных памятников являлись грунтовые могильники с захоронениями в катакомбах. Исследование катакомбных могильников началось с эпизодических раскопок дореволюционного периода и продолжается до настоящего времени. Именно на примере этой группы памятников прослеживается рост количества выявленных погребальных сооружений. Так, если в работе В. А. Кузнецова были отражены сведения о 20 могильниках, то в исследовании Д. С. Коробова анализировался материал уже 1111 катакомбных погребений из 103 могильников, а в настоящее время количество открытых катакомбных погребений постоянно растет (Кузнецов, 1962. С. 13–32; Коробов, 2003. С. 11; Ковалевская, 2005. С. 151).

Погребальный обряд катакомбных могильников анализировался в трудах В. А. Кузнецова, В. Б. Ковалевской, М. П. Абрамовой, Т. М. Минаевой, Г. Е. Афанасьева, А. П. Рунича, Т. А. Габуева, Ю. С. Гаглойти, В. Ю. Малашева, Д. С. Коробова, С. Н. Савенко, Х. М. Мамаева, А. А. Сла-

нова и др. (Кузнецов, 1962; Абрамова, 1993; Минаева, 1965, Ковалевская, 2005; Афанасьев, 1993; Афанасьев, Рунич, 2001; Габуев, Малашев, 2009, Коробов, 2003; 2019; Савенко, 2017; Мамаев, 1988; Гаглойти, 1992; 1995; Сланов, 2007).

В работах исследователей поднимались различные вопросы, связанные с катакомбными погребениями: от публикаций отдельных погребальных комплексов, до фундаментальных построений, охватывающих этнокультурные и социально-политические процессы, протекавшие в среде средневековой аланской культуры.

Одним из основных и дискуссионных до настоящего времени, является вопрос о генезисе катакомбного погребального обряда аланской культуры. В настоящее время существует две основные точки зрения на эту проблему. Первая версия была предложена М. П. Абрамовой и получила развитие в работах В. Ю. Малашева. Согласно ей, обряд складывался из двух компонентов: местного, центральнокавказского (катакомба), и степного (курганная насыпь, ровик). Вторая точка зрения высказана Т. А. Габуевым, который считает, что весь комплекс обрядовых черт привнесен мигрантами-аланами (Габуев, Малашев, 2009. С. 147).

Мы не будем подробно вдаваться в вопрос происхождения ранних катакомб. Отметим, что уже в период после гуннского нашествия катакомбный обряд активно распространялся как в пределах зоны предгорий, так и проникал в горную зону. Особенно отчетливо продвижение носителей катакомбного обряда в горы выражено в Северной Осетии и прослеживается по материалам могильников Чми, Балта, Гоуст, Тарский, Верхний Ларс, Архон, Садон, Алагир, Кобань, Камунта, Гусара I, Дагом, Даргавс, что делает именно эту территорию эпицентром

распространения катакомбного обряда на Центральном Кавказе (Кузнецов, 1997. С. 161) (рис. 1). В свете этого материалы Даргавского некрополя приобретают важное значение, как источника для изучения населения горной зоны Центрального Кавказа в период VII–XII вв. (рис. 1–5).

В течение двух последних десятилетий XXI в. на территории Северного Кавказа проводятся активные полевые исследования, в том числе и работы новоостроечных экспедиций на различных могильниках аланской культуры. В свете этого становится актуальной публикация на современном уровне материалов новых исследований, в значительной степени дополняющих наши знания о погребальном обряде средневекового населения. Удачными примерами таких работ являются недавно вышедшие монографии Э.Ю. Шестопаловой, посвященные изучению древностей Дагомского могильника, а также введение в научный оборот материалов раскопок большого участка Змейского могильника М.А. Бакушевым и А.С. Леонтьевой (Шестопалова, 2018; Бакушев, Леонтьева, 2020).

Описание каждого исследованного погребального комплекса Даргавского катакомбного могильника представлено в монографии Р.Г. Дзаттиты «Аланские древности Даргавса» (Дзаттиты, 2014), однако автор не ставил своей задачей проводить подробный анализ погребального обряда этого памятника.

В работе Р.Г. Дзаттиты опубликовано 75 комплексов из камер катакомб (согласно нумерации в книге, комплексов 78, но катакомбы №№ 5, 29, 30, по свидетельству автора, оказались карстовыми провалами). Особенностью авторского подхода является то, что, при наличии в катакомбе нескольких камер, все они обозначены как отдельные самостоятельные катакомбы и имеют сквозную нумерацию. В данной работе мы рассмотрим погребальный обряд этого некрополя и при описании будем придерживаться позиции, обозна-

ченной в работах специалистов, занимавшихся особенностями катакомбных погребений аланской культуры: погребальные сооружения с одной входной ямой и несколькими камерами будут считаться единым сооружением – многокамерной катакомбой (Габуев, 1988; Коробов, 2003; Мамаев, 1988).

Для подробной характеристики планировки могильника в настоящее время недостаточно данных, но, как показывают многолетние исследования памятника, здесь могла существовать рядная планировка катакомб, при этом плотность погребальных сооружений была достаточно высокой, на это указывают нарушения целостности камер соседних катакомб (рис. 6, 7).

В настоящее время на поверхности отсутствуют какие-либо маркеры местоположения погребальных комплексов, но в период функционирования могильника входные ямы катакомб отмечались речными камнями, в ряде случаев зафиксирована небольшая выкладка, сложенная из речных камней, в одном случае выявлена каменная обкладка вокруг входной ямы (Дзаттиты, 2009. Табл. II). Однако наличие случаев «перерезания» одних катакомб другими указывает на то, что подобная маркировка или утрачивалась со временем, или была сделана не для каждого погребения.

Катакомбные погребения. Погребения в катакомбах во время функционирования могильника в период VII – начала XIII в.⁶ являлись основным погребальным сооружением у населения Даргавской котловины. В анализируемой нами выборке в основе всех погребальных сооружений лежит катакомба с перпендикулярным расположением длинных осей камеры и входной ямы (Т-образная), а «базовой» конструкцией катакомбы являлась Т-образная конструкция с трапециевидной входной ямой и овальной камерой. Только в одном случае (кат. № 3) длинные оси камеры и входной ямы на-

⁶ К XIII в. относится только ряд предметов из катакомбы № 1

ходились на одной линии. Все катакомбы Даргавса разделяются на однокамерные и многокамерные (количество камер варьирует от 2 до 4) (рис. 14).

Для характеристики ориентировки катакомб использовалось направление длинной оси входной ямы. Большинство катакомб Даргавского могильника было ориентировано в широтном направлении, что совпадает с направлением увеличения крутизны склона (рис. 4, 6, 7). Большинство однокамерных катакомб было ориентировано таким образом, что камера располагалась выше по склону относительно входной ямы и примыкала к ней с западной стороны. Данный признак явился важным фактором при определении очередности создания дополнительных камер в многокамерных погребальных сооружениях. Первой и основной камерой являлась та, которая располагалась выше по склону, также дополнительно могла быть сооружена еще одна камера в задней (относительно длинной оси) или в боковых стенках входной ямы. При сооружении дополнительной камеры в задней стенке ее длинная ось располагалась перпендикулярно длинной оси входной ямы, т.е. сохранялся принцип Т-образной конструкции погребального сооружения. Камеры в боковых стенках были ориентированы в том же направлении, что и входная яма. Учитывая ориентировку большинства анализируемых погребальных сооружений Даргавского могильника, основополагающим фактором в её выборе являлось направление крутизны склона, а не определенная сторона света. Только в одном случае основная камера катакомбы была ориентирована вниз по склону – на восток.

Входные ямы. Входные ямы как в однокамерных, так и в многокамерных погребальных сооружениях не отличаются (рис. 14, 18–22, 26, 27). Для всего периода функционирования могильника характерны входные ямы трапециевидной (30) или прямоугольной (5) в плане формы, в основном со скругленными углами. При трапециевидной форме ямы погребальная камера находилась со стороны более

широкой торцевой стенки (в многокамерных катакомбах у более широкой стенки находилась основная и первая по времени сооружения камера). Протяженность ямы по продольной оси варьируется в пределах 1,5–2,5 м при ширине 0,5–0,8 м (рис. 15, 1). Стенки у ям ровные, иногда с небольшим сужением ко дну. Пол большинства входных ям наклонен в сторону основной погребальной камеры параллельно центральной длинной оси входной ямы. Наличие ступенек в целом не характерно для входных ям могильника, ступеньки на дне ямы зафиксированы только в двух случаях (кат. №№ 1 и 43, 44), также в одном случае (кат. №№ 97, 98) в задней стенке ямы прослежены углубления, которые по всем признакам использовались в качестве опоры для спуска во входную яму. Возможно, такие ступеньки использовались чаще, но не всегда были прослежены при раскопках (рис. 27).

Вход в погребальную камеру закрывался одной или несколькими крупными сланцевыми плитами, поставленными вплотную одна к одной, иногда заклад из плит укреплялся несколькими валунами среднего размера, а опорные углы основной плиты – мелкими камнями и плитками (рис. 18–27).

Заполнение входных ям представлено плотным перемешанным с материковым слоем суглинком (глина, глина с включениями мелкого камня), т.е. для засыпки ямы использовался грунт, полученный в процессе создания погребального сооружения. Как показали стратиграфические наблюдения, часть грунта, оставшегося при обратной засыпке, укладывалась по краю ямы, образуя небольшие выкиды.

Необходимо отметить, что наличие различных предметов материальной культуры во входной яме (например, сосуда у входа в камеру) для катакомб Даргавского могильника в целом не характерно. Только в одном комплексе (кат. № 1) на второй ступеньке входной ямы были установлены большие глиняные сосуды (*Дзаттиаты*, 2014. Табл. II).

Единичным случаем является выявленное у задней стенки входной ямы (кат.

№ 28) захоронение части костяка лошади. Во входной яме была захоронена передняя часть туши лошади без черепа, часть костяка покоилась на животе с вытянутыми вперед передними ногами, вместе с костяком лошади во входной яме обнаружены пара стремян и удила со стержневидными псалиями (Дзаттиаты, 2014. Табл. LXI).

Дромосы. На территории могильника выявлены катакомбы, как с выраженным дромосом, так и без него (рис. 14, 23, 24). Для катакомб с выраженным дромосом прослежены входные ямы обеих форм, тогда как отсутствие выраженного дромоса более характерно для катакомб с входными ямами прямоугольной формы. Форма лаза во всех случаях могла быть различной: зафиксированы лазы арочной, округлой, прямоугольной или неправильной формы.

Для подавляющего числа исследованных катакомб Даргавского могильника характерно наличие хорошо выраженной ступеньки в месте перехода дромоса в камеру, таким образом, уровень пола в погребальной камере располагался ниже уровня пола входной ямы (рис. 23, 24). В одном случае высота данной ступеньки достигала 105 см (кат. № 1) (рис. 15, 5).

Камеры. В исследованных погребальных комплексах Даргавского могильника были выявлены погребальные камеры разной формы: 57 камер имеют овальную форму, 8 – подовальную, 6 – круглую, 2 прямоугольную, 1 – квадратную. В одном случае камера разрушена (кат. № 74), и её форма не ясна (Рис 14). У части погребальных камер свод был обрушен, форму свода и его высоту удалось проследить только в 22 случаях, высота свода варьируется в пределах от 0,78 до 1,42 м. В 10 случаях свод повышается от входа к задней стенке камеры (рис. 23, 1; 24, 25, 1, 26, 27), а в 12 понижается (рис. 23, 2, 25, 2). Как понижающиеся, так и повышающиеся своды камер характерны для всего времени функционирования могильника. Камеры с понижающимся сводом чаще фиксировались в комплексах второй половины VII – начала VIII в. и второй по-

ловины VIII–IX вв. Тогда как камеры с вынесенным вверх сводом чаще встречены в катакомбах второй половины VIII–IX вв. и датируются более поздним временем. Однако следует отметить, что четкой хронологической смены одного типа свода другим не прослеживается, по-видимому, та или иная форма свода камеры могла зависеть и от ряда других факторов, в том числе, от индивидуальных условий грунта при подготовке каждой погребальной камеры.

Пол во всех камерах ровный, переход от стенок к полу хорошо выражен. При исследовании камеры катакомбы № 97 на всех её стенках были зафиксированы следы от орудий, используемых во время создания камеры. Следы представляют собой продольные желобки, сделанные под небольшим углом. Вероятно, для выборки грунта и оформления свода будущей погребальной камеры использовался инструмент с нешироким лезвием (типа мотыжки).

В 5 камерах были зафиксированы ниши, представляющие собой небольшие углубления, сделанные в одной из боковых стенок, располагающиеся как на уровне основного пола камеры, так и несколько выше него (рис. 18, 1). В нишах обнаружены разнообразные предметы погребального инвентаря. В одной камере было выявлено углубление при входе, а еще в одной зафиксирована невысокая земляная ступень в головах погребенных.

Таким образом, достоверно однокамерными можно считать 28 катакомб, и отнесение еще двух комплексов к этой разновидности находится под вопросом (рис. 14). Среди однокамерных сооружений выделяются катакомбы с выделенным и без выделенного дромоса, при этом отсутствие выделенного дромоса более характерно для катакомб с прямоугольной входной ямой.

Входная яма трапециевидной формы была наиболее распространенной у однокамерных катакомб. Погребальная камера во всех случаях была сделана в более широкой торцевой стенке. Для однокамер-

ных катакомб с трапециевидной входной ямой были зафиксированы все встречающиеся на могильнике формы погребальных камер. В 2 случаях камера была подпрямоугольной формы, в 5 округлой, в 17 овальной. Для однокамерных катакомб с прямоугольной входной ямой характерна только камера овальной формы (4 случая).

Подавляющее число погребальных камер однокамерных катакомб ориентировано перпендикулярно длинной оси входной ямы, только в одном случае (кат. № 50) камера подпрямоугольной формы была развернута и ориентирована одним из углов к входу (рис. 19, 2).

К многокамерным погребальным сооружениям относится 16 комплексов⁷ (32 камеры), из них 11 – двухкамерных, 1 – трехкамерная, 1 – четырехкамерная, 1 – многокамерная и многоуровневая. Количество камер в 2 случаях точно не устанавливается (у камер 32 и 33 не исследована входная яма, а камеры 6, 7 и 8 расположены таким образом, что данная катакомба могла являться четырехкамерной) (рис. 14).

Прослежены как трапециевидные, так и прямоугольные формы входных ям двухкамерных катакомб. В одном случае (кат. №№ 43, 44) пол входной ямы был выполнен в виде трех ступеней, в остальных входных ямах пол имел выраженный уклон в сторону основной погребальной камеры (рис. 14, 1, 21, 1). Расположение погребальных камер идентично, вне зависимости от формы входной ямы. Выделяется два варианта расположения камер: 1 – основная и дополнительная камера расположены в торцевых стенках входной ямы, т.е. камеры находятся на одной линии с длинной осью входной ямы (рис. 22, 25, 2); 2 – основная камера находится в торцевой, более широкой стенке входной ямы, дополнительная сделана в одной из боковых стенок (рис. 21, 25, 1). Подавляющее большинство погребальных

камер овальной формы, округлая камера была выявлена только в 2 комплексах, где она была основной. Все двухкамерные катакомбы имели выделенный дромос и выраженную ступеньку при переходе дна входной ямы к камере.

При первом варианте расположения погребальных камер длинная ось основной и дополнительной камеры располагалась перпендикулярно длинной оси входной ямы. В катакомбах второго варианта длинная ось основной камеры располагалась перпендикулярно, а боковой камеры (дополнительной) – параллельно длинной оси входной ямы. Таким образом, в обоих вариантах двухкамерных катакомб в основе сохранялся принцип Т-образного погребального сооружения. Ориентировка таких погребальных конструкций в большинстве случаев совпадает с однокамерными катакомбами – основная погребальная камера располагалась выше по склону относительно входной ямы. Только в одном случае (кат. №№ 55, 56) основная камера была ориентирована вниз по склону.

К трехкамерным катакомбам, вероятно, относится катакомба № 17, к сожалению, она исследована не полностью, была зафиксирована только одна погребальная камера и частично расчищена входная яма. Погребальная камера овальной формы была сделана в торцевой стенке входной ямы и ориентирована вниз по склону, это позволяет нам предполагать, что данная камера являлась не основной для катакомбы. Также при расчистке входной ямы в противоположной торцевой стенке (расположенной выше по склону) были выявлены и частично прослежены две сланцевые плиты, лежащие горизонтально одна на одной. Подобное положение плит указывает на то, что они, скорее всего, провалились внутрь погребальной камеры, которая и являлась основной для рассматриваемого погребального сооружения. Еще одна сланцевая плита стояла

⁷ При характеристике многокамерных катакомб мы используем термин «основная камера», под которым подразумевается камера, расположенная выше по склону (такое расположение характерно для классических однокамерных катакомб); остальные камеры подразделяются на нижнюю и боковые.

вертикально вплотную к южной (боковой) стенке входной ямы, данная плита закрывала вход в третью (боковую) камеру.

Единичным задокументированным случаем четырехкамерного погребального сооружения являются катакомба № 35–38 (рис. 14, 1, 26). Необходимо отметить сложность и многоплановость этого погребального комплекса, использовавшегося в течение довольно длительного времени. Входная яма катакомбы трапециевидной формы, пол её имел уклон в сторону основной камеры. Все погребальные камеры катакомбы овальной формы, были сделаны в каждой стенке входной ямы и в каждом случае переход к погребальной камере имел выраженный дромос. Погребальные камеры №№ 36 и 35 были поперечными, т.е. длинная ось камеры была перпендикулярна длинной оси входной ямы, а камеры №№ 37 и 38 располагались параллельно длинной оси входной ямы.

Отдельным вариантом многокамерных катакомбных погребений является комплекс катакомб №№ 97 и 98 Даргавского могильника, исследованный экспедицией Института археологии РАН в 2019 г. Во время начального этапа раскопок указанные катакомбы воспринимались как два самостоятельных объекта: однокамерной катакомбы № 97 и более поздней двухкамерной катакомбы № 98 (рис. 7, 27). Однако изучение стратиграфии и планиграфии катакомб позволило установить, что их камеры были сооружены с использованием одной входной ямы трапециевидной формы. Сначала была сооружена катакомба № 98, основная её камера округлой формы, боковая – овальной, ориентировка и положение обеих камер катакомбы характерны для большинства многокамерных сооружений Даргавского могильника. Затем в задней части входной ямы был сделано углуб-

ление, из которого впущена камера катакомбы № 97, причем она не нарушила предшествующую ей конструкцию и пол передней части входной ямы. Как показал анализ погребального инвентаря, хронологический разрыв между катакомбами №№ 97 и 98 относительно небольшой и это позволяет допустить, что катакомбы были сооружены с точным учетом местоположения друг друга. Эти факты позволяют утверждать, что исследованные погребальные сооружения могли быть единым комплексом, являющимся многокамерной и многоуровневой катакомбой.

Погребенные в камерах. В камерах зафиксированы как одиночные, так и коллективные захоронения. Из-за плохой сохранности не всегда удавалось проследить точное количество погребенных индивидов, их положение, а также половозрастные различия.

В 13 камерах находились индивидуальные погребения, а в 61 камере были выявлены коллективные захоронения 2 и более человек. Всего обнаружено не менее 185 погребенных: взрослые и подростки – 154 индивида, дети – 18 индивидов⁶. В камерах было зафиксировано от 1 до 5 погребенных. Погребенные могли быть уложены непосредственно на дно погребальной камеры, а также фиксируются тлены от подстилок из органических и минеральных материалов.

Важной и показательной чертой для характеристики погребального обряда является ориентировка погребенных. Для Даргавского могильника ориентировка погребенных не приурочена к сторонам света, а была напрямую связана с ориентировкой конкретной погребальной камеры (или погребальных камер, в случае многокамерного захоронения) катакомбы, а также зависела от направления возрастания крутизны склона и наличия других погребенных в камере.

⁶ Следует отметить, что для подавляющей части погребальных комплексов Даргавского могильника (кроме катакомб №№ 97 и 98, исследованных в 2019 г.) квалифицированной антропологической экспертизы не проводилось, приводимые в настоящей работе половозрастные определения выполнены на основе «инвентарного» контекста каждого погребения, что вносит определенный уровень условности в предлагаемые выводы.

Подавляющее большинство погребенных уложено головой влево от входа в погребальную камеру (74% погребенных), значительно меньше головой вправо от входа (19%), единичны случаи, когда погребенные лежали головой к входу (3%) или к задней стенке погребальной камеры (4%) (рис. 17, 1).

В многокамерных катакомбах в основных камерах погребенные укладывались головой влево от входа, а лицевой частью черепа были обращены к входу, вариативность наблюдается только у индивидов, захороненных последними (они могли укладываться головой вправо от входа, лицом внутрь камеры, единичны положения головой или ногами к входу). В боковых камерах погребенные устойчиво ориентированы головой вверх по склону. Наибольшая вариативность положения умерших наблюдается в камерах, расположенных в нижней торцевой стенке входной ямы. В таких погребальных камерах индивид, погребенный в скорченном положении последним, был ориентирован преимущественно лицевой частью черепа вверх по склону, в сторону основной камеры.

Поза погребенного. В связи с тем, что в части исследованных катакомб кости или практически полностью истлели, или были сдвинуты при последующих подхоронениях, достоверно судить о позе погребенных мы можем только в 60 случаях.

Поза, при которой погребенный лежит на спине, разделяется на 6 основных вариантов в зависимости от положения ног: обе ноги в вытянутом положении; одна нога вытянута, вторая согнута в коленном суставе; ноги сведены в стопах; ноги перекрещены в районе голени; одна нога находится в вытянутом положении, вторая согнута в коленном суставе, таким образом что голени перекрещены; обе ноги сильно согнуты в коленях (скорчено на спине). Для рук были зафиксированы следующие позиции: вытянуто вдоль туловища; одна рука находилась в вытянутом положении, вторая согнута в локтевом суставе под тупым или прямым углом, кисть покоилась в области

таза; одна рука находилась в вытянутом положении и лежала параллельно оси скелета, вторая слегка отведена в сторону; обе руки сильно согнуты в локтях. Кисти покоились на груди. Таким образом, если совместить положение рук и ног, то мы получим 9 вариантов поз погребенных, лежащих на спине (рис. 17, 3).

Поза скорчено на правом или левом боку. Для данной позы ноги могут быть согнуты под прямым или тупым углом и лежать одна рядом с другой; ноги согнуты в коленях, голени перекрещены; ноги сильно согнуты в коленях и поджаты к туловищу. Для рук характерно единое положение – одна находилась в вытянутом положении, вторая рука была согнута в локтевом суставе под тупым, прямым или острым углом. Если погребенный покоился на правом боку, то правая рука лежала в вытянутом положении, а левая была согнута, при положении погребенного на левом боку – левая в вытянутом положении, правая согнута. При соотношении положения рук и ног мы можем выделить 4 варианта позы скорчено на боку (рис. 17, 3).

Как мы видим, наиболее распространенной позой для катакомбных захоронений могильника является поза вытянуто на спине с вытянутыми вдоль туловища руками и ногами, лежащими параллельно (25 случаев), в 9 случаях погребенный покоился на спине с вытянутыми ногами, одной вытянутой и одной согнутой в локтевом суставе рукой. В 4 случаях погребенный лежал вытянуто на спине, ноги были сведены в районе стоп. По 2 случая зафиксировано для варианта одна нога вытянута, вторая слегка согнута в коленном суставе. Все остальные варианты позы вытянуто на спине встречены по 1 разу.

Для поз на боку наиболее встречаемо положение скорчено на правом боку, в 10 случаях ноги были согнуты почти под прямым углом, левая рука согнута под тупым или прямым углом, правая лежала вытянуто вдоль туловища, в 2 катакомбах погребенные лежали на правом боку с ногами перекрещенными в голених, единичным является сильно скорченное

положение на правом боку, а также поза скорчено на левом боку.

Важной особенностью погребального обряда является размещение погребального инвентаря в пространстве камеры катакомбы и относительно скелета погребенного. Из-за многократного использования большинства камер катакомб часть сопровождающего инвентаря оказалась перемещенной, поэтому его первоначальное положение и принадлежность к тому или иному индивиду не восстанавливается. Но в тех случаях, когда удавалось зафиксировать непо потревоженный комплекс *in situ*, большая часть сопровождающих предметов имела определенный порядок. Наиболее устойчивое местоположение фиксируется для керамики, предметов вооружения, украшений и составляющих одежды (более подробно расположение тех или иных предметов погребального инвентаря рассматривается в разделе, посвященном характеристике материальной культуры могильника).

Характерно, что мужской инвентарь (предметы вооружения, поясные наборы) в основном коррелирует с индивидами, лежащими вытянуто на спине, а женский (украшения, специфические бытовые предметы) – с погребенными, покоящимися скорчено на боку, но бывают и исключения: иногда вытянуто на спине уложены погребенные с характерным женским инвентарем.

Таким образом, всю совокупность анализируемых катакомбных погребений Даргавского могильника можно разделить на 5 хронологических этапов. К первому этапу (VII – первая половина VIII в.) относится 19% катакомб, для этого периода характерны только однокамерные усыпальницы с трапециевидной входной ямой, выделенным дромосом, овальной или прямоугольной камерой. Ко второму этапу (вторая половина VIII–IX вв.) относится наибольшее число погребальных комплексов – 42%, погребальные сооружения представлены всеми типами катакомб, зафиксированных на этом памятнике, также в это время появляются и начинают распространяться многока-

мерные сооружения. К третьему этапу (конец IX–X вв.) отнесено 10% захоронений, которые представлены однокамерными и многокамерными сооружениями с округлой и овальной камерой. Такие же комплексы характерны для четвертого этапа (конец X–XI вв.) – 11%, к пятому этапу (вторая половина XI–XII вв.) относится небольшое количество захоронений (2%), представленных многокамерными катакомбами (рис. 16).

Остальные комплексы имели более широкую датировку или были без инвентаря. Часть погребальных комплексов не может быть ограничена рамками какого-либо одного из вышеперечисленных хронологических периодов, поскольку они использовались в течение длительного времени. Ярким примером такого комплекса является 4-х камерная катакомба, первые погребения в которой были совершены во второй половине VIII – начале IX в., а последние – в X веке. Схожая ситуация прослежена и для многокамерного и многоуровневого комплекса катакомб №№ 97 и 98 (Успенский, Дзаттиаты, 2016. С. 166; Успенский, Албегова, Свиркина, 2020. С. 155–156).

Наибольший процент погребений, приходящихся на период с конца VIII–IX вв., безусловно, может быть связан с неравномерностью изученности довольно большой территории некрополя. Однако большое количество погребальных комплексов этого времени, совершенных на разных участках памятника, указывает на определенное увеличение численности населения в Даргавской котловине в обозначенный период. Как показывает анализ параметрических характеристик камер катакомб, могла существовать определенная норма площади погребальной камеры. Изначально они сооружались как многократно используемая усыпальница, что демонстрируют наиболее ранние захоронения (VII – первой половины VIII в.). Позже, в условиях дефицита территории, одним из способов для увеличения площади в многократно используемой катакомбе (являющейся по видимому родовой или семейной усыпальницей) становит-

ся сооружение дополнительных камер, что также косвенно указывает на благоприятную демографическую ситуацию. Кроме этого, создание многокамерных погребальных комплексов позволяло экономить площадь земельных угодий, входивших в ресурсную зону поселения, расположенного в горной зоне.

Таким образом, на сегодняшний день Даргавский могильник может считаться одним из основных памятников, отражающих развитие средневековой аланской культуры в горной зоне Центрального Кавказа в период VII–XII вв. Выделенные периоды связаны с общими вехами жизни аланского общества. Первый период функционирования некрополя приходится на миграцию аланского населения в горную зону. Оформление и расцвет культуры здесь происходит в VIII–IX вв., именно в это время могильник функционировал наиболее активно. В период X–XII вв. количество погребальных комплексов заметно сокращается, что может быть объяснено оттоком населения из Даргавской котловины на равнину, и связано с новым этапом аланской истории.

Захоронения лошадей. Помимо катакомб, на территории Даргавского некрополя исследовано 9 захоронений лошадей в ямах, синхронных катакомбным комплексам (приложение 3) (рис. 28, 29). Такие захоронения могли являться как сопровождающими для определенных катакомбных захоронений, так и отдельными погребениями боевых коней. Только в одном случае кости лошади были выявлены во входной яме катакомбы № 28 (данный комплекс рассмотрен выше). По всей площади могильника захоронения лошадей выявлены на разных участках, 5 комплексов находились в промежутках между катакомбами (рис. 6, 1). Безынвентарные захоронения лошадей №№ 1 и 2 располагались вблизи катакомбы № 1, учитывая наличие к северу от входной ямы катакомбы тайника с предметами парадного конского убранства (конский начальник, богато украшенное седло, серебряные бляхи и др.) оба захоронения лошадей могут являться единым комплексом вме-

сте с катакомбой № 1. С большой долей уверенности можно считать захоронение лошади № 4 как сопровождающее для катакомбы № 47, оно располагалось в 1,4 м к ЮВ от данной катакомбы. В камере катакомбы с одним из погребенных был выявлен представительный набор вооружения, включавший саблю, топор, наконечник копья, а также несколько наконечников стрел.

Захоронение лошади № 5 располагалось между катакомбами №№ 48 и 50, а яма с парным захоронением лошадей № 9 выявлена вблизи катакомбы № 57, невыразительный погребальный инвентарь вышеназванных катакомбных погребений не позволяет уверенно связать описываемые захоронения лошадей ни с одной из них.

Захоронения лошадей №№ 6, 7 и 8 были выявлены отдельной группой, в центральной части могильника, они располагались на одной линии, примерно на равном удалении друг от друга, а катакомбы в непосредственной близости от ям с захоронениями лошадей не выявлены.

Все погребения лошадей совершены в ямах, форма ямы в 7 случаях была подпрямоугольной, в 1 – овальной. Глубина ям от 1,6 до 2,6 м от современной дневной поверхности, средние размеры ям 2,0×0,5 м. Все ямы по длинной оси были ориентированы в широтном направлении, иногда с сезонными отклонениями к северу или югу. Следует отметить, что ориентировка всех могильных ям с захоронениями лошадей совпадает с генеральной ориентировкой входных ям катакомб.

В 5 комплексах могильная яма дополнялась тайником, сделанным в одном из углов, торцевой или боковой стенках. В 2 случаях тайник находился в южной боковой стенке ямы, еще в 2 в ЮЗ углу ямы, в 1 – в западной торцевой стенке ямы. В яме захоронения лошади № 5 выявлено два тайника, один расчищен в западной торцевой стенке, второй – в южной боковой. Следует отметить, что все тайники были расположены на некоторой высоте над дном могильной ямы (рис. 29).

В 7 ямах было выявлено по одному костяку лошади, яма захоронения лошади № 9 содержала парное погребение (рис. 28, 3). В индивидуальных захоронениях костяки покоились на правом или левом боку с подогнутыми к туловищу ногами (по 1 случаю), в 5 комплексах костяки лошадей лежали на животе с подогнутыми ногами. В единственном парном захоронении оба костяка были уложены на живот, вплотную друг к другу. Все без исключения лошади были ориентированы черепом в западном направлении (вверх по склону), иногда с небольшими отклонениями.

Погребальный инвентарь был обнаружен в 6 захоронениях лошадей, 2 комплекса были полностью безынвентарными. Все предметы инвентаря располагались в тайниках единым скоплением. Следует отметить, что в сопровождающем инвентаре захоронений лошадей были обнаружены только предметы конского снаряжения, в том числе, составляющие парадного убранства. Отсутствие тех или иных предметов упряжи непосредственно у костяка лошади позволяет предполагать, что в захоронение лошадь помещалась невзнузданной и неоседланной.

Расположение Даргавского катакомбного могильника устойчиво согласуется с другими синхронными памятниками горной и предгорной зоны Центрального Кавказа, что свидетельствует о существовании у населения определенных «стандартов» в выборе места для будущего некрополя. Направление входных ям катакомб и ориентировка самих камер напрямую зависели от топографии местности (Ковалевская, 2005. С. 153).

Тарский могильник располагался на довольно пологом отроге Тарского хребта, территория могильника была ограничена с двух сторон небольшими речками, вытекающими с обеих сторон отрога и впадающими в р. Камбилеевку (Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. С. 259). В сходных с Даргавсом природно-географических условиях расположен Дагомский могильник, занимающий надпойменные террасы между селами Цамад

и Дагом. Территория Дагомского могильника в течение многих столетий использовалась как погребальное поле, обнаруженные здесь захоронения датируются от эпохи бронзы до нового времени, рассматриваемые нами средневековые катакомбные погребения выявлены на двух террасах общей протяженностью 500–600 м (Шестопалова, 2018. С. 11). Общий перепад высот на склонах крутого холма, занятого могильником Чми-Суаргом в устье р. Суаргом, достигает 10 м (Ковалевская, 1982. С. 2).

В целом, перечисленные особенности расположения характерны для большинства катакомбных могильников, известных на территории современной Северной Осетии и других регионов Северного Кавказа. В частности, крупный катакомбный могильник Мокрая Балка находится в окрестностях г. Кисловодска, на левом склоне Мокрой Балки, являющейся правым притоком р. Аликоновки (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 15) (рис. 8, 9). Могильник занимает обширное пространство довольно крутых склонов реки. Топография Мокрой Балки подтверждает мысль, впервые высказанную Т.Е. Минаевой, что аланские некрополи распространялись сверху-вниз и самым ранним было погребение, совершенное в наиболее высокой части Центрального холма, исследованное Г.Е. Афанасьевым (Ковалевская, 2005. С. 153). По материалам Даргавского могильника такой вывод подтверждается частично, одна из ранних катакомб (№ 11, конец VI – первые десятилетия VII в.), а также близкие ей по времени катакомбы 9 и 10 находились выше по склону, чем более поздние погребения, при этом комплекс ранней катакомбы 27 был выявлен в центральной части могильника. На сегодняшний день для решения вопроса о развитии могильника во времени недостаточно данных, поскольку площадь к западу от хорошо исследованной центральной части могильника остается белым пятном.

Расположение катакомб на склонах холмов и отрогах гор сформировало зависимость ориентировки погребального сооружения от направления возрастания

крутизны склона. Эту особенность неоднократно отмечали исследователи, по этой причине фиксируется примерно одинаковое процентное распределение ориентировок входных ям грунтовых катакомб по сторонам света (Коробов, 2003. С. 43). Для Даргавских усыпальниц преобладает широтная ориентировка, среди захоронений Чми-Суаргом – меридиональная (рис. 10), в Дагомском могильнике с преобладанием меридиональной ориентировки зафиксированы входные ямы, расположенные по линии запад-восток (рис. 11) (Ковалевская, 2005. Рис. 37; Шестопалова, 2018. Рис. 8). На исследованном участке могильника Гусара I также прослежена меридиональная ориентировка (Кадзаева, Канукова, 2020. Рис. 2, А). К сожалению, для многих катакомбных погребений мы не располагаем точными сведениями об ориентировке входной ямы из-за сохранности погребений или их неполного исследования.

Обращаясь к ориентировке грунтовых погребальных сооружений в могильниках Среднего Дона, оставленных аланскими общинами, переселившимися с территории Северного Кавказа, нельзя не отметить ее зависимость от направления склона. Так, большинство катакомб Дмитриевского могильника было ориентировано параллельно линии возрастания крутизны склона, а погребальные камеры располагались «выше по склону» относительно входной ямы (Плетнева, 1989. С. 68, рис. 89, 90).

Как уже отмечалось, проследить и подробно охарактеризовать планиграфию Даргавского могильника не представляется возможным, поскольку вскрытые катакомбы не исследовались методом сплошного раскопа. Однако имеющиеся данные позволяют говорить о существовании рядной планировки и высокой плотности погребальных комплексов.

Время начала функционирования Даргавского могильника приходится на период формирования целой группы погребальных памятников на Центральном Кавказе, таких как грунтовые могильники Чми, Садон, Архон, Дагом, Гусара

и др. (рис. 1). Для этого пласта памятников основным погребальным сооружением является Т-образная катакомба (Ковалевская, 2005. С. 152; Габуев, Малашев, 2009. С. 157). Погребальные комплексы большинства этих могильников, относящиеся к периодам V–VII вв. и в меньшей степени VIII–IX вв., были объединены в исследовании Д.С. Коробова в две территориальные группы: Восточная Осетия – Ингушетия (Балта, Фельдмаршалское, Верхний Алкун, Верхняя Кобань, Даргавс, Кирпичный завод, Тарский, Фуртуг, Харх и памятники в районе Чми); восточная Кабардино-Балкария, западная Осетия (Былым, Нижний Джулат, Архон, Галиат, Камунта, Садон, Хазнидон) (Коробов, 2003. С. 101, 103).

По основным параметрическим характеристикам распределение анализируемых даргавских катакомб выглядит следующим образом. Длина большинства входных ям изменяется в пределах 1,0–2,0 м (наибольшая длина входной ямы – 3,67 м), а их ширина – 0,6–0,7 м. В целом необходимо отметить меньшую ширину всех входных ям (наибольшее значение составляет 1,2 м). При наличии в большинстве случаев выраженного наклона пола в сторону погребальной камеры, катакомбы имели значительный перепад высоты между полом входной ямы и погребальной камеры (как в однокамерных, так и в многокамерных усыпальницах). По средним показателям этот перепад изменяется в пределах 0,25–0,5 м, наибольшее значение данного параметра – 1,05 м прослежено в катакомбе 1. У большинства катакомб длина камеры от 1,7 до 2,05 м, а ширина изменяется в пределах 1,1–1,6 м (рис. 15, 2).

Следует отметить, что указанные параметры характерны для большинства погребальных сооружений в течение всего периода функционирования катакомбного могильника, изменение тех или иных параметров в сторону увеличения/уменьшения под влиянием хронологического фактора отчетливо не прослеживается. Так, катакомба с наибольшей длиной входной ямы (3,67 м) относится

к первому периоду (VII – первая половина VIII в.), катакомба 1 с длиной входной ямы 3,25 датируется более поздним временем (IX – начало XI в.).

Наиболее схожие с материалами Даргавского могильника параметры входной ямы обнаруживаются в числе близких территориально могильников Тарский, Чми, Верхняя Кобань. Несколько более длинные входные ямы выявлены в Дагоме (3,25 м; 4,1 м; 7,62 м) и Гусаре, а также в Чми-Суаргоме (длина ямы достигала 8 м) (*Шестопалова*, 2018. С. 39; *Коробов*, 2003. С. 104). Среднюю длину входной ямы 1,5–2,5 м имели катакомбы могильников Кисловодской котловины (например, Мокрая Балка), однако необходимо отметить, что большинство погребений из этих памятников относится к V–VIII вв., а вопрос о наличии или отсутствии здесь материалов VIII–IX вв. является спорным. По мнению Г.Е. Афанасьева и Д.С. Коробова большинство катакомбных комплексов Кисловодской котловины не выходит за пределы середины VIII в. (*Коробов*, 2003. С. 92; *Афанасьев*, *Рунич*, 2001. С. 52–53). Среди памятников Центральной Чечни по длине входной ямы наиболее близки Даргавским усыпальницам катакомбы из Дуба-Юрта, Мартан-Чу 1 (1,0–1,5 м) и Чернореченского (1,5–2,0 м). Несколько большая длина характерна для Мартан-Чу 2 (3,0–3,5 м) (*Коробов*, 2003. С. 106–107). По ширине входной ямы большинство погребений из вышеперечисленных могильников не имеют значимых различий.

Достаточной устойчивым признаком являлась форма входной ямы, которая была или прямоугольной, или вытянуто трапециевидной, обозначенные формы прослежены в большинстве могильников V–VIII и VIII–IX вв. и продолжают фиксироваться в более поздних памятниках (X–XII вв.). Среди комплексов Мартан-Чу 1 входные ямы распределяются по форме примерно одинаково: прямоугольные – 57,9%, вытянуто-подтрапециевидные – 42,1%, здесь был наиболее распространен наклон дна ямы к входу катакомбы. В Змейском могильнике пре-

обладают прямоугольные ямы (70,8%), количество трапециевидных заметно сокращается (26,4%), также единичными случаями представлены прямоугольная с подовальными углами и сложноплановая (изогнутая под углом) ямы, последняя форма входных ям среди комплексов Даргавского могильника не выявлена (*Савенко*, 2017. С. 123, 124). Заметно отличались входные ямы могильника Архон, где они имели небольшую длину и ширину, а в плане более близки к окружности (*Пчелина*, 1963. Рис. VI, VIII).

По величине перепада между полом входной ямы и полом камеры погребения рассматриваемых могильников несколько отличаются, наиболее близки даргавским средним значениям (0,25–0,5 м) (рис. 15, 5) катакомбы Чми, Кирпичного завода (0,2–0,5 м), Дагома (0,15–0,50 м), Архона, Камунты, Садоны, Хазнидона (0,2–0,5 м), такая же высота ступеньки характерна для большинства памятников Центральной Чечни (Мартан-Чу 1 и 2, Шалажинские 1 и 2). Несколько большая высота ступеньки прослежена по материалам Кисловодской котловины (0,3–0,8 м), перепад до 1,0 м прослежен в Верхней Кобани и единичный случай известен среди даргавских усыпальниц. Меньшая высота ступеньки выявлена в Тарском могильнике и Али-Юрте (0,1–0,2 м) (*Коробов*, 2003. С. 94, 101–105, 107; *Шестопалова*, 2018. С. 41).

Для подавляющего числа катакомб Даргавского могильника характерно наличие выделенного дромоса небольшой длины, который условно можно именовать как невыразительный. Такой дромос выявлен в материалах большинства могильников горной зоны (например, Тарский, Дагом, Чми). В погребальных комплексах Архона зафиксированы дромосы длиной от 0,12 до 0,45 м, а также длиной свыше 0,6 м. В могильниках Кисловодской котловины длина дромоса (лаза) составляла 0,1–0,4 м, небольшая длина дромоса выявлена в могильниках VIII–IX вв. в Кабардино-Балкарии. Такие же размеры дромоса прослежены в синхронных по времени катакомбах Мартан-Чу 1 и 2 (*Коробов*, 2003. С. 94, 102, 107).

В более поздних комплексах (X–XII вв.) могильника Мартан-Чу 1 данные о длине дромоса практически отсутствуют из-за их полной обрушенности, дромосы небольшой длины выявлены в Змейском могильнике, Кольцо-Гора № 1 и среди катакомб Рим-Горы (Савенко, 2017. С. 123, рис. 32, 35, 39, 41, 46).

Катакомбы без выделенного дромоса для даргавских усыпальниц довольно редкий случай, подобные погребальные комплексы известны в могильниках Чми, Тарский, Али-Юрт, несколько катакомб Хазнидона и Архона также не имели выделенного дромоса. Отсутствие выделенного дромоса характерно для ряда катакомб Кольцо-Горы № 1 и Змейского могильника (Коробов, 2003. С. 102, 103; Савенко, 2017. Рис. 15, 25, 31).

На протяжении всего времени функционирования Даргавского катакомбного могильника наиболее распространенной формой погребальной камеры являлась овальная. Данная форма преобладала для большинства могильников VII–IX вв. горной и предгорной зон. Овальные камеры превалируют среди катакомб Чми, Дагома, Тарского, Архона, Гусары, Верхней Кобани (рис. 30, 31, 32) (Ковалевская, 2005. Рис. 37; Шестопалова, 2018. С. 40, 41; Каитемиров, Дзаттиаты, 1995. Табл VI, VII; Кадзаева, Канукова, 2020. Рис. 2А, 3).

В погребениях X–XII вв., например, по материалам захоронений Мартан-Чу № 1, также необходимо констатировать устойчивость в особенностях форм погребальной камеры, где преобладающей (96,4%) являлась овальная (подэллипсоидная). Аналогичная ситуация прослеживается и по данным Змейского могильника, где с овальными камерами были 92,9% усыпальниц (рис. 12). Большая вариабельность форм камер выявлена в могильнике Кольцо-Гора, но овальная форма здесь также основная (72,7%), а помимо овальных известны камеры подпрямоугольной, подтрапецевидной, округлой и подквадратной форм. Определенные различия в форме камер в плане прослеживаются в материалах Рим-Горы, здесь основными являлись прямоугольная (36,9%) и под-

квадратная формы (35,4%), тогда как усыпальниц с овальными камерами выявлено всего 2% (Савенко, 2017. С. 123–125).

Возвращаясь к рассматриваемым катакомбам Даргавского некрополя, необходимо отметить весьма низкую вариабельность формы погребальных камер, это прослеживается и по материалам большинства синхронных катакомбных могильников Центрального Кавказа. Овальная камера была более проста в технологическом плане, что могло являться одним из основных критериев «популярности» такой формы в течение продолжительного времени. Существующие варианты форм погребальных камер в средневековых катакомбных памятниках, особенно в могильниках горной зоны, по всей видимости, связаны не столько с культурными социальными или хронологическими различиями, сколько с наличием локальных особенностей (характер грунта, особенности рельефа и др.) при подготовке каждой камеры.

Количество камер с дополнительными элементами (ниши и т.п.) в Даргавском могильнике невелико. В Чми и Чми-Суаргоме ниши были зафиксированы в 15 случаях, в Дагомском могильнике ниши в стенах камеры были выявлены только в двух случаях, причем в одной камере (кат. № 1) было две ниши (рис. 31) (Шестопалова, 2018. С. 42). Довольно часто ниши и углубления в полу камеры фиксировались в могильниках Кисловодской котловины, а также в катакомбных захоронениях Среднего Дона (Дмитриевский, Нижнелубянский и Маяцкий могильники), но при этом отсутствуют в Ютановском и Верхнесалтовском (Коробов, 2003. С. 98, 105; Афанасьев, 1993. С. 82). Ни в одной из камер могильника Мартан-Чу 1 не было зафиксировано ни одного дополнительного элемента, что по мнению С.Н. Савенко, может являться этнокультурной особенностью этого памятника. В Змейском могильнике микродетали были более распространены, среди них выделяются подбои, углубления-желобки, припорожные ямы. В катакомбах Кольцо-Горы № 1 микродетали были редки (Савенко, 2017. С. 123–125).

В отношении погребальной камеры важным показателем является ее длина и ширина, общая площадь и площадь на одного погребенного. Как отмечает С.Н. Савенко, длина и ширина зависела от длины человеческого тела, а увеличение параметров могло быть связано с конкретными условиями и технологическими особенностями (Савенко, 2017. С. 127).

Длина большинства погребальных камер Даргавского могильника в среднем варьируется от 1,7 до 2,05 м, а ширина от 1,15 м до 1,5 м, при этом наименьшая зафиксированная длина и ширина составляют 1,0 м и 0,6 м соответственно, а наибольшая – 2,7 м и 2,05 м (рис. 15, 2). Анализируя эти показатели, интересным представляется распределение параметров длины и ширины катакомб по периодам функционирования могильника. Большинство катакомб укладывается в выше названные параметры длины и ширины камер, несколько особняком стоят камеры катакомб, относящихся к X–XI вв. (период 4). Данное распределение может указывать на то, что в течение всего периода функционирования могильника существовали определенные стандарты для размеров погребальной камеры, которых старались придерживаться строители при подготовке погребального сооружения.

Наиболее близкие показатели длины/ширины прослежены в Чми-Суаргоме (длина 1,6–2,5 м, ширина 1,3–1,8 м), в Садоне, Галиате и Хазнидоне длина 1,5–2,0 м, а ширина камеры в среднем составляет 1,2–1,6 м, несколько меньше в Хазнидоне (0,9–1,3 м) и больше в Архоне (1,4–2,0 м). Ширина камер Дагомского могильника составляла от 2,02 до 2,18 м, а длина от 1,38 до 2,03 м. Близки даргавским катакомбам показатели большинства могильников Кисловодской котловины, где размеры были стандартны и составляли 1,6–2,2 м в длину и 0,8–1,5 м в ширину. По параметру длины камеры Даргавского могильника близки большинству памятников Центральной Чечни, где она варьируется от 1,8 до 2,2 м, при этом по ширине наиболее близкие показатели выявлены в катакомбах Мар-

тан-Чу 1 и 2 и Чернореченского могильников (1,0–1,5 м) (Коробов, 2003. 102, 104, 107; Шестопалова, 2018. С. 41).

По площади погребальные камеры Даргавского могильника распределяются в среднем в диапазоне от 2,0 до 3,0 кв. м, при этом наибольшая зафиксированная площадь составила 4 кв. м (рис. 15, 3). При пересчете площади на одного погребенного средние показатели лежат в пределах от 0,9 до 1,45 кв. м (рис. 15, 4). В одиночных погребениях (13 комплексов) площадь камер распределяется в интервале 1,6–2,7 кв. м, при минимальном значении 0,6 кв. м, максимальном – 3,24 кв. м, при этом основная масса одиночных захоронений относится к первому и второму периодам функционирования могильника. Парные захоронения (14 комплексов) совершены в камерах, где средняя площадь на одного погребенного составляет 1,03–1,3 кв. м., минимальное значение – 0,87 кв. м, а максимальное – 1,4 кв. м. Большинство парных захоронений датируется VIII–IX вв. и более поздним временем. Всего выявлено 22 камеры с коллективными погребениями (3 и более индивидов), средняя площадь на одного погребенного в этих камерах измеряется в пределах 0,77–1,25 кв. м, при наименьшем значении 0,6 кв. м и наибольшем – 1,67 кв. м. Коллективные захоронения зафиксированы в течение всего времени функционирования некрополя. К сожалению, из-за отсутствия полноценных антропологических определений мы не можем точно проследить, какие показатели площади характерны для погребений мужчин и женщин.

Анализируя средневековые катакомбные погребения, С.Н. Савенко экспериментально было установлено, что средние минимальные показатели площади на одного погребенного для вытянутых женского и мужского захоронения составляли соответственно 0,74 и 0,86 кв. м, для скорченных на боку – 0,8 и 0,88 кв. м. Существенное отклонение от указанных параметров в сторону уменьшения являлось невозможным без изменения обряда (изменение позы, вторичные по-

гребения, расчленения и т.п.). Значительное отклонение от параметрических минимумов и оптимумов, по мнению исследователя, являлось результатом иррационально-сознательного подчеркивания отношения к погребенному и только в исключительных ситуациях могло быть бессознательным и случайным (Савенко, 2017. С. 127). Как мы видим, большинство индивидуальных погребений совершенно в камерах, площадь которых заметно превышает установленные минимальные значения, т.е. явно фиксируется наличие «избыточной площади». В парных и коллективных захоронениях площадь на одного погребенного уменьшается, однако практически не происходит заметного ее сокращения ниже установленной нормы. Погребальные камеры со схожим распределением площади характерны для могильников Кисловодской котловины V–VIII вв., несколько более высокие показатели площади прослежены по данным катакомб VIII–IX вв. могильника Архон, где для одиночных захоронений площадь находилась в интервале 3,58–5,1 кв. м, а в парных – от 1,22 до 1,96 кв. м. Близки данным Даргавского могильника показатели распределения площади камер таких памятников как Тарский, Чми, Чми-Суаргом, где также налично наличие «избыточной площади» в одиночных захоронениях, однако наблюдается меньшая площадь парных захоронений Даргавса в сравнении с усыпальницами Тарского и Чми-Суаргом (1,5–2,0 кв. м) (Коробов, 2003. С. 159, 170–171). В погребениях X–XII вв. Мартан-Чу-1 преобладающими значениями распределения площади на одного погребенного является интервал 0,7–1,36 кв. м, в выборке Змейского могильника, в интервале 1,51–1,74 кв. м находились погребения с единичными захоронениями, а самая большая площадь 7,48 и 8,17 кв. м зафиксирована в двух комплексах. Следует отметить, что для синхронных даргавских усыпальниц подобные значения не характерны. Увеличение площади, а также наличие большего количества погребений в катакомбах, приспособленных для

захоронения 2–3 человек, свидетельствует о тенденции более длительного использования однажды созданного погребального комплекса. Камеры с довольно большой площадью зафиксированы в могильнике Кольцо-Гора № 1. Значительно выше всех названных могильников площадь захоронений в Рим-Горе, где наибольшая составляет 18,1 кв. м, при распределении площади на одного погребенного большая часть камер группируется в пределах 0,89–3,11 кв. м, а большая часть катакомб с индивидуальными захоронениями имеет площадь 5,4–5,67 кв. м (Савенко, 2017. С. 129–131).

Приведенные данные свидетельствуют о том, что развитие Даргавского могильника в период VII – первой половины VIII в. согласуется с характеристиками катакомб большинства регионов Северного Кавказа. Для раннего этапа существования могильника характерно примерное равное соотношение одиночных и парных захоронений. Наличие в большинстве камер избыточной площади указывает на то, что она изначально предназначалась для дальнейшего погребения. Это заключение подтверждается тем фактом, что часть одиночных захоронений сдвинута от центра камеры. В последующие периоды (VIII–IX и IX–X вв.) наблюдается значительное увеличение процента парных и коллективных захоронений, а одиночные комплексы становятся редки, при этом, заметного увеличения площади камер не происходит. Коллективные захоронения были совершены в камерах, имеющих достаточную площадь, также при необходимости кости предшествующего захоронения могли быть сдвинуты для освобождения места.

Наличие ряда признаков (парные захоронения, сочетание мужских и женских погребений в одной камере, «избыточная площадь» в одиночных захоронениях) на раннем этапе существования Даргавского могильника указывает на взаимосвязь населения горной зоны с населением равнины и предгорий, оставившим могильники V–VIII в., а также позволяет поддержать вывод,

сделанный Г.Е. Афанасьевым, С.Н. Савенко и Д.С. Коробовым о существовании у алан малой нуклеарной семьи, состоящей из взрослой семейной пары и детей (Афанасьев, 1993. С. 57–58; Коробов, 2003. С. 179). В период второй половины VIII–IX вв. происходит заметное увеличение числа коллективных захоронений, которые уже составляют основную часть комплексов могильника. Частично эти процессы связаны с расположением памятника в горной зоне и экономией места. Так, в Дагомском могильнике VI–VIII вв., расположенном в аналогичных природных условиях, полностью отсутствовали индивидуальные захоронения (Шестопалова, 2018. С. 44). Вместе с этим, увеличение числа захоронений в отдельной камере, а также появление и распространение многокамерных катакомб указывают на благоприятную демографическую ситуацию, сложившуюся в горной зоне. Усложнение погребальных сооружений, которые с достаточной уверенностью можно интерпретировать как «расширенно-семейные», отражало сложные процессы формирования семьи у алан, с многолинейной структурой, представленной прямым и боковым родством, то есть семьи, в которой совместно проживали пра-родители, родители с детьми, женатые братья и т.д. (Афанасьев, 1993. С. 58; Коробов, 2003. С. 179; Савенко, 2017. С. 174). Указанные особенности, помимо утилитарных причин (экономия земельных угодий на территории могильника), могли являться основными причинами формирования многокамерных катакомб.

Даргавский катакомбный могильник дает наиболее представительную выборку многокамерных погребальных сооружений. Двухкамерные катакомбы известны в первых веках нашей эры в Клине-Яре, Хумаре, в предсалтовское и салтовское время – в Архоне, Балте, Гоусте, Чми, Дагоме (рис. 33). В Гоусте также известна и трехкамерная катакомба (Коробов, 2003. С. 90, 96, 102, 105; ОАК, 1893. С. 87; Флеров, 2007. С. 90–101; Belinskij, Härke, 2018. Fig. 89). Двухкамерные катакомбы известны и на Змейском могильнике в X–XII вв. (Фидаров, 1984).

Мы видим, что данные конструктивные особенности погребального сооружения в предшествующее и в синхронное Даргавскому могильнику время были известны на территории Центрального Кавказа. Однако говорить о взаимосвязи или преемственности ранних многокамерных катакомб, известных на территории Кисловодской котловины (Клин-Яр III), с погребальными сооружениями, выявленными в Даргавсе и синхронных ему могильниках, не представляется возможным. По мнению В.Ю. Малашева, упоминаемые двухкамерные катакомбы могильника Клин-Яр III на территории Кисловодской котловины являются составляющими локальной, но достаточно самостоятельной «предаланской» культуры (памятники типа Подкумок-Хумара). На территории Кисловодской котловины и верхней Кубани незначительная часть населения этой культуры сохраняется вплоть до гуннского времени. В период Великого переселения народов на территории Кисловодской котловины в результате притока нового населения появляются памятники, для которых становится характерной Т-образная катакомба, в отличие от преобладавших здесь ранее двухкамерных катакомб с параллельным соотношением длинных осей входных ям и камер. По-видимому, с конца IV в. закладывается основа культуры раннесредневековых алан западных районов Центрального Кавказа (Малашев, 2008; Габуев, Малашев, 2009. С. 157–158).

Наиболее ранние захоронения (известные на сегодняшний день) в Даргавском могильнике были совершены в классических Т-образных катакомбах с одной камерой. Это обстоятельство указывает на существование определенного стандарта конструкции погребального сооружения, в основе которого находилась однокамерная Т-образная катакомба, у населения, появившегося в горных районах уже в VI – начале VII в. Появление многокамерных погребальных сооружений являлось отдельной линией развития катакомбного обряда у средневекового населения горной зоны. Таким образом,

многокамерные катакомбы, выявленные в Даргавском и ряде других синхронных памятников горной зоны, уже являлись вторичными по отношению к однокамерным Т-образным усыпальницам.

Традиция коллективных погребений и многокамерных сооружений сохраняется в Даргавсе в последующий период X–XII вв., однако постепенно сокращается число самих катакомб. Это может быть связано с оттоком населения из горной зоны на равнину, где в это время фиксируются схожие процессы, которые удается проследить по материалам могильников Кольцо-Гора № 1, Змейский и др. В этих памятниках камеры катакомб X–XII вв. были приспособлены для захоронения не только одной брачной пары, но и более широкого круга родственников. Взрослые дети, погребая своих родителей, рассчитывали быть похороненными вместе с ними в одной камере, или оставшиеся в живых родители настаивали на сооружении более обширной камеры (Савенко, 2017. С. 174). Таким образом, мы видим, что развитие «расширенно-семейных» катакомб в горной зоне происходит уже в период конца VIII – начала X в. Такое развитие выразилось именно в формировании многокамерных сооружений, поскольку горные условия не давали возможности большого увеличения площади одной погребальной камеры. В свою очередь в комплексах X–XII вв. на равнинной территории сохраняется предпочтительность коллективности захоронений, а катакомбы продолжают выполнять роль усыпальницы для многолинейной семьи. Однако в более благоприятных природно-территориальных условиях стало возможным создание погребальных камер с большей площадью, что могло повлечь за собой отказ от многокамерного погребального сооружения.

В Даргавском могильнике в течение всего периода его функционирования преобладают коллективные погребения (2 и более человек в одной камере). Для большинства регионов Северного Кавказа в период VII–IX вв. фиксируется преобладание одиночных захоронений

в камерах, однако коллективные захоронения встречаются среди погребений могильников Западной Осетии и Восточной Кабардино-Балкарии (Архон и др.), в могильниках Восточной Осетии и Ингушетии (Тарский, Чми и др.). Не встречено одиночных захоронений по материалам дагомских катакомб, которые являлись семейными усыпальницами (Шестопалова, 2018, С. 49) Достаточно часто парные захоронения встречаются в могильниках Кисловодской котловины (29,3%) (Коробов, 2003. С. 103–105).

Парные захоронения преобладали в комплексах X–XII вв. по данным могильника Мартан-Чу, в Змейском могильнике также преобладают парные комплексы (34,9%) и относительно высок процент индивидуальных захоронений, при этом заметно больше катакомб с тремя и более погребенными (45,3%). Характерно преобладание парных захоронений в могильнике Кольцо-Гора (Савенко, 2017. С. 151–153).

Положение скелетов головой влево от входа (наиболее распространенный вариант для Даргавского могильника) зафиксирован в катакомбах Али-Юрта, такое же положение характерно для большинства погребенных Дагомского могильника и могильника Гусара I, в основном головой влево от входа уложены погребенные из могильников Кисловодской котловины (48,2%) (Коробов, 2003. С. 99, 106). Для таких территориально близких с Даргавсом могильников, как Тарский, Чми, Чми-Суаргом отмечено присутствие скелетов, уложенных как влево от входа, так и вправо (Коробов, 2003. С. 106).

Редкие положения скелетов, такие как головой ко входу или к дальней стенке погребальной камеры, т.е. параллельно длинной оси входной ямы, встречены среди погребений могильника Архон, Чми-Суаргом, Балта, Тарский (Коробов, 2003. С. 103, 106).

Преобладание вытянутого положения погребенных характерно для могильников Кисловодской котловины, Восточной Осетии – Ингушетии (Балта, Кирпичный завод, Тарский, Чми-Суаргом), несколько

меньше вытянутых погребений в памятниках Западной Осетии (Коробов, 2003. С. 99, 102, 106).

Как отмечает Д. С. Коробов, положение головой вправо от входа являлось менее распространенным для катакомбных могильников Северного Кавказа и более характерно для районов Краснодар, Восточной Осетии, Ингушетии и Центральной Чечни (Коробов, 2003. С. 117). Следует отметить, что Даргавский могильник относится к территории Восточной Осетии, однако для него более характерно положение скелетов «головой влево от входа», такое положение превалирует в других памятниках горной зоны – Верхняя Кобань, могильники у с. Чми, Дагом. Данные различия позволяют довольно уверенно отделять могильники горной зоны от горно-плоскостной. Однако необходимо отметить ряд черт Даргавского могильника, сближающего его с могильниками Восточной Кабардино-Балкарии и Западной Осетии – преобладание камер овальной формы, в которых совершены одиночные, парные и коллективные захоронения, уложенные головой влево от входа (Коробов, 2019. С. 110). Весьма интересным является сопоставление признака положения погребенного головой влево или вправо от входа с данными из катакомбных могильников Среднего Дона. Наибольший процент погребенных, уложенных головой влево от входа, прослежен по данным Верхнесалтовского, Дмитриевского могильников, а также Нижнелубянского и Ютановского, тогда как в катакомбах Маяцкого селища преобладает положение умерших головой вправо от входа (Афанасьев, 1993. С. 84). На основе этого наблюдения уже высказано предположение о взаимосвязи общин, оставивших эти могильники с населением, переселившимся из разных регионов Северного Кавказа, на наш взгляд данное предположение может являться весьма обоснованным (Коробов, 2003. С. 118). Вовлеченность аланских племен в политику Хазарского каганата (с которым аланские племена выступали союзниками) связано как с изменением территории расселения,

так и с распространением аланского населения в горной зоне. Это расселение происходит после поражения хазар в их противостоянии с арабами, вследствие чего на равнинах Затеречья и к востоку от Кабардино-Балкарии исчезают памятники аланской культуры, а затем фиксируется распространение погребальных комплексов VIII–IX вв. уже в горной зоне (Коробов, 2003. С. 118; Габуев, Малашев, 2009. С. 161).

Говоря о миграции аланского населения в середине VIII в. в лесостепную зону бассейна Среднего Дона, необходимо отметить существующую концепцию о том, что большую массу переселившихся племен составляло население с территории Кисловодской котловины (Афанасьев, Руннич, 2001. С. 22, 23). Как справедливо отмечает В. Ю. Малашев, данная миграция могла быть связана не только с носителями аланской культуры из районов Пятигорья. Весомым аргументом в пользу этого мнения является существенное отличие керамики Кисловодской котловины VII – первой половины VIII в. от посуды салтово-маяцкой культуры, которая больше ассоциируется с восточными районами Северного Кавказа (Габуев, Малашев, 2009. С. 161). Кроме этого, погребальный обряд Даргавского могильника имеет большой процент сходства по ряду признаков с катакомбами Дмитриевского могильника – положение погребенных головой влево от входа, преобладание вытянутых погребений, наличие ритуальных захоронений лошадей. Эти особенности также могут указывать на взаимосвязь племен аланской культуры Восточной Осетии, куда входит Даргавский могильник, с населением Среднего Дона.

Определенный набор признаков погребального обряда, характерных как для западных, так и восточных регионов Северного Кавказа, в захоронениях Даргавского могильника может быть связан с постепенным притоком населения в горную зону с различных территорий распространения аланской культуры на Северном Кавказе во второй половине VIII в. В последующие периоды в течение длительного времени основные черты погре-

бального обряда могильника будут сохраняться, что может указывать на отсутствие активных влияний извне, а также на гомогенность даргавской общины.

Рассматривая погребальный обряд средневековой аланской культуры, нельзя не отметить довольно высокий процент нарушения скелетов в погребальных комплексах, в частности, для Даргавского могильника поза погребенного была прослежена только в 32% захоронений, в остальных случаях кости были сдвинуты, перемешаны или полностью истлели (рис. 19, 2, 26, 27). О существовании у носителей аланской культуры так называемого обряда обезвреживания погребенных неоднократно упоминается в ряде специальных работ, под этим феноменом может пониматься проникновение в погребальное сооружение родственников для совершения определенных действий над останками похороненных и сопровождавшими их вещами, в ходе которых частично или полностью нарушалось их первоначальное положение (Флеров, 2007. С. 121). В настоящей работе мы не будем подробно останавливаться на этой теме, поскольку применительно к Даргавскому могильнику у нас недостаточно фактологического материала, в первую очередь полноценных антропологических определений для большинства скелетов. По материалам раскопок памятника в 2019 г. следы постпогребальных манипуляций не выявлены.

Проблема существования обряда посмертных манипуляций с телом погребенного, а также трактовка его содержания, будут оставаться дискуссионными, авторы данной работы не отрицают возможность существования подобных практик, однако необходимо сделать ряд замечаний к этой проблеме. В первую очередь, нарушение анатомической целостности скелетов (сочленение суставов, перемещенный «откатившийся» череп, определенные изменения местоположения костей скелета от стандартного анатомического расположения), может являться результатом естественных процессов разложения трупа, в особенности происходящего в погребаль-

ном сооружении, обладающем достаточным открытым пространством, каковым является камера катакомбы. Именно в результате данных процессов может происходить перемещение отдельных костей, «разбрасывание» останков и т.д. Отсутствие каких-либо костей скелета также не может быть объяснено исключительно требованием посмертных обрядовых манипуляций, поскольку достаточно широк спектр естественных причин, в результате которых та или иная часть скелета не сохранилась к моменту выявления и фиксации погребального комплекса.

Перемешанные кости скелетов, «сдвинутые» скелеты, в особенности в коллективных захоронениях, перемещенные предметы погребального инвентаря не могут являться надежным маркером преднамеренного посмертного разрушения ввиду того, что практически невозможно определить, являлось ли данное действие требованием определенных обрядовых норм, или же было вызвано необходимостью освободить место в погребальной камере для совершения еще одного захоронения. Следует отметить, что нередки случаи, когда в коллективных усыпальницах были сдвинуты кости скелетов предшествующих захоронений, а скелет последнего погребенного индивида находится в анатомическом порядке.

Таким образом, в катакомбных могильниках аланской культуры мы фиксируем следы нарушения анатомического порядка костных останков, изменение изначального местоположения тех или иных предметов погребального инвентаря. Для погребенного индивида данные действия являлись посмертными, однако мы не можем представить верифицированную доказательную базу того, что вышперечисленные действия не связаны с результатами комплекса естественных и утилитарных причин, а были произведены целенаправленно как требование обряда посмертного преднамеренного нарушения целостности погребального комплекса, получившего в научной литературе наименование «постпогребальный обряд».

Авторы данной работы ни в коем случае не призывают относиться к погребальным обрядам полностью критически, поскольку их существование в средневековом обществе вполне могло иметь место. Как отмечает В.С. Флеров, появление обрядов обезвреживания вызвано почти исключительно страхом перед умершими, поскольку смерть, как и все непонятное, вызывала страх (Флеров, 2007. С. 193). Но специфика большинства исследуемых погребальных комплексов такова, что грань между утилитарными или обрядовыми нормами определенных отклонений от стандарта может быть практически не видна, поэтому не стоит трактовать каждое изменение местоположения или отсутствие той или иной кости скелета/предмета погребального инвентаря, как проявление норм обряда обезвреживания.

Погребения лошадей, выявленные на территории Даргавского могильника, достаточно характерны и по основным чертам обряда схожи с обнаруженными в Дагомском, Змейском и ряде других синхронных могильников, при этом они не выявлены по материалам могильников Чми и Тарский. Например, в Дагомском могильнике оба исследованных погребения лошадей были совершены в простых ямах, без сопутствующего инвентаря (Шестопалова, 2018). Следует отметить погребение лошади в катакомбе № 10⁹ Мокрой Балки, где обнаружены череп и кости конечностей, т.е. остатки чучела-шкуры, которые в целом были не характерны для грунтовых катакомб аланской культуры. Интересным представляется грунтовое захоронение № 29, где выявлена протома лошади. Описываемый комплекс, как отмечает В.Б. Ковалевская, является уникальным явлением, может быть сопоставлен с захоронением головы лошади на Адиюхе и, вероятно, связан с сохранением культа коня у осетин недавнего прошлого (Ковалевская, 2005. С. 156).

Захоронения лошадей Змейского могильника были совершены в простых ямах прямоугольной формы с ровным или наклонным дном, а также в ямах с «дромосом» с углублениями в дне, в которых располагались конечности лошади. Погребения сопровождались разнообразным инвентарем, расположение которого указывает на то, что лошадь могла помещаться в захоронение взнузданной и оседланной (Сосранов, 1986. С. 97, рис. 2–4). В более ранних комплексах захоронения лошадей встречены в Клин-Яре, где они выявлены как в отдельных ямах, при этом взаимосвязь с определенными погребениями людей не прослеживается, так и во входных ямах катакомб (Флеров, 2007. С. 102; Belinskij, Härke, 2018. Fig. 55, 70, 123). Во взаимосвязи с катакомбными и подбойными погребениями упоминаются захоронения лошадей на могильнике Хумара (Флеров, 2007. С. 103).

Использование лошади в погребальной практике фиксируется в катакомбных могильниках Среднего Дона и Северского Донца. По материалам Дмитриевского могильника большинство захоронений лошадей было совершено во входных ямах катакомб, что позволяет считать их сопутствующими для погребенного в камере человека. Также встречено погребение лошади в отдельной яме, без сопутствующего инвентаря. Не исключено, что оно могло являться или поминальным комплексом-кенотафом, или могло быть связано с катакомбой № 51, рядом с которой оно было расположено (Плетнева, 1989. С. 251. Рис. 111, 112, 113; Аксенов, 2001. Рис. 5).

Использование лошадей и связанных с ними предметов в погребальном обряде было широко распространено у народов Северного Кавказа, племена аланской культуры не являлись исключением. Из-за особенностей погребального обряда катакомбных могильников не в каждом случае можно определить, является ли захоронение лошади сопутствующим для

⁹ В данном случае нумерация погребения дана по материалам раскопок В.Б. Ковалевской, погребения полностью не опубликованы (Ковалевская, 2005. С. 156).

погребения человека, или самостоятельным комплексом.

Погребения лошадей, расположенные во входных ямах катакомб, а также выявленные рядом с одной из усыпальниц, могут быть условно связаны с человеческим погребением, находящимся в камере катакомбы. Важной чертой является наличие погребального инвентаря. Анализируемые даргавские погребения лошадей сопровождалось различными предметами конского снаряжения. В тех комплексах, где был выявлен инвентарь, всегда находились удила и стремена – наиболее характерные предметы конского снаряжения, их наличие может косвенно указывать на то, что лошадь сопровождала именно всадника и может рассматриваться как ездовое животное воина. Наличие предметов парадного конского убранства (начальники, богато украшенные сбруйные бляхи и др.) может свидетельствовать о том, что захоронения лошадей сопровождали воинов, занимавших не рядовое положение в системе воинской организации (Афанасьев, 1993. С. 137). Помимо этого, часть захоронений лошадей с сопровождающим инвентарем, которая не может быть достоверно связана ни с одной из катакомб, могла являться кенотафами, принадлежавшими погибшим на стороне воинам.

Иная ситуация представляется с безынвентарными комплексами, оба погребения лошадей без сопутствующих вещей лишь гипотетически связываются нами с погребениями в катакомбе № 1 (на основе близкого расположения). Подобные комплексы были выявлены в Дагомском могильнике, оба погребения совершены в простых ямах, костяки лошадей были положены на живот с подогнутыми ногами, принадлежность лошади определенному погребению не определена. В связи с отсутствием составляющих конского снаряжения нет оснований интерпретировать такие комплексы исключительно как сопровождающие всадника. Возможно, в таких случаях внимание в обряде могло обращаться к иным свойствам

лошади, а не только к ее роли верхового животного. В частности, по данным этнографии у осетин лошадь ценилась как символ счастья и была причастна к аграрным культам, т.е. не только к воинским (Флеров, 2007. С. 103).

По материалам Даргавского могильника мы не можем ответить на вопрос, какие именно лошади использовались для совершения обряда: молодые или старые, принадлежавшие конкретному умершему человеку, или же любая особь в качестве символа. Отчасти на этот вопрос помогают ответить зоологические определения костяков. Так, по материалам Цемдолинского могильника (Северо-Западный Кавказ) анализ костяков лошадей позволил установить, что все особи принадлежали взрослым жеребцам лучшей физической формы, причем различия в размерах лошадей из погребений римского и средневекового времени не обнаружены. Это свидетельствует в пользу того, что в исследуемом регионе в течение длительного времени существовала устойчивая экологическая форма (аборигенное отродье или порода лошади), отвечающая предгорьям и горам (Армарчук, Дмитриев, 2014. С. 13-14).

Несмотря на существование различных вариантов захоронений лошадей в могильниках аланской культуры Центрального Кавказа, на протяжении VII–X вв. основной формой захоронения являлась простая грунтовая яма, в которой находился *целый костяк лошади*, эта форма погребения (с некоторыми вариациями) продолжает сохраняться и в последующее время, вплоть до монгольского нашествия. Редкие варианты захоронений, например, чучела лошади могли являться следами влияний извне.

Безусловно, трактовать содержание обрядов захоронения лошадей исключительно как сопровождающие нельзя, однако по материалам Даргавского могильника основная часть совершенных здесь погребений лошадей может быть интерпретирована как верховые животные, связанные с воинами-всадниками.

Глава II. Погребальный инвентарь

II.1 Ременные гарнитуры

Деталюм ременных гарнитур уделяется особое внимание при изучении материальной культуры средневековых памятников. Эта категория предметов с территории Центрального Кавказа специально рассматривалась в работах А. К. Амброза, В. Б. Ковалевской (Амброз, 1971; Ковалевская, 1979). Важное место кавказским материалам отводится в исследовании Ч. Балинта (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 77; Balint, 1992). К материалам ременных гарнитур обращался Г. Е. Афанасьев, при разработке хронологии могильника Мокрая Балка (Афанасьев, Рунич, 2001). Отдельно следует отметить разработки И. О. Гавритухина, основанные на глубоком вещеведческом анализе предметов ременных гарнитур, происходящих, в том числе, и с территории Северного Кавказа (Обломский, Гавритухин, 1996. С. 79–84; Гавритухин, Малашев, 1998; Гавритухин, 2001; Гавритухин, 2001а; Gavritukhin, 2018; Гавритухин, в печати). Неоднократно кавказские материалы рассматривались в исследованиях А. В. Комара (Комар, 1999; Комар, 2018).

Предметы ременных гарнитур достаточно многочисленны в погребениях Даргавского катакомбного могильника (рис. 34). Эта группа находок будет рассмотрена в хронологической последовательности.

К деталям поясов относятся щитковые и бесщитковые пряжки с различной формой рамки и щитка, наконечники поясов, ременные накладки, металлические обоймицы. В большинстве случаев, из-за многократного использования погребальных камер элементы поясов были перемещены в разные части камеры, что не позволяет достоверно реконструировать облик того или иного пояса. Наиболее инфор-

мативные элементы поясов сохранились в 10 комплексах (кат. №№ 11, 59, 51, 71, 22, 55, 7, 16, 27, 29). В остальных камерах выявлены отдельные элементы поясных гарнитур (рис. 34).

Поясной набор в катакомбе 11 (рис. 35, 72–88) представлен овалнорамчатой пряжкой с подвижным щитком, рамка расширена в передней части, имеет углубление для фиксации язычка, к задней части сужается и снабжена двумя острыми выступами. Щиток фигурный оканчивающийся двумя округлыми выступами, покрыт по краю насечками, крепление щитка к рамке сделано таким образом, что щиток перегибается через заднюю часть рамки (рис. 34, 82). Пластинчатый наконечник полуовальной формы с округлым окончанием, прямыми боками, прорезью в виде замочной скважины и двумя отверстиями (рис. 34, 86). К элементам пояса также относятся Т-образные бляшки с пламевидной или прямоугольной пластиной (рис. 34, 84, 85), фигурная накладка с 8-образной прорезью в центре (рис. 34, 83) и округлые бляшки с вырезом и без (рис. 34, 87, 88). Данный пояс относится к ременным гарнитурам геральдического стиля. Близкая по форме рамки пряжка известна в Чми, древности этого круга относятся к VII в. (Амброз, 1989. Рис. 22, 1). Геральдические поясные бляшки сопоставимы с накладками типов 16 и 24 из кургана 4 (погребения 10, 30) и погребения 3 Царского кургана у ст. Калининской по материалам А. Г. Атавина (Атавин, 2008. Табл. 10, 5; Табл. 13, 14; Табл. 17, 1, 6, 7). Бляшки типа 24 А. Г. Атавин датирует второй половиной VI – первой четвертью VII в., типа 16 – 650–700 гг. (Атавин, 2008. С. 39). Геральдические накладки, подобные даргавским (рис. 35, 72–88), известны в материалах Мокрой Балки в комплексе второй полови-

ны VI – первой четверти VII в. (Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 52, 8; 106, 8). В целом, рассматриваемый поясной набор может быть отнесен к первым десятилетиям VII в., но может заходить и в конец VI в.¹⁰

К этому же кругу относится овально-рамчатая пряжка с неподвижным щитком (рис. 34, 76). Рамка с углублением для фиксации язычка, щиток геральдической формы, с тремя прорезями, оканчивается небольшой бородкой. Пряжка близка типу 9 по классификации В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 1979. Табл. XVI, 4). Аналогии таким пряжкам известны в Центральном Предкавказье, по мнению В.Б. Ковалевской, этот тип производился в местных мастерских. Прорези на щитке по характеру и композиции восходят к поясным наборам с прорезной орнаментацией, напоминающей человеческое лицо (Ковалевская, 1979. С. 34).

В катакомбе № 27 обнаружено три пряжки. Овальнорамчатая пряжка с неподвижным щитком, рамка с углублением для фиксации язычка, язычок массивный, не выступающий за передний край рамки, щиток неорнаментированный, оканчивающийся острием (рис. 34, 80). По форме рамки пряжка близка типу 3 (неорнаментированная) по классификации В.Б. Ковалевской, однако абсолютные аналогии таким пряжкам в классификационной схеме В.Б. Ковалевской отсутствуют (Ковалевская, 1979. С. 33. Табл. XV, 5, 6).

Овальнорамчатая бесщитковая пряжка, слегка расширенная в передней части, с двумя выступами и углублением для крепления язычка, язычок не выступает за передний край рамки, уплощенный, слегка прогнутый в центре, без выступа (рис. 34, 79). Форма рамки пряжки соотносится с отделом III, типом 1 (лировидные) по классификации В.Б. Ковалевской, однако у даргавского экземпляра язычок без выступа у основания (Ковалевской, 1979. С. 33. Т. XIV, 13, 14). Подобные изделия известны на территории Северного Кавказа, например, в комплексах второй чет-

верти VII в. – рубежа VII–VIII вв. Мокрой Балки (Ковалевская, 1979. С. 33; Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 36, 5; 42, 4).

В катакомбе № 27 следует обратить внимание на щиток от шарнирной пряжки (рис. 34, 81). Такие пряжки имели овальную рамку, близки типу 30 по классификации В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 1979. С. 30. Табл. XIII, 8, 9). Обзор пряжек с подобными щитками сделан в специальной монографии М. Шульце-Дерламма, по классификации исследовательницы они относятся к Типу E 24. Формирование типа отнесено к концу VI – началу VII в., и не позднее середины VII в. (Schulze-Dörrlamm, 2009. S. 77–79).

Наибольшее количество находок этих пряжек приходится на Центральное Предкавказье – Центральный Кавказ: Даргавс, Едыс, Камунта, Кумбулта, Мокрая Балка, Чегем, Хасаут, Гунделен (Schulze-Dörrlamm, 2002. С. 78. Abb. 36). Ближайшие к Даргавсу находки происходят из Чми и Едыса. В Чми, в катакомбе Г найден щиток пряжки (Хайнрих, 1995. Табл. XVI, 4). Погребение 8 Едыса содержало подобную пряжку с наконечником, орнаментированным узором в виде запятых (Дзаттиаты, 2006а. Рис. 11, 10). Также, они найдены в погребениях №№ 53а, 56в могильника Верхний Чир-Юрт I (Ковалевская, 2005. Рис. 52, 7; Рис. 55, 4). Погребение № 53а Чир-Юрта датируется концом VII – началом VIII в., но не позднее первой половины VIII в.

Опорными для установления хронологии бытования вещей являются погребения с монетными находками. В Мокрой Балке 1 комплекс катакомбы № 113 с одиночным погребением, сопровождавшимся аналогичной пряжкой, датируется второй четвертью VII в. – рубежом VII/VIII вв. (Афанасьев, Рунич, 2001, рис. 125, 4). В этой же катакомбе находилось 6 серебряных монет: Хосрова I (531–579 гг.), Хосрова II (591–628 гг.), Маврикия (582–602 гг.) и Фоки (602–610 гг.) (Там же. С. 161). Согласно хронологической схеме Г.Е. Афанасьева, этот (третий)

¹⁰ Выражаем благодарность И.О. Гавритухину за консультацию.

этап существования могильника Мокрая Балка 1 отличается от предыдущего (второго) этапа преобладанием византийских импортов, что связано с ослаблением Оногуро-Болгарской конфедерации и становлением Хазарского каганата (Там же. С. 237). Следствием этих процессов, по всей видимости, является распространение пряжек, подражающих византийским. Оригиналы для подражания выглядели примерно как золотая пряжка ювелирной работы из Кратиги-Митиленского клада (о. Лесбос), содержащего предметы VI–VII вв. (Touratsoglou, Chalkia, 2008. С. 31; 53; 116).

Пряжка из Даргавса, вероятно, относится не к самым ранним кавказским экземплярам, а ее находка вместе с ремнями конской упряжи может указывать на вторичное использование не ранее середины VII в. Погребения в катакомбе № 27 из Даргавского могильника, видимо, совершались со второй половины – конца VII в. до первой половины VIII в. Пряжка найдена у северной стенки камеры вместе с деталями конской сбруи, то есть принадлежала мужскому погребению, которое соотносится с костяком, лежавшим в центре камеры и сопровождавшимся поясным набором из двух пряжек и наконечника ремня.

Схожие поясные наборы выявлены в катакомбах 59 и 51 (рис. 35, 52–71; 45–51). В катакомбе 59 выявлен пояс с овально-рамчатой пряжкой «неволинского типа», рамка с углублением для фиксации язычка, язычок массивный, сильно выступающий за передний край рамки, щиток длинной полуовальной формы шарнирного соединения с рамкой. Фронтальная поверхность щитка орнаментирована перевитыми стеблями (перевязанная пальметта) (рис. 34, 69), в такой же стилистике оформлен полуовальной коробчатый наконечник пояса (рис. 34, 70) и одна прямоугольная накладка (рис. 34, 71). Пояс дополнялся пятилистными накладками (рис. 34, 72), шарнирными прямоугольными накладками (рис. 34, 73), а также наконечниками подковообразной формы (рис. 34, 74).

Данный поясной набор относится к неволинскому периоду неволинской культуры, датирующейся концом VII–VIII вв. (Голдина, Водолаго, 1990. Табл. XLVIII; Багаутдинов и др., 1998. С. 162), в Крыму подобные находки датируются концом VII – первой половиной VIII в. (Айбабин, 2003. С. 123. Табл. 37). Набор представляет собой «расцвет стиля перевязанной пальметты». Орнаментация таких пряжек восходит к античному аканфу, в Крыму их можно считать византийским импортом или продукцией местного производства. В частности, очень близкая даргавской пряжка из Бродовского могильника является интересным примером местного производства (Ковалевская, 1979. С. 22. Табл. VI, 8). Подковообразные наконечники близки изделиям из погребения 4, кургана 22 могильника Брусяны II (Багаутдинов и др., 1998. С. 252). Накладки с шарнирными креплениями, видимо, тоже относятся к этому хронологическому срезу (Айбабин, 2003. С. 123. Табл. 37). Пятилепестковые накладки с нижней прорезью встречены в погребениях Южного Урала, например, при погребении 3 в Хусаиновском кургане 7 (Мажитов, 1981. Рис. 24, 15), который автор суммарно датирует IX–X вв.

К элементам вышеописанных гарнитур, но в более упрощенном виде, относится поясной набор из катакомбы № 60 (рис. 35, 45–51). Здесь не совсем обычно выглядит овальнорамчатая пряжка с подвижным щитком: рамка пряжки с углублением для фиксации язычка, язычок немного выступает за передний край рамки (рис. 34, 75). Щиток шарнирного соединения с рамкой выполнен в виде перевитых стеблей. Помимо пряжки, набор дополняется подковообразными наконечниками и шарнирными прямоугольными накладками, полностью идентичными изделиям из катакомбы № 59. Прямых аналогий пряжке найти не удалось. Возможно, данная пряжка является попыткой местного подражания импортным пряжкам «неволинского типа».

В катакомбе № 59, а также в катакомбах №№ 74 и 72 были выявлены бесщитко-

вые округлорамчатые пряжки с простым язычком (рис. 34, 68, 77, 78). Подобные пряжки сопоставимы с типом 1-I по классификации В. Б. Ковалевской (*Ковалевская*, 1979. С. 15). Пряжки имеют широкий круг аналогий, значительная часть которых происходит с территории Северного Кавказа. Следует отметить, что в погребениях Даргавского могильника бесщитковые округлорамчатые пряжки маркируют комплексы не позднее середины – второй половины VIII в., в частности, они не характерны для погребений салтово-маяцкого периода. Похожая ситуация прослеживается по материалам Чми, где данные пряжки не встречаются в комплексах позднее конца VIII в. (*Обломский, Гавриутухин*, 1996. Рис. 83).

В катакомбе № 22 элементы ременных гарнитур представлены двумя одинаковыми пряжками с неподвижным щитком, рамка овальная с ограничителями для язычка, щиток расширяется к окончанию, в месте соединения щитка и рамки сделаны кольцевидные выступы (рис. 34, 48, 49). Еще одна пряжка также овально-рамчатая, с пятиугольным неподвижным щитком, рамка без ограничителей для язычка (рис. 34, 39). Также набор дополняют фрагмент наконечника пояса полуовальной формы и поясные накладки подтреугольной и четырехугольной формы (рис. 35, 27–30).

Следует отметить, что две одинаковые пряжки не являлись составляющими пояса, а, скорее, могли быть обувными. Широких аналогий подобным изделиям нет. Схожая пряжка выявлена Е. И. Крупновым в погребении Галиата, комплекс которого датируется второй – третьей четвертью VIII в. (*Кадиева*, 2012. С. 110). В катакомбе № 7 могильника Хазнидон такая пряжка встречена вместе с шарнирной фибулой, бубенчиками, удилами с S-видными и стержневыми псалиями, арочными стремянами с выгнутой подножкой и выделенной прямоугольной петлей (*Гиджрати*, 1978. С. 104–118). Перечисленные аналогии близки даргавским пряжкам по форме рамки и кольцевидным выступам на щитке под ней, но от-

личаются формой завершения щитка: щиток пряжки из Галиата – пятиугольный и завершается углом; одна из пряжек Хазнидона близка галиатской, другая имеет щиток в виде овала (*Гиджрати*, 1978. Рис. 282, 2, 271, 8).

Рамка и выступы на щитке сближают пряжку из Даргавса с экземпляром с плавно заужающимся щитком и небольшим выступом на конце из Гоуста (*Ковалевская*, 2005. Рис. 40, 15), а также с экземпляром с прорезным щитком в виде «ласточкинogo хвоста» из Рутхи (собрание П. С. Уваровой) (МАК, 1900. Табл. CIV, 17).

Овальнорамчатая пряжка с неподвижным пятиугольным щитком близка подтипу 1 типа 16 по классификации В. Б. Ковалевской (*Ковалевская*, 1979. С. 28. Табл. XI, 4). Еще одна аналогичная пряжка выявлена в катакомбе № 36 Даргавского могильника (рис. 34, 39), данные пряжки относятся к группе пряжек так называемого салтовского времени (основной массив гарнитур данного круга рассматривается ниже). Образцы схожих пряжек найдены в катакомбе V могильника Кобан и в Балтском могильнике (*Дзаттиаты, Успенский*, 2016. С. 165). Датировка для большинства комплексов с такими пряжками лежит в пределах второй половины VIII–IX вв.

Поясной набор из катакомбы № 71 (рис. 35, 31–44) представлен пряжкой с коротким неподвижным щитком, оканчивающимся острием. Пряжка орнаментирована изображением псевдошарнира в месте соединения рамки и щитка, а поверхность рамки и щитка украшена растительным и спиралевидным орнаментом, а также трапециевидными и округлыми накладками (рис. 34, 59). По классификации В. Б. Ковалевской пряжка относится к Отделу VI, типу 3 (*Ковалевская*, 1979. С. 44), по классификации пряжек Самарской Луки А. В. Богачева подобные пряжки с шарнирным соединением рамки и щитка относятся к варианту Га (*Багаутдинов, Богачев, Зубов*, 1998. С. 92). Пряжка имеет аналогии в материалах погребений Кубани (находка из разрушенных погребений ст. Старокорсунской (*Каминский*, 1987. Рис. 10, 56),

Крыма (неорнаментированный экземпляр из погребения 767) (*Айбабин*, 2003. С. 123. Табл. 37, 76) и Среднего Поволжья (погребение 5 кургана 3 могильника Малая Рязань и погребение 5 кургана 14 могильника Брусяны II (*Багаутдинов, Богачев, Зубов*, 1998. С. 92, 162).

Даргавский экземпляр отличается от приведенных аналогий тонким язычком. Пряжка датируется временем не ранее второй половины VIII в. Прототип этих пряжек встречен и на территории Северной Осетии – золотая шарнирная пряжка с орнаментом в виде завитков на рамке и язычке и изображениями птиц на щитке в Архонском могильнике (*Сокровища Алании*, 2011. Рис. 212).

Следует отметить, что щиток пряжки из Архона с изображением двух птиц перекликается с накладкой из катакомбы № 76 Даргавса, на которой эти изображения полностью воспроизводятся. Кроме этого, наконечник сочетается с накладками с орнаментом в виде елочки, находящимися аналогии в Галиате и катакомбе № 52 Дмитриевского могильника, относящейся к начальному этапу салтово-маяцкой культуры (*Плетнева*, 1989. Рис. 40).

Интересна пряжка из катакомбы № 72, трапециевиднорамчатая, бесщитковая, с парой «рожек», отходящих от двух вершин пряжки. От двух других вершин (по короткой стороне трапеции) отходит по одному «рогу» в противоположные друг другу стороны (т.н. рогатые пряжки) (рис. 34, 66). Пряжка литая, плоская с одной стороны. С фронтальной стороны корпус пряжки выполнен в виде плотно подогнанных друг к другу «жемчужин», место крепления и фиксации язычка гладкое, без декоративных элементов и более узкое.

Типологически близкие даргавским, но с треугольной рамкой, пряжки широко распространены в памятниках салтово-маяцкого круга. Проникновение этих пряжек на территорию салтово-маяцкой культуры, в бассейн Среднего Дона, справедливо связывают с влиянием Северо-Восточного Кавказа. Экземпляры треугольных пряжек со стилизованными

головками баранов на вершинах и поперечным рифлением рамки известны в погребениях Чир-Юрта I. Они найдены в комплексах катакомб №№ 40, 78, 79 (*Ковалевская*, 2005. Рис. 49, 6,7; 59, 20; 60, 6). В двух комплексах пряжки сочетались с нашивками/подвесками из монет и подражаний первой четверти VII в.: в погребении № 40 подражание солидам Ираклия и Ираклия Константина (613–625 гг.), в погребении № 79, помимо подражания монете этих же императоров 613–616 гг., находилась драхма Хосрова II 621 г. (*Гавритухин, Обломский*, 1996. Рис. 81). Исследователи отмечали относительную хронологическую узость существования могильника. В связи с этим для датировки могильника интересна младшая монетная находка из кургана № 14 – подражание солиду Константа II и Константина (654–659 гг.) с петелькой для подвешивания (*Гавритухин, Обломский*, 1996. С. 79). Следует отметить, что определение этой монеты И.О. Гавритухиным разнится с определением В.В. Кропоткина, предполагавшего, что монета из кургана № 14 являлась подражанием солиду Ираклия и Ираклия Константина (613–616 гг.) (*Магомедов*, 1983. С. 86). Несмотря на обозначенное противоречие, мнения исследователей о начале функционирования могильника с середины VII в. сходятся, прекращение функционирования могильника также отнесено исследователями к концу VII – началу VIII в. или не позднее первой половины VIII в. (*Ковалевская*, 2005. С. 144–145; *Гавритухин*, 2010. С. 417).

На территории Северной Осетии «рогатые» пряжки широко не распространены, и их морфология неустойчива. В Даргавсе и Чми (катакомба В) пряжки трапециевидные (в Чми края пряжки фестончатые, что, видимо, наряду с украшением рамки «жемчужинами», является поздним подражанием поперечному рифлению рамки), в катакомбе № 18 Тарского могильника – кольцевидная гладкая, а в катакомбе № 19 треугольная, но со сдвоенными кольцами вместо «рожек» по двум из трех вершин пряжки (*Хайнрих*, 1995. Табл. XIII, 3; *Кантемиров*,

Дзаттиаты, 1995. Табл. XX, 14; XXII, 1). Следует отметить, что абсолютная аналогия даргавской пряжке была найдена в Верхнем Салтове (*Хоружая*, 2009б. Рис. 1, 7А). Эта находка свидетельствует о бытовании подобных пряжек как минимум с середины VIII в.

В катакомбе № 72 Даргавского могильника трапециевидная рогатая пряжка сочетается с железными квадратными поясными накладками с прорезью в нижней части (рис. 34, 67). Ближайшая аналогия очень плохой сохранности происходит из погребения № 58 Холма 1 могильника Мамисондон, датирующегося второй половиной VIII в. (Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010. Рис. 150; 200; 203). В этом же погребении Даргавса был встречен штампованный перстень со стеклянной вставкой-литиком, морфологически близкий перстням типа 8 Мамисондона, но с продольным рифлением шинки (Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010. С. 282–283). Зеркала с орнаментом в виде четырех дуг, образующих крест, также широко распространены на территории салтово-маяцкой культуры Среднего Дона.

Следует подчеркнуть, что погребение в катакомбе № 72 было парным, при этом основная масса предметов (и все вышеупомянутые) найдена с одним, дальним от входа, погребенным. Кроме того, признаков смещения костей и инвентаря первого погребенного при подхоронении второго не наблюдается, что, возможно, говорит о неразложившихся мягких тканях первого погребенного при подхоронении второго, и, возможно, коротком сроке заполнения катакомбы. Таким образом, погребение может быть датировано второй половиной VIII в.

Следующая группа элементов поясных гарнитур включает в себя: овальнорамчатые литые щитковые пряжки, щиток неподвижный, с овальным или треугольным окончанием, язычок не массивный (кат. №№ 1, 28, 46, 47) (рис. 34, 35); овальнорамчатые пряжки с неподвижным коротким прямоугольным неорнаментированным щитком (кат. №№ 16, 36, 55) (рис. 34, 25); трапециевиднорамчатые или

прямоугольнорамчатые бесщитковые пряжки (кат. №№ 2, 7, 9, 34, 36, 38, 44, 53) (рис. 34, 26, 32, 40, 41, 57); пряжки с прорезной трапециевидной рамкой и сужением в месте крепления язычка (рис. 34, 21).

К элементам поясного набора отнесены также накладки и бляшки различных форм: накладки сложной формы, украшенные растительным и зооморфным орнаментом на фронтальной поверхности (кат. №№ 16, 28, 55, 59, 76); прямоугольные накладки с прорезью, смещенной от центра (кат. №№ 16, 72); фигурные бляхи с подвижным кольцом, орнаментированные растительным орнаментом (кат. № 55) (рис. 34, 31); простые литые бляшки небольших размеров с неподвижным кольцом и гладкой фронтальной поверхностью (кат. № 7) (рис. 35, 2–6).

Примеры более полных поясов с вышеописанными предметами выявлены в катакомбах №№ 7 и 55 (рис. 35, 1–11; 12–23).

Рассматриваемые ременные гарнитуры имеют широкие аналогии на территории Северного Кавказа и юга Восточной Европы, датирующиеся салтовским временем. Пряжки, подобные изделию из катакомбы № 55 Даргавса, выявлены в Тарском могильнике с аналогичными полукруглыми накладками с подвижным кольцом, украшенными растительным орнаментом и «жемчужинами» по краю (*Кантемиров, Дзаттиаты*, 1985. Т. XXXV, 1, 7). Прорезные накладки из катакомбы № 55 с округлой вершиной и выступами по краям схожи с накладками из катакомбы № 6 Мартан-Чу (*Виноградов Мамаев*, 1984. Рис. 5, 19). Катакомба датировалась авторами IX в. (*Там же*. С. 84). В катакомбе № 2 пряжка сопровождается ремненным наконечником с узором в виде ромбов и продольной полосы, делящей ромбы на треугольники. Наконечник из Даргавса близок наконечникам из катакомбы № 9 второй половины VIII–IX вв. могильника Мартан-Чу 1 (*Виноградов, Мамаев*, 1984. Рис. 6, 25, 26).

Ближние аналогии ремненным гарнитурам известны в катакомбах Верхнесалтовского могильника, которые датируются

по совокупности признаков первой половиной – серединой IX в. (Хоружая, 2009а. С. 274–276. Рис. 5, 13; 10, 3, 4; 11, 10, 11). Цельнолитые пряжки с прямоугольным щитком и составные поясные бляхи с кольцом найдены в катакомбах могильника у села Рубежное, датирующегося второй половиной VIII – началом IX в. (Аксенов, 2001. С. 76. Рис. 4, 14; 5, 13, 14).

Поясные пряжки с прорезной трапециевидной рамкой и сужением в месте крепления штифта для язычка, а также простые прямоугольные и трапециевидно-норамчатые бесщитковые пряжки, найденные с неорнаментированными или покрытыми простым геометрическим орнаментом поясными наконечниками и штампованными поясными накладками, характерны для катакомб Дмитриевского могильника поздней группы. В памятниках Крыма схожие детали поясов происходят из комплексов уже конца IX–X вв., где такая датировка подтверждается стратиграфией склепа № 29 в Лучистом (рис. 15, 14–17) (Плетнева, 1989. Рис. 86; Айбабин, 1993. С. 127).

Находки из катакомб №№ 16 и 28 Даргавского могильника образуют группу ременных гарнитур, объединенную сходными традициями (рис. 35, 50–63, 1–12).

Пряжка из катакомбы 16 овальнонорамчатая, щиток шарнирного соединения с рамкой полуовальной формы, фронтальная сторона щитка орнаментирована зооморфным изображением, близка подтипу 3 типа 2 по классификации В.Б. Ковалевской (рис. 34, 17) (Ковалевская, 1979. С. 36. Табл. XVII, 4). Возможно, подобный щиток могла иметь пряжка и из катакомбы 1, в этом комплексе сохранилась только овальная рамка с язычком (рис. 34, 9).

Аналогичная пряжка (но рамка слегка выступает вперед в месте примыкания иглы) найдена в катакомбе № 11 Дуба-Юрта (Мамаев, Савенко, 1988. Рис. 3, 33), катакомба датировалась предварительно второй половиной IX – началом X в. (Там же. С. 35). Известны пряжка и поясные накладки из катакомбы № 2 Кобанского катакомбного могильника (рис. 36, 64–79) (Хайнрих, 1995. Табл. XXVIII, 1).

А. Хайнрих отмечает четкую связь поясного набора с Поволжьем и Прикамьем и считает, что комплекс датируется IX в. (Там же. С. 201). Так, близкая по облику пряжка, но с несколько отличающимся изображением крылатого коня (?) обнаружена в кургане 1 Луговского (Средняя Волга) с дирхемом 773–774 гг. (Galkin, 1983. Abb. 1). В Тарском могильнике представлен пояс с подражанием оформлению бляшек «узелковым» бордюром (Комар, 2018. С. 87).

На накладках с изображениями львов (или грифонов) и личин имелись бордюры из чередующихся круглых и вытянуто-овальных звеньев. Описываемый облик накладок нашел широкое распространение в лесостепной, степной и предгорной зонах Европейской части России. Этот элемент наряду с изображениями крылатых коней, драконов и собак-сенмурвов характеризует, как полагают, материальную культуру венгерских племен, продвигавшихся на запад. Е.П. Казаков считал, что наиболее ранние находки в этой стилистике зафиксированы в районе Южного Урала (Казаков, 2001. С. 171). Близкие по облику накладки известны среди случайных находок на могильнике Kenézlő в Венгрии, датирующемуся 895 – ок. 950 гг. (The Ancient..., 1996. P. 154).

Находка накладки с хорошо читаемым изображением и почковидными выступами по углам происходит из Кумбулты (МАК, 1900. Табл. СХХIII, 4), худшую сохранность имеет накладка из Дзивгиса (МАК, 1888. Табл. XI, 12). Накладки с личинами с выраженными монголоидными чертами, в отличие от изображений на накладках из Даргавса, встречены в Дзивгисе (МАК, 1888. Табл. XI, 10) и Лаце (МАК, 1888. Табл. XII, 9). На этих изделиях также зафиксирован узор в виде узелкового бордюра.

Описываемые ременные гарнитуры относятся к кругу предметов с элементами «древнемадьярского» стиля. Следует отметить, что большинство памятников Центрального Кавказа, где выявлены подобные пояса, расположены далеко от степи, но на близком расстоянии

от пути в Дарьяльское ущелье, что указывает на участие мадьяр в международной торговле. Благодаря торговым контактам описываемые пояса (или их прототипы) могли попасть к аланским племенам (*Комар*, 2018. С. 88).

В Даргавском могильнике пояса с элементами круга Субботцев, по-видимому, маркируют комплексы второй половины IX – первой половины X в.

В нескольких катакомбах были найдены треугольнорамчатые бесщитковые пряжки-застежки с кольцевыми выступами у каждого угла рамки (кат. №№ 4, 28, 65, 67) (рис. 34, 7, 8). Аналогии им известны на территории Северной Осетии в Санибе (2 экземпляра) (МАК, 1888. Табл. XIII, 13; МАК, 1900. Табл. XLIX, 12), в Дзивгисе (2 экземпляра) (МАК, 1888. Табл. XI, 6; МАК, 1900. Табл. LXXII, 23), Лаце (МАК, 1888. Табл. XII, 5). В. Ф. Миллер назвал эти пряжки мундштучной частью удила (МАК, I. С. 127). Также они могли являться одежными застежками (МАК, 1900. С. 101). Вариант подобной пряжки найден в погребении № 17 (каменный ящик) Паметского могильника на территории Ингушетии (*Бараниченко*, 1983. Рис. 3, 19). Погребения датируются широко: X–XIII вв. (*Там же*. С. 17).

В погребениях Даргавса такие изделия характерны для погребений конца IX–X вв., а в комплексах середины XI–XII вв. из Змейского могильника подобные пряжки отсутствуют, что может указывать на их распространенность в более ранний период.

Таким образом, анализ ременных гарнитур позволяет наметить несколько хронологических этапов в истории функционирования Даргавского некрополя (рис. 34).

I этап датируется рубежом VI/VII – началом VIII в. и представлен комплексами (кат. №№ 11, 12, 27) с деталями поясных наборов геральдического стиля (кат. №№ 11, 12) (рис. 34, 76, 82–88), лировидной бесщитковой пряжкой, овальнорамчатой неорнаментированной пряжкой с углублением для фиксации язычка и неподвижным щитком, заканчиваю-

щимся острием, а также прорезным щитком византийской пряжки, подобным находке из Кратиги-Мигиленского клада (кат. № 27) на о. Лесбос. Исторически начало этапа может быть синхронизировано со временем образования Хазарского каганата.

II этап. Ременные гарнитур этого этапа соотносятся с периодом рубежа VII/VIII – середины VIII в. и представлены вещами из катакомб №№ 59, 60 (рис. 34, 69–75), где обнаружены детали поясного набора (пряжка, наконечник, накладка) с декором, выполненным в стиле «перевязанной пальметты». Интересна также пряжка из катакомбы № 60, близких аналогий которой найти не удалось (рис. 34, 75). Возможно, рассматриваемая пряжка является местным подражанием шарнирным овальнорамчатым пряжкам с перевязанной пальметтой. Хронологически данная пряжка может относиться также к концу VII – первой половине VIII в., что в определенной степени подтверждается находкой в этой катакомбе четырех полуовальных наконечников поясов с глубокой выемкой, таких же, как и в катакомбе № 59.

III этап приходится на середину – вторую половину VIII–IX вв. и соотносится с памятниками салтово-маяцкого круга (рис. 34, 25–66). Третий этап подразделяется на два периода. Ко времени не ранее второй половины VIII в. относится комплекс кат. № 71 с литой прямоугльнорамчатой пряжкой с коротким орнаментированным щитком, оканчивающимся острием.

Показательными для развитых наборов салтово-маяцкого круга являются наборы с бесщитковыми прямоугльными/трапецевидными пряжками, треугольнорамчатыми пряжками с неподвижными пятиугльными гладкими щитками (кат. № 36) и овальнорамчатой пряжкой с трапецевидным неподвижным щитком и характерными накладками (кат. № 55).

IV этап рассматриваемой выборки приходится на конец IX – середину X в. (рис. 1, 9–24). Данный этап маркирует

пряжка с трапециевидной прорезной рамкой и сужением в месте крепления штифта для язычка (кат. № 1) и овально-рамчатая шарнирная пряжка с щитком, орнаментированным зооморфным изображением и оконтуренным выпуклым бордюром из плохо отлитых округлых звеньев (кат. № 16). Близкие по облику накладки известны в Венгрии с периода «обретения Родины» (с 895 г.). Пряжка из катакомбы № 16 сопровождалась стилистически близкой накладкой (*Дзаттиаты, Албегова, Успенский, 2017. С. 315*).

Более поздние этапы функционирования некрополя, прослеженные по другим предметам погребального инвентаря, на основании поясных гарнитур четко не определяются. Вероятно, к более позднему времени конца X–XI вв., а также к концу XI–XII вв., относятся простые бесщитковые прямоугольнорамчатые или округлорамчатые пряжки и треугольные застежки с кольцами (рис. 34, 1–8).

II.2. Фibuлы

Фibuлы из могильников Центрального Кавказа являются важным источником для разработки хронологии средневековых древностей этого региона. Несмотря на уже довольно большую выборку, назвать эту группу предметов всесторонне изученной пока нельзя. Первая попытка классификация фibuл Юга России была предпринята А. К. Амброзом. В исследовании «Фibuлы юга европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э.» он охарактеризовал фibuлы, подобные Даргавским, как двучленные шарнирные кавказские фibuлы. Первично наметив две группы этих фibuл, А. К. Амброз (*Амброз, 1966. С. 46; 75. Табл. 6, 3–9; 13, 9*) подробно их не рассматривал. Позднее специально к этой теме обращался И. О. Гавритухин (*Гавритухин, 2008*). Он выделил и исследовал отдельные серии фibuл, ранее включенные А. К. Амброзом в генерализованные группы. Железные шарнирные фibuлы II–III вв., найденные при раскопках Брутского могильника и морфологически близкие железным

даргавским фibuлам (хотя и заметно отстоящие от них по времени), рассматривали Т. А. Габуев и В. Ю. Малашев (*Габуев, Малашев, 2009. С. 131–134*). Фibuлы конца IV – середины VI в. описаны в монографии А. В. Мастыковой (*Мастыкова, 2009. С. 43–46*).

В данной работе фibuлы будут рассмотрены на примере серии застежек из катакомб Даргавского могильника. В погребальных комплексах Даргавского некрополя обнаружено 37 фibuл в 22 разновременных катакомбах, их можно разделить на четыре типа.

Тип 1 (7 экземпляров из катакомб №№ 12, 21, 27, 59, 75) (рис. 37, 1–7). Т-образные шарнирные фibuлы с дуговидной спинкой, тремя кнопками у расширяющейся головки, плоской короткой заovalенной или ромбической ножкой, коротким пластинчатым приемником. По классификации А. К. Амброза они относятся к Серии II, Группе 19 (*Амброз, 1966. С. 75. Табл. 13, 9*).

Тип 2 (3 экземпляра из катакомб № 13, 14, 75) (рис. 37, 9–11). Железные шарнирные дуговидные фibuлы с плоской узкой треугольной спинкой и завитком на конце пластинчатого приемника.

Тип 3 (1 экземпляр из катакомбы № 74) (рис. 37, 8). Двучленная пружинная фibuла с бронзовым корпусом, железной пружиной и иглой. Тетива пропущена под шейку фibuлы (нижняя тетива). Спинка сужается к ножке, с коротким сплошным пластинчатым приемником и завитком на его конце. Передний конец корпуса расплюсчен и загнут в кольцо, в котором закреплена ось. Форма пружины из-за коррозии до конца не ясна. Представляется, что пружина короткая, крепится на длинной оси. Возможно, судя по рисунку (*Дзаттиаты, 2014. С. 205. Табл. CLXVI, 3*), на концах оси располагались кнопки или утолщения. Сечение спинки не ясно. По прогибу спинки фibuла близка шарнирным фibuлам периода Чми 1 (VII в.).

Тип 4 (25 экземпляров из катакомб №№ 1, 2, 19, 24, 28, 36, 47, 53, 65, 71, 76, 78) (рис. 38). Т-образные шарнирные фibu-

лы с несильно прогнутой спинкой, без расширения или немного расширяющиеся у головки, с двумя или тремя кнопками на головке. Спинка сужается к ножке с коротким пластинчатым приемником и завитком на его конце. Пик прогиба спинки приходится на ее центр или смещен к приемнику. По классификации А.К. Амброза они относятся к Группе 13 (Амброз, 1966. С. 46. Табл. 6, 6).

В рамках Типа 1 фибул Даргавса по **профилировке спинки** выделяется **два подтипа**. На особенности профилировки спинки как на хронологический репер обратил внимание И.О. Гавритухин (Гавритухин, 2008. С. 412; 414). Так, у поздних фибул этого типа, найденных в погребениях салтово-маяцкой культуры (Плетнева, 1989. Рис. 59), спинки выгнуты слабее, чем у более ранних кавказских, иногда пик прогиба сдвинут ближе к ножке. Спинки ранних фибул более выпуклые и имеют форму, близкую к полукругу, иногда пик прогиба расположен ближе к головке. Начало изменения прогиба спинки И.О. Гавритухин относит к периоду 2 Чми (конец VII – первая половина VIII в.).

В Даргавском катакомбном могильнике бронзовые фибулы этого подтипа найдены в катакомбах №№ 27, 59, 75 (рис. 37, 1–5). Среди них одно одиночное погребение (№ 21), одно парное (№ 14), в остальных погребениях 3 и более погребенных. Погребение с фибулой из катакомбы 27 можно датировать концом VII – первой половиной VIII в.; ко времени не позднее первой трети – середины VIII в. может быть отнесена и катакомба № 59, к этому же времени относятся захоронения в катакомбе 75 (Албегова, Успенский, 2017).

К фибулам с выраженной профилировкой спинки следует отнести экземпляры из катакомб №№ 12 и 21 (рис. 37, 6, 7). В указанных катакомбах они могут представлять материалы VII в. Если катакомба № 21 одиночная, то катакомба № 12 содержит три смещённых костяка с немногочисленным перемешанным инвентарем, среди которого присутствует перстень первой половины – середи-

ны VIII в. (Тип 8, вариант 1 могильника Мамисондон) (Гавритухин, Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010. Рис. 168, 203).

Основная масса опубликованных находок фибул этого типа на сегодняшний день происходит с территории Северной Осетии из могильников Чми, Балты (Гавритухин, 2010. С. 423), Рутхи (МАК, 1900. Табл. CIV, 9), З.П. Кадзаевой готовится к печати большая серия фибул из Садона, а также Кисловодской котловины и Ставропольского края (могильники Мокрая Балка 1, Конхуторский, Клин-Яр III) (Коробов, 1999. Рис. 4, 2; Афанасьев, Рунич, 2001; Коробов, Кадиева, 2010. Рис. 5, 17; Флеров, 2000. Рис. 32, 10). Отдельные находки происходят из Кабардино-Балкарии (Песчанка, катакомба № 3; Тызыл, покупка 1928 г.) (ОАК, 1901. С. 127. Рис. 10; Амброз, 1989. Рис. 29, 1, 2), Карачаево-Черкесии (Гиляч) (Минаева, 1951. Рис. 14, 10), Южного Кавказа (Квемо-Алеви, Мцхета, Самтавро) (Апхазава, 1979. Табл. XXX; Амброз, 1966. С. 75; Гавритухин, 2008. С. 22, Табл. II), Абхазии (с. Куланурхва) (Воронов, 1979. С. 36, 17). Оригинальные, но наиболее близкие находки из Чечни, также можно привлечь в качестве параллелей (Мамаев, Савенко, 1988. С. 19. Рис. 6, 11).

Этот далеко не полный список находок грубо очерчивает их ареал распространения на Кавказе. В настоящий момент место наибольшей концентрации этих фибул локализуется именно на Центральном Кавказе.

Появление фибул типа 1 А.К. Амброз связывал с влиянием импортных провинциальных фибул, датировал их периодом не ранее VI в. и отмечал, что Т-образные фибулы наиболее распространены с VI по VIII в., до времени распространения салтово-маяцких памятников включительно. Позднее, в 1998 г. И.О. Гавритухин и В.Ю. Малашев в своей статье указывали, что Т-образные фибулы с ромбической ножкой известны с периода 1д (вторая половина VI в., не исключая начала VII в.), хотя встречаются крайне редко (Гавритухин, Малашев, 1998. С. 64, 67, 80). Позднее, в публикации 2010 г. И.О. Гавритухин удреверяет нижнюю дату этих фибул, указав

весь VI в. (Гавритухин, 2010. С. 411). Аналогии фибулам типа 1 представлены рядом образцом с могильников Чми, Суаргом, единично они известны на территории Кисловодской котловины и Кабардино-Балкарии (Гавритухин, 2010. С. 411). В Чми подобные фибулы обнаружены в погребениях периодов 2 и 3 (конец VII–VIII вв.), согласно периодизации этого некрополя, разработанной И. О. Гавритухиным и А. М. Обломским (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 79–81. Рис. 83). В целом, широкое распространение фибул типа 1 приходится на вторую половину VII–VIII вв. (Гавритухин, Малашев, 1998. С. 64, 67, 80).

Разделяя точку зрения А. К. Амброза, И. О. Гавритухин также высказал предположение, что северокавказские шарнирные фибулы связаны с античными традициями, при этом уточнив, что влияние традиций, скорее всего, распространялось из Закавказья. Закавказские импульсы могли способствовать возникновению в VII в. и формированию локальной традиции на Северном Кавказе (Гавритухин, 2010. С. 411). Большинство катакомб Мокрой Балки 1 с этими фибулами (за исключением более ранней катакомбы № 61) датируется Г. Е. Афанасьевым второй четвертью VII – первой половиной VIII в., что соответствует 3 и 4 этапам существования Мокрой Балки 1 (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 237). Однако материалы Мокрой Балки 1 не отражают весь период бытования этих фибул, хотя, по мнению В. Б. Ковалевской, на памятнике есть погребения и IX в. (Ковалевская, 2005. С. 155, 159, 332. Рис. 100). О том, что время существования этих фибул может заходить в IX в. говорят их находки в погребениях среднего Дона, например, в катакомбах №№ 26, 119 Дмитриевского могильника (Плетнева, 1989. С. 112. Рис. 59). Обе катакомбы С. А. Плетнева датирует промежуточным периодом существования могильника (многие авторы считают, что датировка Дмитриевского могильника нуждается в корректировке). Известны они и в погребениях Маяцкого селища (кат. № 18) IX в. (Винников, Афанасьев, 1991. С. 48. Рис. 20, 9; Винников, Плетнева, 1998. С. 182. Рис. 70).

Для определения датировки комплексов с фибулами типа 1 важную роль играют монетные находки. В научной литературе вопрос об использовании монет для датировок является дискуссионным. Не вдаваясь в детали данной дискуссии, отметим лишь, что в рассматриваемых нами комплексах мы используем монеты как репер *terminus post quem*. В катакомбе № 75 Даргавса был выявлен золотой солид Фоки (602–610 гг.) (рис. 39) (Дзаттиаты, 2014. С. 205. Табл. CLXVII, 12). Также монеты были выявлены со схожими фибулами в других могильниках Северного Кавказа: в Мокрой Балке в катакомбе № 15 встречены две позолоченные индикации из серебряной фольги с солида Фоки (602–610 гг.). Комплексы с монетами Фоки, Хосрова I и Хормизда IV (подробнее эти монеты рассмотрены в связи с типом 2) из Мокрой Балки 1, согласно исследованиям Г. Е. Афанасьева, относятся ко второй четверти VII – рубежу VII/VIII вв. (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 71, 72, 237). В катакомбе № 20 Клинь-Яра III находился солид Ираклия (613–630 гг.). В. С. Флеров датирует комплекс временем от 613–630 гг. и до середины VIII в., И. О. Гавритухин и В. Ю. Малашев – концом VII – первой половиной VIII в. (Флеров, 2007. С. 36, 132. Рис. 32, 10; Гавритухин, Малашев, 1998. С. 67. Рис. 1).

К сожалению, в настоящее время недостаточно данных для точного определения нижней границы появления фибул в некрополе Даргавса. Обнаруженные в комплексах монеты указывают на первую четверть VII в. Учитывая аналогии из других памятников, а также запаздывание монет в комплексах, наиболее вероятное время совершения ранних погребений в рассматриваемых комплексах приходится на вторую половину VII – рубеж VII/VIII вв. Наиболее поздним комплексом с фибулой типа 1 является катакомба 59 с раннесалтовским поясным набором, датирующимся не позднее первой трети – середины VIII в. В настоящее время именно эту дату мы можем считать верхней границей существования фибул типа 1 по материалам Даргавского катакомбного могильника.

Фибулы типа 2 были найдены в малоинвентарных комплексах, что затрудняет их датировку. В катакомбе № 14 при одном погребенном найдены фибула и монета. А. А. Цуциев отнес монету ко времени царствования Хосрова I (531–579 гг.) или Хормизда IV (579–590 гг.) (Цуциев, 2014. С. 284). Вторая монета, потертый золотой солид Фоки 602–610 гг., как мы уже говорили выше, найден в катакомбе № 75.

Происхождение фибул типа 2 может быть связано с более ранними образцами, исследованными Т. А. Габуевым и В. Ю. Малашевым на примере железных и бронзовых находок из могильника Брут. Фибулы, подобные брутским, были распространены на территории от Кубани до Северной Осетии во II–III вв., и возникли, по всей видимости, под влиянием провинциальных фибул типа Авцисса (Габуев, Малашев, 2009. С. 131–134). Однако между фибулами Брута и фибулами Даргавса существует достаточно большая лагуна. В Даргавсе плоские спинки имели железные фибулы, у исследованных бронзовых – спинка была треугольной в сечении. Железные фибулы VI–VI вв. рассматривались А. В. Мастыковой (Мастыкова, 2009. С. 43, 44, 263. Рис. 14), которая подчеркивала невозможность реконструкции облика фибул из-за их плохой сохранности, но, гипотетически, отнесла анализируемые фибулы к подвязным. Данный вывод позволяет предполагать, что железные фибулы, в том числе близкие брутским и даргавским, были достаточно широко распространены на территории от Верхней Кубани до Северной Осетии, а также на Южном Кавказе в период IV–VI вв. В пользу этого свидетельствуют и фибулы из катакомбы № 1 Конхуторского могильника, датирующиеся VI в. (Коробов, Кадиева, 2010. Рис. 4, 9, 10).

Возможно, комплексы с шарнирными железными фибулами в Даргавсе относятся ко времени не позднее начала VIII в., и их бытование заходит в VII в. Нужно отметить, что они существуют и позже, в салтово-маяцкой культуре. Например, они выявлены в катакомбах Дмитриев-

ского могильника (Плетнева, 1989. С. 112. Рис. 59).

Фибула типа 3 представлена единственным экземпляром в малоинвентарной катакомбе 74. По соотношению длины оси и корпуса находке из Даргавса наиболее близки фибулы из Кисловодской котловины (Мокрая Балка 1, катакомба № 63; Ясли, катакомба № 3; Конхуторский, катакомба № 3) (Гавритухин, 2008. Рис. 1, 2, 3; Коробов, Кадиева, 2010. Рис. 5, 13). Именно этот массив фибул датируется И. О. Гавритухиным и В. Ю. Малашевым второй половиной VI – первой третью VII в. (Гавритухин, Малашев, 1998. С. 77. Рис. 4, 23, 24).

По набору инвентаря катакомбе № 74 Даргавса очень близка катакомба № 28 Мокрой Балки 1, где похожая фибула, но с более короткой осью, также сочетается с небольшими парными овальнорамчатыми пряжками (рис. 39). Г. Е. Афанасьев датирует катакомбу второй половиной VI – первой четвертью VII в.

В исследовании А. К. Амброза эта группа фибул рассматривается в массе шарнирных фибул с завитком Группы 13, которую мы рассмотрим ниже (Амброз, 1966. С. 47. Табл. 6, 3).

Подобные фибулы имеют длительную историю бытования в Причерноморье и на Кавказе (с римского времени). В период средневековья такие застежки распространяются в Западном Причерноморье и на Южном Кавказе с VI в. (Алхазова, 1979. Табл. XXX, 9; Воронов, 2003. Рис. 11, 5; 51, 23; 96, 16 и др.; Гавритухин, 2008. С. 364–365). Единичные находки, датирующиеся этим временем, известны и на Северном Кавказе, но, как отмечает И. О. Гавритухин, резкое увеличение их числа в данном регионе происходит в VII в. Мода на подобные фибулы могла быть связана не только и не столько с прямой преемственностью местных традиций римского времени, сколько с византийско-персидским противостоянием в Закавказье, в которое было вовлечено население Северного Кавказа. В результате, местные племена и народы, состоявшие в тесной связи с хазарами, могли

получить импульс для распространения моды на описываемые застежки. Двучленные пружинные фибулы с завитком на конце пластинчатого приемника и пластинчатым корпусом бытуют до VIII в. (кат. № 38 Мокрой Балки, период III и финальный горизонт по И. О. Гавригину и В. Ю. Малашеву) (*Гавригину, Малашев, 1998. С. 67, 68, 81. Рис. 8, 27*). Вопрос, заходит ли верхняя дата их бытования в IX в., пока остается открытым.

Фибулы типа 4 наиболее распространены в катакомбных погребениях Даргавского могильника, они часто встречаются в комплексах со штампованными овалнорамчатыми пряжками с неподвижным щитком, без ограничений для язычка на рамке, с пряжками с прорезным расширяющимся щитком с треугольным окончанием, а также с бесщитковыми прямоугоньно- и трапециевиднорамчатыми пряжками. Среди других элементов поясов с фибулами типа 4 зафиксированы наконечники пояса полуовальной формы с геометрической орнаментацией. Все вышеперечисленные составляющие поясов характерны для салтовских наборов второй половины VIII–IX вв. Именно эта дата является общей для большинства рассматриваемых катакомб (рис. 39).

В частности, катакомбы №№ 47 и 71 датируются временем не ранее второй половины VIII – началом IX в. Выделяется катакомба № 76 с одиночным погребением, здесь обнаружено 5 фибул разных размеров (рис. 38, 18–22). В катакомбе выявлено большое количество штампованных перстней, которые датируются по данным могильника Мамисондон первой половиной – серединой VIII в. Однако, судя по находкам с дирхемом в катакомбе Верхнего Алкуна, эти перстни могли запаздывать на памятниках севернее Мамисондона и в целом на Северном Кавказе, выпадая в комплексах конца VIII – начала IX в. (*Мамаев, 2010*). Синхронно погребению из катакомбы № 76 погребение с 7 фибулами из катакомбы № 53.

Фибула из катакомбы 36 датируется по совокупности инвентаря, а также на основе планиграфии комплекса, кон-

цом VIII – первой половиной IX в. (*Дзаттиаты, Успенский, 2016. С. 166. Рис. 4, 48*). К этому времени тяготеет и катакомба № 19.

Катакомба № 2 также содержала несколько погребенных, точное число которых определить невозможно. Часть из них смещена до полного разрушения мягких тканей. В катакомбе найдены две схожие фибулы, слегка различающиеся размерами. Комплекс датируется второй половиной VIII – первыми десятилетиями IX в.

В катакомбе № 78 из выразительного инвентаря только черный стеклянный перстень, который не противоречит датировке салтовским периодом.

Помимо вышеназванных катакомб, в Даргавском могильнике фибулы этого типа обнаружены и в более поздних погребениях (со стеклянными браслетами, серьгами с крупными колонками, бронзовыми ногтечистками в виде медвежьего когтя и т.п.). В катакомбе № 1 среди сдвинутых вещей находилась и фибула (рис. 38, 2). Фибула отличается от большинства даргавских застежек декором на спинке в виде продольных ребер и несколько более крупным размером. Вещевой комплекс камеры датируется широко, но фибула, возможно, близка по времени к комплексам катакомб №№ 24, 28 и 65. В камере катакомбы № 28 было зафиксировано четверо погребенных. Камера содержала материалы середины/конца IX – первой половины X в. Обнаруженная в этом погребении фибула отличалась от всех встреченных на могильнике более длинным приемником (рис. 38, 3). К этому же времени относится фибула из катакомбы № 24, где она использована вторично – из ее спинки сделан перстень. В более поздней катакомбе № 65 найдена фибула этого типа, спинка которой выгнута более круто, чем у остальных фибул (рис. 38, 4).

В классификационной схеме А. К. Амброза рассматриваемые фибулы близки изделиями из Группы 13. Исследователь отмечал, что рассматриваемая разновидность имеет последовательную историю развития только на Северном

Кавказе (с I в. н. э.) и очень характерна для VIII–IX вв. (Амброз, 1966. С. 46, Табл. 6, 6). И.О. Гавритухиным из всего массива изделий группы 13 выделена отдельная разновидность застежек с треугольной и сегментовидной в сечении спинкой, узкой ножкой и завитком или, реже, кнопкой и отсутствием (в отличие от Закавказских фибул) площадок между дужкой и ножкой (Гавритухин, 2010. С. 413, 414). Исходя из локализации этих фибул и их своеобразия, исследователь предложил называть данные фибулы «*верхнетерским блоком серий*» (Гавритухин, 2010. С. 414). Именно эти фибулы и были распространены в погребениях Даргавса. Здесь нам следует отметить характерную морфологическую черту даргавских фибул – у них короткий приемник, и завиток подходит близко к спинке. По мнению И.О. Гавритухина, такие фибулы отсутствуют в материалах IV–VI вв., а импульс для их распространения, как и в случае с Т-образными фибулами, приходит из Закавказья в VII в. и распространяется с VIII в., синхронизируются с ранними наборами салтово-маяцкой культуры, периодами 2 и 3 Чми, и бытуют также в IX в. (Гавритухин, 2010. С. 414).

Находки фибул типа 4 в основном концентрируются на территории Северной Осетии (Кумбулта, Донифарс, Чми, Кобан, Дзивгис, Балта, Фаскау, Даргавс, Лац), отдельные экземпляры происходят из Ингушетии (Гоуст, Джейраховское ущелье) и Чечни (Ассинское ущелье). Находки в Закавказье немногочисленны, а появление их на Среднем Дону (кат. №№ 11 и 92 Дмитриевского могильника) связано с импульсом с Центрального Кавказа в середине VIII в. (Амброз, 1966. С. 46; Анхазава, 1979. Табл. XXX, 12–16; Пчелина, 1928. С. 412. Рис. 12; Гавритухин, 2008. С. 413, 414; Плетнева, 1989. С. 112. Рис. 59; Угеллидзе, 1967. С. 155, Табл. II; Mindorashvili, 2000. Табл. II, 5). Так, фибулы Типа 4 найдены в катакомбах №№ 11, 92 и 110 Дмитриевского могильника. С.А. Плетнева датирует эти катакомбы промежуточным и поздним хронологическим этапом существования Дмитриевского могильника.

Поздний этап С.А. Плетнева относит ко второй половине IX – началу X в. (Плетнева, 1989. С. 171, 172. Рис. 59). Однако, как справедливо отмечает И.О. Гавритухин, хронологическая дифференциация дмитриевских катакомб требует уточнения, поскольку среди «поздних комплексов» существуют явно относящиеся к начальным периодам существования могильника (Гавритухин, 2010. С. 414).

Возвращаясь к хронологии фибул типа 4 из погребений Даргавского могильника, следует отметить, что с ними выявлена только одна монета и определение ее затруднительно. Однако есть находки с монетами из других могильников. На территории Осетии близкие по морфологии фибулы известны в катакомбах В, №№ 15 и 6 Чми. В катакомбе № 15 была найдена монета VIII в., катакомба В была безынвентарной, а катакомба № 6 датируется в рамках второй половины VIII – начала IX в. (Гавритухин, 2010. С. 423. Рис. 2, 7, 8; 3). Близкая по форме фибула из Мамисондона, которая соотносится с другими образцами верхнетерского блока серий северокавказских фибул, датируется временем не ранее VIII в. (Гавритухин, 2010. С. 419). Неорнаментированная фибула типа 4 найдена в катакомбе № 13 Верхне-Салтовского могильника с дирхемом Харун ар-Рашида, мединат Зеренж, 797–798 гг. В камере 5 костяков, три из которых смещены в ходе позднейших подхоронений. Дирхем был найден среди потревоженных (ранних) погребений, что дает основание автору датировать комплекс первой половиной – серединой IX в. (Хоружая, 2009а. С. 269, 270, 286. Рис. 7, 9).

Таким образом, можно сказать, что временем наибольшего распространения фибул типа 4 в погребениях Даргавского могильника, по-видимому, является середина VIII – первая половина IX в.

Следует отметить, что материалы некоторых северокавказских памятников позволяют говорить о том, что во второй половине IX в. эти фибулы выходят из моды и встречаются уже достаточно редко. Например, в Тарском могильнике (также расположенном в Северной Осетии)

тии), зафиксирован только один экземпляр с продольными желобками на спинке и завитком на конце приемника, пик прогиба спинки фибулы смещен к приемнику. Отсутствуют фибулы среди инвентаря могильника Мартан-Чу 1, на что обратили внимание Э.С. Кантемиров и Р.Г. Дзаттиаты (*Кантемиров, Дзаттиаты*, 1995. С. 269). Это может свидетельствовать об изменении способов фиксации элементов одежды, или одежды в целом, происходивших во второй половине IX – начале X в.

Анализ материалов Даргавского могильника несколько корректирует наши представления о хронологии бытования фибул. Несколько фибул обнаружено в погребениях, датирующихся второй половиной IX – первыми десятилетиями X в. Однако, следует отметить, что морфологически они несколько отличаются от всего массива типа 4 крутостью прогиба спинки (кат. № 65), длиной приемника (кат. № 28), более крупным размером и ребрами на спинке (кат. № 1), вторичностью использования (кат. № 24).

Таким образом, фибулы как элемент одежды использовались населением Даргавской котловины в период рубежа VI/VII – первой половины X в. Выделенные типы фибул сближают Даргавский могильник с другими синхронными некрополями Центрального Кавказа (например, Чми). Обращает на себя внимание то, что отсутствует взаимовстречаемость описываемых фибул в одних комплексах, даже в катакомбе № 75 фибулы типа 1 и 2 найдены с разными индивидами, захороненными с перерывом. Это подчеркивает датирующие возможности фибул для рассматриваемого хронологического отрезка.

Фибулы первого типа 1 могут быть широко датированы VII – первой половиной VIII в. Не позднее этого времени датируются железные застёжки типа 2 и единичный экземпляр типа 3, вместе с тем, их датировка, видимо, не выходит за пределы начала VIII в., а фибула типа 3, наряду с Т-образными фибулами с круто (циркульно) выгнутой спинкой со смещением прогиба к головке, маркирует наиболее ранний этап существования Даргавского могильника.

По-видимому, в конце первой половины – середине VIII в. фибулы типов 1–3 постепенно вышли из обихода. Им на смену пришли фибулы типа 4. Судя по материалам могильника, время наибольшего распространения фибул типа 4 приходится на вторую половину VIII – первую половину IX в.

II.3. Предметы вооружения

Оружие занимало важнейшее место в жизни средневековых племен Северного Кавказа, а предметы вооружения образуют одну из ярких слагаемых материальной культуры кавказских племен. В некрополях аланской культуры Центрального Кавказа оружие – довольно распространенная находка. В данной части работы предметы вооружения, использовавшиеся населением Центрального Кавказа, будут рассмотрены преимущественно на материалах Даргавского могильника, поскольку полученная здесь репрезентативная выборка позволяет проследить развитие основных типов вооружения, использовавшихся населением аланской культуры в период VII–XII вв.

Проблемам изучения средневекового оружия юга Восточной Европы, посвящено большое количество работ, в настоящее время накопленная историографическая база требует самостоятельного исследования. Анализ различных видов оружия населения юга Восточной Европы содержится в исследованиях Н.Я. Мерперта, С.А. Плетневой, А.Н. Кирпичникова, А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной, А.И. Соловьева, С.И. Владимировича (*Мерперт*, 1955; *Плетнева*, 1973; 1989; *Кирпичников*, 1966, 1966а; *Евглевский, Потемкина*, 2000; *Соловьев*, 1985; *Владимиров*, 2017). Вооружение племен Северного Кавказа рассматривается в работах Е.А. Армарчук, А.В. Дмитриева, М.Г. Горелика, В.Н. Каминского, В.Б. Ковалевской, У.Ю. Кочкарова, М.Г. Магомедова, В.А. Тарабанова, А.А. Сланова, Р.Б. Схатума и др. (*Армарчук, Дмитриев*, 2003, 2014; *Армарчук, Малышев*, 1997; *Горелик*, 2001; *Каминский*, 1991, *Каминский, Каминская-Цокур*, 1997; *Ковалевская*,

Таблица 1. Параметрические характеристики длинноклинкового оружия Даргавского катакомбного могильника.

№ катакомбы	Длина сабли (см)	Ширина клинка (см)	Длина черенка рукояти (см)	Длина перекрестия (см)	Изгиб	Примечания
1	89	3	8	8,2	2,3	
19	более 72	3–3,2	–	10,6		Клинок фрагментирован, длина дается по суммарной длине фрагментов.
20	98	3,4	6,8	9	2,5	
26	83	3,1	6,5	9,7	1,3	
28	87	3,6	8,8	8,7	нет	
31	78	3	6	7,7	нет	
33	77,5	3	7,5	7,6	0,8	Нижняя часть клинка обломана.
36	84	3,5	11,6	9,5	1,4	
39	85	3	6,5	8	1	
47	более 77	3,3	более 7,5	11	нет	
69	более 78	3,4	9,3	8	нет	
71	72,2	2,9	7,5	5	нет	
76	96–97	3		8	около 1,3	Длина рукояти 11,5

1981; Кочкаров, 2008; Магомедов, 1983; Сланов, 2007; Схатум, 2008; Тарабанов, 1989).

В катакомбах Даргавского некрополя выявлено более 200 предметов вооружения, которые можно условно разделить на две большие группы:

- оружие ближнего боя;
- оружие дистанционного боя и таранного удара.

К первой группе относятся сабли, боевые топоры, ножи и кистень, ко второй – стрелы и копья.

Длинноклинковое вооружение

В катакомбах могильника было найдено 13 экземпляров длинноклинкового оружия (кат. №№ 1, 19, 20, 26, 28, 31, 33, 36, 39, 47, 69, 71, 76) и в двух случаях (кат. №№ 2 и 67) выявлены фрагменты ножен и навершия сабельных рукоятей без клинка. Фрагменты сабли из катакомбы № 19 из-за плохой сохранности не были включены в предлагаемую ниже классификацию (рис. 40, табл. 1).

На основании наличия/отсутствия изгиба клинка они разделены на два отдела:

отдел I – однолезвийные клинки без изгиба (5 экз.) (рис. 40, 1–5);

отдел II – клинки с изгибом лезвия – сабли (7 экз.) (рис. 40, 6–12).

Перед описанием отделов необходимо дать ряд пояснений к терминологии, выбранной нами для клинков без изгиба полосы. В настоящее время нет строго выработанного термина для их обозначения, иногда такие предметы определяются как однолезвийные мечи (Горбунов, 2006. С. 57). Ряд исследователей называет подобные изделия палашами, при этом не ясно, насколько корректно переносить термин, а соответственно и признаки оружия, возникшего в XVI в., на прямые однолезвийные раннесредневековые клинки (Каминский, Каминская-Цокур, 1997. С. 61; Атавин, 2008. С. 29). Нельзя не согласиться с мнением А.И. Соловьева, А.В. Евглевского и Т.М. Потемкиной, что основой разделения между однолезвийным мечом

и саблей является особенность удара, наносимого оружием. Для сабли характерен скользящий, режуще-секущий и, благодаря протягиванию, захватывающий большую площадь (чем у меча) удар. Кроме этого, удар сабли позволяет проводить обе фазы выполняемого удара (поражение и извлечение) в один прием. Поэтому к саблям можно относить только те клинки, которые позволяют выполнить вышеназванные действия. Особенности клинка, позволяющего нанести такой удар, могут быть выяснены только экспериментальным путем. Если в результате такого эксперимента будет доказано, что прямые однолезвийные клинки способны наносить характерный для сабли удар, необходимо выяснить морфологические характеристики этих клинков, чтобы в дальнейшем отличать их от однолезвийных мечей (Евглевский, Потемкина, 2000. С. 119–120). Ввиду невозможности выполнения такого эксперимента авторы данной работы с целью не создавать терминологической путаницы прямые экземпляры называют «однолезвийные клинки без изгиба».

Все рассматриваемые экземпляры длинноклинкового оружия были снабжены перекрестиями, представленными следующими типами.

Тип 1. Прямые с расширением в центре и сужающиеся к окончаниям (рис. 40, 18, 19);

Тип 2. Прямые с ромбическим расширением в центре, шаровидными или дисковидными окончаниями (рис. 40, 20–23);

Тип 3. Прямые с раструбообразными короткими окончаниями, слегка опущенными вниз (рис. 40, 24);

Тип 4. Изогнутые с треугольным расширением в центре с опущенными вниз ветвями и шаровидными или дисковидными окончаниями (рис. 41, 25);

Тип 5. Сильноизогнутые с ветвями, опущенными вниз и шаровидными окончаниями (рис. 40, 26).

Значительно реже встречались навершия рукоятей, их зафиксировано всего три типа.

Тип 1. Цилиндрические, уплощенные с боков, с расширением в верхней части (грушевидные) (рис. 40, 13, 14);

Тип 2. Цилиндрические, уплощенные с боков и овальным верхом и иногда фигурным боковым отростком (рис. 40, 15, 16);

Тип 3. Цилиндрические, уплощенные с боков и плоским верхом (рис. 41, 17).

Отдел I. Однолезвийные клинки без изгиба представлены 5 экземплярами (кат. №№ 28, 31, 47, 69, 71). Длина сохранившихся клинков колеблется от 72,2 до 87 см. С клинками встречены перекрестия типа 1, 2 и 5, а также навершие рукояти типа 2.

Клинки без изгиба, отнесенные к первому отделу, широкого распространения в погребениях не имели, а по хронологии они относятся к разным периодам существования могильника. Относительно архаичным выглядит клинок и его гарнитура из катакомбы № 71 (рис. 40, 1), где с небольшими перерывами было захоронено 3 человека. Клинок связан с последним погребенным. С первым погребенным соотносятся поясной набор с прямоугольнорамчатой щитковой пряжкой (рис. 43, 35). Подобные пряжки датируются временем не ранее второй половины VIII в. Со вторым костяком найдены амулеты с четырьмя птичьими головками и ушком, пик распространения которых также приходится на вторую половину VIII в. (рис. 43, 41) и Т-образная шарнирная фибула с несильно прогнутой спинкой, (аналогичная фибулам на рис. 43, 27, 28, 34) (Гавритухин, 2010. С. 414; Албегова, Успенский, 2017. С. 100–102. Рис. 2; Албегова, Успенский, 2019. С. 311). Таким образом, катакомба может датироваться временем не ранее второй половины VIII в.

Примечательно перекрестие рассматриваемого клинка, полных аналогий которому найти не удалось, однако прослеживается его определенное морфологическое сходство¹¹ с гардой клинка из погребения 248 могильника Дюрсо,

¹¹ Имеется в виду соотношение длины и ширины перекрестия, а также наличие выраженного расширения в центральной части.

датирующегося первой половиной VIII в. Подобные перекрестия известны у сабель аварского периода в Карпатской котловине у с. Кишкунфеледьхаза-Пакапусти и Кишкашши, данные гарды отнесены Г. Чики к подтипу I/c (Дмитриев, 2003, С. 200–206; Чики, 2010. С. 210, рис. 4).

В катакомбе № 47 (в камере 4 погребения) клинок (рис. 40, 3) зафиксирован с третьим погребенным. Рассматриваемый погребальный комплекс может датироваться второй половиной VIII – началом IX в. (Албегова, Успенский, 2019. С. 314).

В катакомбе № 28 выявлено не менее 4 погребенных. Весь инвентарь находился в смещенном состоянии в западной части камеры. Предметы имеют достаточно широкий разброс дат. Часть из них относится к IX–X вв.: перстни с крестовидной жуковиной, зеркала, декорированные в одном случае концентрическими окружностями и завитками между ними, в другом – «ящечками». Аналогичные зеркала и перстни были найдены в погребениях с монетами конца VIII в. (Аксенов, 2016. С. 118, 119; Мамаев, 2010. С. 391, 392). Браслеты с расплюснутыми концами со вставками и без (рис. 43, 16) известны на территории Кавказа, Венгрии и Румынии, в комплексах конца IX–XI вв. (Виноградов, Мамаев, 1984. С. 65, 72, 85; Виноградов, Мамаев, 1985. С. 10–12, 22, 23, 26. Рис. 5, 12, 13, 18, 19; *The Ancient ...*, 1996. P. 217, 218, 347, 299–301, 392, 393). Более поздний облик у выявленной в катакомбе бронзовой ногтечистки в виде стилизованного когтя хищника (рис. 43, 9). Возможно, эта находка соотносится с последними погребенными. Такие ногтечистки известны в Змейском могильнике, в погребениях середины XI – начала XII в., согласно датировке С.Н. Савенко (Савенко, 2017. С. 118. Рис. 9, 15). В соответствии с результатами последних исследований этого памятника, подобные изделия встречаются в комплексах с конца X в. (Бакушев и др., 2021. С. 369. Табл. 1, № 1. Рис. 2, 21).

С комплексом вооружения связан поясной набор и костяк лошади во входной яме. Ко времени не ранее рубежа IX/X вв. относятся обнаруженные стремяна и по-

ясной набор (рис. 43, 13) (Комар, 2018. Рис. 41, 3). Поясные накладки аналогичной формы в комплексе с боевым двулезвийным топором с одним клинком в виде копья (подобный топор из описываемой катакомбы) выявлены в катакомбах Мартан-Чу 1 X–XI вв. (Савенко, 1985а. С. 29–32. Рис. 2, 19; Виноградов, Мамаев, 1984. С. 85. Рис. 12, 47, 51, 52). Вероятно, погребение было совершено в X в.

Однолезвиные клинки, выявленные в катакомбах № 31 и 69, относятся к X – началу XI в. (Албегова, Успенский, 2019. С. 314–315).

Отдел II (сабли). По степени изгиба клинка они разделяются на два типа:

Тип 1. Сабли длиной не более 100 см со слабоизогнутым клинком (степень изгиба клинка составляет от 0,5 до 2,0 см) и обоюдоострым окончанием (5 экз. из катакомб №№ 26, 33, 36, 39, 76) (рис. 40, 6–10).

Эти сабли снабжены гардами типов 2 и 4, встречены все рассматриваемые типы наверший рукояти.

Тип 2. Сабли длиной не более 100 см со средним изгибом клинка (степень изгиба составляет от 2,0 до 3,0 см) и обоюдоострым окончанием (2 экз. из катакомб №№ 1 и 20) (рис. 40, 11, 12). Встречены с перекрестиями типа 1 и 3. Навершия рукоятей с саблями этого типа не выявлены.

Наиболее ранними из сабель в рассматриваемой выборке являются экземпляры типа 1 из катакомб №№ 36 и 76 (рис. 40, 10, 8). Планиграфия катакомб свидетельствует об относительно небольших перерывах при подхоронениях.

Катакомба № 76 по набору инвентаря (Т-образные фибулы, штампованные перстни со стеклянными вставками-литиками, стеклянные перстни, перламутровые пластины с отверстием в центре, накладка с изображением двух птиц) может быть датирована серединой VIII – первой половиной IX в. (рис. 43, 27–33). В катакомбе № 36 погребение с саблей датировано концом VIII – первой половиной IX в. (Дзаттиаты, Успенский, 2016. С. 166).

Катакомба № 33 малоинвентарная. Здесь находилось не менее двух погребенных, захороненных с небольшим

перерывом. Инвентарь данного комплекса не противоречит датировке второй половиной, а возможно, и концом VIII – первой половиной IX в. (рис. 43, 17, 20).

Захоронение в камере катакомбы № 26, вероятно, было совершено последним, в сопровождающий инвентарь вместе саблей входили: вотивный топорик с параллельными лезвиями и плоские листовидные стрелы. Данный комплекс относится к рубежу X/XI – первой половине XI в. Близкой катакомбе № 26 по времени является катакомба № 39, где сабля обнаружена вместе с набором листовидных наконечников стрел, наконечником типа двурогий срезень, крыловидной колчанной бляхой, вотивными топорами с параллельными и взаимноперпендикулярными лезвиями. Наличие в наборе инвентаря вотивных топоров с взаимноперпендикулярными лезвиями, большое количество мелких литых (?) и штампованных пуговиц, может свидетельствовать о датировке комплекса вооружений, скорее, XI веком.

Сабли типа 2 обнаружены в катакомбах №№ 1 и 20, данные комплексы являются достаточно поздними в выборке. Сабли были обнаружены у задних стенок камер с другими сдвинутыми предметами. Инвентарь представлен Г-образными топорами, вотивными топорами со взаимноперпендикулярными лезвиями, листовидными стрелами, мелкими полыми и литыми пуговицами, каплевидными бубенчиками, в том числе и с обводами вокруг отверстий в нижней части. Хронологически описанный инвентарь синхронизируется с поздними катакомбами Мартан-Чу 1 X–XI вв. (Виноградов, Мамаев, 1984. Рис. 11–15) и близок комплексам Змейского могильника второй половины XI – первой половины XII в. (по датировке, предложенной С.Н. Савенко) или последней четверти X – первой половины XI в. (по хронологии М.А. Бакушева и А.С. Леонтьевой).

Погребения с оружием из катакомб №№ 1 и 20 могут датироваться серединой X – первой половиной XI в.

Сабли типа 1 известны в синхронных аланских могильниках Центрально-

го Кавказа, таких как Чми, Кобан, Тарский (рис. 41, 1, 2, 7) (Хайнрих, 1995. С. 199; Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. Табл. VIII, 1), обнаружены они и в материалах катакомбных могильников донских алан (Дмитриевский могильник) (Плетнева, 1989. Рис. 34). Следует отметить, что в сравнении с перечисленными могильниками, даргавская выборка сабель одна из самых многочисленных.

Помимо аланских древностей, сабли с близкими характеристиками найдены на обширной территории Восточной Европы и за ее пределами. Большое сходство сабли первого типа и их гарнитура обнаруживаются с клинками из кремационных могильников VIII–X вв. на Северо-Западном Кавказе (Дюрсо, Борисово, Псекупский и др.), причем у ряда экземпляров указанное сходство может быть признано абсолютным (рис. 40, 4, 5) (Успенский, 2015. Рис. 21, 1–4). В небольшом количестве сабли близкой морфологии выявлены в кремационных погребениях с территории Северского Донца (погребения типа Сухая Гомольша) и др. (Аксенов, Михеев, 2006. Рис. 40, 10). Близкие по форме клинки известны в материалах начала IX–X вв. из могильников ранних болгар на Волге (Больше-Тараханский, Танкеевский, Больше-Тиганский) (Плетнева, 1981б. Рис. 52, 11, 12). На Алтае слабоизогнутые сабли с острым окончанием клинка характерны для периода второй половины VIII–XIII вв. (Горбунов, 2006. С. 69)

Сабли типа 2 относительно длинные и близки по степени изгиба клинка. Однако сабля из катакомбы № 20 отличается клинком большей ширины. Подобные сабли с достаточно массивным клинком известны как в материалах VII–IX вв., так и более позднего времени. Рассматриваемому экземпляру близка сабля из Галиатского склепа, датирующегося второй – третьей четвертью VIII в. (рис. 41, 6) (Кадиева, 2012. С. 110. Рис. 2, 1). В материалах дуба-юртовских комплексов подобная сабля найдена в погребении IX – начала X в. (Мамаев, Савенко, 1988. С. 35. Рис. 6, 27). Более «поздние» аналогии происходят из погребений кочевников Во-

сточной Европы (Плетнева, 1973. Рис. 5, 14. Табл. 1, 1, 8).

Несколько отличается по своим параметрам сабля из катакомбы № 1, аналогии ей известны по материалам X–XI вв. из могильника Мартан-Чу 1 (Ковалевская, 1981. Рис. 94, 129, 130). Перекрестию рассматриваемой сабли близки гарды из могильника Колосовка и Змейский (рис. 41, 9, 10) (Каминский, Каминская-Цокур, 1997. Рис. 2, 5). Интересной аналогией с рассматриваемым типом перекрестий является изображение сходных гард у сабель на зеленчукских каменных изваяниях №№ 1 и 2, а также на изваяниях из окрестностей ст. Сторожевой (Пьянков, 1993. С. 133; Пьянков, 2006. С. 297. Рис. 2, 2; 3, 1, 2; Каминский, Каминская-Цокур, 1997. Рис. 2, 5; Сорокина, 2001. Рис. 58, 5; Армарчук, Малышев, 1997. С. 96. Рис. 9, 12; 18, 6).

Следует обратить внимание на то, что максимальный изгиб полосы клинка у обоих рассматриваемых экземпляров типа 2 располагается в средней части сабли. По мнению А. И. Соловьева, этот признак может являться хронологическим фактором. Так, для более ранних экземпляров характерно смещение максимального изгиба полосы к нижней трети клинка (это демонстрируют сабли отдела II, типа 1 Даргавского могильника) (Соловьев, 1985. С. 152).

Ножны. В анализируемом материале вместе с саблями были обнаружены различные фрагменты ножен. Основа ножен изготавливалась из дерева, могла обтягиваться кожей или иным материалом. Корпус дополнительно скреплялся металлическими обоймами, а нижняя часть снабжалась наконечником. Чаще всего в погребениях сохраняются металлические детали: железные наконечники ножен (рис. 42, 10–16) и элементы крепления к портупее (рис. 42, 1–9). Наконечники представлены простыми трубками-оковками, слегка уплощенными с боков, с шаровидным (рис. 42, 14), овальным (рис. 42, 10, 12) или плоским (рис. 42, 11, 13, 15, 16) окончанием. Скобы для крепления ножен к портупее представлены изделиями С-видной (рис. 42, 1, 2, 6–8), фигурной

формы (рис. 42, 9) и простыми скобами с петлей-штифтом (рис. 42, 3–5). Скобы крепились на ножнах в двух местах: ближе к устью и в средней части. Это позволяет реконструировать способ подвешивания ножен к поясу при помощи двух портупейных ремней. Такой способ ношения длинноклинкового вооружения распространяется с середины I тыс. н. э. и быстро становится основным у многих народов Евразии (Горбунов, 2006. С. 73–74). В частности, этот способ изображен на фресках Афрасиаба и на фрагменте костяной пластины из кургана 17 Верхнечирютовского могильника. Последний датируется VII – началом VIII в. (рис. 42, 17) (Магомедов, 1983. С. 75, рис. 23). Большинство рассматриваемых металлических деталей ножен из катакомб Даргавского могильника имеет широкие аналогии в комплексах VIII–XII вв. на Северном Кавказе.

Длинноклинковое оружие средневекового населения Даргавской котловины формировалось в тесной связи с общими закономерностями развития этого вида вооружения на территории Северного Кавказа и юга Восточной Европы. Время существования Даргавского могильника совпадает со временем возникновения и широкого распространения сабли как оружия легкой конницы.

Существуют различные точки зрения относительно времени появления и дальнейшего распространения сабель на Кавказе и сопредельных территориях, в частности, говорится о появлении этого вида оружия на рубеже VII–VIII вв. (Кирпичников, 1966а. С. 61; Кочкаров, 2008. С. 22–23, Каминский, Каминская-Цокур, 1997. С. 61). Указание на находки сабель в комплексах второй половины VII – первой половины VIII в. Верхнечиртюртовского могильника в Дагестане весьма спорно, поскольку в комплексах этого могильника обнаружены небольшие фрагменты, не позволяющие реконструировать внешний вид оружия, а погребения, в которых они найдены, имеют широкие датировки (Каминский, Каминская-Цокур, 1997. С. 62).

В рассматриваемых даргавских катакомбах предметы длинноклинкового

вооружения не известны ранее середины VIII в. Наиболее ранним клинком из всей анализируемой серии является клинок отдела I из катакомбы 71, однако четкого времени смены клинков без изгиба на слабоизогнутые сабли (отдел II, тип 1) не прослеживается (рис. 43). В течение всего рассматриваемого периода оба типа длинноклинкового вооружения сосуществуют. Отметим, что в погребениях второй половины VIII–IX вв. отсутствуют сабли со средним изгибом клинка (отдел II, тип 2), оба рассмотренных экземпляра происходят из комплексов X – первой половины XI в. (рис. 43, 6, 7). Проведенный анализ длинноклинкового вооружения демонстрирует отсутствие стандартизации в их размерных характеристиках и, следовательно, единообразия размеров. Размер сабли мог зависеть от определенных пожеланий ее будущего владельца.

Наиболее типологически изменчивым признаком представляется перекрестие, однако строгой хронологической смены одного типа перекрестий другим не прослеживается, преобладающая часть анализируемых перекрестий сосуществовала в одно время, наиболее популярным было перекрестие типа 2.

Топоры

В Даргавском могильнике одной из самых многочисленных категорий вооружения являются боевые топоры – оружие ближнего боя ударно-колющего действия. Всего в исследуемой выборке рассматривается 51 топор.

Вопрос о функциональном назначении топоров (являлись ли они боевыми или рабочими) является дискуссионным и требует пояснения. По мнению С. А. Плетневой, ряд топоров Дмитриевского могильника, которые находят аналогии в материалах Даргавского могильника, достаточно массивны и могли использоваться и как боевые, и как рабочие (Плетнева, 1989. С. 74, 75). В своих выводах автор опиралась на работу А. Н. Кирпичникова, в которой обосновываются принципы выделения боевых и рабочих топоров

среди всего массива древнерусских находок X–XIII вв. На основе анализа около 1600 экземпляров исследователь делает вывод о том, что чисто рабочие топоры имеют более длинные (15–22 см) и широкие лезвия (9–14,5 см), более широкую втулку для рукояти (3–4,5 см), а также больший вес (600–800 г), чем боевые. Боевые топоры легче (до 450 г), их лезвия короче (9–15 см) и уже (10–12 см), диаметр втулки 2–3 см.

К боевым А. Н. Кирпичников относил чеканы – топоры с молоточковидным обухом, морфологически близкие ряду типов топоров аланской и салтово-маяцкой культур и генетически связанные с топорами южнорусских степей, лесостепи и Кавказа (Кирпичников, 1966. С. 28, 29, 34. Рис. 6, тип I; Табл. XI). В целом, специалисты сходятся на универсальности функций топоров: в определенных ситуациях рабочие топоры могли использоваться в качестве боевых и, наоборот, боевые – в качестве рабочих.

Возвращаясь к топорам Даргавского могильника, следует отметить, что они имели обух в виде молоточка, лезвия или копыя. По размерам их можно условно разделить на три группы (далее, в случае с двулезвийными топорами, берутся параметры основного клинка). К первой относятся вотивные топоры общей длиной 6,7–11,5 см, с высотой клинка от 2,2 до 4,8 см, длиной лезвия от 1,8 до 4,9 см и наибольшим диаметром втулки от 0,8 до 2,9 см. К этой размерной группе относится 25 экземпляров. Вторую группу представляют однолезвийные и двулезвийные топоры среднего размера общей длиной 12,8–18,7 см, с высотой клинка от 5,6 до 9,4 см, длиной лезвия от 3,8 до 6,2 см, наибольшим диаметром втулки от 1,9 до 3,9 см (21 экземпляр). Третью группу составляют крупные однолезвийные и двулезвийные топоры общей длиной 20–22,7 см, с высотой клинка от 6,7 до 11 см, длиной лезвий от 4,9 до 6 см, наибольшим диаметром втулки от 2,6 до 3,5 см (6 экземпляров).

Если исключить вотивные варианты топоров, то по комплексу параметров (высота клинка, длина лезвия, легкость, обухи со вспомогательными универсаль-

ными функциями) даргавские топоры можно с достаточно большой долей уверенности отнести к походным, боевым. Что касается веса топоров, то согласно выводам Э.Ю. Шестопаловой относительно топоров из катакомбного могильника Архон, аналогичных средним и крупным даргавским, их вес не превышал 354 г (Шестопалова, 2020. С. 445). Вес отдельных вотивных экземпляров мог быть меньше 20 граммов (Савенко, 2017. С. 137).

Топоры из погребений Даргавского катакомбного могильника по количеству лезвий разделяются на две группы: однолезвийные (10 экз.) и двулезвийные (41 экз.). В двух случаях из-за плохой сохранности клинков не удалось точно определить, к какому типу относится топор, они только предположительно отнесены к двулезвийным топорам Отдела I T1A и T4 (рис. 44).

Все однолезвийные топоры характеризуются удлинённо-трапециевидными клинками с опущенной пяткой, у них четко различается форма обуха, которая и легла в основу типологизации. По наличию шляпки на обухе топоры были разделены на Отделы. Отделы разделены на типы по наклону обуха по отношению к рукояти и его сечению. Внутри типов выделились варианты по длине обуха (высокие и низкие).

Двулезвийные топоры образуют два отдела по взаимному расположению клинков: топоры с параллельными и взаимоперпендикулярными лезвиями. Отделы подразделяются на типы по расположению полотён относительно рукояти (наличие наклона клинков к рукояти, наличие приподнятости носков клинков над проушиной), типы распадаются на варианты – по размерам топоров и контурам клинков в плане (строгим геометрическим или плавным дуговидным).

Первая группа – однолезвийные топоры.

Отдел I. Однолезвийные топоры с трапециевидным вытянутым клинком и высоким обухом без «шляпки». Внутри отдела выделяется два типа.

Тип 1. Топоры с высоким подпрямоугольным оттянутым узким и прямо-

угольным в сечении обухом (кат. № 47, 2 экз., кат. № 71) (рис. 44, 1).

Тип 2. Топоры с высоким широким и подпрямоугольным в сечении обухом.

Вариант А представляют топоры с высоким прямоугольным в сечении обухом (кат. №№ 23, 53) (рис. 44, 2).

Вариант Б – топоры с низким трапециевидным обухом прямоугольного сечения (кат. № 42) (рис. 44, 3).

Отдел II. Топоры с расширяющимся от проуха к ударной части обухом с выравненной «шляпкой» (молоточковидный обух). Выделяются два типа.

Тип 1. Топоры с высоким обухом прямоугольного сечения (*вариант А*, кат. № 76) (рис. 44, 4) или коротким прямоугольным в сечении обухом (*вариант Б*, кат. № 18) (рис. 44, 5).

Тип 2. Топоры с наклоненным в сторону рукояти обухом прямоугольного сечения и клинком с опущенным носком (кат. № 44, и, видимо, кат. № 2) (рис. 44, 6).

Вторая группа – двулезвийные топоры.

Отдел I. Двулезвийные топоры с параллельными лезвиями. В данном отделе выделяется 5 основных типов.

Тип 1. Топоры с одним высоким расширяющимся к лезвию клинком с опущенной пяткой и одним более коротким подпрямоугольным клинком (кат. № 69) (рис. 44, 7).

Тип 2. Топоры с высокими трапециевидными клинками. Пятки клинков опущены, верхняя кромка клинков – горизонтальная. Крупные экземпляры длиной, соответственно 17 и 21,2 см (найжены в кат. №№ 34 и 36) (рис. 44, 8).

Тип 3. Топоры с высокими трапециевидными клинками к приподнятым над проушиной носками и опущенными пятками.

Вариант А. Топоры с высокими трапециевидными клинками. Носки клинков подняты, пятки опущены. (кат. №№ 16, 28). Клинки симметрично расширяются от проушины к краям лезвий (рис. 44, 9).

Вариант Б (кат. № 67). Топор с формой, близкой к варианту А, но с плавными (дуговидными) контурами клинков, причем один клинок вдвое короче другого (рис. 44, 10).

Тип 4. Топоры с одним клинком, зауженным у проушины (с двумя проушиными выемками), ближе к лезвию клинок раскован в виде трапеции, и другим клинком (обухом) удлиненной трапецевидной формы (кат. №№ 24, 37) (рис. 44, 11).

Тип 5. Топоры с одним или двумя склоненными к рукояти клинками и плавно скругленным брюшком.

Вариант А. Топор с прямой, горизонтальной верхней гранью и опущенной пяткой рубящего клинка, и узким плавно изогнутым книзу вспомогательным клинком (кат. № 19) (рис. 44, 12).

Вариант Б. Топор с двумя склоненными трапецевидными клинками (кат. №№ 6, 22, 49), прямыми или плавно приподнятыми к носку верхними гранями (рис. 44, 13).

Вариант В. Топор с плавно склоненными к древку рукояти клинками и опущенными носками, без выделенной проушины (кат. № 55) (рис. 44, 14).

Тип 6 – вотивные подражания топорам Отдела I типа 1 и 3 (кат. №№ 16, 26, 31, 39, 65) (рис. 44, 15, 16).

Среди них: топоры с прямыми спинками (кат. №№ 16, 26, 39, 65), топор с прямой спинкой и опущенными пятками (кат. № 39), топор с приподнятыми носками и опущенными пятками, подражающий ОI-Т3 (кат. № 31).

Отдел II. Двулезвийные топоры со взаимоперпендикулярными лезвиями.

Тип 1. Двулезвийные топоры с трапецевидными или треугольными клинками, лезвия которых расположены перпендикулярно друг другу, а спинка основного клинка – прямая. По размерам (а возможно и по функциям) топоры типа 1 из Даргавса можно разделить на экземпляры средних размеров (*вариант А*) (рис. 44, 17) и на вотивные топоры (*вариант Б*) (рис. 44, 18).

Вариант А представлен 1 экземпляром (кат. № 39) длиной 14,3 см. (рис. 47, 1–5)

Вариант Б (12 экз., кат. №№ 1, 4, 20, 39, 69, 70) – топоры аналогичные варианту А, но миниатюрные, которые мы условно называем вотивные. Их длина варьирует от 7,5 до 11,5 см (рис. 47, 6–13).

Тип 2. Вотивные двулезвийные топоры со взаимоперпендикулярными склоненными к рукояти трапецевидными клинками (1 экз., катакомба № 68) (рис. 44, 19).

Тип 3. Топоры с основным клинком Г-образной формы и вспомогательным клинком трапецевидной формы (7 экз. из катакомб №№ 1, 20, 28, 69) (рис. 44, 20, 47, 15–22). Один из клинков Г-образной формы, с прямой спинкой и вертикальным лезвием, второй клинок трапецевидной формы с горизонтальным лезвием. Эти легкие, миниатюрных размеров топоры, которые также могут быть определены как вотивные. Их общая длина колеблется от 7,7 см (кат. № 69) до 11,2 см (кат. № 1), длина лезвий – от 2,9 до 4,9 см, длина проушины от 0,6 до 1,2 см.

Отдел III. Комбинированные топоры. Этот отдел представлен одним экземпляром топора с трапецевидным клинком и обухом, оформленным в виде пера наконечника копья. Найден в катакомбе № 28 (рис. 44, 21).

Однолезвийные топоры отдела I в погребениях Даргавского могильника выявлены в комплексах середины – второй половины VIII в., второй половины VIII – начала IX в. Изделия, близкие ОI-1 известны у носителей аланской культуры Северного Кавказа и Среднего Дона, а также в кремационных погребениях Северо-Западного Кавказа второй половины VIII–IX вв. (Плетнева, 1989. С. 74; Кочкаров, 2008. С. 66). У.Ю. Кочкаров называет эти топоры «аланскими», поскольку они были распространены в погребениях аланской культуры на Северном Кавказе и Среднем Дону (Кочкаров, 2008. С. 66, 74) (рис. 45).

Топоры с широким прямоугольным в сечении обухом (ОI-1) отнесены В.Н. Каминским к типу II В. Катакомбы Архона, включающие эти топоры датированы временем не позднее VIII в. (Шестопалова, 2020. С. 445). В катакомбе № 2 Верхнего Алкуна топор с высоким обухом встречен в комплексе, датированном временем не ранее IX в. (Мамаев, 2010. С. 392).

Однолезвийные топоры отдела II обнаружены в погребениях Даргавского могильника середины VIII – первой половины IX в., а также второй половины IX – начала X в. Подобные топоры-чеканы в VIII–IX вв. распространились в Восточной Европе от Прикамья до Венгрии и Чехии (Данич, 2015. С. 74, 75. Рис. 3; Кочкаров, 2008. С. 67, 68). Велико их разнообразие в кремационных погребениях Северо-Западного Кавказа (Кочкаров, 2008. Табл. XXXII; XXXIII, 21–23). Известны они и в погребениях аланской культуры на Северном Кавказе и на Среднем Дону (рис. 45, 1–4).

Топоры, близкие ОI-1А, найдены в комплексе, датирующимся не позднее VIII в. из Архонского могильника. Еще одна находка такого топора происходит из катакомбы № 4 IX – начала X в. могильника Дуба-Юрт (Мамаев, Савенко, 1988. С. 35. Рис. 10, 41).

Топоры с наклоненным к рукояти обухом и клинком с опущенным носком (ОI-2) известны в катакомбе № 8 могильника Балта, датирующейся временем около середины IX в. (рис. 45, 6) (Гончаров, Кадиева, 2019. Рис. 6, 22). Еще один топор подобной формы найден в катакомбе № 23 Тарского катакомбного могильника вместе с накладками, подражающими экземплярам круга Субботцев, и топором со взаимоперпендикулярными лезвиями (Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. Табл. XXIX, 1).

Двулезвийный топор ОI-1 был найден в катакомбе 69 и может быть датирован X – началом XI в. Широких аналогий изделиям подобной формы не известно.

В других погребальных комплексах Даргавского могильника двулезвийные топоры Отдела I выявлены в разновременных комплексах. Изделия с высокими трапециевидными клинками встречены с вещами конца VIII – первой половины IX в. (Дзаттиаты, Успенский, 2016. Рис. 4). Достаточно часто подобные топоры встречаются в могильниках Чечни: Мартан-Чу 1, катакомбы №№ 5, 11 второй половины VIII–IX вв. (Виноградов, Мамаев, 1984. С. 84. Рис. 4, 35; 9, 33; 11), № 17 X–XI вв. (Там же. С. 85. Рис. 13, 20), № 19 второй

половины IX в. (Виноградов, Мамаев, 1985. Рис. 2, 51), № 28 X–XI вв. (Виноградов, Мамаев, 1985. Рис. 8, 28); в материалах разрушенных захоронений Мартан-Чу 1 (Там же. Рис. 1, 26) и Дуба-Юрта (Мамаев, Савенко, 1988. Рис. 1, 7; 12, 13) (рис. 46, 7–9). В погребении № 1 Мощевой Балки (раскопки Е. А. Милованова) у подобного топора сохранилась рукоять длиной 67 см и шириной 2,5 см. Длина самого топора 14 см, ширина лезвий 2,7 и 3 см. (Милованов, 1968. С. 8). Среди аналогий из ближайших к Даргавсу ущелий Северной Осетии известны случайные находки из Кобанского катакомбного могильника (МАК, 1900. Табл. LXVII, 6; Хайнрих, 1995. С. 195. Табл. XXVII) (рис. 46, 1–2), а также находка из катакомбы № 23 Тарского могильника (Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. Табл. XXIV, 14) (рис. 46, 3). Еще одна аналогия выявлена среди материалов могильника Архон, датирующихся временем не позднее VIII в. (Шестопалова, 2020. Рис. 1).

Топоры с высокими трапециевидными клинками (ОI-3А) обнаружены в погребениях X в, а вариант Б (ОI-3Б) в катакомбе XI–XII вв. Аналогии происходят из могильников Чечни: Мартан-Чу 1 катакомбы №№ 1, 11 (вторая половина VIII–IX вв.) (Виноградов, Мамаев, 1984. С. 74, 84. Рис. 9, 33); среди случайных находок могильника Дуба-Юрт (Мамаев, Савенко, 1988. Рис. 1, 6). Топор, близкий варианту Б (ОI-3Б), но более изящных очертаний, был найден в катакомбе № 14 могильника Дуба-Юрт, датируемой IX – началом X в. (Мамаев, Савенко, 1988. С. 35. Рис. 5, 38), а также среди случайных находок и сборов с Кобанского раннесредневекового катакомбного могильника (Хайнрих, 1995. С. 199. Табл. LI, 1; МАК, 1900, Табл. LXVII, 5).

Даргавский комплекс с топором типа 4 (ОI-4) был найден в одном случае (кат. № 37) со стеклянным кубком с изображениями львов, датирующимся временем не ранее X в. (Чиждова, 2016. С. 253), а во втором (кат. № 24) планиграфия погребения позволяет предполагать, что топор датируется временем не ранее второй половины IX в.

Аналогии топорам с двумя подпроушными выемками найдены в Мартан-Чу 1 в катакомбе № 6, которая датируется второй половиной IX – первой половиной X в. (Виноградов, Мамаев, 1985. С. 35). Морфологически близкий топор, но с несколько склоненными к рукояти клинками, происходит из катакомбы № 19 второй половины IX в. этого же могильника (Виноградов, Мамаев, 1985. С. 22. Рис. 2, 17). Подобный топор происходит из разрушенных погребений Амгаты (Карачаево-Черкесия) (Минаява, 1955. Рис. 8, 7).

В Мощевой Балке, Гамовской балке, на горе Гриб (Северо-Западный Кавказ) были выявлены однолезвийные топоры с проушными выемками рубящего клинка и молоточковидным высоким обухом со «шляпкой». По мнению В.Н. Каминского, они бытуют с первой четверти IX в. (Каминский, 1991. С. 111, 112). В основном, находки топоров с подобными рубящими клинками относятся к IX–X вв.

Однолезвийные топоры с двумя проушными выемками известны в погребениях Сухогомольшанского и Ютановского могильников, а также в Поволжье (Владимиров, 2017. С. 76. Рис. 14, 5, 6). А.В. Крыганов отмечал, что они происходят в основном из погребений IX–X вв. (Крыганов, 1989. С. 104. Рис. 3, 15, 18). Находки топоров с несколько склоненными клинками известны в Болгарии (Йотов, 2004. С. 97. Обр. 51, 582), морфологически близкие топоры с затупленным вспомогательным клинком (чеканы) выявлены в древнерусских памятниках преимущественно в дружинных курганах X – начала XI в. А.Н. Кирпичников считал, что Русь была звеном в распространении этих чеканов на запад и север, в Швецию, Пруссию, Польшу, Венгрию, Латвию (Кирпичников, 1966. С. 35).

Топоры со склоненными клинками (ОI-5) и слегка скругленным брюшком, помимо Даргавского могильника, выявлены среди случайных находок в с. Кобан (Хайнрих, 1995. С. 199, 252, 253, L, 1; Табл. LI, 1), в катакомбе № 26 могильника Тарский (Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. Табл. XXXI, 2).

В Даргавском могильнике топоры с взаимоперпендикулярными клинками составляют около 40% от общего количества топоров. Топоры типа 1 (ОII-1), выявлены в комплексах конца IX–X вв., а вотивные экземпляры могли появиться не ранее рубежа IX–X вв. (Албегова, Успенский. В печати).

Наиболее ранние экземпляры топоров с перпендикулярными клинками бытовали к западу от Кубани, при этом восточнее они известны не были (Каминский, 1991. С. 106, 107). Образцы подобных топоров происходят из погребений Золотого кладбища (I–III вв. н. э.), а также обнаружены в слое римского времени в с. Семеновка на Керченском полуострове (Гущина, Засецкая, 1994. Табл. 10, 97; 48, 467). По мнению В.Н. Каминского, такие топоры появились на Кавказе под влиянием Рима, в частности римских топоров-долабров, изображения которых мы видим на колонне Траяна. В VI–VII вв. подобные топоры также были известны на территории Передней Азии и Юго-Восточной Европы (D'Amato, 2017. P. 4. Fig 4). Изображения боевых топоров с взаимоперпендикулярными лезвиями встречены на согдийском серебряном блюде VII в. из с. Кулагыш (Орбели, Тревер, 1935. Табл. 21; Никоноров, 2014. С. 123). На Северо-Западном Кавказе топор VII в. н. э. происходит из ингумационного погребения Борисовского могильника (рис. 48, 8) (Гущина, Засецкая, 1994. Табл. 10, 97; 48, 467; Саханев, 1914. С. 92, Табл. I, 9, 12, 27).

Между большинством вышеперечисленных аналогий и топорами Даргавского могильника непосредственной связи нет, поскольку существует как хронологический, так и некоторый территориальный разрыв. Основываясь на находках из погребений могильников Змейский, Римгора 1 и отсутствии подобных топоров в катакомбах Мартан-Чу 1, В.Н. Каминский предположил, что данный тип не характерен для периода ранее начала XI в. Он также отмечал их полное отсутствие в позднеаланское время на территории сопоставимой с Западной Аланией. С.Н. Савенко обратил внимание на редкость это-

го типа топоров в материалах памятников Центрального Кавказа, кроме Змейского могильника, где данная категория вещей известна в комплексах катакомб середины XI – начала XII в. и не встречена в более поздних комплексах могильника (в соответствии с хронологической схемой С.Н. Савенко) (рис. 48, 3, 4) (Савенко, 2017. С. 114). Следует отметить, что топор среднего размера (12,7 см) был найден в катакомбе середины X – начала XI в. у с. Майртуп в Чечне (Мамаев, Чахкиев, 1987. С. 54, 57. Рис. 1, 1). О появлении топоров типа 1 (ОП-1) на Центральном Кавказе в более раннее время свидетельствуют материалы Тарского могильника (кат. №№ 21 и 24)¹² (Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. Табл. XXIII, 12; Табл. XXV, 3).

Таким образом, рассматриваемый тип топоров был известен носителям аланской культуры с конца IX – первой половины X в. Видимо, распространение этих форм было связано с контактами с Юго-Восточной Европой и Передней Азией.

Топоры небольших размеров (близкие варианту Б) известны в материалах из до-революционных раскопок на территории Осетии и ограбленных погребений Кобанского катакомбного могильника (МАК, 1900. Табл. LXVII, 9), каменных ящиков и гробниц Санибы (МАК, 1900. Табл. XLIX, 6, 5). С территории Чечни два небольших топора с взаимоперпендикулярными клинками происходят из катакомбного погребения 1 Майртупского могильника (рис. 48, 5, 6) (авторская датировка по поясному набору – конец IX – начало X в.), один – из захоронения Очарыжкиского грунтового могильника (авторская датировка – VIII–IX вв.) (Мамаев, 2009. С. 118, рис. 6, 6, 20; Виноградов, Мамаев, 1979. С. 75, 76. Рис. 7, 38). Нам представляется, что датировка, по крайней мере Очарыжкиского погребения по объективным причинам была несколько удревнена. Комплекс из Очарыжек датировался по серьгам с бусинными подвесками со ссылкой на серьги из Дмитриевского

могильника и из кавказских погребений. Материалы Даргавса при синхронизации их с Марган-Чу 1 и Дуба-Юртом показывают, что серьги с подвесками видоизменялись в сторону более узких и длинных пропорций, за счет уменьшения диаметра бусин, увеличения расстояний между бусинами в подвеске и увеличения количества бусин. Уже при изучении материалов из Дуба-Юрта и Марган-Чу 1 было установлено, что комплексы с серьгами, подобными серьгам из Очарыжек, могут датироваться IX–X или X–XI вв. (например, катакомба № 14 Дуба-Юрта, №№ 17, 18 Марган-Чу 1) (Мамаев, Савенко, 1988. Рис. 5; Виноградов, Мамаев, 1984. Рис. 14, 15). Кроме этого, треугольнорамчатая пряжка из катакомбы Майртупа также может встречаться достаточно глубоко в X в. Таким образом, топоры из Чечни хронологически могут быть достаточно близки топорам из Даргавса.

Другие аналогии вотивным двулезвийным топорам отдела II типа 1 мы находим в катакомбах Змейского, Римгорского 1 могильников аланской культуры X–XII вв. (Кузнецов, 1995. С. 361. Рис. 4, 14; 6, 9; 10, 4; Рунич, 1970. Рис. 7, 11, 28; Савенко, 2017. Рис. 11). Интересна находка такого топора в катакомбе № 15 Змейского могильника, где он был обнаружен в колчане, вместе со стрелами (Кузнецов, 1959. С. 104; Савенко, 2017. С. 119).

Учитывая приведенные аналогии, топоры средних размеров с взаимоперпендикулярными клинками типа 1 (ОП-1) встречаются на территории Центрального Кавказа в памятниках аланской культуры с конца IX по начало XII в. Вотивные варианты типа 1 появляются, судя по находкам из Чечни, примерно тогда же. В комплексах Даргавса они известны со второй половины X в. Согласно материалам Змейского могильника такая разновидность топоров продолжает существовать примерно до начала XII в.

К типу 2 (ОП-2) относится единственный экземпляр из катакомбы № 68,

¹² Оба топора из катакомб №№ 21 и 24 средних размеров 14,5 и около 15 см.

датировка комплекса с рассматриваемым топором достаточно широкая в рамках второй половины XI – первой половины XII в. (*Албегова, Успенский*. В печати). Крупноразмерные аналогии рассматриваемому топору из Балканских кладов железных предметов описывались выше (*Бугарски, Иванушевић*, 2013. Ст. 1, 1, 2), топор меньшего размера, длиной 17,5 см, датированный концом VII – серединой VIII в., найден в погребении № 28 Молдовановского могильника (рис. 48, 7). У этого топора, как и у балканских топоров, клинок-мотыга длиннее клинка-топора. Среди подъемного материала с территории могильника Южная Озереевка был найден еще один топор, отнесенный ко времени не ранее X в. (*Кочкаров*, 2008. С. 73. Табл. XXXVI, 46; *Тарабанов*, 1990. Илл. 369).

Точная датировка двулезвийных топоров типа 3 (ОП-3) в комплексах Даргавского могильника затруднительна из-за многократного использования камер катакомб. Во всех рассматриваемых захоронениях Г-образные топоры находились в смещенном состоянии. Несмотря на случаи взаимовстречаемости Г-образных топоров с изделиями типа 1 (ОП-1), периоды их бытования несколько разнятся. В отличие от топоров типа 1, вотивные топоры с Г-образными клинками полностью отсутствуют в катакомбах Змейского могильника. Возможно, это характеризует локальный набор вооружения или орудий труда жителей Даргавской котловины. Комплексы Даргавса, в которых выявлены целые двулезвийные топоры с Г-образными клинками, предварительно датируются временем около X – первой половины XI в.

Среди опубликованных материалов памятников Центрального Кавказа и за его пределами абсолютных аналогий рассматриваемым топорам типа 3 пока нет. Крупноразмерные топоры с Г-образным клинком известны на территории аланской культуры и в памятниках соседних регионов. Их условно можно отнести к кругу прототипов для находок из Даргавского могильника.

Боевой топор с Г-образным клинком обнаружен в склепе 13 могильника

на горе Пароход, погребение относится к XI–XII вв. (*Кузнецов*, 2017. С. 200, 201). Топоры с Г-образными клинками и обухом в виде четырехгранного острия, Г-образный топор с усеченной бородкой и копьевидным обухом (тип VI А и VI Б по классификации В. Н. Каминского) происходят из случайных находок с территории Верхней Кубани, их датировка затруднительна (*Каминский*, 1991. С. 115, 290). Варианты подобных топоров известны в материалах дореволюционных раскопок и сборов на территории Осетии. У топора из Камунты клинки склонены к рукояти, рубящий клинок имеет Г-образную форму с усеченной бородкой и скругленной проушиной, а вспомогательный клинок – копьевидный (МАК, 1900. Рис. 232).

Отдаленной аналогией Г-образным топорам Даргавса как в хронологическом, так и морфологическом смысле являются вислообушные рабочие железные топоры VI–VII вв. с удлиненной проушной частью из Цибилиума и урочища Лар (*Воронов*, 2010. Рис. 11, 1; 17, 3). Генетически связаны с цебельдинскими находками топоры так называемого «грузинского типа», для которых была характерна вислообушность. Они были широко распространены по всей Грузии в X–XIV вв. (*Рамишвили*, 2003. С. 314, 418. Табл. 132, 11).

Рабочие и боевые однолезвийные топоры с оттянутым вниз лезвием и прямой спинкой (тип V по классификации А. Н. Кирпичникова) появляются в арсенале древнерусских воинов в X – первой половине XII в. В X в. они коррелируют преимущественно с финскими памятниками и распространяются на севере Руси с XI в. (*Кирпичников*, 1966. С. 28, 35–37). Их происхождение А. Н. Кирпичников связывал с Северной и Центральной Европой, где они известны с VII–VIII вв. (*Кирпичников*, 1966. С. 28, 35–37).

Топоры из Даргавского могильника обнаруживают некоторое морфологическое сходство с топорами с Г-образным клинком с молоточковидным обухом и шляпкой на нем (тип I-A по А. Н. Кирпичникову). Древнерусские изделия этого

типа могли являться местной переработкой восточных чеканов, встречаются достаточно редко и датируются XI в. (*Кирпичников*, 1966. С. 34. Рис. 6, 1А; 26).

Типологически топоры, близкие изделию Отдела III, встречены в нескольких катакомбах №№ 16, 30, 32 Мартан-Чу 1. Однако полотна клинков топоров из Мартан-Чу 1 отличались тем, что их верхняя грань была горизонтальна или близка к горизонтальной, а пятки клинков опущены вниз. Катакомбу № 16 Мартан-Чу 1 авторы по совокупности материала датировали X–XI вв., катакомба № 30 относится к рубежу IX/X–X вв. Катакомба № 32 была отнесена ко второй половине X – началу XI в. (*Виноградов, Мамаев*, 1984. С. 77–80, 85. Рис. 12, 47; *Виноградов, Мамаев*, 1985. Рис. 14, 18; *Савенко*, 1985а, С. 32. Рис. 2, 15). Видимо, ко времени, синхронному катакомбе № 32 Мартан-Чу 1, относится и топор из Даргавса. Кроме этого, варианты подобных топоров известны на территории Осетии в материалах дореволюционных раскопок и сборов (в частности, в Камунте) (МАК, VIII. Рис. 232, 233).

Рукояти в даргавских комплексах сохранились лишь фрагментарно, так, в кат. № 18 длина тлена от рукояти – 33 см (длина топора 13,6 см). По размерам с ним сопоставим топор, найденный в балке Балабанке. Длина рукояти обнаруженного топора составляла 44 см, длина самого топора при этом – около 11 см (*Ложкин*, 1984. Рис. 11, 2). Достаточно длинной была рукоять (ок. 80 см) топора среднего размера (12 см длиной) из катакомбы № 33 Кольцо-горы 1 (*Савенко*, 2017. Рис. 40, 17). Находки рукоятей кавказских топоров показывают, что они изготавливались из твердых пород дерева (кизил, клен) и достигали длины 60–75 см (*Каминский*, 1991. С. 110). В погребении № 1 Мощевой Балки (раскопки Е. А. Милованова) сохранилась рукоять длиной 67 см и шириной 2,5 см. (*Милованов*, 1968. С. 8). В катакомбе № 45 могильника Архон сохранилась рукоять длиной 62 см (*Шестопалова*, 2020. Рис. 1, б). Рукояти массивных топоров могли быть и более длинными, так на ряде рельефов Кяфарской гробницы изображены персонажи,

опирающиеся на рукояти топоров, при этом один конец рукояти с насаженным топором находится на уровне стоп, а верхний – на уровне пояса или груди. Длина таких рукоятей, очевидно, была сопоставима с длиной рукоятей древнерусских топоров, достигавших 100 см (*Алешковский*, 1960. С. 77).

Топоры из даргавских погребений на сегодняшний день образуют одну из самых крупных выборок этого вида вооружения у населения Центрального Кавказа, позволяющую проследить их эволюцию. Сопоставление с находками из синхронных памятников позволяет сделать вывод, что топор до середины VIII в. не был оружием, характерным для носителей средневековой аланской культуры. Существование набора вооружения с включением боевых топоров у носителей аланской культуры на территории Среднего Дона говорит о том, что эта традиция могла возникнуть либо близко по времени к началу миграции аланского населения в данный регион, либо уже после миграции. Новые формы ведения боя развивались независимо друг от друга у указанных групп населения. Здесь стоит сказать, что типы топоров Даргавса и носителей салтово-маяцкой культуры несколько отличаются.

По материалам могильников Северного Кавказа точное время появления топоров в период средневековья является спорным вопросом. В эпоху раннего средневековья боевые топоры фиксируются на территории Северо-Западного Кавказа. Исследования древностей Цебельдинской долины показали, что топоры встречались здесь в погребениях IV–VII вв. В основном, это были массивные экземпляры с широким лезвием, узкой шейкой, несколько вислообушные, с короткой рукоятью, подобные топорам франков – францискам. Периодом VI–VII вв. Ю. Н. Воронов датирует время появления здесь другого типа топоров – с узким длинным клинком и молоточковидным обухом (*Воронов*, 2010. С. 87).

Небольшой топор со взаимоперпендикулярными лезвиями был найден в по-

гребении VII в. Борисовского могильника с датирующими «лировидными» пряжками (Каминский, 1991. С. 108; Саханев, 1914. С. 92, Табл. I, 9, 12, 27).¹³

Сильно корродированный узколезвийный топор выявлен в катакомбе № 16 могильника Чми, в комплексе с монетой 594 г. (раскопки Д. Я. Самоквасова). И. О. Гавритухин полагает, что монета в этом погребении практически не запаздывает и датирует погребение первой половиной VII в. (Гавритухин, Обломский, 1996. Рис. 83. С. 81, 91). Описываемая находка позволяет предполагать, что распространение топоров среди носителей аланской культуры началось несколько раньше рубежа VII–VIII вв., как считал В. Н. Каминский (Каминский, 1991). Он отмечал малочисленность находок до середины VIII в., а с середины VIII в. резкое возрастание их количества в погребениях (Каминский, 1991. С. 107–109). Анализ набора инвентаря из 1600 погребений аланской культуры IV–IX вв. показал, что топоры широко распространяются в катакомбных погребениях со второй половины VIII в. (Коробов, 2003. С. 281). Эти наблюдения подтверждаются материалами Даргавского могильника, где, начиная со второй половины VIII в., топоры становятся наиболее многочисленной категорией холодного оружия (рис. 53).

Появление топоров, по мнению В. Н. Каминского, было связано с изменением тактики боя и доспеха. Однако исследователь не поддерживает мнения, что они входят в широкое употребление в связи с распространением шлемов, находки которых единичны. Видимо, в первую очередь изменения касались именно тактики, оружия и приемов ведения боя. О серьезных преобразованиях в этих сферах говорит одновременность распространения топоров и сабель, оружия высокой и примерно равной эффективности. КПД сабель

(80% и более) и КПД топоров (при условии наклона клинка к рукояти 65–70%) заметно выше, чем у другого оружия ближнего боя, например, меча (45%) (Соловьев, 1985. С. 150–153). По расчетам В. Н. Каминского, КПД изученных им топоров составляло 75–89%. Топоры, как недорогое и эффективное оружие, могли пользоваться большой популярностью у горного и предгорного населения, широко использовавшего тактику конного и пешего боя небольшими отрядами и засады (Каминский, 1991. С. 109, 110).

Как уже было отмечено, топоры появляются в погребениях Даргавса с середины VIII в., в катакомбах до середины VIII в. их нет (рис. 53). В погребениях середины VIII – рубежа IX/X вв. находки топоров встречаются примерно в каждой третьей камере. В X–XI вв. количество топоров возрастает, за единичными исключениями они есть во всех камерах, при этом большая их часть приобретает вотивные формы. В более ранних комплексах с топорами преобладают изделия группы I и двулезвийные отдела I – полноразмерные экземпляры, по форме лезвия их все можно считать боевыми. Начиная с конца IX в. меняется не только морфология топоров, но они все чаще встречаются с вотивными экземплярами, или вытесняются последними. В материалах Змейского могильника XI–XII вв. в погребениях встречаются уже исключительно вотивные топоры. Господствующей формой становятся топоры со взаимоперпендикулярными лезвиями. С. Н. Савенко обратил внимание на факт отсутствия топоров с взаимоперпендикулярными лезвиями в одних комплексах с мотыжками. Это позволило исследователю предположить, что подобные топоры могли совмещать функции топоров и мотыжек (Савенко, 2017. С. 114). Это подтверждается материалами Даргавса¹⁴. Результаты анализа

¹³ Опубликованная в статье В. Н. Каминского и И. В. Каминской дата наиболее ранних находок боевых топоров этого региона периода раннего средневековья (VI в.), по-видимому, является опечаткой (Каминский, Каминская-Цокур, 1997. С. 63). В своем диссертационном исследовании В. Н. Каминский определенно говорит об уточнении датировки В. В. Саханева и Н. Я. Мерперта (V–VII вв.) погребения № 41 Борисовского могильника.

комплексов Даргавского могильника говорят о том, что появление вотивных топоров (тип 1-Б) совпадает со временем исчезновения из погребальных комплексов кассетных ножей. В нескольких погребениях эти топоры были зафиксированы с обычными (не кассетными) ножами.

Анализ контекста погребального обряда и инвентаря катакомб с топорами обеих групп не позволяет считать их предметами элитарного набора, отражающими высокий социальный статус умершего человека. Они встречены как в катакомбах с представительным инвентарем (например, № 1, 28, 67), так и в рядовых комплексах.

Наконечники копий

Наконечники копий в захоронениях Даргавского катакомбного могильника широкого распространения не имели. Все найденные наконечники представлены изделиями двух типов.

Тип 1. Втульчатые наконечники с пером ромбического сечения, сужающиеся к острию (пиковидные), переход от пера к втулке не выделен (рис. 49, 1–4).

Тип 2. Наконечник с пером листовидной формы линзовидного сечения, с выделенным переходом пера к втулке (рис. 49, 5).

Наконечники первого типа обнаружены в количестве 4 штук, тип 2 представлен единичным экземпляром.

Широких аналогий описываемым изделиям в синхронных аланских могильниках Центрального Кавказа мы не находим, по известным материалам Тарского некрополя, могильников Чми, Дагом, Кобан наконечники копий нам не известны, отсутствуют они и в материалах могильника у станицы Старокорсунская (Кантемиров, Дзаттиаты, 1995; Хайнрих, 1995; Каминский, 1987). Типологически близкие наконечники копий выявлены в древностях

могильников с обрядом кремации типа Борисово-Дюрсо на Северо-Западном Кавказе, здесь пиковидные наконечники копий были широко распространены в период середины VIII–X вв. (Дмитриев, 2003. Табл. 89, 45, 46, 49, 50; Успенский, 2015. С. 17). Другие аналогии наконечникам с подобной формой пера известны в материалах кремаций Северского Донца (Сухая Гомольща) и других памятниках Доно-Донецкого региона (но не в катакомбных могильниках), а также на территории Самарской Луки и среди древнерусских памятников (Владимиров, 2017. С. 87–88; Кирпичников, 1966. С. 15–16).

В целом, материалы Даргавса подтверждают тезис В.Н. Каминского о том, что для аланских памятников копьё мало характерны и встречаются в единичных экземплярах (Каминский, Каминская-Цокур, 1997. С. 64).

Рассматривая копьё, необходимо отметить еще один важный момент, касающийся хронологической позиции даргавских экземпляров. В катакомбе № 21 наконечник копьё типа 2 выявлен в одиночном погребении вместе с Т-образной дуговидной фибулой с сильно прогнутой спинкой, что в определенной степени позволяет датировать данный комплекс VII – началом VIII в. Копьё в катакомбе № 12 встречено вместе с овально-рамчатой пряжкой с щитком геральдического стиля, а также перстнем первой половины – середины VIII в. (Тип 8, вариант 1 – могильника Мамисондон) (Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010. Рис. 168, 203; Албегова, 2013. Рис. 3). В катакомбе № 75 копьё зафиксировано с Т-образной шарнирной фибулой и золотым солидом Фоки (602–610 гг.), позволяющим датировать погребальный комплекс временем не позднее середины VIII в. Копьё из катакомбы № 47 датируется на основании находок бронзовых перстней (тип 8 вариант 1 Мамисондон) временем не ранее второй половины VIII – начала IX в.

¹⁴ В публикации Р.Г. Дзаттиаты (Дзаттиаты, 2014. Табл. VI, 6) в комплексе катакомбы № 1 приведены таблицы VI и VII, которые, видимо, отнесены к катакомбе ошибочно. Этих предметов нет в отчете и на плане погребения. Среди материалов этих таблиц есть и мотыжка. Однако она не относится к комплексу катакомбы.

По-видимому, к этому же периоду относится катакомба № 76, где выявлены железные составные удила с S-видными псалиями и арочные стремена с выделенной петлей для путлища.

В трех наиболее ранних комплексах (VII – первая половина VIII в.), где встречаются копья, они являлись единственным предметом вооружения (рис. 53). В двух случаях наконечники копий зафиксированы вместе с другими предметами вооружения (наконечники стрел, сабли и боевые топоры), но эти комплексы датируются более поздним временем и, по-видимому, были совершены в период второй половины VIII – середины IX в.

Ножи и кистень

Единственным экземпляром в могильнике представлена **гирька от кистеня** (рис. 49, 14). Изделие яйцевидной формы, со сквозным отверстием, без железного стержня, близко типу 1 по классификации У.Ю. Кочкарова (Кочкаров, 2008. С. 81). Погребение, в котором обнаружена рассматриваемая гирька, датируется второй половиной VIII–IX вв. Поиски аналогий в других могильниках Центрального Кавказа показали, что широкого распространения данного типа вооружения у населения аланской культуры не прослеживается.

Ножи. В центральнокавказских катакомбных могильниках, в том числе и в Даргавском, встречено довольно большое количество ножей, часть из которых могла использоваться как оружие ближнего боя, однако из-за универсальности этого предмета провести линию, точно разделяющую бытовые ножи от оружия, довольно сложно (на примере рассматриваемого нами материала). Все без исключения ножи черешковые, с выделенным уступом в переходе от клинка к черенку, клинок треугольного сечения, на части экземпляров сохранились фрагменты деревянных ножен (рис. 49, 6–13).

Отдельно среди ножей выделяются кассетные, которые, вероятно, входили в набор вооружения. От большинства других экземпляров они отличаются большей

длиной клинка. В ножнах описываемые ножи располагались, как правило, по два экземпляра. Ножны для таких ножей также изготавливались из дерева и имели металлические наконечники, выполненные в виде трубки-оковки с расширяющимся шарообразным донцем, подобные изделия известны в материалах Мощевой Балки, Гамовской балки, балки Балабанки, Кобанского и Тарского могильников (Каминский, Каминская-Цокур, 1997. С. 65; Хайнрих, 1995. Табл. XXV; Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. Табл. XIII, 24–26, табл. XXXIII, 1, 2). По мнению В.Н. Каминского, кассетные ножи являлись металлическими, однако исследователь не аргументировал свою точку зрения, на основе каких признаков он относит такие ножи именно к металлическим (Каминский, Каминская-Цокур, 1997. С. 65). Следует отметить, что по особенностям конструкции (кроме большей длины), кассетные ножи не отличаются от других экземпляров.

Детали луков, колчанов и наконечники стрел

К оружию **дистанционного боя** относятся лук и стрелы. В катакомбах Даргавского могильника зафиксированы в большом количестве наконечники стрел, железные детали колчанов, реже их деревянные фрагменты, а также части древков стрел.

К остаткам самих луков, с большой долей условности, можно отнести деревянный фрагмент из катакомбы № 71 (рис. 50, 1), однако точно определить его положение в конструкции лука не представляется возможным. Более детально факты присутствия лука прослежены *in situ* в Дагомском могильнике, фрагменты костяных накладок обнаружены в 3-х комплексах (кат. 1, 4, 10) (рис. 50, 4–10). Найденные в катакомбе № 4 концевые, срединные и плечевые фронтальные накладки позволяют предполагать, что в камеру был положен целый лук. Как даргавские, так и дагомские находки элементов луков не позволяют точно реконструировать все конструктивные особенности этого предмета вооружения (рис. 50, 1, 4–10). Извест-

но, что в среде населения аланской культуры бытовали сложносоставные луки, изготавливаемые из дерева, кости, рога, дополняемые сухожилиями и другими материалами. Представление о конструктивных особенностях лука дает уникальная находка из могильника Мощевая балка, где лук имел пятичленное деление и состоял из рукояти, двух плечей и двух окончаний, а конструкция лука относится к так называемой «обратной» схеме (рис. 50, 2, 3). (Каминский, Каминская-Цокур, 1997. С. 66. Рис. 4, 2). По-видимому, луки близкой конструкции использовались и населением Центрального Кавказа. Учитывая высокую степень сохранности органических предметов в катакомбах Даргавского могильника, можно сделать вывод о крайне редком использовании целых луков в погребальном обряде ввиду технической сложности и трудоемкости их изготовления.

Значительно более широко в погребальных комплексах встречались *фрагменты колчанов*. К ним относятся железные петли скобы с сильно выгнутой спинкой с короткими или длинными окончаниями-основаниями и железными заклепками (рис. 51, 7–9).

Часто встречаемым элементом системы крепления колчана являются колчаные крюки (рис. 51, 1–6). В Даргавском могильнике обнаружены крюки с овальной (рис. 51, 1–3) и прямоугольной рамкой (рис. 51, 4–6). Рядом исследователей поддерживается предположение, что данные предметы предназначались для закрепления колчана во время верховой езды и, соответственно, находки колчаных крюков могут маркировать погребения конных лучников (Генинг, Халиков, 1964. С. 48; Медведев, 1966. С. 17; Владимиров, 2017. С. 118–119). Однако по рассматриваемым нами материалам данная точка зрения не подтверждается, поскольку колчаные крюки были встречены практически во всех комплексах, содержащих амуницию лучника, вне зависимости от наличия предметов конского снаряжения. Подобная ситуация была прослежена и по материалам погребений доно-донецкой лесостепи (Владимиров, 2017. С. 118–119). Крюки могли ис-

пользоваться как для крепления колчана к седлу во время скачки, так и для крепления к поясу. По материалам Дагомского могильника, Э.Ю. Шестопаловой предложена реконструкция ношения колчана, когда его носили скошено на боку, колчан подвешивался при помощи крюков у устья и основания (Шестопалова, 2018. С. 91).

В катакомбе № 71 Даргавского могильника были выявлены деревянные, а также кожаные и берестяные фрагменты колчана (рис. 51, 12–15). В частности, фрагмент дна с резным узором (рис. 51, 14) полностью повторяет форму колчанного дна из могильника Мощевая балка (рис. 51, 16), вероятно, колчаны подобной формы использовались и населением, оставившим Дагомский могильник. К сожалению, по сохранившимся фрагментам точно реконструировать форму даргавского колчана не представляется возможным, однако, судя по аналогиям, его форма и конструктивные особенности близки находке из Мощевой балки (рис. 51, 17). О способе хранения стрел в колчане позволяет судить ситуация, прослеженная в катакомбе № 71, где стрелы были уложены наконечниками вниз. В катакомбах №№ 36 и 59 стрелы были уложены наконечниками вверх. Разнообразная ситуация прослежена в Дагомском могильнике, где в катакомбах №№ 1 и 4 стрелы находились в колчанах, в катакомбе № 1 наконечниками вверх, а в катакомбе № 4 наконечники располагались в обе стороны. В катакомбе № 10 наконечники были обнаружены на правой голени погребенного воина остриями в сторону лаза, среди находок не встречено предметов, которые можно отнести к фрагментам или деталям колчана (Шестопалова, 2018. С. 92, 93).

От стрел в даргавских катакомбах сохранились фрагменты древков и наконечники стрел. Древки сохранились фрагментарно, их диаметр в среднем 0,7–0,9 см.

Наконечники стрел являлись наиболее массовой составляющей метательного оружия, выявленного в погребальных комплексах. Их общее количество в анализируемой выборке 86 экземпляров. В погребениях зафиксировано от 1 до 9 наконечников. Поскольку сохранность большинства нако-

наконечников не очень хорошая, при их типологическом разделении в первую очередь учитывалось сечение пера, а затем его форма и другие особенности. Таким образом, весь массив обнаруженных наконечников делится на три отдела: *трехлопастные, граненые и плоские* (рис. 52).

Трехлопастные наконечники представлены изделиями с пером треугольной (рис. 52, 1) (**тип 1**) или килевидной формы (рис. 52, 2) (**тип 2**). Наконечники подобных форм близки типам 13 и 18 по классификации А.Ф. Медведева (*Медведев*, 1966. С. 42, 43. Табл. 30, 13, 18). Время наибольшего распространения таких наконечников приходится на VIII–IX вв., к началу X в. они постепенно исчезают.

Граненые наконечники разделяются на два основных типа:

Тип 1 – трехгранные в сечении, с пером вытянутых треугольных очертаний (рис. 52, 3);

Тип 2 – четырехгранные с шиловидным пером, близки типу 94 в классификации А.Ф. Медведева (рис. 52, 4) (*Медведев*, 1966. С. 60, табл. 30, 88).

Наибольшим разнообразием отличаются наконечники третьего отдела, в котором можно выделить следующие типы:

Тип 1 – наконечники линзовидного сечения с пером килевидной формы, с наибольшим расширением пера в нижней трети и выпуклыми плечиками (рис. 52, 5);

Тип 2 – листовидные наконечники с линзовидным сечением пера и максимальным расширением в центральной части пера (рис. 52, 6), такие наконечники близки типу 63 по классификации А.Ф. Медведева (*Медведев*, 1966. С. 53, табл. 16, 24);

Тип 3 – наконечники с широким подтреугольным пером, расширяющимся в нижней трети и скругленными плечиками (рис. 52, 7);

Тип 4 – наконечники с плоским пером квадратной формы с горизонтальной прорезью (рис. 52, 8);

Тип 5 – двурогие срезни без упора (рис. 52, 9);

Тип 6 – наконечники с треугольным пером вытянутой формы, расширением

в нижней трети пера, прямыми сторонами и вогнутыми плечиками (рис. 52, 10);

Тип 7 – с пером ромбической формы и расширением пера в центральной части (рис. 52, 11).

Следует отметить, что для погребений, относящихся к VII в., наконечники стрел всех рассматриваемых отделов не характерны (рис. 53). По-видимому, основная масса анализируемого стрелкового вооружения появляется и распространяется у населения Даргавской котловины с середины VIII в. Большая часть наконечников стрел в исследуемых комплексах имеет широкие аналогии и время бытования в древностях Северного Кавказа и юга Восточной Европы. Наиболее распространены в захоронениях могильника наконечники отдела I, стрелы такой формы часто датируются в пределах VIII – начала X в. Единичной находкой представлен рамчатый прорезной наконечник близкий типу 56 (по А.Ф. Медведеву). Такая форма была довольно широко распространена в погребениях по обряду трупосожжения Северо-Западного Кавказа второй половины VIII – начала X в., также они встречены в Ново-Покровском могильнике, на Правобережном Цимлянском городище (*Медведев*, 1966. С. 71). Следует отметить находки наконечников «двурогий срезень», они близки типу 59 по классификации А.Ф. Медведева, и были в употреблении в X–XI вв. (*Медведев*, 1966. С. 71. Табл. 30, 55). Большого распространения в древностях аланской культуры такие наконечники не имели.

В рассматриваемый период даргавское население использовало наконечники стрел, самыми многочисленными из которых были трехлопастные экземпляры. Именно этот тип присутствует в наиболее ранних комплексах со стрелковым вооружением и продолжает использоваться вплоть до X в (рис. 52, 15–33, 37–40). Такие наконечники выявлены в Кобанском могильнике, среди захоронений Дагомского некрополя и др. (*Хайнрих*, 1995. Табл. IX, 10, 11; *Шестопалова*, 2018. С. 91–93).

В качестве бронебойных служили разные типы граненых наконечников, объединенных нами в отдел 2. Несмотря

на многочисленность типов плоских наконечников (отдел 3), в количественном отношении они заметно уступали трехлопастным стрелам, в ранних погребениях (VII–VIII вв.) они практически не встречаются, а время постепенного увеличения количества таких стрел приходится на вторую половину IX–X вв. Рассмотренный набор наконечников стрел находит много аналогий в других аланских некрополях, а также в материалах синхронных памятников соседних территорий. Типовое разнообразие наконечников стрел может указывать на существование специализации в их использовании: для охоты, для поражения незащищенного противника, бронебойные стрелы и т.д. Кроме этого, прослеживается постепенное изменение набора наконечников под влиянием временного фактора, так, трехлопастные стрелы, широко распространенные до X в., на рубеже второго тысячелетия постепенно выходят из обихода и заменяются наконечниками с плоским пером различной формы (рис. 53). На это указывает и взаимовстречаемость наконечников различных типов: в более ранних комплексах (VIII – первой половины IX в.) набор наконечников представлен преимущественно предметами из первого отдела (трехлопастные), кат. №№ 36, 47 (рис. 52, 23–26, 27–33), тогда как набор наконечников из более поздних комплексов (вторая половина IX–X вв. и позднее) уже преимущественно состоит из плоских стрел – кат. №№ 39, 1 (рис. 52, 12–14, 43–48).

Создание аккумулятивной схемы погребального инвентаря позволяет выявить следующие особенности расположения предметов вооружения в погребальном комплексе¹⁵. Как правило, все предметы вооружения тяготеют непосредственно к скелету умершего (рис. 54). Длинноклиновое вооружение в большинстве случаев располагалось с внешней стороны у длинных костей рук, параллельно основной оси скелета, рукоятью ориенти-

ровано в сторону черепа, реже помещалось в ногах. Топоры были зафиксированы у кистей рук (большинство случаев), и у плечевых суставов, значительно реже этот предмет вооружения находился у черепа или в ногах. В том случае, если в погребении находилась сабля, топор располагали рядом с ней.

Наконечники стрел и детали колчана зафиксированы в ногах, в двух случаях располагались за стопами погребенного, в одном случае детали колчана с наконечниками стрел покоились с внешней стороны параллельно костям голени. Также наконечники стрел выявлены у кистей рук, а в одном случае детали колчана и стрелы располагались у верхнего эпифиза плечевой кости. Наконечники копий были обнаружены у костей рук (у кисти и у плечевой кости), а в одном случае у черепа. Таким образом, предметы вооружения характерны для всех периодов существования Даргавского некрополя, однако его элементы изменялись с течением времени.

В погребальных комплексах раннего этапа существования могильника (VII – начало VIII в.) выявлены только наконечники копий, остальные типы вооружения, рассматриваемые в данной работе, для этого времени не характерны. Среди копий преобладают наконечники с пиковидным пером. Об использовании копий у аланского населения в более ранний период упоминает Мовсес Хоренаци в описании походов северокавказских воинов в Закавказье: «Как ураган несется по лесу срывая листья, точно с такой же быстротой юноши наши, с коней подымая своих противников на копья» (Ковалевская, 1984. С. 158) (табл. 2).

Из-за небольшой выборки погребений VII – начала VIII в. мы не можем с уверенностью реконструировать набор вооружения, использовавшегося в среде даргавского населения. Исследователями уже отмечалась малочисленность сопровождающих предметов вооружения в северокавказских катакомбных

¹⁵ При создании схемы использовались только данные тех катакомб, в которых удалось зафиксировать скелеты погребенных и сопутствующий инвентарь *in situ*.

Таблица 2. Взаимовстречаемость основных категорий вооружения.

	ДО	Детали ножен	Копье	Наконечники стрел	Детали колчана	Топор
Длинноклинковое оружие (ДО)		8	1	9	7	11
Детали ножен	8		1	6	5	10
Копье	1	1		1	1	2
Наконечники стрел	9	6	1		10	13
Детали колчана	7	5	1	10		10
Топор	11	9	1	12	9	

могильниках V–VIII вв., что делает затруднительной полную реконструкцию набора вооружения. Не исключено, что часть предметов могла заменяться вотивными и символическими формами. Также, как справедливо отмечает Д.С. Коробов, редкость оружия в захоронениях вполне может быть объяснена его ценностью, поэтому оно помещалось в погребения в исключительных случаях (Коробов, 2003. С. 279).

В следующий период (середина VIII–IX вв.) фиксируется заметное увеличение количества предметов вооружения в захоронениях (рис. 53). В составе воинского набора распространяются предметы стрелкового, длинноклинкового оружия и боевые топоры, единичной находкой представлен кистень, при этом практически полностью из использования выходят копьа. В этот период по данным других могильников фиксируется относительный рост количества предметов вооружения (от 19 до 62%), что может свидетельствовать о более его активном производстве (Коробов, 2003. С. 279).

В даргавских катакомбах VIII–IX вв. длинноклинковое вооружение представлено преимущественно саблями со слабоизогнутым клинком и обоюдоострым окончанием, в оформлении сабель используются перекрестия нескольких типов. Среди наконечников стрел господствующим типом являлись черешковые трехлопастные наконечники, реже встречаются плоские стрелы. Наиболее распространенным видом оружия в течение всего периода являются боевые топоры.

Таким образом, наиболее полный комплект вооружения у населения, оставившего даргавский могильник, формируется луком и стрелами, саблей и боевым топором, в ряде комплексов набор оружия может быть представлен только топором и предметами стрелкового оружия.

Для следующего периода, который датируется концом IX–X вв. характерен практически тот же набор вооружения, что и для предыдущего. Происходит ряд изменений в используемых типах оружия. Появляются новые типы топоров (с Г-образным лезвием, двуклиновые изогнутые топоры). Прослеживается смена в наборе наконечников стрел: из обращения постепенно выходят трехлопастные наконечники, большее распространение получают стрелы с плоским пером разной формы, единичными находками представлены наконечники типа двурогий срезень. В целом, рассмотренный набор вооружения в погребениях VIII–IX вв. и конца IX–X вв. позволяет отнести данную группу к легковооруженной коннице и пешему войску.

Обращает на себя внимание отсутствие в погребениях предметов защитного вооружения: панцирей, кольчуг, шлемов, щитов, что наводит на мысль об отсутствии у населения средне и тяжеловооруженной конницы (табл. 2). Однако предметы защитного вооружения ввиду сложности их изготовления и большой стоимости могли не использоваться в погребальном обряде. Следует отметить, что, вероятно, паноплия легкой конницы могла включать т.н. «мягкий» доспех.

В частности, по данным письменных источников упоминается использование «брони из ремней и кожи» (Ковалевская, 1984. С. 159). Рассматриваемые в данной работе материалы, не позволяя с большой уверенностью разделить исследуемые воинские погребения на пеших и конных воинов, нельзя исключать, что подобного четкого разделения и не существовало. Следует отметить важную роль коня в жизни аланского общества (население Даргавской котловины не является исключением), которая проявлялась в обилии конских изображений на амулетах, наличии ритуальных захоронений лошадей, присутствии конского снаряжения в погребениях и др. По данным Масуди, аланы могли выставить до 30000 всадников (Ковалевская, 1984. С. 159). На основе изучения социальной стратификации алан Д. С. Коробов приходит к выводу о социальной однородности населения, в котором все мужское население составляло войско, что являлось главной обязанностью и правом свободного общинника.

Среди всей массы воинских погребений Даргавского некрополя выявляются комплексы с наиболее полным набором вооружения, сопровождаемые деталями поясных наборов и другими престижными предметами, что в определенной степени может свидетельствовать о процессах внутренней стратифицированности всего мужского населения, составлявшего войско. Отдельно следует выделить погребение из катакомбы 1: обнаруженные в данном комплексе детали поясного набора, полный набор вооружения, предметы парадного конского убранства, сопровождающее захоронение лошади заметно выделяют его в нашей выборке и позволяют предполагать принадлежность этого комплекса воину. Тенденция выделения знатных воинов («алдар») прослеживается и по материалам других могильников (Мокрая Балка 1, Хазнидон, Тарский) (Коробов, 2003. С. 281).

При сопоставлении данных Даргавса с близко расположенными аланскими могильниками прослеживается сходство основных элементов вооружения. Пред-

меты вооружения выявлены в 42 катакомбах из 78 исследованных, что составляет 53,8%. Также обращает на себя внимание большее количество предметов вооружения в сравнении с могильниками Тарский и Чми, особенно это касается длинноклинкового вооружения. Эти данные позволяют говорить о довольно высоком проценте вооруженного контингента в среде даргавского населения.

По всей видимости, мощным катализатором стремительного распространения и развития новых видов вооружения у населения аланской культуры и соседних регионов стала вовлеченность в различные военные конфликты (как следствие сложной политической жизни). В первую очередь, участие в арабо-хазарских войнах, а после их прекращения на рубеже VIII–IX вв. в других, уже локальных, конфликтах на протяжении IX–X вв. В частности, борьба с арабами за горные проходы, наполняющая бурными событиями весь VIII в., была общим делом для алан и других горных общностей большого Кавказа (Гадло, 1994. С. 16). Также нельзя не отметить события 40-х годов X в., связанные с общим усилением и консолидацией аланских племен на фоне ослабления Хазарского каганата. В этот период происходит усиление внимания к Алании со стороны византийской дипломатии. В целом, вовлеченность кавказского населения в военные события не могла не отражаться на степени милитаризации общества в течение VIII–IX вв., а, соответственно, и в появлении и распространении различных видов вооружения.

II.4. Предметы конского снаряжения

Предметы конского снаряжения у населения Центрального Кавказа были представлены разнообразными элементами, фиксируются в отдельных захоронениях лошадей, в захоронениях лошадей во входных ямах катакомб, а также вместе с другими составляющими погребального инвентаря, сопровождавшего погребение человека, в камере катакомбы.

Систематизации предметов конского снаряжения посвящены работы Г. А. Федорова-Давыдова, С. А. Плетневой, А. Н. Кирпичникова (*Федоров-Давыдов*, 1966; *Плетнева*, 1967, 1973; *Кирпичников*, 1973). Комплексный анализ конской упряжи из могильников Северо-Восточного Причерноморья представлен в монографии Е. А. Армарчук (*Армарчук*, 2006). Характеристика различных элементов конского снаряжения с территории Центрального Кавказа содержится в исследованиях В. А. Кузнецова, В. Б. Ковалевской, А. П. Рунич, Г. Е. Афанасьева, С. Н. Савенко, Р. С. Сосранова и др. (*Афанасьев*, 1993; *Кузнецов*, 1971; *Ковалевская*, 1981; *Рунич*, 1973; *Савенко*, 1983; *Сосранов*, 1986).

Наиболее часто встречаемыми элементами конского снаряжения являлись удила и стремяна, ременные пряжки разных форм, разделители ремней, значительно реже зафиксированы детали седел, а также предметы, составляющие парадный конский убор: крупные сбруйные бляхи, начельники и налобники.

В Даргавском катакомбном могильнике детали конского снаряжения были найдены в 11 комплексах: в 4 случаях они находились среди другого инвентаря в камере катакомбы (кат. №№ 1, 22, 27, 76), в одном – вместе с захоронением части костяка лошади во входной яме катакомбы (кат. № 28); в 6 случаях сопровождали отдельные захоронения лошадей (ПЛ. №№ 4, 5, 6, 7, 8, 9). Преимущественно, в захоронении находилась пара стремян, однако в катакомбе № 76 выявлено 3 стремяни, в катакомбах №№ 1 и 22 по одному.

Стремяна и удила

Стремяна. Большинство стремян, обнаруженных в погребениях могильника, относятся к удлиненно-арочным формам с выделенной петлей для путлица (рис. 55, 1–3, 56, 1–17). Отличия в данной группе изделий связаны в первую очередь с конфигурацией петли, которая может быть в форме вытянутой прямоугольной пластины, отделенной от дужки шейкой-перехватом (рис. 56, 1, 5–8), или, менее

массивная, скругленной формы без ярко выраженного перехода к дужке (рис. 56, 11–14). Подножка стремян ровная (рис. 56, 1–12) или слегка вогнутая вовнутрь (рис. 56, 13–16).

По классификации Е. А. Армарчук, такие стремяна отнесены к типам IA-1 и IA-2, различающимся между собой только формой петли для путлица, А. Н. Кирпичников объединил их в тип VI (*Армарчук*, 2006. Рис. 2; *Кирпичников*, 1973. Рис. 29, VI). Время бытования стремян определяется исследователями преимущественно VIII–IX вв., изделия такой формы были широко распространены на огромной территории от Саяно-Алтая до Венгрии и Чехии.

Среди синхронных Даргавским катакомбам, подобные стремяна найдены в Тарском могильнике, близкие по конструкции стремяна происходят из комплекса Хуламской катакомбы № 2, где они найдены вместе с золотыми индикациями Ираклия (610–641 гг.) и Константа II (641–668 гг.), которые, с соответствующими поправками, определяют время комплекса рубежом VII/VIII вв. – первой половиной VIII в. (*Кантемиров*, *Дзаттиаты*, 1995. Табл. IX, 1; *Чеченов*, 1987. С. 112–113. Рис. 30, 8, 9; 33, 23; *Афанасьев*, *Рунич*, 2001. С. 43).

На Северо-Западном Кавказе данный тип стремян бытует в погребениях по обряду трупосожжения типа Дюрсо-Молдовановский-Псекупский, датирующимися преимущественно VIII – началом X в. По наблюдениям Е. А. Армарчук, в Причерноморском регионе датировку стремян типа IA-1 (с выделенной прямоугольной петлей для путлица) следует ограничивать VIII–IX вв., а тип IA-2 (с петлей для путлица округлых очертаний) датировать концом IX–X вв. (*Армарчук*, 2006. С. 15–17. Рис. 2; *Кирпичников*, 1973. С. 49. Рис. 29, VI). Однако проследить такое хронологическое разделение по имеющимся материалам кремационных некрополей не представляется возможным. Известны комплексы, где найдены стремяна обоих типов, а к X в. бытование удлиненно-арочных стремян заметно сокращается (*Армарчук*, 2006. С. 17).

Рассматриваемый тип стремян широко известен в материалах памятников Среднего Дона и Северского Донца, где они были выявлены как в катакомбных могильниках Дмитриевский, Рубежанский, Верхнесалтовский и др., так и в погребениях типа Сухая Гомольша, совершенных по обряду трупосожжения (Плетнева, 1989. Рис. 44; Аксенов, 2001. Рис. 5, 37; Аксенов, 2001–2002. Рис. 2, 12, 13; 3, 23; 4, 16; Аксенов, Михеев, 2006).

Несколько экземпляров арочных стремян вместе с удилами с S-видными псалями происходят из раннесредневекового комплекса из Большой Орловки, где вместе с ними обнаружен солид Тиберия III Апсимара (698–705 гг.). По мнению С. И. Безуглова, наиболее ранним периодом «оседания» таких монет в памятниках типа Большой Орловки следует считать время выплаты денег кагану хазар византийским посольством в 704 или 705 г. Время попадания полученных денег в погребения может быть определено жизнью одного поколения того времени – примерно 20 лет или даже меньше. Таким образом, данная монета определяет дату комплекса в пределах первой четверти VIII в. (Илюков, Косяненко, 2007. Рис. 4, 5; Безуглов, 2007. С. 116–117). Такое же сочетание встречаемости удила и стремян было зафиксировано в Назаровском комплексе на Нижнем Дону, где названные предметы конской упряжи обнаружены вместе с несколькими византийскими солидами, определяющими дату назаровской находки второй четвертью VIII в. (Илюков, 2013. С. 192. Рис. 10, 13).

Подобные стремяна обнаружены в погребении могильника Саловский вместе с монетой Льва III Исавра (737–741 гг.). (Копылов, Иванов, 2007. С. 132. Рис. 5, 2, 3). Время бытования схожих стремян в погребениях с квадратными ровиками Доно-Волжского междуречья А. А. Иванов определяет VIII–IX вв. (Иванов, 1999. С. 72). Достаточно широко они представлены в погребениях из курганов Южного Урала IX–X вв. (Мажитов, 1981. Рис. 15, 16; 17, 13; 21, 20).

В материалах Даргавского могильника рассматриваемый тип стремян харак-

терен преимущественно для комплексов середины – второй половины VIII – начала X в., с заметным преобладанием в период второй половины VIII–IX вв.

Следует обратить внимание на такой признак арочных стремян Даргавского могильника, как форма подножки: у ряда экземпляров она вогнута вовнутрь стремени (кат. № 27, захоронения лошадей №№ 7 и 8) (рис. 56, 5, 6, 13–16). Пара подобных железных стремян была найдена в Галиатском склепе второй – третьей четверти VIII в., а для территории Северо-Западного Кавказа И. О. Гавригунин и А. В. Пьянков относят их ко второй четверти – середине VIII в. (Кадиева, 2012. С. 103, рис. 3, 1). В Даргавском могильнике стремяна с вогнутой подножкой также встречены в одном случае в раннем комплексе второй половины VII – первой половины VIII в. (кат. № 27), однако считать вогнутость подножки устойчивым ранним признаком по рассматриваемым нами материалам не представляется возможным, поскольку они также встречены в сочетании с удилами со стержневидными псалями (захоронение лошади № 7), являющимися устойчивым маркером IX – начала X в. (Аксенов, 2001–2002. С. 279).

Выделяются стремяна из захоронения лошади № 4, округлых очертаний с оформленной петлей для путлища, наличием шейки-перехвата при переходе в дужку и выгнутой подножкой (рис. 55, 4, 56, 18, 19). В комплексе они зафиксированы вместе с удилами со стержневидными псалями, конским начальником, а также крупными сбруйными бляхами. Узко датированных предметов выявлено не было, поэтому дата захоронения лошади № 4 определяется широко, в пределах IX – начала X в. В определенной степени рассматриваемые стремяна являются хронологическим индикатором для вышеназванного комплекса. Широких аналогий в катакомбных погребениях Центрального Кавказа стремянам подобной формы нет. Форма данных стремян немного напоминает изделия типа 1 варианта А в типологической схеме

В. Йотова, которые наиболее близки изделиям прещепинского типа, использованным с конца VI – вплоть до второй половины VII в. (Йотов, 2004. С. 142, обр. 80, 753). По классификации А.Н. Кирпичникова, они близки типу 1 (овоидные) и являлись господствующими в дружинных погребениях X в. В своем оформленном виде они были распространены как у кочевников, так и у оседлого населения Восточной Европы в IX–XI вв. Появление такой формы стремян А.В. Комар связывает с мадьярским влиянием на этапе горизонта III СМК. Для Причерноморья изделия данного типа Е.А. Армарчук предлагает датировать временем не ранее IX–X вв. Близкие по морфологии стремяна выявлены на Южном Урале в Хусаиновских курганах IX – начала X в. (Кирпичников, 1973. С. 47; Комар, 2018. С. 88; Армарчук, 2006. С. 17–18; Мажитов, 1981. С. 124, рис. 22, 12, 24, 9).

Стремяна из катакомбы № 28 (рис. 55, 5) с невысокой выделенной петлей для путлища, без шейки перехвата и с сильно прогнутой подножкой, отличаются немного по форме: первое стремя кольцевидной формы (рис. 56, 19), второе – грушевидной (рис. 56, 20). Кольцевидное стремя близко к типу V по классификации А.Н. Кирпичникова (Кирпичников, 1973. С. 48). Второе стремя устойчиво соотносится с типом V-A по классификации В. Йотова, а также близко к типу I по классификации А.Н. Кирпичникова. Такие стремяна бытовали на обширной территории, в частности широко известны в Венгрии, где были приняты за специфический местный тип (Йотов, 2004. С. 147, обр. 86; Кирпичников, 1973. С. 47). Время их наибольшего распространения приходится на период с конца IX–XI вв. (Федоров-Давыдов, 1966. С. 14).

Необходимо отметить, что по материалам даргавской выборки стремян, кольцевидные и грушевидные стремяна не характерны для основной массы комплексов VII – первой половины IX в., в указанный период наибольшее распространение получили арочные стремяна с выделенной петлей для путлища. Этот

вывод подтверждается и на основании материалов из других синхронных катакомбных могильников Центрального Кавказа, а также различных памятников с обширной территории Восточной Европы.

В катакомбе № 28, откуда происходят кольцевидное и грушевидное стремяна, выявлено не менее 4 погребенных. Предметы имеют достаточно широкий разброс дат. Часть из них относится к IX–X вв.: перстни с крестовидной жуковиной, зеркала, декорированные в одном случае концентрическими окружностями и завитками между ними, в другом – «ящерками». Аналогичные зеркала и перстни были найдены в погребениях с монетами конца VIII в. (Аксенов, 2016. С. 118, 119; Мамаев, 2010. С. 391, 392). Браслеты с расплюснутыми концами со вставками и без (рис. 89, 11) известны на территории Кавказа, Венгрии и Румынии, в комплексах конца IX–XI вв. (Виноградов, Мамаев, 1984. С. 65, 72, 85; Виноградов, Мамаев, 1985. С. 10–12, 22, 23, 26. Рис. 5, 12, 13, 18, 19; The Ancient..., 1996. С. 217, 218, 347, 299–301, 392, 393). Ко времени не ранее рубежа IX–X вв. относятся обнаруженные стремяна и поясной набор (рис. 36, 1–13; 56, 20, 21) (Комар, 2018. Рис. 41, 3). Поясные накладки аналогичной формы в комплексе с боевым двулезвийным топором с одним клинком в виде копья (подобный топору из описываемой катакомбы) выявлены в катакомбах Мартан-Чу 1 X–XI вв. (Савенко, 1985а. С. 29–32. Рис. 2, 19; Виноградов, Мамаев, 1984. С. 85. Рис. 12, 47, 51, 52). Вероятно, погребение было совершено в X в.

В конском погребении 4 округлое стремя с выделенной петлей выявлено вместе с удилами со стержневидными псалиями, что также может указывать на время его совершения не ранее середины IX в. Таким образом, округлые и грушевидные стремяна могут являться маркерами второй половины IX–X вв.

Отдельно следует отметить находку фрагмента деревянного стремяна, он был выявлен в катакомбе № 22 (рис. 55, б). От стремяна сохранилась только верхняя часть, подножка полностью утрачена, дуж-

ка округлого сечения, петля для путлища выделенная, подпрямоугольной формы, с овальным отверстием. Общий контур стремени близок к арочному и в целом напоминает железные экземпляры, широко представленные в комплексах могильника. Размеры найденного фрагмента стремени хорошо соотносятся с железными экземплярами, что говорит о возможности его практического использования. Вместе со стремнем в катакомбе № 22 были обнаружены предметы вооружения (наконечники стрел и топор), две пряжки с трапецевидным щитком, фрагменты кожаных ремней и поясных бляшек, детали одежды и украшения. По совокупности обнаруженного инвентаря погребение из катакомбы № 22 датируется в рамках середины VIII – начала IX в.

Деревянные стремяна известны в Корее и Японии, до VIII в. стремяна из дерева использовались арабской конницей и лишь позднее были заменены железными. Бытовали такие стремяна у монголов как в XI–XII вв., так и в настоящее время. До недавнего времени деревянные стремяна употреблялись тувинцами, башкирами, казаками, якутами и другими народами (рис. 57, 3–8).

На территории Древней Руси наряду с металлическими использовались деревянные и кожаные ножные опоры, об этом свидетельствует отсутствие в ряде захоронений с конем стремян, а в 44 надежно документированных погребениях X–XIII вв. найдено только по одному металлическому стремени (Кызласов, 1983. С. 32–33. Рис. 6; Кирпичников, 1973. С. 44).

Следует отметить, что мы не находим широких аналогий деревянным стремянам в средневековых аланских древностях, однако это может быть связано со степенью их сохранности. В катакомбах могильника Рим-Гора были найдены стремяна, состоящие из ремненной петли и деревянной подножки. Интересное наблюдение было сделано А. П. Руничем: ребро жесткости, имеющееся снизу у железных арочных стремян, как бы повторяет ремень, проходя-

щий под деревянной подножкой мягких стремян, что может указывать на преемственность между ними (Рунич, 1973. С. 167). Вполне возможно, что мягкие стремяна предшествовали появлению и распространению подножек из металла, однако сказать, какое место в этом эволюционном пути занимали полностью деревянные экземпляры, мы не можем из-за отсутствия репрезентативной выборки. Исходя из хронологии катакомбы № 22, нельзя сделать вывод о том, что это самый ранний комплекс со стремянами среди всех исследованных в Даргавском могильнике. Наиболее вероятно, что деревянные стремяна сосуществовали с железными экземплярами. В целом, стремяна из дерева дешевле и проще в изготовлении и могли использоваться аланским населением в течение долгого времени. Не случайно, что и простые ремненные стремяна с деревянной подножкой не вытесняются полностью железными, и, например, используются населением Рим-Горы до X–XII вв. (Рунич, 1973. С. 169; Успенский, Албегова, 2018).

Удила являются весьма ответственной управленческой частью узды, они состоят из единого, двух или трехчленного грызла и боковых подвижных прищечных ограничителей – псалиев (Кирпичников, 1973. С. 11). На территории Центрального Кавказа в период VIII–X вв. существует два основных типа удила, что согласуется с общей тенденцией использования этой части конского снаряжения на юге Восточной Европы.

В захоронениях Даргавского катакомбного могильника удила были найдены в 10 комплексах: в 3 случаях они находились среди другого инвентаря в камерах или входных ямах катакомб (кат. №№ 1, 28, 76), в 7 выявлены среди инвентаря, сопровождавшего отдельные захоронения лошадей (захоронение лошади №№ 4–9, номер еще одного захоронения не ясен). Во всех комплексах было найдено от 1 до 3 экземпляров удила в одном захоронении. Рассматриваемые удила разделяются на два типа:

– двусоставные удила с S-видными псалиями (5 экз.) (рис. 55, 7–9, 58, 1–5);

– двусоставные удила с прямыми стержневидными псалиями (8 экз.) (рис. 55, 10–12, 58, 6–13).

Оба типа удил известны в материалах Хуламской катакомбы, в Тарском и Дагомском могильниках (Чеченов, 1987. Рис. 30; Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. Табл. IX, 5; Шестопалова, 2018. Рис. 17, 2).

Рассматриваемые типы удил достаточно широко представлены как в катакомбных захоронениях, так и в биритуальных некрополях Северского Донца и Среднего Дона (Дмитриевский, Верхнесалтовский могильники), в кремационных захоронениях и поминальных комплексах Новопокровского, Сухогольшанского, Красногорковского могильников, в погребении у села Кочеток (Плетнева, 1989. Рис. 38; Аксенов, 2001–2002. Рис. 2, 3, 3, 24; 4, 17; Аксенов, 2005. С. 358; Аксенов, Михеев, 2006. Рис. 64, 3). По материалам Дмитриевского могильника С.А. Плетневой было отмечено, что удила с S-видными псалиями встречаются только в ранней группе катакомб, тогда как удила со стержневидными (гвоздевидными) псалиями характерны для погребений поздней группы (Плетнева, 1989. С. 82). Также удила с S-видными псалиями известны в комплексе Большой Орловки первой четверти VIII в. (Илюков, Косяненко, 2007. Рис. 1–3).

Наблюдения за эволюцией удил показывают, что удила с S-видными псалиями более характерны для памятников второй половины VIII – первой половины IX в., в конце IX в. их окончательно вытесняют удила со стержневидными псалиями (Аксенов, 2012. С. 214). Материалы из разнообразных комплексов с территории юга Восточной Европы показывают, что основная масса удил с S-видными псалиями предшествует появлению удил со стержневидными псалиями. Это прослежено по материалам из комплексов типа Большой Орловки первой четверти VIII в., для которых стержневидные псалии не характерны. Сходную линию развития удил демонстрируют и погребения по обряду трупосожжения на Северо-Западном Кавказе, здесь удила со стержневидными

псалиями появляются позднее и широко используются до конца IX – первой половины X в.

По материалам Даргавского могильника не зафиксирована взаимовстречаемость обоих типов удил в одном комплексе. Для рассматриваемых типов удил следует отметить отсутствие экземпляров с грызлами, у которых петли для псалиев и для поводного ремня развернуты в одной плоскости. Находки удил с подобным расположением колец на окончаниях грызел в комплексе со стержневидными псалиями известны в Дагомском могильнике (кат. № 2), залежавшими вместе с чеканенными монетами Хосрова I, датирующимися с разницей в 20 лет (554 и 574 гг.), что указывает на их предположительное время захоронения не позднее начала-первой четверти VII в. Подобное расположение колец на окончаниях грызел было характерно для комплексов предсалтовского и раннесалтовского времени (типа Вознесенки, Арцибашево и др.), а также встречается в опорных комплексах «II среднеаварского периода» (последняя треть VII – начало VIII в.) (Аксенов, 2012. С. 211; Гавритухин, 2001. С. 157, рис. 56, 3). На большинстве даргавских экземпляров кольца окончаний грызел расположены перпендикулярно друг другу.

Следует выделить удила из погребения лошади № 8 (рис. 58, 5), у которых концы грызла снабжены только одной петлей, в которую вставлен и псалий, и кольцо для поводного ремня. По мнению В.С. Аксенова, такие удила для периода VIII–X вв. являются уже архаизмом и более характерны для предсалтовского времени (Аксенов, 2012. С. 211).

В погребальных комплексах Даргавского могильника рассматриваемые удила преимущественно зафиксированы со всеми типами стремян, при этом удила с S-видными псалиями встречены только с арочными стремянами с выделенной петлей для путлица и в захоронениях, датирующихся преимущественно VIII – первой половиной IX в. Удила со стержневидными псалиями из ката-

комбы № 28, захоронение лошади № 4, обнаружены вместе со стременами, относящимися к второй половине IX–X в.

Таким образом, по данным Даргавского могильника, появление и распространение двух типов удила хорошо соотносится с общими закономерностями, прослеженными на основе материалов других памятников Восточной Европы. Более ранние комплексы маркируются удилами с S-видными псалиями, позднее распространяются псалии стержневидной формы, на определенном этапе (вероятно, с конца VIII по середину IX в.) оба типа сосуществуют, в середине – второй половине IX в. удила первого типа постепенно исчезают из обихода. Удила со стержневидными псалиями продолжают использоваться населением Даргавской котловины в X в., именно в это время, вероятно, было совершено погребение, сопровождаемое захоронением части косяка лошади в катакомбе № 28, и погребение лошади № 4.

Следует отметить, что не для всех центральнокавказских катакомбных могильников применима схема развития удила, где более ранними являлись удила с S-видными псалиями, а уже после распространялись стержневидные. Так, в Дагомском могильнике удила со стержневидными псалиями выявлены в катакомбах первого хронологического периода – второй четверти VI – начала VII в., в Хуламской катакомбе 2 удила со стержневидными псалиями обнаружены в комплексе рубежа VII/VIII вв. – первой половины VIII в., в обоих названных памятниках удила с S-видными псалиями выявлены не были (Шестопалова, 2018. С. 104 Чеченов, 1987. С. 112–113).

В погребениях вместе с другими предметами конского снаряжения обнаружены фрагменты кожаных ремней, наборы пряжек, наконечников ремней, бляшек, бубенчиков и других предметов, которые могут быть отнесены к деталям оголовья. К сожалению, из-за особенностей расположения (в тайниках единым массивом) судить о точной форме оголовья сложно.

Элементы оголовья

В катакомбе № 27 найдены фрагменты кожаных ремней вместе с округлыми неорнаментированными бляхами диаметром 2,5–4 см, выполнявшими роль ремennых разделителей, дополнительно ремни были украшены мелкими округлыми бляшками (рис. 59, 1–4).

Вероятно, к оголовью относятся несколько фрагментов ремней в сочетании с пряжками и бляшками различной формы из катакомбы № 76. Четыре пряжки с прямоугольной рамкой и небольшим прямоугольным щитком, внешняя поверхность которого украшена парными четырехлепестковыми изображениями. Одна пряжка с овальной рамкой и округлым щитком, еще одна с рамкой треугольной формы и небольшим прорезным прямоугольным щитком. Дополняют набор простые бляхи округлой формы. Также к набору относились богато орнаментированные бляшки: овальная бляха (напоминает подвесу-лунницу) с фигурным вырезом и тремя окружностями в верхней части; округлая выпуклая бляха с узором в виде завитков по периметру и центральным кружком, выделенным псевдозернью; бляха подтреугольной формы, украшена изображением двух водоплавающих птиц; фигурная бляха с изображением растущего дерева, еще одна бляха подпрямоугольной формы, украшенная чешуйчатым орнаментом. Вероятно, к деталям оголовья могли относиться также простые округлые бляхи без орнамента (рис. 59, 5–27).

В погребении лошади № 4, помимо крупных сбруйных блях (данные предметы будут рассмотрены ниже), были выявлены 36 мелких гладких бляшек, диаметром 1,0–1,8 см, наконечник ремня овальной формы, 6 бубенчиков с петлей для подвешивания, а также чембурный блок с продетым фрагментом ремня – все вещи, вероятно, являлись составными частями конского оголовья. Чембурный блок относится к составным подвескам с трапециевидной рамкой на одном конце привески и кольцом, продетым в петлю-основу (в даргавском экземпляре

кольцо утрачено) (рис. 59, 34), такие изделия представлены в основном в «классических» салтовских древностях (Аксенов, 2012. С. 215–216. Рис. 11) (рис. 59, 28–43).

С деталями оголовья связаны мелкие и средние округлые бляхи из захоронения лошади № 5, подобные бляхам из захоронения № 4 и катакомбы № 76.

Среди предметов из захоронения лошади № 6 выделяются 3 фигурные бляхи, также являющиеся украшениями сбруйных ремней (рис. 59, 52–54). Их форма близка к подтреугольной, а поверхность украшена лотосовидным орнаментом, подобные бляшки известны в Нетайловском и Верхнесалтовском могильниках (Аксенов, 2012. С. 217).

В едином стиле выполнены металлические украшения сбруи из захоронения лошади № 9 (рис. 59, 44–51), по-видимому, большая часть этих предметов относилась к ремням оголовья. В захоронении обнаружены: 2 бляхи-накладки овальной формы со стеклянными вставками (рис. 59, 47); 14 подпрямоугольных блях-накладок, украшенных орнаментом в виде витых стеблей (рис. 59, 50); 8 округлых блях, орнаментированных восьмилепестковой розеткой (рис. 59, 49) и 9 со звездчатым орнаментом (рис. 59, 48); 4 фигурных бляхи с лотосовидным орнаментом (рис. 59, 45); 9 фигурных накладок с изображением дерева (рис. 59, 46). Парность большинства металлических блях позволяет говорить об их симметричном расположении на ремнях оголовья (Дзаттиаты, 2014. С. 54).

Большинству перечисленных изделий известны аналогии в других катакомбных могильниках Центрального Кавказа (Тарский, Чми), при этом в Даргавском могильнике отсутствуют пряжки с накладками геральдического стиля, подобные находкам из Дагомских захоронений VI–VIII вв. Бляшки с лотосовидным декором были широко распространены не только в ареале салтово-маяцких памятников, но и во всех зонах политического влияния Хазарского каганата – от Среднего Поволжья до Северного Кавказа (Комар, 2018. С. 108).

Предметы парадного конского убранства

Конские начельники. К числу редко встречаемых элементов парадного конского снаряжения относятся конские начельники. Начельники являлись сугубо декоративными элементами парадного конского убора, крепились к ремням оголовья и располагались на макушке головы лошади (Армарчук, 2006. С. 81). Исследователями часто упоминается малочисленность рассматриваемой категории находок. К сожалению, довольно много начельников являются случайными находками и не могут быть связаны с тем или иным погребальным комплексом. В свете этого замечания следует отметить, что Даргавская выборка предметов парадного конского снаряжения (в том числе и начельников) является одной из самых репрезентативных из выявленных *in situ* на территории Центрального Кавказа. Как и другие предметы конского снаряжения, начельники были обнаружены в отдельных захоронениях лошадей, а также в сопровождающем инвентаре катакомбных погребений. Всего выявлено 6 начельников, 2 из которых найдены в катакомбах (кат. №№ 1, 76), и 4 – в отдельных захоронениях лошадей (ПЛ №№ 4, 5, 6, 8). Еще отдельно втулка для крепления султана найдена в погребении лошади № 8.

Начельники состояли из двух частей: основания и навершия. Основание представляет собой достаточно крупную выпуклую металлическую бляху, навершие – втулку для крепления султана. Втулка была конической или биконической формы с отогнутым наружу верхним краем. Во всех обнаруженных экземплярах втулка крепилась к основанию посредством заклепок.

По форме пластинчатого основания выделяются начельники с округлым основанием (1 экз.) (рис. 60, 1); с овальным основанием и двумя сегментовидными вырезами по бокам (3 экз.) (рис. 60, 4–6), с фигурной пластиной-основанием (2 экз.) (рис. 60, 2, 3).

Начельник с округлым основанием был найден в катакомбе № 1, основание дополнительно украшено с наружной стороны по краю тремя парами восьмилепестковых блях-розеток, навершие выполнено в виде цилиндра верхняя часть которого слегка отогнута наружу, также изделие дополнительно украшено тремя горизонтальными валиками (рис. 60, 1).

Начельники с округлым основанием и двумя сегментовидными вырезами найдены в катакомбе № 76 (рис. 60, 4) и захоронениях лошадей №№ 4, 6 (рис. 60, 5, 6). Фигурные вырезы выполнены с двух сторон друг напротив друга, в одном случае основание украшено по внешнему краю мелкими кружками. Навершие у одного экземпляра биконической формы в месте наибольшего сужения украшено горизонтальным валиком. У начельника из конского захоронения № 4 оно выполнено в виде усеченно-конической втулки с отогнутым наружу верхним краем, в одном случае навершие не сохранилось. Начельник из катакомбы № 76 дополнен наносником, изготовленным из плоской пластины.

Начельники с фигурным основанием были найдены в отдельных погребениях лошадей №№ 5 и 8. Основание начельника из конского захоронения № 5 овальное в плане, с двумя фигурными вырезами, сделанными с двух сторон, друг напротив друга, две другие стороны дополнены небольшими выступами. Основание дополнительно украшено 6 отверстиями, 3 из которых близки к сердцевидной форме, а 3 – округлой. По внешнему краю основание украшено рядом пуансонного орнамента. Навершие начельника выполнено в виде биконической втулки (рис. 60, 3).

Начельник из захоронения лошади № 8 имеет фигурное основание с двумя сегментовидными вырезами с двух сторон, одна сторона основания оформлена в виде 3 полуовальных выступов, на противоположной стороне сделан один трапециевидный выступ. Навершие начельника – усеченно-конической формы, с отогнутым верхним краем (рис. 60, 2).

В парном захоронении лошадей № 9, было найдено только навершие начельника усеченно-конической формы, с отогнутым наружу верхним краем.

Сбруйные бляхи. В большинстве случаев, парадный набор конского убранства дополнялся крупными сбруйными бляхами. Как правило, эти предметы найдены в сочетании с начельниками, они изготавливались из цветных металлов (медь, бронза, серебро), поверхность ряда изделий покрыта золочением. В сечении описываемые изделия слегка изогнутые, в основном разделяются по форме.

Округлые бляхи с декором и без, в верхней части сделано одно или два отверстия для крепления к ремню, данное отверстие с фронтальной стороны может быть декорировано дополнительным накладным элементом, также для крепления использовались фигурные бляхи, украшенные лотосовидным орнаментом, подобные обнаружены в захоронении лошади № 6. В центральной части бляхи может быть сделан листовидный вырез, в котором закреплен бубенчик (рис. 62, 1–9). У одного экземпляра (кат. № 1) в центре бляхи находилось литое зооморфное изображение (рис. 62, 3).

Листовидные бляхи с декором или полностью гладкие (рис. 62, 10–21). В верхней части по одному или два отверстия для подвешивания, которые могли быть декорированы небольшой накладной пластинкой разнообразной формы. В центре бляхи может быть сделана прорезь, в которой находился бубенчик (рис. 62, 11). У ряда экземпляров зафиксирован декор в виде пуансонов по внешнему краю изделия. Отдельно выделяется бляха из катакомбы № 1, на фронтальной стороне которой находилось позолоченное изображение лошади (рис. 62, 10).

Бляхи округлой формы с фигурным вырезом у нижнего края и округлым отверстием в центре изделия были обнаружены только в составе упряжи, все остальные особенности схожи с изделиями вышеописанных разновидностей блях.

Отдельно выделяется фигурная бляха из захоронения лошади № 5, данное

изделие является единичной находкой, округлой формы, с двумя подтреугольными выступами с двух сторон друг напротив друга, под каждым выступом сделано округлое отверстие, а в центре бляхи – крестообразная прорезь, перпендикулярно выступам, по бокам бляхи выполнены еще две фигурных прорези. Следует отметить, что стилистика описываемого изделия соотносится с начальником и тремя другими бляхами с фигурным вырезом у нижнего края, обнаруженным в данном погребальном комплексе (рис. 62, 25).

Описываемые крупные бляхи крепились к сбруйным ремням посредством накладных двусоставных блях с шарнирным соединением, или кожаных нешироких ремней, место крепления могло украшаться накладной бляхой, как это сделано в уборе из катакомбы № 1. Необходимо отметить, что часть бляшек полукруглой формы с прямоугольным вырезом в нижней части относится к так называемому мадьярскому стилю, полностью аналогичные бляшки, но уже как детали пояса, использованы в катакомбе II могильника Кобан (Комар, 2018. С. 86, 97).

Конские налобники. Редко встречаемым элементом парадной упряжи являются налобники, в материалах Даргавского некрополя два налобника были найдены в одном комплексе (рис. 60, 4, 7). Первый налобник был соединен с начальником и представлял собой округлую пластину с широким трапециевидным выступом в нижней части, второй состоял из двух частей: узкой прямоугольной пластины с небольшим сужением в средней части, и округлой бляхи с фигурным вырезом в нижней части. Обе части налобника соединены при помощи пластинчатого крепления. Рассматриваемые налобники происходят из катакомбы № 76 середины VIII – первой половины IX в.

Таким образом, рассмотренные предметы позволяют реконструировать их расположение на ремнях конской сбруи. Так, начальники, соединенные с налобником, или без него, являлись частью оголовья, которое дополнялось разнооб-

разными накладками, рассмотренными выше. Крупные бляхи сердцевидной или округлой формы могли крепиться на нагрудный и подхвостовой ремень конской сбруи, крупные бляхи подвешивались посредством кожаных ремешков или составных блях-накладок.

Рассматриваемые предметы парадной упряжи в даргавских захоронениях были выявлены в разновременных комплексах. Как правило, конский начальник был зафиксирован вместе с крупными сбруйными бляхами, только в погребении лошади № 7 найден набор блях без начальника.

Одним из наиболее ранних комплексов с предметами парадного конского убранства является катакомба № 76, которая по совокупности обнаруженного инвентаря (Т-образные фибулы, штампованные перстни со стеклянными вставками-литиками, стеклянные перстни, перламутровые пластины с отверстием в центре, накладка с изображением двух птиц и др.) может быть датирована серединой VIII – первой половиной IX в.

Конские захоронения №№ 5, 6 и 7 датируются достаточно широко – в пределах второй половины VIII – начала X в. Рассматриваемые предметы в этих комплексах были обнаружены вместе с двусоставными удилами со стержневидными псалиями и арочными стремянами с выделенной петлей для путлища (тип IA-1 по классификации Е. А. Армарчук). Подобные изделия были широко распространены на обширной территории Восточной Европы в хазарское время (Армарчук, 2006. С. 15).

В конском захоронении № 4 вместе с начальником выявлены стремяна, позволяющие датировать его в рамках конца IX–X в.

Наиболее поздним набором парадного конского убранства является комплекс из катакомбы № 1, обнаруженный здесь инвентарь синхронен поздним катакомбам Мартан-Чу 1 X–XI вв. (Виноградов, Мамаев, 1984. Рис. 11–15) и близок наборам Змейского могильника. Погребения с оружием и предметами конского снаряжения из катакомбы № 1 могут да-

тироваться серединой X – первой половиной XI в.

По материалам Даргавского могильника период распространения предметов парадного конского убранства приходится на вторую половину VIII–XI в., при этом большая часть комплексов с начельниками датируется периодом второй половины VIII – началом X в.

В других могильниках аланской культуры большая часть близких Даргавсу предметов парадной упряжи известна в синхронных комплексах. Начельник вместе с набором крупных сбруйных блях найден в катакомбе V могильника Кобан (рис. 61, 1), комплекс датируется IX в., начельник полностью идентичен находке их катакомбы № 76 Даргавского могильника, еще два морфологически схожих парадных убора VIII–IX вв. с бляхами и начельниками происходят из Балты (рис. 61, 2, 3) (Уварова, 1900. Табл. LXVI, 8, 9). Несколько отличен от даргавских начельник с квадратным основанием из Мартан-Чу 1 (рис. 61, 4), он происходит из комплекса рубежа IX/X вв. – начала X в., что подтверждается найденными здесь же стременами, близкими по облику южноуральским IX–X вв. и венгерским X в. (Виноградов, Мамаев, 1985. С. 26. Рис. 14, 1). Также начельник с квадратным основанием выявлен в комплексе XI–XII вв. могильника Кольцо-Гора и ст. Фельдмаршальской (Армарчук, 2006. С. 85). Более поздние комплексы с начельниками происходят из материалов Змейского могильника, где эта категория выявлена в элитных воинских комплексах. Наиболее известным является начельник с круглым основанием и полым скульптурным навершием в виде человеческой (женской) фигурки (рис. 61, 7), еще один начельник с фигурными основанием и цилиндрическим навершием вместе с богато украшенной уздой происходит из катакомбы № 3 Змейского могильника (Габуев, 2005. Рис. 152).

Достаточно широкий круг аналогий предметам парадного конского убранства происходит с территории Северо-Западного Кавказа, в первую очередь следует отметить начельники в сочета-

нии со сбруйными бляхами из кремационных погребений и комплексов-кенотафов VIII–X вв. могильников Дюрсо, Борисово, Молдовановский, ингумационного захоронения конца IX – начала X в. могильника Псекупский 1, а также в комплексе конской упряжи X–XI вв. из погребения могильника Колосовка-1 (рис. 61, 5). На Северо-Западном Кавказе начельники встречаются в погребениях и более позднего времени, отметим находки из могильника Андреевская щель (рис. 61, 8), очень близкие по своим характеристикам Змейским и Кольцо Гора, а также из погребения первой половины XIII в. из могильника на г. Сапун (Армарчук, 2006. С. 82, 85. Рис. 42, 1; Армарчук, Новичихин, 2004. С. 66–68. Рис. 1, 2; Саханев, 1914. Рис. 28; Дитлер, 1961. С. 150–154. Рис. 11).

Синхронные даргавским комплексы с начельниками известны в материалах Верхнесалтовского, Дмитриевского катакомбных могильников, а также среди погребений по обряду трупосожжения могильников Красная Горка и Сухая Гомольша (рис. 61, 6). Следует отметить, что верхнесалтовские конские захоронения, содержащие начельники, были совершены в отдельных ямах и располагались на свободном пространстве между катакомбами, подобная ситуация характерна и для большинства захоронений лошадей Даргавского некрополя (Аксенов, 2001–2002. С. 280). Интересна находка начельника в одном погребении Нетайловского могильника, датирующегося последней четвертью VIII в. Как отмечает В.С. Аксенов, подобные захоронения с начельниками в простых грунтовых ямах достаточно редки для Подонцовья (Плетнева, 1967. Рис. 46; Аксенов, 2012. С. 215. Рис. 2, 3; 10, 22).

Близкие аналогии налобникам широко не известны и зафиксированы преимущественно в памятниках аланской культуры на Кавказе и в Подонцовье. Один налобник известен в Дмитриевском могильнике, также налобники были выявлены в материалах Верхнесалтавского катакомбного могильника (Плетнева, 1989. Рис. 43; Аксенов, 2001–2002. Рис. 4, 1; 7).

Исследователями неоднократно отмечалась малочисленность такой категории парадного конского убранства, как начальники, что может указывать на их важную роль для изучения социальной стратификации населения (Аксенов, 2001–2002. С. 270). В частности, в погребениях алан с территории Среднего Дона VIII – начала X в. начальник являлся маркером высшей группы первого ранга, и его находка интерпретировалась Г.Е. Афанасьевым маркирующей для погребения сотников (Афанасьев, 1993. С. 141). Сходная ситуация прослежена по материалам погребений по обряду трупосожжения на Северо-Западном Кавказе, где наиболее богатые мужские погребения также выделяются наличием в сопутствующем погребальном инвентаре конского начальника и других предметов парадного конского убранства (Успенский, 2014. С. 393–394).

Даргавские находки парадного конского снаряжения подтверждают точку зрения об этих предметах, как о маркерах высокого социального статуса погребенного. В катакомбе № 76, конский начальник был выявлен с полным набором вооружения (топор, сабля, набор наконечников стрел) и др. Наиболее представительным выглядит конский убор из катакомбы № 1, высокохудожественные предметы конской упряжи, изготовленные из сплавов цветных металлов, находились в погребении вместе с парадным седлом и предметами вооружения. Начальник с набором блях из погребения лошади № 5 изготовлен из золоченой бронзы, а убор из захоронения лошади № 4 выполнен из двух материалов: пять блях серебряные, а начальник и десять блях из лужёной меди, имитирующей по цвету серебряные изделия (Габуев, 2005. С. 10, 11). Приводимые выше аналогии указывают на то, что в аланских погребениях Северного Кавказа и у донских алан предметы конского снаряжения, в том числе с парадными уборами, являются показателем наиболее богатых комплексов. Это согласуется с мнением, высказанным при изучении сюжетов согдийского искусства, что в эпоху средневековья сул-

танные украшения входили в богатый убор, отличающий коня военачальника или другой персоны высокого ранга (Армарчук, 2006. С. 85).

Рассмотренные составляющие парадной конской упряжи позволяют говорить о существовании у населения Центрального Кавказа, в том числе и у проживавшего в горной зоне, оставившего Даргавский некрополь, устойчивой традиции маркирования богатых комплексов начальниками и другими составляющими парадного убранства. Приводимые аналогии (из некрополей аланской культуры Балта, Кобан, Мартан-Чу, Змейский, Кольцо-Гора) позволяют уверенно спроецировать этот вывод на всю аланскую культуру Северного Кавказа. Начальники и другие рассматриваемые в нашей работе предметы парадного конского убранства появляются в комплексах, датирующихся временем не позднее середины VIII в. Следует отметить, что для более раннего времени они были не характерны, например, конские начальники отсутствуют в комплексах Дагомского могильника VI–VII вв., также они не выявлены ни в одном из захоронений Мокрой Балки, большая часть которых датируется временем не позднее середины VIII в. Анализируемые предметы встречаются в некрополях Центрального Кавказа вплоть до конца XII в., что подтверждается находками в Змейском могильнике и Кольцо-Горе.

Довольно малочисленной, но в то же время характеризующейся разнообразием форм декора и стилей, является выборка из могильников Северо-Западного Кавказа. Население этой территории находилось в непосредственном контакте с аланскими племенами Центрального Кавказа. У населения Северо-Западного Кавказа конские начальники появляются в комплексах VIII–X вв. (Дюрсо, Молдовановский) и продолжают встречаться в захоронениях вплоть до середины – конца XIII в. (Пскупский могильник, могильник на г. Сапун, Цемдолинский). Помимо Северного Кавказа, мода на конские начальники фиксируется в материалах памятников второй половины VIII–X вв. у населения

верховьев Северского Донца, где она появилась вместе с переселившимся сюда аланским населением.

Большинство предметов рассмотренного парадного конского снаряжения совпадает с ареалом аланской культуры, памятниками населения, находящегося в непосредственном контакте с аланами, а также памятниками, появившимися в результате переселения аланского этнического компонента. Все это позволило исследователям выдвинуть гипотезу о существовании этнопоказательного «аланского» конского убора, в который помимо начельников входят крупные пластинчатые бляхи (Армарчук, 2006. С. 85). Насколько это так, покажут дальнейшие исследования, в частности, важен вопрос об истоках появления таких уборов в аланской среде. Е. А. Армарчук предположила возможное индоиранское происхождение конских оголовий, которые могли появиться в Европе в результате контактов с Востоком примерно в VIII в. (Армарчук, 2006. С. 85). Это предположение не лишено аргументов, в частности, на территории, связываемой с аланскими племенами, памятники которых датируются временем ранее VIII в., в настоящий момент не известны комплексы с начельниками.

Истоки появления рассматриваемого парадного конского убора требуют своего дальнейшего изучения, однако мы можем утверждать, что с середины VIII в. именно население аланской культуры было центром распространения конских оголовий с начельниками на юге Восточной Европы. В результате контактов с аланским населением рассматриваемый парадный конский убор появляется на территории Северо-Западного Кавказа. Сложность производства, существование определенной стандартизации, а также высокохудожественная стилистика рассмотренных предметов указывает на возможность их изготовления только в крупных ремесленных центрах, которыми могли являться аланские города. Несмотря на существование определённой стандартизации форм начельников и сбруйных блях,

а также приемов их изготовления, каждый отдельный предмет характеризуется рядом особенностей, характерных только для него, в первую очередь, это прослеживается по элементам декора, все это может указывать на особые пожелания каждого конкретного заказчика.

Седла

Из-за деревянной основы седла не часто удается зафиксировать в погребальных комплексах. В Даргавском могильнике фрагменты седел были обнаружены в комплексе катакомбы № 1 и захоронениях лошадей №№ 4 и 6 (рис. 63).

Наиболее хорошо сохранившийся экземпляр, позволяющий судить о форме седла, был обнаружен в комплексе катакомбы № 1. От седла сохранились передняя и задняя луки, а также фрагменты ленчиков. Ленчики укороченных пропорций, лопасти достаточно широкие. Обе луки аркообразной формы, широкие, немного уплощенные сверху. Концы передней луки более длинные по сравнению с задней, в свою очередь окончания задней луки более широко расставлены. Передняя лука была посажена с наклоном вперед, задняя лука располагалась вертикально или с небольшим наклоном назад, представляя опорную спинку сиденья. Судя по форме обеих луков, передняя слегка возвышалась над задней. Седло было богато декорировано, передние части луков и ленчиков были укреплены серебряными пластинчатыми обоймами. Луки седла дополнительно украшены ажурными фигурами, возможно являющимися изображениями древа жизни, вырезанными из листового серебра. При этом на передней луке, на стороне, обращенной к всаднику, находилось три фигуры, а на задней луке – одна (рис. 63, 1–4).

В погребении лошади № 4 от седла сохранилось несколько деревянных фрагментов луков с металлическими обоймами. Окончания обойм выполнены в виде головы животного. Точная форма луков не реконструируется, а расположение металлических обойм подобно расположению

седла из комплекса катакомбы № 1 (рис. 63, 6–26).

В захоронении лошади № 6 была обнаружена железная оковка передней луки седла аркообразной формы, с уплощенным верхним краем. Оковка изготовлена из двух железных пластин, соединенных между собой железными штифтами (рис. 63, 5).

Редкость выявления деревянных частей седел в погребальных комплексах делает любые такие находки важным элементом в классификационных построениях, касающихся восточноевропейских и азиатских седел (Кадиева, 2012. С. 104). На территории распространения аланской культуры фрагменты седел, позволяющие так или иначе судить об особенностях конструкции, были обнаружены в материалах Чир-Юрта (кат. № 17) (рис. 64, 3–5), Галиатского склепа (рис. 64, 1, 2), фрагмент седла из могильника Чми (кат. № 21), седло из катакомбы № 5 могильника Архон, находки из могильников Кольцо-Гора и Змейский (Кадиева, 2012. С. 104; Армарчук, 2006. С. 36; Габуев, 2005).

В комплексах VII–VIII вв. по пропорции ленчика выделяются два варианта седел: «длинные», подобные экземпляры известны в Сивашовке, Бородаевке, а также одно из седел, найденных в Галиате; и «короткие» – к ним могут быть отнесены находки из Чир-Юрта, Шиловки 1, 2, а также второе седло из Галиата (Комар, 2008. С. 242. Рис. 1). Седло из даргавской катакомбы № 1 ближе именно к «коротким» седлам. Рассматривая вышеперечисленные варианты седел по пропорции ленчика, А. В. Комар выделяет три варианта на основе конструктивных особенностей передней и задней луки. Даргавское седло соотносится с третьим вариантом с крупными луками с вырезом по центру, подобно седлу из Галиата (Комар, 2008. С. 242). Форма и размеры луки являются наиболее изменчивыми во времени элементами, так, передняя лука прошла эволюцию от тонкой изогнутой наклонной вперед до практически вертикальной массивной подтрапециевидной, задняя – от символического невысокого

фиксатора седельной подушки до широкой луки, оказывающей поддержку пояснице и бедрам (Комар, 2008. С. 242–243).

Таким образом, даргавское седло продолжает линию развития восточноевропейских жестких седел, известных в материалах VII–VIII вв. У рассматриваемого экземпляра налицо наличие именно «поздних» признаков: высокие передние и задние луки, а также отсутствие глубоко прогнутого ленчика. Подобная конструкция обеспечивала глубокую и более устойчивую посадку всадника. Сочетание со стременами, которые, вероятно, были вынесены к передней луке, увеличивало опорную функцию ног. Данные обстоятельства в целом повысили боевые качества всадника, увеличили достающую возможность оружия за счет возможности привставания на стременах (Комар, 2008. С. 248; Кирпичников, 1973. С. 38).

Достаточно высокий процент сходства с луками седла из Даргавса прослеживается у деревянной аркообразной луки с инкрустациями, украшенной золотыми накладками из катакомбы № 14 Змейского могильника (рис. 64, 6) (Габуев, 2005. С. 62). Несмотря на некоторые различия в конфигурации, седло из Змейского могильника, вероятно, было сделано в единой традиции с экземпляром из Даргавского могильника.

Также прослеживается сходство элементов седла из Даргавса с седлом из богатого кенотафа могильника Андреевская щель, относящегося к первой половине XII в. От седла сохранились деревянные луки арочной формы, при этом конфигурация задней луки несколько отличается от передней, но, подобно рассматриваемому нами седлу, обе луки были обтянуты кожей. Поле обеих луки было украшено золоченой аппликацией (рис. 64, 9, 10) (Новичихин, 2008. С. 31. Рис. 39, 2а, 2б). Учитывая форму луки, можно предполагать, что седло из Андреевской щели могло быть того же типа, что и седло из катакомбы № 1 Даргавского могильника.

Декорирование седел с применением латунных бляшек, обойм, фигурных

пластин (подобно рассматриваемому даргавскому седлу и седлу из Андреевской щели) характерно именно для «аланской» традиции, тогда как использование костяных или роговых обкладок с различной орнаментацией более характерно для кочевнической традиции (Армарчук, 2006. С. 37). В частности, фрагмент седельной костяной накладки с изображением всадника найден в могильнике Чир-Юрт, фрагменты костяных накладок лук седла выявлены в нескольких кочевнических погребениях Прикубанья (Магомедов, 1983. С. 75. Рис. 23; Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. С. 90).

Железные оковки луки седла, подобные обнаруженным в захоронении лошади № 6, являются одной из наиболее часто сохраняющихся находок седельной конструкции в погребальных комплексах. Точно восстановить конструктивные особенности седел только на основе этих элементов невозможно, но с большей долей уверенности можно предполагать, что луки седел были достаточно высокие, арочной формы, подобны той, что имеет седло из катакомбы № 1. Учитывая характерный дугообразный изгиб металлических накладок, они крепились к верхней части луки, в качестве окантовки. Такие элементы седел встречены в разных памятниках на территории Юга Восточной Европы. Однако применительно к территории Северного Кавказа, необходимо отметить, что подобные оковки лук более характерны для памятников населения аланской культуры Центрального Кавказа, а также населения Северо-Западного Кавказа, оставившего могильники по обряду трупосожжения. Например, подобные оковки выявлены в могильниках Дюрсо, Молдавановский и др. (рис. 64, 11–13) (Дмитриев, 2003. Табл. 91, 12, 13; Пьянков, Тарабанов, 2004. Рис. 3, 2). При этом, для кочевнических погребений Прикубанья такие оковки не характерны. Ряд аналогий железным оковкам происходит с территории среднего Дона и Северского Донца, где они выявлены в могильниках с катакомбным обрядом погребения (Дмитриевский, Маяцкий и др.) и связаны с алан-

ским населением, переселившимся на эту территорию в середине VIII в. (Плетнева, 1989. Рис. 43; Флеров, 1984. Рис. 16, 2). Во второй половине VIII–IX вв. аналогичные детали седел появляются могильниках Северского Донца с ямным обрядом погребения и захоронениях по обряду трупосожжения. Они найдены в погребениях Нетайловского могильника, в кремационном погребении 254 могильника Красная горка, в культурном слое Сухогомольшанского могильника. (Аксенов, 2012. С. 216; Аксенов, 2009. Рис. 13, 10; Аксенов, Михеев, 2006. С. 121. Рис. 86, 8). Судя по вышеперечисленным находкам, появление и распространение металлических овок седел, а также мода на конские начельники, крупные бляхи, подвешивающиеся к ремням сбруи, у населения Северского Донца, оставившего могильники с некатакомбным обрядом погребения, происходило под влиянием аланского этнического компонента (Аксенов, 2001–2002. С. 280).

Назначение рассматриваемых седел могло быть различным, в первую очередь, седла из комплекса катакомбы № 1 и катакомбы № 14 Змейского могильника по совокупности богатых элементов декора вполне могли являться парадными, однако нельзя полностью исключать возможности использования данных седел в бою воинами высокого социального ранга. Говоря о седлах из Галиата, А.В. Комар считает явным признаком парадного назначения седла высокую заднюю луку (данный признак характерен для седла и из Даргавского могильника), которая создавала препятствия для джигитовки (Комар, 2008. С. 242). Данная точка зрения вызывает возражение, поскольку крупная лука могла быть необходима всаднику-копейщику (Кадиева, 2012. С. 105). Седла, фрагменты которых обнаружены в погребениях лошадей №№ 4 и 6, были более утилитарны и могли использоваться как в бою, так и в повседневной жизни.

Подводя итоги обзору седел, необходимо отметить, что их развитие у населения Центрального Кавказа проходило под влиянием общих закономерностей,

характерных для Восточной Европы. Своими корнями раннесредневековые седла уходят в восточный мир и находят параллели развития с тюркскими и китайскими седлами. Форма седла изменялась в направлении максимального удобства для всадника, проводящего много времени в седле (Комар, 2008. С. 247). Даргавские седла IX–X вв. продолжали общую линию развития более ранних экземпляров из Галиата и Чир-Юрта, а определенные элементы их конструкции могут быть прослежены в более поздних находках из Змейского могильника.

Редко встречаемые элементы всаднического снаряжения

Благодаря хорошей сохранности органических материалов, в погребальном инвентаре Даргавского некрополя были выявлены редко встречаемые элементы всаднического снаряжения, к которым относятся фрагменты деревянных стержней с клювовидными выступами-отростками (рис. 65, 2, 3) и крупный деревянный гребень (рис. 65, 13), который, предположительно, мог использоваться для ухода за лошастью. Деревянные стержни по своей морфологии могут быть интерпретированы как кнутовища плетей. Оба древка плетей и гребень обнаружены в катакомбе № 76, датирующейся второй половиной VIII – началом IX в. (Албегова, Успенский, 2017. С. 102, 103). Один из экземпляров сохранился полностью (рис. 65, 2), от второго – только верхняя часть (рис. 65, 3). Оба предмета изготовлены из цельного куска древесины. Древки рукоятей округлого сечения, в верхней части сделан клювовидный выступ-отросток, предотвращавший выскальзывание плети из руки. В верхней части древков сделано сквозное отверстие, служившее для крепления петли темляка, одевавшегося на кисть руки. У полностью сохранившегося экземпляра древко имеет изгиб и сужается книзу. В нижней части нанесены две засечки, по-видимому, служившие для крепления

стегающей части плети, которая не сохранилась.

Длина полностью сохранившегося экземпляра – 19,7 см, диаметр в верхней части – 1,6 см, длина клювовидного отростка – 2,2 см, диаметр отверстия – 0,4 см. Сохранившаяся длина второго экземпляра – 7,5 см, диаметр сечения кнутовища – 1,1 см, длина клювовидного отростка – 1,6 см.

Несмотря на относительно небольшие размеры деревянных стержней, их морфология и расположение в комплексе с вооружением и конским снаряжением позволяет осторожно предположить, что это могут быть детали плетей (в научной литературе существуют иные интерпретации подобных изделий).

Плети являлись деталями экипировки всадника, занимающими промежуточное положение между вооружением и конским снаряжением (Чхаидзе, 2016. С. 353). В аланских древностях деревянные рукояти плетей встречаются редко, что может быть связано с плохой сохранностью органики в погребениях. В музее историко-культурного наследия Специальной астрофизической обсерватории РАН (САО РАН) и Нижнего Архыза хранится подобный, но более крупный экземпляр из случайных находок, с продетым в отверстие витым веревочным шнуром (темляк?)¹⁶. Длина архызского экземпляра приблизительно 50 см, его конец обломан, диаметр сечения около 2 см (рис. 65, 1). Следует обратить внимание на довольно большую длину архызского кнутовища, однако существование кнутовищ длиной до 60–80 см известно по археологическим, этнографическим и иконографическим данным (Чхаидзе, 2016. С. 354. Рис. 2; Кубарев, 2005. С. 80).

В материалах более раннего времени на территории Северной Осетии находки кнутовищ плетей известны в могильнике Брут, эти изделия отличает богатая отделка драгоценными металлами и камнями (Габурев, 2005. С. 37). Известна

¹⁶ Выражаем благодарность руководству музея САО РАН за предоставленную возможность публикации фотографии описываемого предмета.

хорошо сохранившаяся вотивная модель плети, найденная в Мощевой Балке, однако в отличие от даргавских экземпляров, плеть из Мощевой Балки не имела бокового отростка (рис. 65, 12). (*Иерусалимская*, 2012. Рис. 28, б).

Заметно большее число находок плетей и их деталей известно в материалах памятников Древней Руси и Сибири IX–XIII вв., а также в кочевнических погребениях Юга Восточной Европы (*Чхаидзе*, 2016. С. 354–355; *Кирпичников*, 1973. С. 73). Часть деревянных предметов из слоев средневекового Новгорода XI–XV вв., очень близкая по морфологии находкам из Даргавса, но без отверстий, интерпретировалась Г.Е. Дубровиным как рукояти плетей или кнутов (рис. 65, 4, 5) (*Дубровин*, 1990. С. 105. Рис. 3, 4, 6). В работах других исследователей они определены как зооморфные деревянные навершия культового назначения (*Рукхначова*, 2007. Р. 385. Fig. 23.6, 1, 2, 5).

Плети из кочевнических комплексов, а также часть экземпляров из древнерусских памятников, несколько отличались по своим конструктивным особенностям от даргавских. Рукояти таких плетей были составными и имели навершия, надевавшиеся на верхний конец кнутовища, они изготавливались из бронзы или кости (рис. 65, 6–11). Известны навершия разной формы, наиболее близки по своей морфологии к даргавским экземплярам навершия с клювовидным выступом (типы III и IV по классификации А.Н. Кирпичникова). В составных плетях темляк в основном продевался или через отверстие на конце деревянного стержня-основы, или через кольцо, закрепленное в этом отверстии, или через боковое колечко на набалдашнике, или через доленое отверстие (*Чхаидзе*, 2016. С. 361. Рис. 2, реконструкция М.В. Горелика; *Кирпичников*, 1973. С. 73).

Затыльники плетей обнаружены в слое IX–X вв. Саркела – Белой Вежи (*Флерова*, 2001. С. 221, №№ 191–191, 198);

среди случайных находок из Хакасско-Минусинской котловине (рис. 65, 6–8), видимо, конца X – начала XI в. (*Кызласов*, 1983. С. 41. Табл. XVIII, 3–5); из Каблуково и Волжской Болгарии XII–XIII вв. (рис. 65, 9–11) (*Кирпичников*, 1973. Табл. XXIV, 7–9). Навершия с отростком (близкие типу III по классификации А.Н. Кирпичникова) также известны в Сибири, в группе погребений из могильников Умна-3, Красный Яр-1, Чингис-2 – эти комплексы датируются временем не позднее VIII–X вв. (*Бородовский*, 1993. С. 180).

Следует еще раз отметить относительно небольшие размеры кнутовищ из Даргавса. Возможно, что это части вотивных нагаек. С другой стороны, диаметр отверстий в навершиях составных плетей, указанных выше аналогий, также не велик. Кроме того, для небольших кнутовищ имеются этнографические параллели – так называемые «кенчики» (плети для езды на собаках в эскимосской упряжке), которые состояли из деревянного кнутовища, длиной 50 см и толщиной чуть больше 1 см (*Дубровин*, 1990. С. 103).

Гребень, обнаруженный в катакомбе № 76, изготовлен из дерева и находился в кожаном футляре¹⁷, из-за этого не ясно, односторонний он или двусторонний (рис. 65, 13). Высота гребня составляет 18,3 см, ширина – 8,6 см, длина зубьев – 9,5 см. Находки гребней в средневековых аланских комплексах были систематизированы А.А. Туаллаговым (*Туаллагов*, 2007). Одна из наиболее ранних находок деревянного одностороннего гребня с широкой и невысокой спинкой зафиксирована в аланской катакомбе VII–VIII вв. в Пятигорье (*Рунич*, 1968, рис. 3, 18). Второй половиной VIII–IX вв. датируется гребень с широкой и высокой спинкой из погребения № 2 могильника Мартан-Чу (Чечня) (*Виноградов*, *Мамаев*, 1984 с. 66, рис. 3, 36). Однако, как отмечает А.А. Туаллагов, наиболее типичными для аланских памятников являются

¹⁷ Поскольку рассматриваемый предмет требует профессиональной реставрации, которая еще не проводилась, из кожаного футляра он не вынимался.

двусторонние гребни (Туаллагов, 2007. С. 9). С IX в. такие деревянные образцы начинают фиксироваться и в других аланских погребениях. Известно о находках подобных самшитовых гребней в могильнике Мошечая Балка и Чми-Суаргом. Аналогичные деревянные гребни обнаружены в скальных погребениях в Кувинском ущелье (балка Балабанка), в погребении катакомбного могильника у с. Кобан и других памятниках (Туаллагов, 2007. С. 10). От большинства приведенных выше аналогий рассматриваемый нами гребень из Даргавского могильника отличаются довольно большие размеры и расстояние между зубьями. Его местоположение в погребении вместе с другими предметами конского снаряжения позволило Р.Г. Дзаттиаты предположить, что его использовали для ухода за лошадью (Дзаттиаты, 2014. С. 46).

II.5. Зеркала

Бронзовые зеркала с центральной петелькой и орнаментированной тыльной стороной были очень популярны у носителей аланской культуры. Пример Даргавса, где зеркала являются одной из самых распространенных находок, еще раз подтверждает это. Всего в исследуемой нами выборке катакомб был выявлен 61 экземпляр зеркал, происходивших из 40 катакомб.

Классификация бронзовых зеркал аланской культуры Северного Кавказа и Среднего Дона периода раннего средневековья представлена в ряде исследований. Все работы построены на анализе орнаментации зеркал. Орнаментальных элементов для украшения зеркал использовалось не много, но сочетания этих элементов дают большое разнообразие типов.

Зеркала Дмитриевского могильника аланского варианта салтово-маяцкой культуры рассмотрела С.А. Плетнева (Плетнева, 1989. С. 99–104), которая вы-

делила миниатюрные зеркала-амулеты (диаметром до 3,5 см) и два вида более крупных зеркал (I вид диаметром не более 6–7 см; II вид диаметром от 7,5 до 10,5 см), оба вида она разделила на 7 типов по орнаменту. Орнаментацию зеркал из 23 катакомб Салтовского могильника анализировала О.В. Иченская, которая разделила их на две группы: зеркала с геометрическим орнаментом и зеркала с растительным орнаментом. Внутри этих групп автор выделила соответственно 9 и 2 типа (Иченская, 1982).

Основные принципы классификации зеркал аланской культуры Северного Кавказа IV–IX вв. были разработаны В.Б. Ковалевской в диссертационном исследовании 1961 г. Была проведена работа по их картированию. Первоначальная база данных включала 200 экземпляров, которые были разделены на 30 типов. Со временем выборка росла. Классификация и картирование зеркал, построенное уже на анализе более 900 экземпляров, найденных на Кавказе и Среднем Дону, была продолжена в ряде совместных статей (Албегова, 2006; Ковалевская и др., 2006; Албегова, Ковалевская, 2015). Выделение групп (таксонов) зеркал в указанных работах основывается на количестве концентрических орнаментальных зон и сочетании устойчивых элементов орнамента. По этим признакам весь массив зеркал был разделен на 34 таксона высшего порядка, которые, в свою очередь, распались на 123 таксона низшего порядка. В публикациях дается анализ хронологии и ареалов отдельных таксонов.

Так как последняя классификация была разработана на всех доступных для своего времени материалах Кавказа и Среднего Дона, в том числе и небольшого количества зеркал Даргавса, то в данной работе для классификации зеркал, бытовавших до X в. и продолживших существование в более позднее время, мы будем опираться именно на нее¹⁸. Пользуясь

¹⁸ Следует также учитывать, что номера комплексов Даргавса в предыдущих публикациях о зеркалах даны по отчетам, а в данной работе – по публикации 2014 г. См. сравнительную таблицу нумераций комплексов Даргавса по отчетам и публикации.

случаем, мы повторно публикуем таблицу таксонов, так как в публикации 2015 г. она дана очень мелко. Кроме того, в ходе работы в классификацию добавились новые таксоны (рис. 66–68). Не все новые типы удалось вписать в данную классификацию из-за наличия ранее неизвестных элементов орнамента, а также из-за принадлежности некоторых зеркал к более позднему периоду. Они описываются отдельно.

Зеркала, специфичные для позднего этапа аланской культуры X–XII вв., изучал С. Н. Савенко (Савенко, 1985б). На этом этапе наряду с ранее существовавшими орнаментами появились новые, в частности изображения христианских крестов, и вышли из употребления миниатюрные зеркала (Савенко, 1985б. С. 103).

Широкое распространение зеркал в аланской культуре, находки каменных форм для их отливки, находки зеркал, изготовленных по одной форме – все это свидетельствует в пользу производства зеркал на местах. Каменные формы Паласасыртского поселения Дагестана датированы Л. Б. Гмырей IV–V вв. (Гмыря, 1990а. С. 255; 1990б. С. 67). Х. М. Мамаевым опубликована форма из Ялхой-Мохка (Юго-Восточная Чечня) (Мамаев, 1980. Рис. 1–3). Фрагмент формы предположительно X–XI вв. был выявлен при раскопках городища Цми (Северная Осетия) (Албегова и др., 2012. Рис. 1, 32). Обломки форм происходят с Владикавказского городища. Так как это случайные находки, их датировка затруднена. Э. Ю. Шестопалова относит их к широкому периоду I–IX вв. (Шестопалова, 2018. Рис. 77), однако по орнаменту их скорее можно отнести к хазарскому времени (таксон 17д, Албегова, Ковалевская, 2015. С. 86). На поселении у Кольцо-Горы (Ставропольский край) были найдены фрагменты 4 каменных форм, полностью сохранилась одна двусторчатая (Кузнецов, 1971. С. 106–108. Рис. 11). Судя по тому, что находящийся у Кольцо-Горы аланский катакомбный могильник датируется С. Н. Савенко XI–XII вв. (Савенко, 1989. С. 10–11), можно предположить, что эта датировка распространяется на мате-

риалы поселения. Находка из окрестностей Кисловодска (Карачаево-Черкессия) опубликована Е. П. Алексеевой (Алексеева, 1971. С. 114. Табл. 23б, 11). Многие авторы сходятся на том, что каменные формы использовались неоднократно (Савенко, 1985. С. 102).

Изучение серии аланских зеркал, отлитых по одной форме, привели Н. В. Ениосову к выводу об использовании наряду с каменными – глиняных форм, изготовлявшихся путем оттискивания готового зеркала-образца (Ениосова и др., 2004). Находки серийных зеркал, отлитых по одной форме, неоднократно отмечались исследователями, некоторые из них были найдены на достаточно удаленных друг от друга территориях (Албегова, 2002; Ковалевская, 1981. С. 87; Плетнева, 1989. С. 100; Савенко, 1985б. С. 102). Таким образом, можно утверждать, что массовый спрос на зеркала обслуживался местными ремесленниками.

Зеркала Даргавса по размеру подразделяются на стандартные (53 экземпляра) и миниатюрные (8 экземпляров). Диаметр миниатюрных зеркал варьирует от 2,1 до 3,5 см. В. Б. Ковалевская и С. А. Плетнева называли их зеркалами-амулетами (Ковалевская, 1981. С. 87; Плетнева, 1989. С. 99). Зеркала стандартного размера достигают в диаметре 10,5 см. Их можно условно разделить на две размерные группы: зеркала диаметром от 5,1 до 7,4 см (44 экземпляра) и от 8,1 до 10,5 см (9 экземпляров). Размерные стандарты групп даргавских зеркал приблизительно соотносятся со стандартами, выделенными предыдущими исследователями (Ковалевская, 1981. С. 87; Плетнева, 1989. С. 98, 99, 100–104).

Качество зеркал-амулетов, по наблюдению С. А. Плетневой, было хуже качества зеркал стандартного размера – только 2 зеркала-амулета из 32, найденных на Дмитриевском могильнике, имели отражающую поверхность, поверхности остальных, по сути, зеркальными не были (Плетнева, 1989. С. 99).

Положение миниатюрных зеркал *in situ* было зафиксировано в катакомбах

№№ 63, 66, 75 Даргавского могильника. Во всех случаях зеркальца были найдены в области пояса или у локтя (кат. № 66) – то есть там же, где располагались амулеты и бусы.

Более крупные зеркала зафиксированы *in situ* не часто. В ряде случаев из-за наличия нескольких костяков в камере не удавалось определить, кому оно принадлежало, 17 зеркал было сдвинуто при подхоронениях. Можно выделить несколько традиций расположения зеркал относительно костяка: в ногах (кат. №№ 15, 36, 46, 49, 62, 75, 77, 78); в области пояса или у локтя (кат. №№ 63, 65, 77); в области шеи или грудной клетки (кат. № 16) и в головах погребенных (кат. №№ 18, 25, 41, 72); иногда зеркала помещались в ниши (кат. № 53) или у входа в камеру (кат. № 71). Если погребенный был уложен с разворотом на правый или левый бок, то зеркала, в подавляющем большинстве четко зафиксированных случаев, лежали с той стороны, куда костяк был развернут, то есть перед костяком.

Интересно, что закономерности расположения зеркал в аланских катакомбах, прослеженные С.Н. Савенко на примере 115 экземпляров из Байтал-Чапкана, Мокрой Балки, Лермонтовской Скалы 2, Песчанки, Гиляча, Октябрьского, Хазнидона, Гоуста, Мартан-Чу 1, Змейского, Кольцо-Горы, Рим-Горы и др., противоположны традиции, которую мы наблюдаем в Даргавсе. В вышеуказанных аланских катакомбах около трети зеркал (32,7%) было выявлено у черепов погребенных, в ногах – только 6,7% (Савенко, 1985б. С. 104). Хотя нельзя исключить, что в ряде случаев в катакомбах Даргавса мы имеем дело с переложёнными при подхоронениях зеркалами.

Зеркала часто находили в кожаных чехлах (кат. №№ 9, 19, 41, 65) или деревянных футлярах (№№ 12, 36). В катакомбе № 97 (раскопки 2019 г.) справа от черепа погребенной была зафиксирована шкапулка, в которой лежало зеркало в кожаном чехле и грецкий орех (Успенский и др., 2020. С. 150).

Если все миниатюрные зеркала найдены целыми, то зеркала стандартного раз-

мера в 20 случаях из 53 были расколоты. В двух случаях расколотые зеркала представлены одним фрагментом, в остальных – двумя и более фрагментами, собиравшимися в полные формы. В большинстве случаев сложно сказать, были ли поврежденные зеркала разрушены намеренно или треснули в результате некачественной отливки. К намеренному использованию фрагментированных зеркал могут относиться находки одного фрагмента вместо целого зеркала в катакомбах №№ 12, 71, в катакомбе № 63 две половинки зеркала лежали по обе стороны от костяка, у его пояса. Учитывая датировки названных комплексов, этот обряд эпизодически фиксируется в период с середины VII–X вв.

Классификация зеркал Даргавского могильника, как уже говорилось, строится на анализе орнамента и сочетании орнаментальных концентрических зон, в подавляющем большинстве случаев отделенных друг от друга концентрической окружностью (Албегова, Ковалевская, 2015). Описание орнаментальных концентрических зон, согласно выработавшейся традиции, идет от края к центру. В группировке зеркал при выделении крупных таксонов первого порядка определяющую роль имеет орнамент внешней зоны. Таксоны первого порядка подразделяются на таксоны низшего порядка по орнаментации внутренних зон зеркала.

Для орнаментации зеркал Даргавса использовалось, как и для всех зеркал аланской культуры, ограниченное количество характерных элементов декора, но их сочетания были весьма разнообразны: 60 даргавских экземпляров можно подразделить как минимум на 26 таксонов высшего порядка по ранее разработанной классификации.

Среди зеркал стандартного размера зафиксированы зеркала таксонов 1, 4, 7, 9, 10–14, 17, 18, 20–23, 27 (рис. 69–73) и еще четырех, не отраженных в используемой классификации таксонов (5 экземпляров; Рис. 74, 75). Часть их была неизвестна ранее (рис. 75), часть выходила за хронологические рамки предыдущего исследования

(рис. 76; 3). Четыре зеркала не поддавались определению из-за сильной патинированности или плохой сохранности (кат. №№ 1, 78) (рис. 76). Мы рассмотрим их в конце описания таксонов стандартных зеркал. Среди миниатюрных зеркал выявлены таксоны 31–34 (рис. 77).

Классификация стандартных зеркал.

Таксон 1 (1 экземпляр из катакомбы № 67) (рис. 69, 1). К таксону относятся неорнаментированные зеркала. Зеркала данного таксона характерны для всех этапов аланской культуры и не являются хронологическими маркерами.

Таксон 4 (4 экземпляра) – зеркала, орнаментированные концентрическими кругами и радиальными линиями. Зеркала с подобным орнаментом являются наиболее широко распространёнными во времени и пространстве. Этот орнамент известен и на сарматских зеркалах с боковой ручкой второй половины II в. (Абрамова, 1993. Рис. 66, 44; Малашев и др., 2015. С. 98). Данные зеркала не дают узких датировок. Найденные в Даргавсе экземпляры распадаются на два таксона низшего порядка:

4а (3 экземпляра из катакомб №№ 9, 36, 48) (рис. 69, 2–4) – зеркала, декор которых состоит из двух концентрических зон, разделенных концентрической окружностью: расположенная ближе к краю первая зона орнаментирована радиальными линиями, вторая, центральная зона – не орнаментирована. Это один из наиболее распространенных таксонов, известных на Северном Кавказе с первой половины III в. н. э. (Малашев и др., 2015. С. 98). Зеркала Т. 4а были популярны в догуннскую эпоху на всем пространстве Предкавказья и в Крыму и получили наибольшее распространение в Центральной и Западной Европе в эпоху Великого переселения народов (Ковалевская и др., 2006). В более позднее время они продолжают встречаться. Один экземпляр найден в катакомбе № 48 могильника Кольцо-Гора 1 (раскопки С.Н. Савенко), также 1 экземпляр найден в катакомбе 14 раскопа III Змейского могильника (Савенко, 2017. Рис. 44, 24; Бакушев, Леонтьева, 2020. Т. I. С. 58, 59, 318. Т. II. Рис. 102, 2). Таким обра-

зом, эти зеркала могли бытовать до золотоордынского времени.

4д (1 экземпляр из катакомбы № 33) (рис. 69, 5). Орнамент разбит на две зоны: в первой – радиальные линии и концентрическая окружность, во второй – радиальные линии, сходящиеся у петельки. Таксон распространен с догуннского времени до X в. (Ковалевская и др., 2006).

Таксон 7 (2 экземпляра таксона низшего порядка 7а из катакомб №№ 6, 7) (рис. 69, 6, 7). В декоре зеркал выделяются две зоны: первая украшена радиальными линиями и концентрическим кругом; вторая – дугами. Зеркал этого таксона пока известно немного: кроме двух экземпляров из Даргавского могильника опубликован еще один из катакомбы № 23 Тарского могильника (Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. С. 296, Табл. XXIV, 9). Все они относятся ко второй половине VIII–IX вв.

Таксон 9 (1 экземпляр из катакомбы № 15) (рис. 70, 1). К таксону относятся зеркала, декорированные ломаной линией, образующей четырехлучевую звезду и концентрической окружностью, в орнаменте могут присутствовать и дополнительные детали, такие как радиальные линии. Условно к новому варианту этого таксона можно отнести зеркало из катакомбы № 15 (в ранее опубликованную группировку внесен таксон низшего порядка 15г). На зеркале из Даргавса орнаментация разбита на две зоны, разделенные концентрическим кругом: во внешней зоне – четырехлучевая звезда и несколько радиальных линий, во внутренней зоне – четыре крестообразно расположенные радиальные линии. Этих зеркал на территории распространения аланской культуры известно немного (8 экземпляров, включая все таксоны низшего порядка), все они концентрируются в основном на Центральном Кавказе, два экземпляра найдены на Среднем Дону. Зеркала данного таксона, если принимать во внимание находки из относительно надежно датированных комплексов, появились не позднее рубежа VII–VIII вв., их не встречается в погребениях X–XII вв. (Ковалевская, Албегова, 2015. С. 74).

Таксон 10 (1 экземпляр таксона низшего порядка 10а из катакомбы № 46) (рис. 70, 2). Эти зеркала декорированы во внешней зоне пятилучевой звездой с несколькими беспорядочными радиальными линиями между лучами и концентрической окружностью, внутренняя зона – неорнаментированная. Зеркала характерны для Центрального Кавказа (Чми, Кумбулта, Мокрая Балка) (Ковалевская, Албегова, 2015. С. 76). Единственный датированный экземпляр происходит из катакомбы 5а Мокрой Балки и относится к первой половине VIII в. (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 218–219, 224. Рис. 146, 20). Все эти зеркала меньше диаметром (5,1 см), чем зеркало Даргавса (6,7 см). Подобное зеркало найдено и в катакомбе № 114 Змейского могильника (диаметр 6,5 см; раскопки В.Л. Ростунова) (Савенко, 2017. Рис. 20, 104). То есть, гипотетически, зеркала этого таксона могли бытовать как минимум до XI в. (Савенко, 2017. С. 116, 117).

Таксон 11 (1 экземпляр из катакомбы № 12) (рис. 70, 3). Основу декора таксона 11 составляет шестилучевая звезда в первой зоне. Так как зеркало фрагментировано, мы можем только предполагать принадлежность к данному таксону. В орнаментации находки из Даргавса звезда сочетается с концентрической окружностью и точками в первой зоне. Ранее подобные зеркала не были известны. Близкий таксон, но в том числе и с радиальными линиями в орнаменте, происходит из дореволуционных сборов К.И. Ольшевского из Камунты, с точками и радиальными линиями (рис. 70, 3) (Ковалевская, Албегова, 2015. С. 79).

Таксон 12 (5 экземпляров таксона низшего порядка 12а, катакомбы №№ 22, 24, 48, 67, 76) (рис. 70, 4–8). Зеркала этого таксона декорированы ломаной линией, образующей семилучевую звезду, и концентрическим кругом, внутренняя зона – пустая. Зеркала данного таксона бытуют с эпохи Великого переселения народов до финального этапа аланской культуры (Ковалевская, Албегова, 2015. С. 79). Следует обратить внимание на то, что экземпляры из катакомб №№ 22 и 24 очень

близки морфологически и могли быть отлиты по одному шаблону (подработанным оттискам с одного зеркала).

Таксон 13 (4 экземпляра таксона низшего порядка 13а) (рис. 70, 9–12). Для орнамента данного типа характерна звезда с количеством лучей более 7 и концентрическая окружность во внешней зоне, внутренняя зона – пустая (кат. № 28, 36, 65, 75). Эти зеркала, как и зеркала предыдущего таксона, датируются очень широко (Ковалевская, Албегова, 2015. С. 81).

Таксон 14 (1 экземпляр таксона низшего порядка 14е из катакомбы № 16) (рис. 71, 1). Орнамент включает многолучевую звезду и концентрическую окружность во внешней зоне, радиальные линии и концентрическую окружность – в средней зоне; дуги – во внутренней зоне. К данному таксону, помимо находки из катакомбы Даргавса, относится одно недатированное зеркало из Галиата (Ковалевская, Албегова, 2015. С. 82, 83).

Таксон 17 (14 зеркал таксонов низшего порядка 17а, 17б, 17в, 17г, 17и). Зеркало могло включать две-четыре зоны декора. В основе орнаментации – наличие двух смежных зон, украшенных ломаными линиями. В случае, когда зон больше двух, декор внутренних зон может дополнительно включать концентрические окружности, точки, радиальные линии и дуги.

17а (1 экземпляр из катакомбы № 71) (рис. 71, 2). Зеркало украшено двумя зонами с ломаными линиями, разделяющая их концентрическая окружность отсутствует. Ближайшие аналогии происходят со Среднего Дона из катакомб №№ 78 и 110 Дмитриевского могильника (Ковалевская, Албегова, 2015. С. 85; Плетнева, 1989. Рис. 51).

17б (2 экземпляра из катакомб №№ 2, 58) (рис. 71, 3–4). Зеркала с двумя зонами, декорированными ломаными линиями, разделенными концентрической окружностью. Бытуют с V–X вв. (Ковалевская, Албегова, 2015. С. 85).

17в (6 экземпляров из катакомб №№ 41, 47, 53, 59, 77) (рис. 71, 5–10). Зеркала с тремя зонами декора: внешняя и сред-

няя зоны украшены ломаными линиями, разделенными концентрической окружностью, внутренняя зона пустая. Это один из наиболее распространенных таксонов. Бытуют с V по, как минимум, XI в. (*Ковалевская, Албегова, 2015. С. 85–86; Бакушев, Леонтьева, 2020. Рис. 91, 5; 149, 1*).

17г (2 экземпляра из катакомбы №№ 62, 29-усл.) (рис. 71, 11). Зеркала с тремя зонами декора: внешняя и средняя зоны украшены ломаными линиями, разделенными концентрической окружностью, внутренняя зона – рельефными точками. Находки этих зеркал единичны. Ранее этот таксон был известен в погребениях V–VIII вв. (*Ковалевская, Албегова, 2015. С. 86*). В случае с даргавскими зеркалами, декор во внешней и средней зоне не представляет собой ломаной линии в строгом смысле слова – скорее это дуги, развернутые вершинами к центру зеркала.

17в/г (?) (2 экземпляра из катакомб №№ 19, 67) (рис. 71, 12, 13). Ряд даргавских зеркал из-за корродированности и неочевидности точек в орнаменте сложно уверенно соотнести с таксоном 17в или таксоном 17г.

К таксону 17ж тяготеет и экземпляр из катакомбы № 51 (рис. 71, 14). Тыльная сторона зеркала разделена на зоны четырьмя концентрическими окружностями, две внешние зоны покрыты ломаными линиями, причем, зона у края зеркала – двойной ломаной линией. Весь орнамент выполнен рельефными точками. Не абсолютная аналогия с выполненными в подобной технике ломаной линией и концентрическими окружностями происходит из катакомбы № 1 В. Алкуна (раскопки Е.И. Крупнова). Комплекс содержал арабские фельсы (?) конца VIII в. (*Мамаев, 2010. С. 392*). Близкий экземпляр с двумя зонами одинарных ломаных линий, расположенных примерно также тремя концентрическими окружностями, найден в катакомбе № 7 Тарского (Октябрьского) могильника (*Гиджрати, 1978. Рис. 79, 2*). Комплекс датируется в пределах IX в.

17и (1 экземпляр из катакомбы № 76) (рис. 72, 1). Зеркала с тремя или четырьмя

зонами, три из которых декорированы ломаной линией и концентрическими окружностями, центральная зона может быть пустой. Даргавское зеркало украшено тремя зонами ломаных линий, разделенных концентрическими окружностями. Зеркала единичны и плохо датированы. Распространены с эпохи Великого переселения народов (*Ковалевская, Албегова, 2015. С. 86*).

Таксон 18 (1 экземпляр таксона низшего порядка 18а из катакомбы № 49) (рис. 72, 2). Зеркало орнаментировано ломаной линией и концентрической окружностью во внешней зоне и четырьмя дугами во внутренней. Аналогия найдена в одном из каменных ящиков Санибы с большим числом погребенных. Погребение можно широко датировать X–XII вв. (*МАК, 1900, Табл. XLIX, 10*). Для датировки в целом зеркал этого таксона материалов недостаточно.

Таксон 20 (2 экземпляра таксонов низшего порядка 20а, 20г). В таксон сгруппированы зеркала, украшенные четырьмя дугами, в том числе и комбинирующимися с другими элементами декора (радиальными линиями, концентрическими окружностями, рельефными точками). Орнамент в виде дуг, образующих крест, известен на бронзовых зеркалах Кавказа, как минимум, с эпохи переселения народов и до X–XII вв. (*Абрамова, 1997. С. 72. Рис. 47, 11; Савенко, 1985б. С. 101, 107. Табл. 1*).

20а (1 экземпляр из катакомбы № 19) (рис. 72, 3). Тыльная сторона орнаментирована четырьмя дугами, образующими крест. Зеркала этого таксона были найдены в Балте, Большом Буйнакском кургане, известна случайная находка из Лезгора (ОАК за 1897, 1990. С. 147, Абрамова, 1980. С. 121. Рис. III, 2; ГИМ Б. Описание 1738/XXXIV № 187).

20г (1 экземпляр из катакомбы № 72) (рис. 72, 4). Тыльная сторона орнаментирована четырьмя дугами, образующими крест, и концентрической окружностью. Центральная зона – пустая. Поддающаяся датировке аналогия происходит из катакомбы 117 Дмитриевского могильника

(Плетнева, 1989. С. 102). Экземпляры из дореволуционных сборов Кумбулты и Чми хранятся в ГИМ (ГИМ Б. Описание 1641/XXXIV № 354; 1643/XXXIV № 613).

По имеющимся аналогиям можно сказать, что зеркала таксонов 20а и 20б были достаточно широко распространены в хазарское время, в частности, во второй половине VIII–IX вв.

Таксон 21 (3 экземпляра). Орнамент зеркал также характеризуется дугами вдоль края зеркала. Однако, в отличие от таксона 20, количество дуг превышает четыре. Иногда дуги двойные, тройные и т.д. Для некоторых таксонов характерно использование концентрических кругов.

21б (1 экземпляр из катакомбы № 77) (рис. 72, 5). Зеркало Даргавса украшено пятью одинарными дугами и концентрической окружностью. Центральная зона – пустая. Полные аналогии с пятью дугами происходят из сборов в Камунте (*Chantre*, 1887. Т. III, Pl. IX-3, музей Лиона), Каменноостской (НМ РСО-А, КМСО 3639), раскопок В.И. Долбежева в Чми (ГИМ Б. Описание 1738/XXXIV № 1–22).

21в (2 экземпляра из катакомбы №№ 25, 55) (рис. 72, 6, 7). Тыльная сторона зеркал украшена более чем четырьмя двойными дугами и концентрической окружностью. Даргавские зеркала декорированы соответственно семью и пятью дугами. Информации о подобных зеркалах недостаточно. Однако можно сказать, что многорядные дуги использовались для украшения зеркал еще в позднеарматское время (*Беспалый*, 1990. С. 214. Рис. 1, 26). Зеркало с семью двойными дугами происходит из катакомбы № 357 Змейского могильника (*Фидаров, Тотаева*, 2019. Табл. 18, 36/2).

Таксоны 21б и 21в известны и в золотоордынское время XIII–XIV вв. в Болгаре. Известны здесь таксоны и с четырьмя дугами (*Полякова*, 1996. С. 216. Рис. 69, 18, 19, 21, 22).

Таксон 22 (1 экземпляр таксона низшего порядка 22б из катакомбы № 28) (рис. 72, 8). Зеркало декорировано тремя зонами, разделёнными концентрически-

ми окружностями. Две внешние зоны орнаментированы завитками. Рисунок выполнен выпуклыми точками. Зеркало от края до петельки пересекает 6 радиальных линий. Данный таксон распадается на несколько морфологически очень близких таксонов низшего порядка, отличающихся мелкими деталями. Аналогии зеркалу Даргавса обнаружены в основном в центральной части Северного Кавказа (В. Алкун, Гижгид, Даргавс, Кобан, Тарский, Чми) (ГИМ Б. Описание 1309 XXX № 1–21; *Кантемиров, Дзаттиаты*, 1995. С. 294, Табл. XXII, 12; С. 298, Табл. XXVI, 2; С. 303, Табл. XXXI, 13; МАК, 1900. Табл. XLVI, 3. Рис. 105; *Мамаев*, 2010. Рис. 1, 8; *Семенов*, 1952. С. 119. Рис. 37, 33). В катакомбе В. Алкуна (раскопки Е.И. Крупнова 1939 г.) зеркало найдено с монетами последней трети VIII в. (*Мамаев*, 2010. С. 391–392). В Даргавсе эти зеркала единичны, однако достаточно велика их концентрация в Тарском (Октябрьском), где на 29 опубликованных катакомб пришлось 3 находки подобных зеркал, что в процентном отношении в разы превышает находки в Даргавском могильнике. Возможно, это говорит о близости Тарского могильника к центру производства этих зеркал и относительной (в пределах микрорегиона) удаленности от этого центра Даргавса. Единичные экземпляры таксона 22б известны и на Среднем Дону (Ютановка) (*Афанасьев*, 1979. Рис. 56). Таксон 22б, как и 22 в целом, был распространен со второй половины или даже с конца VIII в. Гипотетически, они могут заходить в X в. В погребениях Змейского могильника и других могильников позднего этапа аланской культуры их не выявлено.

Таксон 23 (1 экземпляр из катакомбы № 18) (рис. 72, 9). Зеркало орнаментировано замкнутой волнистой линией во внешней зоне и концентрической окружностью, центральная зона пустая. В предыдущей классификации были известны варианты, украшенные только волной, без концентрической окружности. Даргавское зеркало может быть отнесено к варианту Таксона 23а.

Таксон 27 (1 экземпляр из катакомбы № 28). Сюда относятся зеркала с однозональным зооморфным декором, в частности, зеркала с «ящерицами» (драконами, сколопендрами). Они датируются достаточно широко: VI–XII вв. Самые ранние находки происходят с территории современного Дагестана (Гаджиев, Давудов, 2018; Савенко, 1985б. С. 101, 108. Табл. II. Рис. 2; Туаллагов, в печати). Их распространение за пределами Дагестана, на Центральном Кавказе и Среднем Дону, может быть относительно поздним. Так, в катакомбе № 119 Верхне-Салтовского могильника аналогичное зеркало найдено в комплексе с 12 дирхемами, младшие из которых относились к концу VIII в. (Аксенов, 2016. С. 118, 119). Самое позднее зеркало происходит из катакомбы № 99 Змейского могильника середины-второй половины XI – начала XII в. С. Н. Савенко считает, что зеркало этого типа в данном погребении относится к предметам более ранней эпохи¹⁹. В связи с этим он рассматривает и катакомбу № 28 Даргавского могильника, которую, предположительно, датировал X – началом XI в. (Савенко, 2017. С. 115, 118).

Стандартные зеркала, не вошедшие в использованную в данном исследовании классификацию.

При раскопках Даргавса выявлено пять зеркал, не вошедших в использованную в данном исследовании классификацию. В погребении № 69 Даргавса встречено зеркало, украшенное четырьмя равноконечными крестами с шаровидными утолщениями на концах и строенными выпуклыми точками между крестами. Подобный орнамент характерен только для позднего этапа аланской культуры. Ближайшие аналогии – зеркала с четырьмя крестами в сочетании с другими элементами орнамента – были обнаружены в катакомбных и грунтовых могильниках X–XII вв. Центрального Кавказа: Змейском могильнике, могильниках Кольцо-

Гора 1, Рим-Гора (Бакушев, Леонтьева, 2020. Т. 2. Рис. 142, 11; 198, 17; Кузнецов, 1959. С. 110. Рис. 13, 4; Савенко, 1985б. С. 100, 101; Савенко, 2017. Рис. 27, 26, 32). Случайная находка происходит из Санибы (МАК, 1900. Табл. XLIX, 11). Вряд ли на начальном этапе утверждения христианства в среде алан христианская символика настолько глубоко укоренилась, что стала тиражироваться на зеркалах. Скорее всего, этому способствовало ослабление Хазарии и, на этом фоне, начало подъема Алании ближе к концу X в.

Пока единичны находки зеркал, разделенных концентрическими окружностями на три зоны, с четырьмя завитками во внешней зоне и четырьмя небольшими окружностями в средней зоне (кат. №№ 53 и 63) (рис. 75, 1, 2); зеркал, внешняя и внутренняя зоны которых украшены дугами, а средняя «лепестками» (кат. № 35) (рис. 75, 4), зеркал, орнаментированных во внешней зоне «лепестками», в средней зоне – радиальными линиями, и во внутренней зоне дугами (кат. № 28) (рис. 75, 3).

Интересно зеркало из катакомбы № 28 (рис. 75, 3). Центральная и средняя орнаментальные зоны зеркала имитируют таксон 7а (рис. 69, 6, 7). Видимо, зеркала указанного таксона послужили образцом для производства этого, более позднего, зеркала. Мастер увеличил диаметр зеркала и прибавил еще одну орнаментальную зону с вытянутыми дугами, направленными вершинами к краю. Дуги, направленные вершинами к краю (лепестки) – декор, известный на зеркалах X–XII вв. (Савенко, 1985б. С. 101. Рис. 2). Судя по орнаменту зеркала из катакомбы № 35, «лепестки» на зеркалах использовались и ранее, в частности, в IX в. Подобный орнамент редок.

Классификация миниатюрных зеркал Даргавского могильника.

Миниатюрные зеркала широко распространяются на Северном Кавказе (в основном в центральной части) и Среднем

¹⁹ Погребения Змейского могильника с подобным набором инвентаря М. А. Бакушев и А. С. Леонтьева датируют последней третью X–XI вв.

Дону в VIII–IX вв. Очевидно, они происходят с территории Центрального Кавказа (*Ковалевская и др.*, 2006). Наиболее ранние комплексы с миниатюрными зеркалами (в частности нижеописанных таксонов 30 и 32а) исследователи датируют по-разному: Г.Е. Афанасьев относит их ко второй четверти VII – рубежу VII/VIII вв., концом VII – первой половиной VIII в. датируют эти комплексы И.О. Гавритухин и В.Ю. Малашев, В.Б. Ковалевская – временем не ранее начала VIII в. (*Гавритухин, Малашев*, 1998. С. 62, 67; *Афанасьев, Рунич*, 2001. Рис. 32, 36, 128; *Ковалевская и др.*, 2006). В памятниках X–XII вв. аланской культуры миниатюрные зеркала отсутствуют (*Савенко*, 1985б. С. 103), хотя единичные экземпляры встречаются (рис. 115, 40).

Орнаменты миниатюрных зеркал повторяли орнаменты зеркал стандартного размера. Среди миниатюрных зеркал Даргавса встречаются зеркала четырех таксонов.

Таксон 30 (3 экземпляра из катакомб №№ 2, 53, 75) (рис. 77, 1–3). Зеркальца без орнамента, часто с выделенным валиком по краю. Среди разновидностей миниатюрных зеркал неорнаментированные представляют собой наиболее многочисленную группу (на 2006 г. было учтено 72 экземпляра) (*Ковалевская и др.*, 2006. Рис. 26). Зеркала именно этого таксона появляются первыми среди миниатюрных зеркал.

Таксон 31 (2 экземпляра). Зеркальца, украшенные концентрическими окружностями.

31а (1 экземпляр из катакомбы № 63) (рис. 77, 4) Зеркальце орнаментировано одной окружностью.

31б (1 экземпляр из катакомбы № 47) (рис. 77, 5). Зеркальце орнаментировано двумя окружностями.

Таксон 32 (1 экземпляр таксона низшего порядка 34а из катакомбы № 66) (рис. 77, 6). Зеркальца, декорированные радиальными линиями и концентрическим кругом.

Таксон 34 (2 экземпляра таксона низшего порядка 34а из катакомбы № 77) (рис. 77, 7, 8). Зеркальца, украшенные ло-

маной линией вдоль края и концентрическим кругом у петельки. Ранее эти зеркала не описывались специально. В базе данных по зеркалам их зафиксировано 3: 2 из Дмитриевского и один из Маяцкого могильника салтово-маяцкой культуры.

Подводя итоги данного раздела, можно сделать следующие выводы. Основная масса разновидностей зеркал бытует долгое время. К датирующим в контексте Даргавского могильника зеркалам можно отнести несколько таксонов. Это, в первую очередь, декорированное крестами зеркало из катакомбы № 69. Появление таких зеркал связано с периодом распространения христианства в среде носителей аланской культуры. Учитывая череду событий, связанных с распространением этой религии в среде алан в X в. (принятие христианства аланской социальной верхушкой в начале X в.; алано-хазарская война 932 г. и изгнание византийских священников из Алании в результате победы в ней хазар; ослабление Хазарии в результате походов киевского князя Святослава и последующий ее сход с исторической арены; подъем Алании и возвращение ее к христианству), скорее всего, подобные зеркала на периферии Алании могли появиться около конца X в. Их распространение происходит в более позднее время.

Не ранее второй половины VIII в. появляются зеркала Т. 22 с тремя концентрическими зонами завитков, выполненных рельефными точками, а также зеркала с точечным орнаментом, но украшенные ломаной линией и концентрическими окружностями – вариант Т. 17ж. В X–XII вв. из обихода исчезают миниатюрные зеркала.

Изучение зеркал Даргавса показало, что применительно к данному памятнику высказанная В.Б. Ковалевской ранее гипотеза о тенденции к увеличению со временем диаметров зеркал (эта версия также высказана в статье *Ковалевская, Албегова*, 2015. С. 87), с одной стороны, не находит строгого подтверждения: в целом, поздние зеркала (X–XII вв.) дают такие же колебания диаметров, что и более ран-

ние. С другой стороны, в X–XII вв. крупных зеркал, по сравнению с предыдущим временем, становится несколько больше. Поэтому, если сравнивать некие средне-статистические диаметры зеркал разных периодов, то мы увидим картину небольшой тенденции к увеличению диаметров. Аналогичную закономерность выявил С. Н. Савенко, проанализировав диаметры кавказских зеркал X–XII вв. (Савенко, 1985б. С. 103).

Ряд исследованных зеркал Даргавского могильника, относящихся к одним таксонам и отличающихся большой морфологической близостью, был намечен в качестве маркеров связей комплексов отдельных камер. Среди них зеркала Т. 12а, отлитые по одной форме, из двух катакомб (№№ 22 и 24).

Подобные случаи, когда зеркала полностью идентичны, редки. Однако даже схожие зеркала одного таксона могут маркировать единый хронологический срез. Так, интересны случаи находок неидентичных зеркал одного таксона в одной камере. Например, по паре таких зеркал одного таксона было зафиксировано в катакомбах №№ 47 и 77. Зеркала в каждой паре близки друг другу по размеру. Возможно, подобные случаи свидетельствуют о том, что морфологически близкие зеркала относились к изготовленным в одно время сериям. Скорее всего, для индивидов, захороненных в указанных катакомбах, они приобретались единовременно, из одной партии.

Показателен также пример, когда близкие по размеру зеркала одного таксона (Т. 7а) найдены в двух камерах многокамерной катакомбы (обозначенных Р. Г. Дзаттиаты как катакомбы №№ 6 и 7).

Учитывая вышеуказанные факты, можно предположить, что зеркала одного таксона с очень схожей орнаментацией и близкими размерами могут маркировать связи между отдельными закрытыми комплексами в пределах одного могильника, даже в случаях, когда комплексы расположены на расстоянии друг от друга. Например, зеркала с четырьмя завитками и концентрическими

окружностями из катакомб №№ 53 и 63, не сопоставимые с каким-либо из разработанных ранее таксонов, а также зеркала Т. 17г из катакомб №№ 29-усл. и 62. Достаточно близки зеркала Т. 17б из катакомб №№ 2 и 58. К вышеуказанным зеркалам Т. 12а из катакомб №№ 22 и 24 наиболее близок экземпляр из катакомбы № 48.

II.6. Украшения

Височные кольца и серьги Даргавского могильника.

Опорные работы по классификации серег аланской культуры, которые по сей день не теряют актуальности, были написаны В. Б. Ковалевской и С. А. Плетневой. С. А. Плетнева рассматривала серьги салтово-маяцкой культуры, основу ее исследований составили материалы Дмитриевского могильника. Автор разделила серьги на литые и составные (Плетнева, 1967. С. 137; 1989. С. 113. Рис. 57). Следуя этой классификации, Е. И. Савченко, анализируя украшения Крымского могильника, выделял три отдела серег: литые, составные и простые (проволочные) (Савченко, 1986. С. 92).

Типология северокавказских серег аланской культуры была предметом специального исследования В. Б. Ковалевской (Ковалевская, 1995. С. 150–168. Рис. 6, 7). Ее работа базируется на анализе 500 экземпляров из погребений аланской культуры Северного Кавказа и учитывает максимальное морфологическое разнообразие этой категории вещей. В основе предлагаемой В. Б. Ковалевской типологии лежит форма подвески. Отдел 1 составили кольцевидные и калачиковидные серьги, Отдел 2 – серьги с напускной 14-гранной бусиной, Отдел 3 – серьги с неподвижной подвеской, Отдел 4 – серьги с подвижной подвеской.

Надо сказать, что в выборке Даргавса присутствуют простые и составные серьги, литые экземпляры практически не представлены. Так как классификация В. Б. Ковалевской построена на широком в хронологическом плане материале

аланской культуры, достаточно близком Даргавскому могильнику, и в наибольшей степени отвечает задачам нашего исследования, мы взяли ее за основу.

Наша схема классификации несколько отличается в части Отдела III и IV. Это продиктовала выборка серег Даргавского могильника и задачи данного исследования. Мы объединили в Отделе III серьги с подвеской в виде одной «бусины», с различными дополнительными элементами декора и без них. Среди анализируемой выборки есть как экземпляры с неподвижными, так и с подвижными подвесками. Серьги с неподвижными подвесками единичны и морфологически близки экземплярам с подвижной подвеской. Поэтому мы объединили их в качестве вариантов одного типа. В Отделе IV типология построена под задачу выявления «тонких» связей между отдельными комплексами. Поэтому, выстраивая ее, мы обращали внимание на детали, которые не имели значения при классификации очень большого количества предметов.

При рассмотрении височных колец были учтены признаки, положенные в основу классификации В.П. Левашовой с корректировками применительно к находкам Даргавса (*Левашова, 1967*). Исследовательница делила кольца на группы по контуру и технологии изготовления.

В катакомбах Даргавского могильника найдено 126 височных колец, а также фрагментированных серег и колец, которые можно интерпретировать как височные кольца. Из анализируемой выборки были исключены 14 предметов плохой сохранности и предметов о местоположении в камере и морфологии которых недостаточно информации (рис. 78).

Из-за плохой сохранности не ясна принадлежность к колечкам или серьгам с подвесками находки из катакомбы № 71 (возможно, на дужки были напаяны подвески, которые не сохранились) (рис. 78, 4). Не ясно, целые или фрагментированные формы серег найдены в катакомбах №№ 1 и 28 (рис. 78, 5, 7). Повреждены серьги из катакомбы № 22, 65 (рис. 78, 6, 8).

Изначальное местоположение предметов неопределимо в камерах со сдвинутыми, плохо сохранившимися костяками. Так, смещен и перемешан инвентарь в катакомбе № 1, где найдено 5 экземпляров колечек с заходящими концами в 2,5 или 1,5 оборота (рис. 78, 1). Такое же колечко найдено в катакомбе № 2 (рис. 78, 2). С наибольшей долей вероятности их можно отнести к височным кольцам. Подобные кольца были распространены в материалах Змейского и других могильников позднего этапа аланской культуры Северного Кавказа, например, Кольцо Горы № 1 (*Савенко, 2017*. Рис. 7, 7; 34, 15; 35, 22). М. А. Бакушев и А. С. Леонтьева сводят все подобные кольца Змейского могильника диаметром от 1,7 до 3,5 см в группу «бронзовые большие кольца». Эта категория вещей особенно характерна, согласно их анализу, для погребений конца X–XI вв. (*Бакушев, Леонтьева, 2020*. Вкладыш № 1).

Таким образом, для анализа отобрано 16 височных колец и 96 серег. Проволочные серьги не всегда отличимы от височных колец. Мы условно относили к серьгам все экземпляры с разомкнутыми, не заходящими друг за друга концами, найденные в районе черепа. Иногда вызывает сомнение и принадлежность сложносоставных серег именно к серьгам, а не к височным кольцам. Однако об их предназначении убедительно свидетельствует находка в Моцевой Балке серьги с мумифицированной мочкой уха на кольце (*Иерусалимская, 2012*. С. 297. Рис. 180).

Височные кольца

Ввиду единичности находок, больших серий эта категория не дает. К височным кольцам условно отнесены подвески с разомкнутыми концами, не предполагающими при этом ношение их как серег (например, с проволочной обмоткой концов), и с заходящими друг за друга концами. Если инвентарь не был сдвинут, учитывалось и положение колец относительно скелета. Так, в одном случае кольца выявлены наряду с серьгами (кат.

№ 18, см. ниже). Предварительно можно выделить две группы: проволочные и трубчатые.

Проволочные височные кольца подразделяются на два отдела: I – тонкопроволочные; II – толстопроволочные.

Отдел I. Тонкопроволочные височные кольца.

Тип. 1. (4 экземпляра из катакомбы № 18) (рис. 79, 1). Височные кольца данного типа представляют собой простые проволочные колечки. Найдена пара экземпляров в виде двух соединенных между собой колечек диаметром 1,7–2 см. Украшения лежали по бокам от черепа, выше пары выявленных в этом же погребении серег. Судя по расположению, они могли украшать головной убор, но не исключено, что они служили и гарнитурой головного убора.

Тип. 2 (2 экземпляра из катакомбы № 1) (рис. 79, 2). Видимо, к височным привескам относятся два кольца с обмоткой концов тонкой проволокой и филигранными «бусинами-поясками». Диаметр колец около 2,6–2,8 см. По технологии изготовления к этим изделиям близко кольцо с обмоткой и напаянными гроздьями шариков, очевидно, от фрагментированной серьги из той же катакомбы (рис. 78, 5). Прямых аналогий кольцам в материалах ближайших памятников не выявлено. Экземпляры, отдаленно напоминающие данный тип, но на основе толстопроволочных колец, встречены, например, в погребениях восточной части Верхне-волжья, датирующихся XII в. (Степанова, 2010. С. 281. Рис. 3, 11).

Отдел I. Толстопроволочные височные кольца.

Тип. 1 (6 экземпляров из катакомбы №№ 4, 66, 67, 69) (рис. 79, 3–5). Крупные кольца диаметром не менее 3,5–5 см с заходящими концами. Кольцо из катакомбы № 69 (рис. 79, 5), видимо, было изготовлено в пару к трубчатому кольцу (рис. 79, 8). К нему также, как к трубчатому кольцу, крепилось тонкопроволочное колечко. По паре колец происходит из катакомб №№ 4 и 67. Кольца из катакомбы № 67 аналогичны одиночному экземпляру из катакомбы № 66 (рис. 79, 4).

Височные кольца с сильно заходящими друг за друга концами известны в материалах X–XII вв. в Змейском могильнике, в Нижнем Архызе (Кузнецов, 1961. С. 119; Кузнецов, 1993. Рис. 115, 10, 11). Существуют они и позднее, в XIII–XIV вв., и на более широкой территории (Жилина, Нарожный, 2004. С. 56). О. А. Артамонова считала крупные кольца с сильно заходящими друг за друга концами серьгами (Артамонова, 1963. С. 55).

Тип. 2 (1 экземпляр из катакомбы № 66) (рис. 79, 6). Бусинные кольца. Кольцо с заходящими друг за друга концами, загнутыми наружу в виде петелек, украшенное напускной гладкой штампованной металлической бусиной.

Подобные украшения XI–XII вв., отличающиеся оформлением концов, материалом, морфологией и количеством бусин обнаруживаются на широкой территории. С. А. Плетнева в одной из работ резюмировала, что кольца с круглыми бусинами были известны в степи и русских древностях конца XI–XII вв., кольца с биконическими бусинами она связывала с кочевническими древностями XII в. (Плетнева, 1981а. С. 216. Табл. 84, 6, 7). Височные кольца с круглыми бусинами выявлены в Саркеле – Белой Веже. Среди них есть серьги как с одной, так и с двумя бусинами и завитком на одном конце дужки. Бусы были украшены нарезными валиками или сканной проволокой вокруг отверстий и двойным валиком посередине бусины (Артамонова, 1963. С. 83, 84. Рис. 44, 2; Плетнева, 1963. Рис. 26, 3). Кольца со стеклянными и полыми металлическими бусинами были распространены в Херсоне X–XI вв., Керчи конца X – начала XII в. (Макарова, 2003. С. 71, 72. Табл. 48, 14, 29; Меч и златник, 2012. С. 189. Рис. 483–487).

Своеобразные прототипы даргавскому кольцу, с гладкими круглыми бусинами и завитками на концах дужки, происходят из материалов IV–VII вв. Двина (Калантарян, 2003. Табл. 143, 18, 27, 28). Хронологически более близкие аналогии найдены в ходе раскопок средневековых городов IX–XIII вв. в Азербайджане (Ахмедов,

2003. С. 383. Табл. 195, 10, 11). Таким образом, даргавская находка обнаруживает наиболее тесные связи с южнокавказскими образцами.

Группа 2 – трубчатые кольца.

Тип. 1 (3 экземпляра из катакомбы № 69) (рис. 79, 7, 8). Группа дает только один тип – крупные полые (трубчатые) височные кольца с плотно сомкнутыми концами. Аналогии найдены в Северо-Восточном Причерноморье в урновом погребении из кургана 5 Цемдолинского могильника, которое авторы относят к XII – началу XIII в. (Армарчук, Дмитриев, 2014. Рис. 53, 17, 19. С. 45, 46, 54. Табл. 6). XII – первой половиной XIII в. А. В. Пьянков и Е. А. Хачатурова датируют погребение с аналогичным височным кольцом из Новотитаровской (Прикубанье) (Пьянков, Хачатурова, 1995). Не ранее первой половины XIII в. и не позднее третьей четверти XIV в. датирует погребение из Пластуновского 54-го могильника с подобным височным кольцом Л. Э. Голубев (Голубев, 2004). Е. И. Нарожный оспаривает принадлежность погребений из Новотитаровской и Пластуновской половцам, считая, что они могут быть золотоордынскими (Жилина, Нарожный, 2004; Нарожный, 2008. С. 161). Полые височные кольца бытовали в Восточном Приазовье (Дружинина, Чхаидзе, Нарожный, 2011. С. 135. Рис. 29, 1, 2), Закубанье (Армарчук, Дмитриев, 2014. С. 46).

Кольцо с заходящими концами, найдено в каменной гробнице 1 у с. Балта, в урочище Харх (Самоковасов, 1908. С. 186, №№ 2983, 2984). Достаточно представительная выборка подобных колец происходит из катакомбных и грунтовых могил Змейского могильника (26 экземпляров). Концы всех змейских подвесок сильно заходят друг за друга (примерно 2,5 оборота). Авторы проанализировали материалы 119 катакомб и более 650 погребений в грунтовых могилах. Проведенный ими статистический анализ и сериация показали, что большая часть погребений с трубчатыми височными кольцами может датироваться последней третью X–XI вв. (Бакушев, Леонтьева, 2020. С. 309, 316).

По всей видимости, время бытования этих колец достаточно продолжительно.

Таким образом, катакомбы с описанными выше височными кольцами, за исключением колец типа 1 Отдела I, относятся к позднему этапу бытования Даргавского могильника – не ранее конца X в.

Серьги

Отдел I. Простые (проволочные) серьги.

Тип. 1 (9 экземпляров из катакомб №№ 1, 24, 25, 39, 42, 62) (рис. 80, 1–4). Серьги проволочные в виде разомкнутых колец круглого сечения, изготовленные из серебра или бронзы. Диаметр большей части колец от 1,6–2,2 см. Максимальный диаметр кольца из катакомбы № 62–3,5 см (рис. 80, 4).

Простая форма и универсальность использования подобных изделий позволяют идентифицировать их как серьги только в случае, если инвентарь найдется *in situ*, у черепа. Находки колечек из скоплений смещенного инвентаря в расчет не брались.

Эти серьги соответствуют Отделу I, типу 2 по В. Б. Ковалевской. Она датировала их для аланской культуры IX–XII вв., указывая, что основное время их бытования – IX в. (Ковалевская, 1995. С. 155. Рис. 6, 4–5). В целом на Кавказе, в том числе в Причерноморье и Грузии, проволочные серьги были известны с позднеримского времени (Мастыкова, 2009. С. 71, 72. Рис. 68, 3–16).

На момент написания работы В. Б. Ковалевской ареал данных серег в пределах распространения аланской культуры ограничивался ее западным локальным вариантом: верховьями Кубани и окрестностями Кисловодска. Хотя наибольшая концентрация находок по-прежнему приходится на Северо-Западный и западную часть Центрального Кавказа, велика вероятность, что это лишь вопрос неравномерной изученности региона. Материалы Даргавса и Сержень-Юрта (Ахмаров, Аксенов, 2020. Рис. 1, 13, 14) отодвигают границу ареала проволочных серег периода

«салтовского» и позднеаланского периодов на восток Северного Кавказа.

Как отмечала В.Б. Ковалевская, эти серьги носили не только женщины, но и мужчины, причем, иногда носилась только одна серьга. Так, золотая серьга была найдена слева от черепа безымянного мужского погребения в катакомбе № 10 Мокрой Балки (Ковалевская, 1995. С. 155). В катакомбе № 1 Даргавского могильника непарная серьга была выявлена при последнем погребенном (Дзаттиаты, 2014. Табл. II). Другого инвентаря при костяке не было. Одинокое колечко сопровождало индивида в катакомбе № 42 (Дзаттиаты, 2014. Табл. LXXXVII).

Из-за крайне плохой сохранности костей, сложно сказать, с какой стороны носилась серьга, можно лишь констатировать, что и в катакомбе № 1, и в катакомбе № 42 она лежала на правой части оставшегося от черепа пятна тлена. В катакомбе № 1 Даргавса, погребенный с серьгой захоронен последним, а в катакомбе № 42 совершено одинокое погребение. Одна серьга или «височное кольцо» в полтора оборота достаточно часты в погребениях Саркела – Белой Вежи (Артамонова, 1963. С. 55).

У погребенных Даргавса с «женским» инвентарем или захороненных на боку (так хоронили большую часть женщин) подобные серьги – парные. В катакомбе № 24 пара колец из проволоки круглого сечения найдена при скелете с «женским» инвентарем. Такая же пара серег сопровождала «погребенную» из катакомбы № 25. К паре серег из катакомбы № 39 были подвешены бубенчики. В катакомбе № 62 у черепа скелета с одной стороны лежал бубенчик, с другой – кольцо.

Отдел II. Серьги с напускной бусиной (1 экземпляр из катакомбы № 67) (рис. 80, 5). Серьга в виде колечка с напаянной на него металлической бусиной в виде 14-гранника. Эти серьги соответствуют Отделу 2 по В.Б. Ковалевской. Они были достаточно популярны на Северном Кавказе на протяжении длительного времени (Ковалевская, 1995. С. 155, 156).

Отдел III. Серьги с подвижными и неподвижными подвесками в виде од-

ной металлической бусины с различными дополнительными элементами декора и без них.

Тип 1 (3 экземпляра). Серьги с подвижными и неподвижными подвесками в виде одной круглой металлической бусины.

Вариант 1 (1 экземпляр из катакомбы № 1) (рис. 80, 6) – серьга в виде круглой дужки с неподвижной (напаянной) короткой вертикальной колонкой из двух небольших металлических шариков, завершающейся бусиной.

Вариант 2 (2 экземпляра из катакомбы № 37) (рис. 80, 7) – серьги с овальной дужкой и подвесками в виде полой металлической бусины. Бусина крепится на подвесное ушко.

Тип 2 (2 экземпляра из катакомбы № 66) (рис. 80, 8) – кольца с овальной дужкой и грушевидными подвесками, украшенными вертикальными желобками. Морфологически близкая серьга, но без желобков, найдена П.С. Уваровой во время рекогносцировочных работ близ с. Дзивгис, в одном из соседних с Даргавсом ущелий (МАК, 1900. Табл. LXXIV, 12).

Тип 3 (4 экземпляра). Серьги с овальной дужкой с напаянным в ее верхней части шариком, иногда шарик крепился и с внутренней стороны дужки над подвеской. Подвеска полая, вытянутой округлой формы, декорирована напаянными шариками внизу или наверху, у соединения подвески с дужкой.

Вариант 1 (2 экземпляра из катакомбы № 27) (рис. 80, 9). Серьга с неподвижной подвеской, украшенной в верхней части, у соединения подвески и дужки четырьмя небольшими шариками, на верхней и внутренней (над подвеской) части дужки напаяны шарики. Вариант соответствует Отделу 3, типу 2 по В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 1995. С. 157, 162).

Вариант 2 (2 экземпляра из катакомбы № 60) (рис. 80, 10). Серьга с подвижной (?) подвеской, украшенной снизу гроздью из пяти шариков. Сверху на дужке напаян шарик.

Серьги из катакомбы № 27 изготовлены из золота, общая высота серег – 4 см.

Пара из катакомбы № 60 сделана из бронзы или низкопробного серебра. Следует отметить, что подобного типа серег нет в Тарском могильнике (Северная Осетия) (Кантемиров, Дзаттиаты, 1995), Дмитриевском могильнике (Средний Дон) (Плетнева, 1989. С. 57. С. 109, 113), что свидетельствует о том, что в IX в. они уже не распространены. Полная аналогия данному типу происходит из катакомбы № 15 Мокрой Балки (Ковалевская, 2005. Рис. 95, 17), катакомбы № 5-а, датированной Г.Е. Афанасьевым первой половиной VIII в. (Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 146, 14), а также из катакомбы № 26 Чми, где они встречены с Сасанидской монетой конца VI–VII вв., черными стеклянными перстнями, серьгами типа 1 отдела IV (Самоквасов, 1908. С. 184). Катакомба отнесена И.О. Гавритухиным ко второму периоду бытования могильника Чми (Гавритухин, Обломский, 1996. С. 80. Рис. 83). Комплекс тяготеет к середине – второй половине VIII в. Комплексы с морфологически близкими серьгами, но без выступов на кольце, из Мокрой Балки объединены Г.Е. Афанасьевым в группу захоронений четвертого культурно-хронологического этапа могильника, который датируется рубежом VI/VIII вв. – первой половиной VIII в. (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 42, 50, 51). Более поздним временем датировала комплексы с серьгами типа 3 В.Б. Ковалевская: VIII – первой половиной IX в. и позже (Ковалевская, 1995. Рис. 6, 17; 9; 12. С. 157, 170–171).

Тип 4 (2 экземпляра из катакомб №№ 23 и 29-усл.) (рис. 80, 11, 12). Серьги с неподвижной привеской, состоящие из покрытого тремя рядами зерни металлического стержня с литой или штампованной металлической бусиной на конце. Шарик украшает верхнюю часть дужки и внутреннюю (над подвеской). Шарик, расположенный на внутренней части кольца, крепился в одном случае на два ряда зерни, во втором – детали конструкции под таким шариком не ясны. Тип соответствует Отделу 3, типу 9 по В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 1995. С. 163). В каждой катакомбе найдено по одной серьге.

Ближайшие аналогии происходят из катакомбы № 3 Чми. Судя по наличию в этой катакомбе черного стеклянного перстня с щитком из светлого (желтого?) стекла, предмета характерного для 4-й хронологической группы могильника Мамисондон, катакомба Чми могла датироваться временем около второй половины VIII – начала IX в. (Гавритухин и др., 2010. Табл. 203; Албегова, 2013. С. 12). Второй половиной VIII – первой половиной IX в. датировал это погребение А.К. Амброз (Амброз, 1971. Рис. 8, 30).

Отдел IV. Серьги с удлиненной составной подвижной подвеской. В большинстве случаев, на верхней части дужки крепился шарик.

Тип 1 (36 экземпляров). Серьги, состоящие из дужки со стержнем, место крепления которого на кольце в большинстве случаев закрывалось с двух сторон двумя дисками. На стержень нанизывалась четырехгранная в сечении пирамидальная подвеска и один или два металлических полых шарика. Дужки, как правило, круглой и умеренно овальной формы (за исключением пары из катакомбы № 35, с вытянутой почти подпрямоугольной дужкой). Обычно сверху дужки на специальный штифт крепился шарик. Штифт мог отливаться вместе с кольцом или изготавливаться отдельно и крепиться к кольцу. Рассматриваемый предмет соответствует типу 5 Отделу 4 по В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 1995. С. 168). Он был широко распространен в «салтовское» время.

По количеству шариков (бусин) в подвеске можно выделить три варианта.

Вариант 1 (11 экземпляров из катакомб №№ 15, 17, 27, 30-усл., 51, 77) (рис. 81, 1–4). Серьги с одним шариком на конце, четырехгранной или круглой в сечении подвески. В катакомбе № 27 разрушенная подвеска была пирамидальной, в катакомбах №№ 15, 51 – конусовидной. В одном случае (кат. № 15) четыре продольные полосы ложной зерни были наложены на конусовидную подвеску, формируя, таким образом, иллюзию граней пирамидки (рис. 81, 2). В катакомбах №№ 17, 30-усл., 77 сечение подвески не ясно.

Вариант 2 (2 экземпляра из катакомбы № 36) (рис. 81, 5). Серьги, у которых сверху пирамидки крепилась полая металлическая бусина, а внизу – гроздь из четырех шариков. Края пирамидки украшены гладкими поясками.

Вариант 3 (1 экземпляр из катакомбы № 30-усл.) (рис. 81, 6). Серьги с круглой дужкой и подвеской, составленной из короткой пирамидки или конуса и двух шариков-бусин, крепившихся к ней снизу и сверху. Возможно наличие шарика на внутренней стороне дужки над местом ее соединения с подвеской. находку можно сопоставить с типом 4 Отдела IV по В.Б. Ковалевской, которая считала подобные серьги свидетельством проникновения тюркских элементов в среду северокавказских алан в IX в. (Ковалевская, 1995. С. 168). Аналогии, найденные в катакомбах №№ 47 и 49 Мокрой Балки 1, Ковалевская датировала серединой IX в., в то время как Г.Е. Афанасьев относил их к первой половине VIII в. (Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 64, 2; 66, 7).

Вариант 4 (23 экземпляра из катакомб №№ 6, 7, 17, 19, 35, 41, 44, 47, 53, 66, 77) (рис. 81, 7–11). Серьги, подвеска которых состоит из пирамидки и двух шариков-бусин, крепившихся к ней снизу и сверху. В большинстве случаев пирамидальная подвеска украшалась у верхней и нижней кромок поясками из зерни или ложной зерни (кат. №№ 6, 7, 19, 35, 41, 47, 53, 66, 77), реже гладкими ободками, как у экземпляров из катакомб №№ 17, 44. У 6 экземпляров из катакомб №№ 47, 53, 66 верхние шарики разрушены, однако пояски зерни на пирамидке и длина осевого стержня там, где он сохранился, позволяют отнести их к данному варианту.

Все серьги в основном изготовлены из серебра и бронзы. Золотая серьга выявлена в катакомбе № 19.

Тип 2 (27 экземпляров). Серьги, состоящие из дужки со стержнем, место крепления которого на кольце закрывалось с двух сторон дисками. На стержень нанизывались от 3 до 6 полых и литых металлических бусин, разделенных пронизками, проволоочной обмоткой и пр. Дужки,

как правило, вытянутые. Сверху на дужку крепился шарик. Тип соответствует Отделу 4, типу 3 по В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 1995. С. 164).

Серьги типа 2 широко распространены на территории Северного Кавказа, Среднего Дона и Юга России в целом (Минаева, 1971. С. 151; Аксенов, 2016. С. 116). В.Б. Ковалевская видела истоки северокавказской моды на эти серьги в поздне-римском времени, когда в Италии (метрополии Рима) и в римских провинциях были распространены серьги из драгоценных металлов с подвесками из нитей жемчуга, бус и пронизок. Подобные серьги носили и на Южном Кавказе, в частности, в Грузии, в позднеантичное время и в эпоху переселения народов (Апхазава, 1981. С. 15. Табл. III, 17, 19; Ковалевская, 1995. С. 163). На основании этого В.Б. Ковалевская связывала происхождение серег с бусинными подвесками на Северном Кавказе и в аланской культуре с Закавказьем (Деопик, 1963. С. 131, 132; Ковалевская, 1995. С. 163).

Исследовательница датировала данный тип временем не ранее середины IX в. (Ковалевская, 1995. С. 164). Согласно хронологии С.А. Плетневой Дмитриевского могильника серьги типа 2 в основном встречены в первой хронологической группе. Автор отмечала, что ею были предприняты только первые шаги по созданию первой типологии салтово-маяцких древностей, которая требует дальнейшей проработки (Плетнева, 1989. С. 109, 169–172. Рис. 57). Сегодня становится ясным, что выделенные ею позднюю и раннюю группы следовало бы поменять местами. Таким образом, в раннюю группу бы попали штампованные перстни подобные мамисондонским типам, а в позднюю и промежуточную – большинство серег типа 2.

Среди серег типа 2 выделяется несколько вариантов по пропорциям, в первую очередь, по диаметру бусин.

Вариант 1 (22 экземпляра из катакомб №№ 1, 2, 19, 24, 32, 33, 45, 46, 53, 55, 56) (рис. 81, 12, 13). Серьги с овальными, подпрямоугольными дужками и подвесками

из трех или четырех бусин, диаметром около 0,65–0,8 см.

Вариант 2 (6 экземпляров из катакомб №№ 16, 18, 48) (рис. 81, 14–16). Серьги сильно вытянутыми дужками, с подвесками из четырех, шести бусин диаметром около 0,5–0,65 см.

Вариант 3 (3 экземпляра из катакомб №№ 1, 5-усл. и 48) (рис. 81, 17–19). Серьги с подвесками из трех или четырех бусин диаметром 0,4–0,5 см. Длина разделителей между бусинами сопоставима или больше диаметра бусин. Прямые аналоги данному варианту выявлены в катакомбе №№ 19, 26 Тарского могильника (Кантемиров, Дзаттиаты, 1995. Табл. XXI; XXXI). По набору вещей (серьги варианта 1 данного типа, перстни с прямоугольными вставками, зеркала, украшенные завитками) эти катакомбы датируются временем не позднее середины X в.

Единичные серьги варианта 1 данного типа известны среди находок Змейского могильника (Савенко, 2017. Рис. 7, 12, 13; Фидаров, Бтемиров, 2021. Табл. 30, 24). У всех серег позднего периода аланской культуры наблюдается тенденция к увеличению расстояний между бусинами в подвеске.

Тип 3. (11 экземпляров из катакомб №№ 1, 26, 65, 67, 69) (рис. 81, 20, 21). Серьги, состоящие из овальной дужки и подвески из трех полых металлических бусин диаметром около 1,2–1,6 см, разделенных пронизками. В редких случаях на дужке есть шарик (кат. № 65), у большинства находок они отсутствуют или не сохранились. Тип соответствует Отделу 4, типу 3 по В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 1995. С. 164).

Аналогичны серьги из катакомб №№ 26, 65, 67, 69 и один экземпляр из катакомбы № 1 (рис. 81, 20). Несколько отличны от экземпляров других катакомб две подвески из катакомбы № 1 (рис. 81, 21). Дужки последних не сохранились.

Абсолютная аналогия на ближайшей территории происходит из могильников близ Дзивгиса, раскопанных П.С. Уваровой (МАК, 1900. Табл. LXXIV, 13, 14). Морфологически близкие, но более ажурные

серьги, были выявлены в Больше-Тиганском могильнике, датирующемся концом VIII – первой половиной IX в. (Халикова, Халиков, 2018. Табл. XVI, 5, 6; Табл. XVII, 1). Единичные серьги есть в погребениях Змейского катакомбного могильника, которые С.Н. Савенко датировал серединой XI – началом XII в. (Савенко, 2017. С. 114, 118. Рис. 7, 10–11). В погребении 81 Саркела – Белой Вежи крупные серьги с четырьмя большими металлическими бусинами, разделенными пронизками, встречены с подражаниями денарию рубежа XI–XII вв. Так как могильник датируется последней третью X – началом XII в., то погребение относится к началу XII в. (Артамонова, 1963. С. 77, 81).

Серьги, близкие типам 2 и 3 Отдела IV в Змейских катакомбах, С.Н. Савенко, опираясь, в первую очередь, на материалы Мартан-Чу 1, считал пережитками предыдущего периода, а именно, X – начала XI в. (Савенко, 2017. С. 114, 117).

Материалы Даргавса показывают, что серьги типа 2 Отдела IV с бусинными подвесками эволюционировали в нескольких направлениях. Один из векторов их развития был направлен в сторону более узких и длинных пропорций за счет уменьшения диаметра бусин, увеличения расстояний между бусинами в подвеске, увеличения количества бусин (для последнего утверждения мы имеем только один пример из катакомбы № 18). Другой вектор привел к появлению серег типа 3 Отдела IV – с подвесками в виде крупных полых металлических бусин (рис. 82).

К аналогичным выводам в свое время пришла Т.М. Минаева, отмечавшая, что эволюция серег шла по линии удлинения серьги и увеличения числа шариков в подвеске (Минаева, 1971. С. 150, 151).

Хронологическим признаком представляется изменение формы дужек. Появляются вытянутые, иногда почти подпрямоугольные, очертания колец. В основном такие дужки характерны для серег типа 2 Отдела IV, у экземпляров типа 1 этого отдела дужки круглые и умеренно овальные, за исключением пары серег из катакомбы № 35.

Форма дужки как хронологический признак не раз рассматривалась исследователями. Д. А. Сташенков обратил внимание, что кольца раннесредневековых евразийских серег второй половины VII – первой половины VIII в. более крупные и зачастую имеют округлую форму (Сташенков, 1998. С. 221). Овальная форма дужки для серег поздних фаз позднеаварского периода (позднее начала VIII в.) была отмечена И. О. Гавритухиным (Гавритухин, Малашев, 1998. С. 64).

Перстни

Перстни являются частой находкой в погребениях Даргавса. Они обнаружены в 34 катакомбах и разделяются на две большие группы: стеклянные и металлические.

Стеклянные монохромные перстни (рис. 83).

В изучаемой нами выборке представлены только монохромные перстни. Они обнаружены в 14 катакомбах, их количество составляет 44 экземпляра. Диаметры перстней колеблются от 1,7 до 2,7 см. Их цвет обычно описывается как темный. О перстнях из катакомб №№ 63, 76 говорится, что они черные, среди перстней катакомбы № 53 упоминаются темно-синие. Одно кольцо из светло-зеленого стекла происходит из катакомбы № 9.

У подавляющего большинства перстней на соединении концов дрота прослеживаются щитки разной формы (зерновидные, уплощенные и т.д.). Перстни со щитком обнаружены в 14 катакомбах (№№ 2, 7, 9, 17, 19, 34, 41, 44, 45, 53, 62, 63, 76, 78). В катакомбе № 17 выявлено также 2 перстня без щитка.

В семи катакомбах (№№ 9, 41, 44, 45, 62, 63, 78) встречено по одному перстню, в одной (кат. № 2) – 2, в одной (кат. № 34) – 3, в одной (кат. № 7) – 4, в одной – 6 (кат. № 76), в двух (кат. №№ 17, 53) – по 7, в одной (кат. № 19) – 8 экземпляров. При этом в 11 катакомбах перстни сопровождали одного погребенного. В катакомбе № 19 они были зафиксированы с двумя костяками: 7 перстней сопровождали погре-

бенного № 1 и один перстень – погребенного № 3. Таким образом, самое большое количество перстней при одном погребенном – 7 экземпляров. В коллективных катакомбах №№ 2, 17 перстни найдены среди перемешанного инвентаря не менее чем двух костяков.

Анализу хронологии северокавказских стеклянных перстней посвятил специальную статью Х. М. Мамаев. Обобщив все известные на 2010 г. находки стеклянных перстней Северного Кавказа, он пришел к выводу, что основной период распространения перстней из светлого стекла можно отнести к VIII в., перстней темного стекла – ко второй половине VIII – началу IX в., а эпизодически они продолжают встречаться до конца IX в. Источником поступления перстней является Южный Кавказ, где известны мастерские по изготовлению стеклянных изделий (Мамаев, 2010. С. 396, 398, 399).

Металлические перстни (рис. 84, 85).

Металлические перстни обнаружены в 28 катакомбах Даргавса. Всего найдено 88 экземпляров, 78 из них удовлетворительной сохранности, что позволяло проанализировать их морфологию.

Работ, где затрагивались вопросы типологии перстней Северного Кавказа и Среднего Дона, то есть регионов, в которых известны памятники аланской культуры, не много. Типология перстней узкого хронологического периода, ограничивающегося VIII в. с возможным заходом в VII и IX вв., была разработана для могильника Мамисондон Алагирского района Республики Северная Осетия-Алания. Могильник не относится к кругу памятников аланской культуры, но расположен в одном географическом регионе с Даргавским могильником, на путях, соединявших Южный и Северный Кавказ (Албегова, Верещинский-Бабайлов, 2010. С. 89–91; Албегова, 2013. С. 8–13). Классификация перстней Дмитриевского могильника приведена С. А. Плетневой (Плетнева, 1989. С. 115, 116. Рис. 61).

Многие типы перстней Мамисондонского и Дмитриевского могильников были зафиксированы в материалах

Даргавса. Вместе с тем, наборы перстней из каждого могильника несколько отличаются друг от друга. Поэтому для четкой характеристики выборки из Даргавса в рамках данного исследования необходима классификация с самостоятельной нумерацией типов.

В результате анализа морфологии металлических перстней Даргавского могильника выделено два основных отдела: Отдел I – перстни щитковые без вставок; Отдел II – перстни щитковые со вставками.

Отдел I включает два типа (рис. 84).

Тип 1 объединяет перстни с металлическими щитками в виде небольшого плавного расширения шинки. Представлен единственным экземпляром из катакомбы № 47 (рис. 84, 1).

Тип 2 перстни с рельефными, возвышающимися над шинкой, металлическими щитками (8 экземпляров). Тип может быть соотнесен с типом 4, вариантами 1 и 3 Мамисондона и типом 2 Дмитриевского могильника. Судя по находкам из упомянутых могильников и Даргавса, он распространен в аланских древностях середины VIII – первой половины X в. Но прототипы существовали и ранее, что требует отдельного исследования.

Вариант 1 (1 экземпляр из катакомбы № 28) перстни с круглым щитком (рис. 84, 2).

Вариант 2 (4 экземпляра из катакомб №№ 1, 26, 28) перстни с гладким или орнаментированным линиями щитком четкой прямоугольной формы (рис. 84, 3–5).

Вариант 3 (3 экземпляра из катакомб №№ 5-усл., 28, 47) – перстни с подпрямоугольным гладким или орнаментированным щитком (рис. 84, 6–8). Орнаменты на щитках представляют собой заглубленные точки и линии. Экземпляр из катакомбы № 47 (рис. 84, 8) отличается наиболее высоким щитком, и, вероятно, копирует штампованные перстни Отдела II типа 3.

Отдел II подразделяется на четыре типа по форме каста, способу его крепления к шинке и форме вставок. Вставки, как правило, стеклянные, изредка каменные (рис. 85).

Тип 1 (1 экземпляр из катакомбы № 27) перстень с овальным цилиндрическим

кастом, вставленным между концами шинки. В касте даргавского перстня закреплена стеклянная плоская вставка с изображением козла (?) (рис. 85, 1). Аналогии перстню данного типа с плоскими стеклянными или каменными вставками обнаруживаются на Южном Кавказе (Стырфаз, Квемо Алеви и др.) в конце VI–VII вв. (Апхазава, 1988. Табл. XXXV, 1–6, 10–14, 21–24; 1981. С. 19. Табл. III, 48, 49; Техов, 2006. Рис. 36, 25–27). Встречен такой перстень и в катакомбе № 6 Дагомского могильника, в горной зоне Центрального Кавказа. Э.Ю. Шестопалова датирует комплекс второй четвертью VI – первой четвертью VII в. (Шестопалова, 2018, С. 200. Рис. 75).

Тип 2 (20 экземпляров). В данный тип сгруппированы перстни с припаянным к шинке цилиндрическим кастом или кастом в виде усеченного конуса, пирамидки, параллелограмма. В отличие от предыдущего типа, шинки в этих перстнях крепились снизу к подкладному щитку каста. Тип распадается на 8 вариантов по форме кастов и вставок.

Вариант 1 (4 экземпляра из катакомб №№ 27, 71, 75) перстни с невысокими и цилиндрическими, круглыми или овальными кастами и вставками в виде кабошенов. И касты, и кабошоны в них относительно небольшого диаметра по сравнению с другими вариантами (рис. 85, 2–4). В катакомбах 27 и 75 найдено по одному экземпляру таких перстней. Перстень из катакомбы № 27, возможно, имел подкладной щиток большего диаметра, нежели каст. В катакомбе № 71 выявлено 2 экземпляра: один с круглым, и один – с овальным, возможно, деформированным кастом. Перстень из катакомбы № 75 найден в комплексе с солидом Фоки (602–610 гг.).

Вариант 2 (1 экземпляр из катакомб № 24) перстень с низким цилиндрическим кастом и с плоской стеклянной вставкой (рис. 85, 5).

Вариант 3 (2 экземпляра из катакомб №№ 2 и 37) перстни с кастом в виде усеченного конуса или цилиндра удлиненной овальной формы с крупной вставкой.

Перстни объединены условно. У перстня из катакомбы № 2 высокий каст в виде усеченного конуса и вставка в виде кабошона (рис. 85, 6). У экземпляра из катакомбы № 37 низкий цилиндрический каст, вставка утрачена (рис. 85, 7). Была ли она полусферической или плоской – не ясно. Вместе с тем, в обоих случаях перстни украшены крупной овальной вставкой. Это представляется хронологическим признаком. Подобные варианты полностью отсутствуют в материалах Мамисондона.

Вариант 4 (2 экземпляра из катакомб №№ 2 и 19) – перстни с усеченно-коническим кастом круглой или умеренно овальной формы со вставкой в виде кабошона (рис. 85, 8–9). Данный тип соответствует типу 6, варианту 4 Мамисондона.

Вариант 5 (1 экземпляр из катакомбы № 72) – перстень с кастом в виде усеченной пирамидки, по верхней кромке каст декорирован зернью (?). Вставка в виде небольшого кабошона (рис. 85, 10).

Вариант 6 (1 экземпляр из катакомбы № 53) – перстень с усеченно-коническим кастом круглой или умеренно овальной формы с плоской стеклянной вставкой-литиком (рис. 85, 11). На литике даргавского перстня изображение козла. Перстень разрушен, тем не менее, так как в Мамисондоне мы имеем большую выборку и разнообразие подобного типа перстней, мы можем его соотносить с типом 6, вариантами 1–3 Мамисондона.

Вариант 7 (1 экземпляр из катакомбы № 17) – перстень с кастом в виде усеченной пирамидки. Вставка не сохранилась (рис. 85, 12). Данный тип соответствует типу 6, варианту 5 Мамисондона.

Вариант 8 (8 экземпляров из катакомб №№ 1, 5-усл. 45, 48, 55) – перстни с низкими вытянутыми прямоугольными кастами (рис. 85, 13). Подобные варианты полностью отсутствуют в материалах Мамисондона, что свидетельствует об их более позднем распространении.

Тип 3 (29 экземпляров) – штампованные перстни с выступающим кастом, изготовленным методом тиснения из единого металлического листа. С внутренней

стороны каст закрывался подкладным щитком. В глазок вправлялась стеклянная вставка, часто – литик с оттиснутым изображением животных, птиц, знаков. Данный тип соответствует типу 8 Мамисондона. Он был одним из наиболее распространенных типов перстней Даргавского могильника. Выделяется два варианта.

Вариант 1 (3 экземпляра из катакомб №№ 12, 71, 75) – перстни гладкие с небольшими круглыми неорнаментированными стеклянными вставками, уплощенными или в виде кабошона (рис. 85, 14–16).

Вариант 2 (26 экземпляров из катакомб №№ 1, 2, 15, 17, 47, 58, 63, 71, 72, 76) – перстни гладкие (рис. 85, 17) и орнаментированные (рис. 85, 18) с плоскими овальными вставками-литиками.

Тип 4 (19 экземпляров из катакомб №№ 2, 6, 16, 28, 32, 35, 46, 55, 63). В этот тип объединены литые перстни со вставкой из стекла или камня (например, сердолик в катакомбе № 28), закрепленной четырьмя крестообразно расположенными «лапками» – крапанами (рис. 85, 19). Данный тип соответствует типу 1 Дмитриевского могильника. В материалах Могильника Мамисондон он полностью отсутствует, что косвенно свидетельствует о более поздней дате бытования этих перстней.

Анализ показывает, что наиболее массовыми типами металлических перстней в Даргавском могильнике были перстни Отдела II, типа 3 и 4 (рис. 86). Интересно, что эти перстни найдены вместе только в катакомбе № 2, в которой совершено несколько одновременных захоронений. Установить принадлежность предметов конкретному костяку не представляется возможным. Однако редкость случаев совместной встречаемости, в том числе в комплексах ближайших к Даргавсу могильников Кобан, Чми и Тарский (Хайнрих, 1995; Кантемиров, Дзаттиаты, 1995) и полное отсутствие перстней типа 4 в материалах могильника Мамисондон могут свидетельствовать о достаточно быстро произошедшей смене моды на модели перстней или смене источников их поступления.

Видимо, смена произошла примерно в первой трети IX в. Это подтверждается и находками арабских монет в комплексах с перстнями данных типов. Так, в катакомбе Д Чми перстень с четырьмя крапанами сочетался с монетой второй половины VIII в. или начала IX в. (Хайнрих, 1995. С. 193). Грубые подражания этим перстням были найдены в самых ранних слоях Саркела – Белой Вежи, строительство которого относится к 30-м годам IX в. (Плетнева, 1989. С. 170–172). В катакомбе 119 Верхне-Салтовского могильника подобные перстни были обнаружены с 12 монетами, младшая из которых датировалась 786–797 гг. Автор отнес катакомбу к середине – второй половине IX в. (Аксенов, 2016. С. 116, 118, 119). В Верхнесалтовском могильнике перстни с четырьмя крапанами обнаружены в комплексах с серебряными арабскими монетами. В катакомбе № 21 найдено три монеты: 768 г. (ал-Мансур, мединат ал-Мухаммадия), 773–774 г. (ал-Мансур мединат ас-Салам) и 784–785 г. (ал-Махди, мединат Керман) (Хоружая, 2009а. С. 275). В катакомбе № 23 находилась монета 802 г. (Харум ар-Рашид, мединат ал-Мухаммадия) (Хоружая, 2009а. С. 276). Автор датирует вышеописанные катакомбы №№ 21 и 23 в пределах IX в. (соответственно, первой и второй его половинами). В погребении № 29 могильника Мартан-Чу 1, содержащего 4 костяка, подобные перстни обнаружены с большим количеством монет (2 сасанидские и 8 арабских), младшие из которых относятся к концу VIII в. (Виноградов, Мамаев, 1985. С. 17). В то же время, перстни типов 6 и 8 Мамисондона выявлены с монетой последних десятилетий VIII в. в катакомбе № 2 Верхнего Алкуна (Мамаев, 2010. С. 392).

Перстни с четырьмя крапанами, видимо, были на пике распространения на широкой территории как минимум до середины X в. Они встречены в погребении 45 могильника Карос II (Karos II), которое относится к группе могил, датирующихся последней фазой бытования могильника. Участок могильника с данным погребением относится ко второй декаде – середине X в. (The Ancient..., 1996. P. 83, 93.

Fig. 19). Подобный золотой перстень был найден в Зелечукском кладе в комплексе с альмандиновой вставкой, на которой вырезано имя армянского царя Ашота I (886–891 гг.) (Кузнецов, 1971. Рис. 15, 3, 19, 20). Не противоречит такой верхней дате и контекст находок из Даргавса.

По времени распространения к этим перстням тяготеют и перстни Отдела II, типа 2, варианта 3 и 8 (с кастами вытянутых форм и крупными вставками), а также варианта 5.

Что касается других типов перстней, то типы 2 (варианты 4–7) и 3 Отдела II выходят из употребления около первой трети IX в., не считая отдельных экземпляров, попавших в погребения с запозданием. Тип 1 (VI–VII вв.) выявлен в погребении рубежа VII/VIII вв. – первой половины VIII в. В даргавских погребениях конца VII – середины VIII в. фиксируются также перстни варианта 1 типов 2 и 3 Отдела II (рис. 86).

Со второй половиной VIII – началом IX в. связан и пик распространения стеклянных перстней на Северном Кавказе, который затухает к концу IX в. Х.М. Мамаев связывал приток импортов с Южного Кавказа стабилизацией ситуации в регионе и активизацией торговых контактов, в частности, через перевалы Центрального Кавказа в «условиях прекращения перманентного арабо-хазарского и арабо-аланского противоборства» (Мамаев, 2010. С. 398).

Металлические щитковые перстни без вставок Отдела I существуют долго. Однако их количество в катакомбах Даргавса недостаточно для построения представительных типологических рядов и формулирования четких выводов.

Анализ находок металлических перстней в памятниках аланской культуры Центрального Кавказа показывает, что эта категория украшений была популярной не всегда и не везде. Редкость перстней в северокавказских погребениях для эпохи Великого переселения народов отмечала А.В. Мастыкова (Мастыкова, 2009). В опорном памятнике аланской культуры западной части Центрального Кавказа – Мокрой Балке 1 (вторая половина V – первая

половина VIII в.), перстней почти нет. В 123 катакомбах, раскопанных А.П. Руничем, найдено 3 перстня (кат. №№ 1, 22, 112). Статистическая обработка материалов катакомбных погребений Кисловодской котловины второй половины V – первой четверти VII в. демонстрирует, что перстни не являются специфичной категорией инвентаря (Коробов, 2003. Табл. 32–34, 36, 37, 40–42; Албегова, 2001. С. 88. Табл. 2). Один перстень из катакомбы № 20 Клиньяра III (раскопки В.С. Флерова) встречен в выборке погребений первой половины VIII в. (Там же. С. 254, 255. Табл. 45, 46).

В то же время, в горной зоне Центрального Кавказа, для памятников, лежащих на важных транскавказских путях (Дарьял, Рокский и Мамисонский перевалы) и в непосредственной близости от них (Дагом, Даргавс, Мамисондон, Чми) ситуация иная. Очевидно, что большое влияние на данные территории оказывал Южный Кавказ и, в частности, Грузия.

С переселением носителей аланской культуры в середине VIII в. на Средний Дон в этот регион проникают и перстни, видимо, не без опосредованного влияния населения горных зон Центрального Кавказа. Так, среди находок Дмитриевского могильника мы видим перстни типа Мамисондона.

С момента резкого ослабления Хазарского каганата в середине X в. и начала усиления Алании, мода на перстни в Даргавсе угасает. Непопулярность этих украшений в эталонном памятнике позднего периода аланской культуры Змейском могильнике (в погребениях конца X – начала XIII в.) может свидетельствовать об усилении влияния равнинных алан и их модных предпочтений на горную зону в рассматриваемом регионе. Данные выводы предварительны и, возможно, дальнейшее накопление информации о могильниках горной зоны Центрального Кавказа со временем откорректирует их.

Браслеты

В Даргавском могильнике в 31 катакомбе выявлено 85 браслетов. По материалу изготовления браслеты разделяются на две группы: стеклянные и металлические.

Стеклянные браслеты.

Стеклянные браслеты встречены в 6 комплексах Даргавса. Всего зафиксировано 20 целых и фрагментированных экземпляров, а также 12 бус, изготовленных из фрагментов браслетов. Диаметр браслетов колеблется от 4 до 7,1 см.

Основная масса изделий синего цвета. Синим был браслет из катакомбы № 65 (рис. 87, 18), 4 браслета – из катакомбы № 66 (рис. 87, 3–5), 7 – из катакомбы № 67 (рис. 87, 7, 8, 10, 12, 14–16), браслет из катакомбы № 69 (рис. 87, 6), а также большая часть бус из катакомб №№ 65, 67 (рис. 88). Среди последних в катакомбе № 67 есть тёмно-фиолетовый экземпляр, а в катакомбе № 65 упоминается зеленое и терракотовое стекло. 3 голубых браслета происходят из катакомбы № 67 (рис. 87, 9, 11, 12), зеленый браслет – из катакомбы № 66 (рис. 87, 2). О браслетах из катакомбы № 1 говорится только, что они из темного стекла (рис. 87, 1, 17).

Среди даргавских браслетов можно выделить 2 типа по высоте рельефа сечения.

Тип 1 (17 экземпляров из катакомб №№ 1, 65, 66, 67) (рис. 87, 1–16): по 1 экземпляру происходит из катакомб №№ 1 и 65, 5 – из катакомбы № 66, 10 – из катакомбы № 67. К типу относятся треугольные и сегментовидные в сечении браслеты, иногда у этих браслетов рельефно выступает «спинка» (рис. 87, 9), что ставит их в промежуточное положение между этим типом браслетов и следующим.

Сечение браслета из катакомбы № 69 (рис. 87, 6) не приведено, однако соотношение толщины и высоты прута свидетельствует о том, что он не относится к уплощенным браслетам, которые объединены в тип 2.

Помимо стеклянных браслетов, в двух катакомбах №№ 65 и 67 были обнаружены по 6 экземпляров бусин, изготовленных из лома от стеклянных браслетов типа 1.

Тип 2 (3 экземпляра из катакомб №№ 1, 4, 65) (рис. 87, 17–19). Уплощенные в сечении браслеты с двумя продольными желобками. Аналогичные браслеты

производились в Двине в X–XIII вв. (*Аракелян*, 2003. Табл. 166, 1). Схожие браслеты известны в могильнике Саркела – Белой Вежи (*Артамонова*, 1963. Рис. 54, 5, 7). О. А. Артамонова датировала могильник в основном XI в., но допускала наличие погребений последней трети X – начала XII в. (Там же. С. 77).

Обращает на себя внимание то, что в катакомбе № 67 сечения и браслетов, и бусин – треугольные (рис. 87, 7–16; 88, 2), в остальных катакомбах подобные сечения редки. Тип 1 с сегментовидной спинкой встречен с типом 2 в комплексах катакомб №№ 1 и 65.

Стеклянные браслеты на Северном Кавказе являются предметом импорта, в первую очередь, с Южного Кавказа. Вопрос появления производства стеклянных браслетов на Южном Кавказе является предметом дискуссии. Анализ различных точек зрения на появление этих изделий на Кавказе и в Крыму привел Х. М. Мамаева к предварительному выводу о том, что распространение (и, видимо, массовое производство) их в Грузии началось, с наибольшей степенью вероятности, не ранее конца IX в. (*Мамаев*, 2010. С. 396).

Производство стеклянных браслетов возникает в Армении начиная с X в. Пик их производства приходится на XII–XIII вв. Наиболее ранние из них гладкие, однотонные кобальтово-синего, зеленого и черного цветов (*Аракелян*, 2003. С. 347. Табл. 166, 1, 5, 6).

Видимо, с X века стеклянные браслеты проникают на Северо-Восточный Кавказ. Черные и светло-зеленые браслеты найдены, например, в катакомбах №№ 13, 15–17 Мартан-Чу 1, датированных X–XI вв. (*Виноградов, Мамаев*, 1979. С. 65. Рис. 2, 16, 17; *Виноградов, Мамаев*, 1984. С. 75, 79, 85. Рис. 13, 22). Зафиксировано круглое сечение браслетов из катакомбы № 13.

Аналогичные даргавским стеклянные браслеты широко распространены в катакомбах Змейского могильника (*Бакушев, Леонтьева; Савенко*, 2017. Рис. 8).

Металлические браслеты.

Металлические браслеты выявлены в 28 комплексах, их выборка составляет

64 экземпляра. Диаметр браслетов колеблется от 3,6 до 8,2 см.

Типологию для металлических браслетов Дмитриевского могильника салтово-маяцкой культуры предложила С. А. Плетнева. Она делила браслеты на виды по сечению стержня и на типы по оформлению окончаний (*Плетнева*, 1989. С. 113–115). Два вида составляли браслеты с круглым, овальным и сегментовидным сечением, и два вида – уплощенные браслеты.

Браслеты с круглым, овальным и полукруглым сечением она разделила на два вида по толщине прута. Так, к первому виду она относил браслеты с диаметром стержня 1,5–2 мм, ко второму – с диаметром 3–4 мм. Однако Даргавс почти не дает браслетов с диаметром стержня менее 3 мм (исключение составляет браслет из катакомбы № 77 диаметром 2 мм). Многие браслеты имеют сечение 5–6 мм. Максимальный диаметр круглых в сечении браслетов – 6 мм (4 экземпляра из катакомб №№ 17, 47, 72). Наибольшую ширину (8 мм) дают сегментовидные и овальные в сечении браслеты (3 экземпляра из катакомб №№ 47, 66).

Так как диаметр гладких браслетов представляется нам достаточно случайным признаком, мы не стали его выделять как классифицирующий. Вместе с тем, следуя разработкам С. А. Плетневой, мы разделили браслеты на отделы по сечению стержня и на типы по оформлению окончаний. Наше деление несколько условно, так как у нас не всегда было достаточно информации о сечении концов, орнаментации на них, которая иногда различима на фото в отчетах. Это, в первую очередь, касается типов 1 и 2 Отдела I.

Неопределимые экземпляры (всего их 6) были исключены из выборки. Все эти браслеты относятся к Отделу I. Это два фрагментированных браслета из катакомбы № 28 (*Дзаттиаты*, 2014. Табл. LXVIII, 61, 63) и браслеты из катакомб №№ 29-усл. и 30-усл. (Там же. Табл. LIV, LIX), описаний которых не найдено, поэтому не ясно сечение прута и оформление окончаний. Судя по приведенным в монографии Р. Г. Дзаттиаты рисункам, браслеты из ка-

такомбы № 29-усл. относятся к описываемому ниже типу 1 Отдела I – это гладкие браслеты с тупыми концами. У браслетов из катакомбы № 30-усл. концы орнаментированы: в одном случае насечкой в виде елочки, концы браслета тупые; в другом случае орнамент рельефный, но без описания не ясен. У последнего браслета концы, видимо, заужены.

Отдел I. Браслеты гладкие и с орнаментированными концами, круглые, овальные, сегментовидные в сечении, с разомкнутыми концами, заходящими друг за друга.

Тип 1 (29 экземпляров из 22 катакомб) (рис. 89, 1–5). Гладкие браслеты из металлического стержня, круглые, овальные, сегментовидные в сечении с разомкнутыми и заходящими друг за друга тупыми концами – наиболее распространенный тип Даргавского могильника. Браслеты с круглым сечением прута встречены в катакомбах №№ 9, 12, 14, 16, 17 (3 экз.), 27, 28, 45, 47 (2 экз.), 59, 71 (3 экз.), 72, 76, 77, 78. С овальным сечением – №№ 21, 66, 70, 72, 75 (2 экз.). С сегментовидным сечением – №№ 12, 47 (2 экз.).

Тип 2 (12 экземпляров) (рис. 89, 6–9). Гладкие браслеты из металлического стержня круглые, овальные, сегментовидные в сечении с разомкнутыми и заходящими друг за друга зауженными концами.

Браслеты с круглым сечением прута найдены в катакомбах №№ 47, 53, 59, 63, 76 (3 экз.). С овальным сечением №№ 17, 27. Концы браслета из катакомбы № 17 уплощенной листовидной формы (рис. 89, 9). Браслет из катакомбы № 47 сегментовидный в сечении (рис. 89, 8). Не ясно сечение двух браслетов из катакомб №№ 18 и 27.

Концы браслетов типов 1 и 2 могут быть украшены насечками, однако эта деталь специально не изучалась. Она четко зафиксирована только у браслета из катакомбы № 30-усл. Не ясна принадлежность двух браслетов из катакомбы № 24 к какому-либо из этих типов.

Тип 3 (5 экземпляров из катакомбы № 28) (рис. 89, 10–11). Браслеты с расплюснутыми округлыми разомкнутыми концами.

Вариант 1 (4 экземпляра) – гладкие с расплюснутыми округлыми концами (рис. 89, 10).

Вариант 2 (1 экземпляр) – концы орнаментированы овальными вставками, закрепленными в цилиндрических гнездах, обрамленных пояском в виде ложной зерни и трилистником при переходе от вставки к спинке (рис. 89, 11).

Тип 4 (1 экземпляр из катакомбы № 28) (рис. 89, 12). Браслет со стержнем из проволоки внутри прута.

Тип 5 (3 экземпляра) (рис. 89, 13, 14). Браслеты с закрученными/загнутыми концами.

Вариант 1 (1 экземпляр из катакомбы № 69). Браслет с симметрично закрученными наружу концами. Сечение прута круглое (рис. 89, 13).

Вариант 2 (2 экземпляра из катакомбы № 53). С загнутыми и развернутыми взаимоперпендикулярно концами, образующими замок из петельки и крючка (рис. 89, 14).

Отдел II. Витые браслеты.

Тип 1 (1 экземпляр из катакомбы № 53) (рис. 90, 1). Витой браслет с тупыми концами.

Тип 2 (1 экземпляр из катакомбы № 18) (рис. 90, 2). Витой браслет с закрученными/загнутыми наружу концами. Ближайшая аналогия происходит из катакомбы № 24 Тарского могильника, материалы которой датируются не ранее IX в., и, видимо, заходят в X в. (*Кантемиров, Дзаттиаты*, 1995. Табл. XXVIII, 5).

Тип 3 (2 экземпляра) (рис. 90, 3, 4). Браслеты с петлями для завязывания на концах. На обломке браслета из катакомбы № 63 на сохранившемся его конце прослеживается петелька. Концы браслета из катакомбы № 77 скреплены. На рисунке, хотя не очень отчетливо, но читаются петельки.

У находки из катакомбы № 62 концы обломаны и не представляется возможным отнести ее к определенному типу.

Отдел III. Уплющенные в сечении браслеты найдены в обеих камерах двухкамерной катакомбы (кат. №№ 69 и 70).

Тип 1 (1 экземпляр из катакомбы № 69) (рис. 90, 5) – браслет цельный, имеет

продольные бортики, в сечении П-образный. Диаметр 5,6 см, ширина – 1 см.

Тип 2 (1 экземпляр из катакомбы № 70) (рис. 90, б) – браслет пластинчатый, разомкнутый, поверхность орнаментирована гравированным (?) геометрическим орнаментом, один конец п-образный с плавно загнутыми внутрь краями, на другом конце – центральный выступ, также плавно загнутый вовнутрь. Загнутые края образуют петельки, через которые концы браслета скреплялись стержнем, проволокой и пр. Диаметр – 5,6 см, ширина – 1,1 см.

Основная масса браслетов не дает узких хронологических привязок. Гладкие браслеты (типы 1 и 2 Отдела I) – массовая категория вещей, широко распространенная во времени. Популярность их на Северном Кавказе в эпоху Великого переселения народов, предшествовавшую возникновению Даргавского могильника, отмечалась А. В. Мастыковой (*Мастыкова*, 2009. С. 66–67). На ближайшей к Даргавсу территории, в Северной Осетии, браслеты найдены в материалах памятников VI–X вв.: Дагом (*Шестопалова*, 2018. Рис. 74), Чми (напр., *Хайнрих*, 1995. Табл. VII, 4–7), Тарский (Октябрьский) (напр., *Кантемиров*, *Дзаттиаты*, 1995. Табл. XXXII, 12, 13, 18).

Как типы 1, 2 Отдела I, так и типы 1, 2 Отдела II были в ходу у населения, оставившего Дмитриевский могильник (*Плетнева*, 1989. С. 60). Мы встречаем гладкий браслет с заостренными концами при одном из ранних погребений (у задней стенки камеры) катакомбе № 357 Змейского могильника, где было погребено не менее 5 человек (*Фидаров*, *Тотаева*, 2019. С. 205. Рис. 17, 31а). Изучение материала из катакомбы и результаты радиоуглеродного анализа позволили датировать погребение второй половиной X – первой четвертью XI в. (*Бакушев и др.*, 2021. С. 370). В Даргавсе подобный браслет найден в катакомбе позднего этапа аланской культуры № 70 в комплексе с пластинчатым браслетом, а браслет с закрученными наружу концами (типа 5 Отдела I) – в катакомбе № 69 в ком-

плексе со стеклянным браслетом. Приведенные примеры подтверждают факт длительного существования рассматриваемых разновидностей металлических браслетов.

Скорее всего, не ранее конца IX в. на Северный Кавказ начинает проникать мода на стеклянные браслеты (*Мамаев*, 2010. С. 396). X–XI вв. датируют В. Б. Виноградов и Х. М. Мамаев катакомбы со стеклянными браслетами из Мартан-Чу 1 (*Виноградов*, *Мамаев*, 1984. С. 85). Они получают широкое распространение в древностях Змейского могильника, видимо, с момента его возникновения. В частности, в вышеописанной катакомбе № 357 Змейского могильника выявлено 11 стеклянных браслетов в основном разных оттенков сине-голубой гаммы, а также один светло-зеленый и один – медового цвета. Сечение браслетов треугольное, в одном случае круглое. Некоторые из браслетов могут бытовать и в X в.

По-видимому, к браслетам, просуществовавшим недолгое время, можно отнести браслеты типа 3 Отдела I, обнаруженные в катакомбе № 28 Даргавса, с округлыми расплюснутыми концами, в одном случае декорированными вставками. Подобные браслеты со вставками и следами гнезд для вставок известны на территории Северо-Восточного Кавказа. В Мартан-Чу 1 они выявлены в комплексах катакомб: № 10, датированной временем не позднее рубежа IX–X вв. (*Виноградов*, *Мамаев*, 1984. С. 65, 72, 84, 85. Рис. 9, 7); катакомбах №№ 4 и 23, отнесенных к X–XI вв.; № 29, нижняя дата которой ограничена рубежом IX–X вв. (*Виноградов*, *Мамаев*, 1984. С. 65, 85. Рис. 4, 9; *Виноградов*, *Мамаев*, 1985. С. 10–12, 22, 23, 26. Рис. 5, 12, 13, 18, 19). Дата катакомбы № 10, видимо, несколько удревнена. В погребении № 2 Шуанского могильника браслеты с расплюснутыми концами были найдены с дирхемами, самый молодой из которых относился к 954–955 гг. (*Виноградов*, *Мамаев*, 1985. С. 23). Стеклянный графин из катакомбы № 10 Мартан-Чу 1 А. А. Чиждова датировала IX–X вв. (*Чиждова*, 2016. С. 254).

Браслеты данного типа, но пластинчатые, известны в мадьярских погребениях периода обретения родины, например, в погребении первой половины X в. из могильника Хевеш-Капитаньхедь (Heves-Kapitányhegy) (The Ancient..., 1996. С. 392, 393). Очень близкие аналогии даргавским браслетам со вставками и без происходят

из случайных находок из окрестностей Эдьек-Фельхалом (Egyek-Félhalom), Шаркад (Венгрия) и Арада (Румыния) (The Ancient..., 1996. С. 217, 218, 299–301, 347). Близкий браслет найден в Коробчино в погребении горизонта Субботцы (Комар, 2018. С. 149–152. Рис. 11, 5).

Глава III. Хронология погребальных комплексов Даргавского катакомбного могильника

Основное затруднение при создании хронологической шкалы Даргавского могильника вызвано крайней малочисленностью индивидуальных захоронений (закрытых комплексов) и отсутствием в этих погребениях представительных наборов инвентаря. Одиночные захоронения выявлены в 13 катакомбах: №№ 9, 10, 21, 25, 38, 40, 41, 42, 54, 56, 57, 58, 78. В катакомбе № 23 четких следов костяков, позволяющих сказать о количестве погребенных, не сохранилось. Только 6 из одиночных погребений сопровождалось более или менее выразительным инвентарем (кат. №№ 9, 21, 41, 56, 58, 78).

Традиционно камеры катакомб использовались многократно и содержали 2–4 и более погребений. Основная масса камер содержала сдвинутые при захоронениях, перемешанные кости и находки. Антропологический анализ костного материала не производился, за исключением того, что был получен в результате работ 2019 г. Сохранность скелетов, как правило, неудовлетворительная. Таким образом, для подавляющего числа катакомб можно оперировать только инвентарем камеры в целом.

Вместе с тем, планиграфия ряда катакомб говорит о том, что во многих камерах перерывы между подхоронениями были непродолжительными или захоронения произведены одновременно. Это камеры, в которых скелеты не нарушали друг друга (кат. №№ 4, 6, 11, 14, 27, 31, 47, 60, 66, 70, 71, 75, 76, 77). В подобных случаях инвентарь можно привязать к отдельным погребениям. В катакомбах №№ 15, 33, 55, 62, 72 все хрономаркирующие предметы концентрируются рядом с одним индивидуом. В указанных случаях набор инвентаря катакомбы можно приравнять к закрытому комплексу.

От попыток выделить мужские и женские погребения по инвентарю также пришлось отказаться, как в силу вышеописанных причин, так и из-за случаев находок «женских» и «мужских» предметов при одном погребенном. Например, в катакомбе № 55 было выявлено два захоронения, однако весь инвентарь обнаружен с одним из них, причем комплекс содержал топор, элементы поясного набора, серьги, перстни и зеркало. В катакомбе № 16 в инвентаре, сопровождавшем трех погребенных, двулезвийные топоры и кассетные ножи сочетались с распределенными между индивидами предметами единого «женского» набора: зеркало, туалетный набор, кабаньих клык. Предметы туалета и украшения были женскими приношениями, либо мы имеем дело с погребением вооруженных женщин, но, в любом случае, выделение мужских и женских захоронений было не всегда возможно даже в случаях, когда инвентарь отождествлялся с определенным скелетом.

Создать дробную периодизацию при указанных условиях не представляется возможным, тем не менее, на материалах могильника весьма ярко проявляется динамика изменений в комплексах вещей, которую мы попытались проследить. Результаты данных исследований могут послужить основой для разработки узкой хронологии региона в дальнейшем.

Первоначально, для выделения хронологических периодов был проведен факторный анализ с помощью программы Statgraph. В качестве признаков выступали найденные в катакомбах предметы. Всего было выбрано 24 признака. Для анализа использовался метод вращения факторной матрицы Varimax. В результате вращения матрицы материал распался на 9 факторов. Однако смешение «женских» и

«мужских» предметов, а также смешение предметов разного времени в одной камере, привело к ряду «сбоев» в полученных результатах. Программа стала разбивать на факторы один хронологический срез на основе преобладания в комплексах «женских» или «мужских» вещей. В других случаях, длительно использовавшиеся катакомбы тяготели к разным факторам, образованным катакомбами более узких хронологических периодов, на основании наличия в них соотносимого по количеству сходного инвентаря.

Математические (статистические) методы предполагают чистоту эксперимента, в идеале – одиночные погребения с большим количеством предметов.

Так как статистические методы не дали четкого разделения комплексов, З.Х. Албеговой была предложена следующая методика, названная «сериацией связей», состоящая из трех этапов обработки материала.

На первом этапе была построена матрица в виде таблицы, где каждый столбец получил название по номеру катакомбы слева направо в порядке возрастания. Аналогично были пронумерованы и строки в таблице – сверху вниз. В клетках, находящихся на пересечении столбцов и строк, вписывалось количество связей по аналогичному инвентарю между соответствующими катакомбами. Это позволило учесть не только связи по массовому материалу, но и по редким единичным находкам.

Для выделения групп погребений с близким инвентарем были отобраны следующие категории вещей²⁰:

Перстни: стеклянные; штампованные перстни со вставками в виде литиков и перстни с напаянными штампованными кастами (Тип 2, вариант 1 и Тип 3) (рис. 85, 2–4); литые с кастом в виде четырех крестовидно расположенных «лапок» (Тип 4) (рис. 85, 19); штампованные с напаянным кастом прямоугольной формы с низким бортиком (Тип 2, вариант 8) (рис. 85, 13). Единичную связь дают литые перстни с цельными прямоугольными щитками (Тип 2, вариант 2) (рис. 84, 3, 4).

Серьги: с одной полый штампованной каплевидной подвеской, украшенной полыми шариками в месте крепления к кольцу или гроздью шариков снизу (Отдел III, Тип 3) (рис. 80, 9,10); с подвеской в виде пирамидки с шариком на конце и с зернью по местам соединения конструктивных деталей; аналогичные серьги без зерни (Отдел IV, Тип 1) (рис. 81, 1–11); серьги с бусинными подвесками (Отдел IV, Тип 2, 3) (рис. 81, 12–21). Связи по последним просчитывались для каждого из вариантов.

Стеклянные браслеты разных сечений и бусы из стеклянных браслетов (рис. 87, 88).

Железные кольца большого диаметра (рис. 95, 17; 96, 23)²¹.

Пуговицы: грибовидные (рис. 115, 13)²²; разные размерные группы шаровидных полых с петлевидным ушком (рис. 102, 6, 7)²³; крупные шаровидные полые с подпрямоугольным ушком (рис. 105, 25)²⁴; полые продольно уплощенные (разных диаметров) (рис. 102, 8)²⁵; литые уплощенные пуговицы с длинным заovalенным ушком (рис. 105, 43)²⁶; овальные пуговицы

²⁰ Для категорий инвентаря, не описанных в монографии, ниже в сносках приводятся номера катакомб, в которых они встречены.

²¹ Выявлены в катакомбах №№ 60 и 75.

²² Выявлены в катакомбах №№ 1, 26, 39, 65, 67, 69, 70.

²³ Пуговицы диаметром до от 0,9 до 1,1 см (не всегда ясно полые или литые) выявлены в катакомбах №№ 1, 4, 22, 26, 28, 30-усл., 31, 36, 39, 65–70. Пуговицы диаметром от 1,1 до 1,3 см выявлены в катакомбах №№ 1, 19, 20. Пуговицы диаметром от 1,3 до 1,7 см выявлены в катакомбах №№ 20, 30-усл., 53, 76. Пуговицы диаметром от 1,7 до 1,9 см выявлены в катакомбах №№ 28, 36, 76. Пуговицы диаметром от 1,9 до 2,2 см выявлены в катакомбах №№ 2, 28, 53, 76. Так как для выделения размерных групп использовались рисунки Р.Г. Дзаттиаты из монографии, размерные ряды носят предварительный характер.

²⁴ Выявлены в катакомбах №№ 3 и 58.

²⁵ Выявлены в катакомбах №№ 2, 76 и 77.

²⁶ Схожие экземпляры выявлены в катакомбах №№ 17, 35.

с длинным заovalенным ушком (рис. 105, 44)²⁷; овальные пуговицы с длинным подпрямоугольным ушком (рис. 102, 10; 105, 45)²⁸; пуговицы с грубо отлитым длинным заovalенным и подпрямоугольным ушком (встречены в катакомбах №№ 1, 4, 69); мелкие литые округлые и каплевидные пуговицы с петлевидным ушком (рис. 115, 17)²⁹.

Бубенчики: каплевидные с круглыми отверстиями на концах прорезей (рис. 115, 5, 7)³⁰; каплевидные без отверстий³¹; желудевидные (рис. 111, 5, 6, 8)³²; бубенчики промежуточной между шаровидными и каплевидными формы (рис. 114, 5)³³; крупные шаровидные с одним разрезом снизу и петлевидным ушком (рис. 105, 29)³⁴; средние (диаметром до 1,6 см) шаровидные с одним разрезом снизу и петлевидным ушком (рис. 114, 6)³⁵; крупные шаровидные с крестовидным разрезом снизу (рис. 105, 27, 28)³⁶; крупные продольноуплощенные с крестовидным разрезом снизу (рис. 104, 8; 105, 26)³⁷; шаровидные с круглыми отверстиями на краях разрезов (рис. 111, 11)³⁸; шаровидные штампованные с подпрямоугольным ушком и одним разрезом (рис. 104, 6)³⁹; крупные шаровидные с одним разрезом, украшенные горизонтальными желобками и вертикальным рифлением в нижней части (рис. 114, 4)⁴⁰; поперечноуплощенные (рис. 104, 9; 105, 32, 33)⁴¹.

Зеркала: с концентрическими окружностями, четырьмя дугами в центральной зоне и с радиальными линиями во внешней (Таксон 7) (рис. 69, 6, 7); с концентрическими окружностями, четырьмя рельефными кружками в центральной зоне и четырьмя завитками во внешней зоне (рис. 75, 1, 2); с концентрическими окружностями, точками в центральной зоне и ломаными линиями (дугами) в средней и внешней зоне (Таксон 17r) (рис. 71, 11); с концентрической окружностью и ломаной линией, образующей семилучевую звезду, во внешней зоне (Таксон 12a) (рис. 70, 4, 5).

Нашивки, бляшки: стеклянные ромбические нашивки (рис. 105, 36, 37)⁴²; восьмеркообразная нашивка с петелькой (рис. 105, 35)⁴³; круглые нашивки с концентрическим пуансоном (рис. 115, 3)⁴⁴; круглые заклепки (рис. 115, 2).

Оковки венчиков деревянных сосудов (рис. 110, 6)⁴⁵.

Ногтечистки в виде когтя хищника (рис. 114, 23)⁴⁶.

Стеклянные «тюльпанообразные» стаканы без орнамента с прямыми, чуть расширяющимися стенками, закругляющимися к основанию (рис. 92, 11, 13, 19); стеклянные «тюльпанообразные» стаканы с выделенным, слегка отогнутым венчиком, расширяющимся в средней части корпусом, закругляющимися у дна стен-

²⁷ Выявлены в катакомбах №№ 53 и 63. Близкая по форме, но более грубая пуговица, найдена в катакомбе № 66.

²⁸ Наиболее изящная пуговица выявлена в катакомбе № 76, крупные – в катакомбах №№ 347, 53, 58. Округлая форма у пуговицы из катакомбы № 67. Треугольное завершение у петельки пуговицы из катакомбы № 2, трапецевидная петелька у пуговицы из катакомбы № 17.

²⁹ Пуговицы диаметром от 0,5 до 0,9 см выявлены в катакомбах №№ 1, 39, 65, 69, 70.

³⁰ Выявлены в катакомбах №№ 1, 4, 20, 28, 67, 69 и 70.

³¹ Выявлены в катакомбах №№ 1, 4, 30-усл., 69.

³² Выявлены в катакомбах №№ 8, 16.

³³ Выявлены в катакомбах №№ 1, 16, 20, 28, 46, 48, 55.

³⁴ Выявлены в катакомбах №№ 16, 45.

³⁵ Выявлены в катакомбах №№ 1, 5-усл., 15, 20, 22, 24, 28, 30-усл., 35, 36, 48, 55.

³⁶ Выявлены в катакомбах №№ 17, 19, 22, 53, 63.

³⁷ Выявлены в катакомбах №№ 41, 53, 77.

³⁸ Выявлены в катакомбах №№ 5-усл., 26.

³⁹ Выявлены в катакомбах №№ 45, 47, 62.

⁴⁰ Выявлены в катакомбах №№ 30-усл., 35, 36.

⁴¹ Выявлены в катакомбах №№ 9, 17, 19, 22, 44, 76.

⁴² Выявлены в катакомбах №№ 2, 19.

⁴³ Выявлены в катакомбах №№ 19, 24.

⁴⁴ Выявлены в катакомбах №№ 26, 67.

⁴⁵ Выявлены в катакомбах №№ 5-усл., 20.

⁴⁶ Выявлены в катакомбах №№ 1, 28.

ками и наклонными желобками на корпусе (рис. 92, 14, 20, 23)⁴⁷.

Треугольные застежки с выступом-пуговицей (рис. 115, 8)⁴⁸.

Элементы поясных наборов, орнаментированных узелковым бордюром (рис. 109, 11–13, 15, 16; 113, 1–4).

Топоры с взаимоперпендикулярными лезвиями: простые и Г-образные (Отдел II) (рис. 47). Топоры с параллельными лезвиями: вотивные; двулезвийные (Отдел I, тип 3А, тип 6) (рис. 44, 9, 15, 16); однолезвийные топоры с высоким подпрямоугольным, оттянутым узким и прямоугольным в сечении обухом (Отдел I, тип 1) (рис. 44, 1); двулезвийные топоры с трапецевидными клинками и опущенными пятками (Отдел I, тип 2) (рис. 44, 8); двулезвийные топоры с двумя склоненными к рукояти клинками (дуговидным брюшком и спинкой) (Отдел I, тип 5) (рис. 44, 12–14); двулезвийные топоры с одним клинком и с двумя проушными выемками (Отдел I, тип 4) (рис. 44, 11).

Наконечники стрел. Наконечники типа двурогий срезень (Отдел III, Тип 5) (рис. 52, 9, 34, 35, 43).

Амулеты: колесовидные с ушком и без, зооморфные (с тремя, четырьмя, восемью птичьими головками, с ушком и без) (рис. 91, 3–5, 7–13, 9)⁴⁹.

Перламутровые диски (рис. 97, 6; 105, 63, 64)⁵⁰.

Фибулы: Т-образные шарнирные с уплощенной ромбической ножкой; фибулы с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника (типы 1, 2, 4) (рис. 37, 38).

На втором этапе была проведена серияция, в ходе которой все катакомбы были объединены в группы по наличию связей между ними. Образовавшиеся облака связей условно названы периодами. Всего выделилось 9 периодов.

Несколько погребений относятся к наиболее ранней группе, еще несколько – к наиболее поздней. Ранние катакомбы единичны, малоинвентарные и не образуют связей по инвентарю (кат. №№ 11 и 74). Они условно внесены в таблицу как Период I (рис. 93). Поздний инвентарь (пока мы можем говорить только о керамике) содержится в длительно использовавшейся катакомбе № 1 (рис. 118). Так как поздний комплекс из катакомбы № 1 не дал связей ни с одной другой камерой, в таблице Период IX не отображен.

Ряд облаков связей, в зависимости от того, насколько компактно во времени были захоронены погребенные в камере или насколько стремительно менялась мода, включал комплексы инвентаря, характерные для узких временных рамок, а ряд – для смежных хронологических периодов.

На заключительном этапе анализа материалов Даргавского могильника выделялись хроноиндикаторы для каждого облака связей и устанавливалась их хронологическая позиция.

Период I (рис. 93, 94) синхронизируется со вторым этапом Мокрой Балки 1 по Г.Е. Афанасьеву (вторая половина VI – первая четверть VII вв.). Период представлен двумя катакомбами с коллективными захоронениями №№ 11 и 74. Катакомба № 11 содержала три скелета, № 74 – не менее двух. По деталям геральдического поясного набора (рис. 94, 1–17) комплекс катакомбы № 11 синхронизируется с катакомбами №№ 2а и 107 Мокрой Балки 1 (Афанасьев, Рунич, 2001. Рис. 119, 143). В устной консультации И.О. Гавритухин обратил внимание на простую структуру гарнитуры, в которую входят сборные, а не цельнолитые Т-образные накладки. Эти признаки, по его мнению, говорят в пользу архаичности набора

⁴⁷ На рис. 92 показаны все известные стаканы, бокалы, кубки и чаши из катакомб Даргавского могильника.

⁴⁸ Выявлены в катакомбах №№ 4, 28, 65 и 67.

⁴⁹ На рис. 91 приведены все амулеты, встреченные в изучаемых погребениях Даргавского могильника. Классификации рассматриваемых амулетов посвящена работа В.Б. Ковалевской (Ковалевская, 1995. С. 131–137, 140, 141).

⁵⁰ Выявлены в катакомбах №№ 15, 30-усл., 35, 45, 56 и 76.

и его датировки временем не позднее первых десятилетий VII в., а, возможно, и второй половиной VI в. Набор в наибольшей степени соотносится с периодом III-1, выделенным И.О. Гавритухиным для древностей Кисловодской котловины (Гавритухин, Пьянков, 2003. С. 192; Гавритухин. В печати. Табл. 19, 23).

Катакомба № 74 малоинвентарная, содержала двучленную пружинную фибулу с нижней тетивой и парные овально-рамчатые бесщитковые пряжки (рис. 94, 19–21). Камера катакомбы была прорезана и частично разрушена катакомбой № 75, относящейся к следующему хронологическому периоду. В последней катакомбе находился солид Фоки (602–610 гг.)⁵¹. Этот факт может свидетельствовать в пользу достаточно ранней даты данной катакомбы в рамках рассматриваемого периода.

Период II (рис. 93, 95) синхронизируется с третьим этапом Мокрой Балки 1 по Г.Е. Афанасьеву (вторая четверть VII – рубеж VII/VIII вв.) и с этапами IIIа и IIIб (620/630 гг. – 680/720 гг.) древностей Кисловодской котловины, разработанных В.Ю. Малашевым и И.О. Гавритухиным (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 40–42; Малашев, Гавритухин, 1998. Рис. 6; Гавритухин, 2001а. С. 48). В данную хронологическую группу вошли 4 катакомбы №№ 12, 14, 21, 75. Среди них одно одиночное погребение (№ 21), одно парное погребение (№ 14), в остальных катакомбах захоронено 3 и более индивидов. В катакомбе № 12 основной инвентарь сосредоточен при одном погребенном, катакомба № 75, судя по рядному расположению ненарушенных костяков, использовалась короткое время. Катакомбы №№ 12–14 планиграфически связаны, камеры катакомб настолько плотно, но без нарушения, прилегали друг к другу, что складывается впечатление, что могильщики знали о взаимном расположении камер. По-видимому, они являются ранними погребениями одного из родовых участков могильника. Катакомба

№ 13 из-за маловыразительного инвентаря не рассматривалась.

Остальные катакомбы объединены наличием в комплексах сасанидских и византийских монет (рис. 95, 1, 2) периода второй половины VI – начала VII в., бронзовых Т-образных шарнирных фибул с уплощенной ножкой и сдвинутым к головке пикомпрогибаспинки (рис. 95, 10, 11), железных шарнирных фибул с плоской узкой треугольной спинкой и завитком на конце приемника (рис. 95, 8, 9). Помимо фибул, в погребениях встречаются дериват геральдической пряжки (рис. 95, 5), металлические амулеты без подвесных петелек в виде кольца с наплывами, кольца с восемью птичьими головками, амулеты из просверленных косточек животных (рис. 95, 13, 14, 18), миниатюрные зеркала, стандартные зеркала, украшенные ломанной линией и концентрическими окружностями (рис. 95, 21, 22, 24), штампованные перстни с небольшой вставкой (рис. 95, 16), перстни с небольшим напаянным щитком со вставками в виде кабошонов (рис. 95, 15), проволочные браслеты (рис. 95, 19, 20). Из предметов вооружения в погребениях обнаружены наконечники копий, они найдены в трех погребениях из четырех (рис. 95, 25, 26).

В катакомбе № 14 обнаружены железная фибула, круглые ременные заклепки и сасанидская драхма, которую А.А. Цуциев предварительно определил, как монету Хосрова I (531–579 гг.) или Хормизда IV (579–590 гг.) (Цуциев, 2015).

Комплексы, аналогичные набору инвентаря из катакомбы № 14 Даргавса, были выявлены в двух камерах двухкамерной катакомбы (кат. №№ 2 и 4) Дагома (рис. 33). В более ранней катакомбе № 2 при мужском погребении найдена железная фибула, круглые заклепки со стержнем и сасанидская драхма Хосрова I (574 г.). Комплекс с другой драхмой Хосрова I (550 г.) и железной фибулой выявлен в одновременном парном захоронении в катакомбе № 4 Дагома (*Шесто-*

⁵¹ Определение А.А. Цуциева.

палова, 2018. Рис. 17, 18, 26; Цуциев, 2015). Э.Ю. Шестопалова полагала, что монеты попали в погребения в начале – первой четверти VII в. (Шестопалова, 2018. С. 203).

В катакомбе № 75 Даргавского могильника в сдвинутом к задней стенке скоплении находился потертый золотой солид Фоки (602–610 гг.). Г.Е. Афанасьев оценивал среднее запаздывание монет Хосрова I в регионе в 84 года, Хормизда IV – в 39 лет, Фоки – в 28 лет. Комплексы с монетами Фоки, Хосрова I и Хормизда IV (см. об этих монетах в связи с типом 2 фибул Даргавского могильника) из Мокрой Балки 1, согласно исследованиям, относятся к описываемому периоду (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 37, 71, 72, 237). Погребения Даргавса подтверждают региональную закономерность распространения этих монет, прослеженную Г.Е. Афанасьевым.

Идентичные птицевидные амулеты сближают катакомбу № 75 с катакомбой № 59 следующего периода. Возможно, хронологически она наиболее поздняя из катакомб рассматриваемого периода.

Период III (рис. 93, 96) представлен погребениями конца VII – первой половины VIII в. и синхронизируется, в основном, с четвертым этапом Мокрой Балки 1 по Г.Е. Афанасьеву (рубеж VII/VIII вв. – первая половина VIII в.), с этапами ШБ-Шв (ок. 650–730/760 гг.) древностей Кисловодской котловины, разработанными В.Ю. Малашевым и И.О. Гавритухиным (Афанасьев, Рунич, 2001. С. 42–43; Малашев, Гавритухин, 1998. Рис. 7; Гавритухин, 2001а. С. 48. Рис. 78). Период представлен катакомбами №№ 27, 59, 60.

Т-образные шарнирные фибулы с уплощенной ножкой в этот период бытования Даргавского могильника характеризуются сдвиганием пика прогиба спинки к ее центру (рис. 96, 16–19). Для периода характерны поясные наборы с пряжками, щиток которых украшен перевязанной пальметтой и подражаниями этим наборам (рис. 96, 6–14). Представляется, что катакомба № 27 более ранняя, чем катакомбы №№ 59 и 60. В ней с самым ранним погребением встречены, помимо фибулы, поврежденная вторично ис-

пользованная пряжка типа Митилены (Гавритухин и др., 2018) (рис. 96, 1), фрагментированные серьги, у которых сохранилась пирамидальная подвеска (возможно, фрагменты относились к серьгам так называемого «салтовского» типа), бронзовые шаровидные штампованные бубенчики (рис. 97, 1, 5).

В этот период в Даргавсе также появляются украшения в виде перламутровых дисков (рис. 97, 6). Продолжают бытовать проволоочные браслеты (рис. 97, 7), ранее использовавшиеся типы перстней (рис. 97, 4), обнаружен перстень типа Квемо-Алеви (рис. 97, 5). Используются колесовидные амулеты с четырьмя и семью тяжами, последний – с петелькой, амулет с четырьмя птичьими головками на кольце (рис. 97, 9–12). Как прежде популярны зеркала, украшенные ломаной линией и концентрическими окружностями (рис. 97, 15). Бытуют туалетные наборы с копоушками из витых стержней и косметическими ложечками с неглубокими лопастями каплевидной формы (рис. 97, 16–18). К редким находкам относится небольшой подвесной замок, выявленный в нише камеры катакомбы № 27 (рис. 96, 24).

Вооружение представлено плоскими, трехлопастными и трехгранными наколочниками стрел (рис. 96, 20–22). Предметы конского снаряжения включают двусоставные удила с S-видными псалиями и арочные стремяна с вогнутой подножкой и выделенной петлей для путлища (рис. 96, 25, 26).

Период IV включает три группы (рис. 93, 98–104). Их бытование приходится на вторую половину VIII в. – первую половину IX в.

Это время больших перемен в комплексе инвентаря, возможно, связанных с разгромом старых ремесленных центров в ходе арабо-хазарских войн, прекращением торговых контактов или уходом части населения на Средний Дон. Вместе с тем, с утиханием конфликта и стабилизацией ситуации наблюдается неуклонный рост численности населения Даргавской котловины, что отражается в увеличении

числа катакомб в IX–X вв. Нельзя исключать также, что военные действия могли привести в эту местность мигрантов из среды носителей аланской культуры.

В рассматриваемый период из катакомб исчезают Т-образные шарнирные фибулы с плоской ножкой, их замещают шарнирные фибулы с завитком на ножке (рис. 98, 4). Появляются прямоугольнорамчатые пряжки (рис. 98, 8). Широко распространяются штампованные перстни со вставками в виде литиков типа 8 могильника Мамисондон (рис. 98, 21, 24), стеклянные перстни (рис. 98, 26), серьги «салтовского» типа с подвесной пирамидкой с «бусинами» у вершины и основания (рис. 98, 18, 19), «пинцеты» (рис. 98, 31, 32), бронзовые литые и штампованные пуговицы и бубенчики (рис. 98, 10–13, 38–40). Помимо шаровидных пуговиц и бубенчиков разных размеров (в частности, крупных штампованных бубенчиков с подпрямоугольными петельками) использовались поперечноуплощенные и продольноуплощенные экземпляры (рис. 98, 13; 99, 10, 16). Литые пуговицы часто имеют длинные округлые и трапецевидные петельки (рис. 98, 40; 99, 11). Продолжают оставаться популярными зеркала, украшенные ломаными линиями (рис. 98, 35–37). Но появляются и зеркала, декорированные дугами (рис. 98, 34). Частично меняется и комплекс вооружения, который дополняется боевыми топорами и длинноклинковым вооружением (рис. 98, 14, 16, 17).

Связи внутри выделенных в ходе серии групп образованы массовыми находками.

Группа 1 (рис. 98) представлена катакомбами №№ 15, 58, 71 и 72. Наиболее важную роль в этой группе играют связи, образованные штампованными перстнями с литиками типа 8 могильника Мамисондон (рис. 98, 21, 24).

В группе впервые встречаются серьги «салтовского» типа, однако в подвеске вместо пирамидки использован цилиндр, к которому снизу крепится полая бусина. У соединения подвески с дужкой бусины нет. На цилиндрике одной из се-

рег ложной зернью обозначены 4 ложные продольные грани (рис. 98, 18, 19).

В погребениях попадаются единичные находки черных стеклянных перстней. Бубенчики и пуговицы шарообразной формы. Достаточно популярны копоушки и ногтечистки, изготовленные из витых стержней, а также «пинцеты»-зажимы прямоугольной формы или с легким заужением кверху (рис. 98, 29–32). Клинки боевых топоров трапецевидные, спинки прямые (рис. 98, 16, 17). В этой группе встречена прямоугольнорамчатая щитковая пряжка, датирующаяся временем не ранее второй половины VIII в. (рис. 98, 1). Возможно, группа 1 наиболее ранняя в этом периоде и тяготеет ко второй половине VIII в.

Группа 2 (рис. 99–102) представлена катакомбами №№ 17, 46, 76. Эта группа демонстрирует связи с предыдущей и последующей группами. Захоронения в катакомбах №№ 46 и 76, судя по положению скелетов (рядному, без взаимных нарушений), были совершены с небольшими перерывами или без них. В комплексах наряду со штампованными перстнями (рис. 99, 24) встречаются стеклянные перстни темных цветов (рис. 99, 27), классического вида «салтовские» серьги с подвесными пирамидками и двумя бусинами по обоим их концам (рис. 99, 18, 19), поперечноуплощенные и продольноуплощенные бубенчики (рис. 99, 9, 10). «Пинцеты»-зажимы в отличие от подобных находок группы 1 более изящные и демонстрируют большее заужение кверху (рис. 102, 17). Выразительный набор инвентаря этого периода представлен в катакомбе № 76 (рис. 100–102). Здесь показательны ременные накладки, в частности, с изображением птиц (рис. 101, 4), относящиеся ко времени не ранее второй половины VIII в. Группа этих катакомб демонстрирует сильные связи с группой длительно использовавшихся катакомб №№ 2, 19, 53 Периода V со смешанным инвентарем (рис. 93).

Группа 3 (рис. 103, 104) представлена катакомбами №№ 7, 9, 34, 41, 44, 62, 77, 78 и объединена, в первую очередь, стеклянными перстнями (рис. 103, 7, 8), основ-

ное время распространения которых относится ко второй половине VIII – первой половине IX в. Появляются двулезвийные топоры с прямыми спинками и опущенными пятками (рис. 104, 25). У обушных топоров прослеживается тенденция к наклону клинка и обушной части к рукояти (рис. 104, 27).

Сложно сказать, насколько эти группы отражают узкие хронологические периоды, но, несомненно, они показывают тенденцию изменения набора погребального инвентаря. Возможно, что Группы 2 и 3 содержат больше материалов рубежа VIII/IX вв. – первой половины IX в.

Период V представлен катакомбами №№ 2, 6, 19, 22, 35, 45, 53, 63 и содержит предметы предыдущего периода, но, вместе с тем, мы наблюдаем некоторые перемены в комплексах инвентаря (рис. 93, 105–107). В целом этот новый набор вещей можно описать как характерный для середины – второй половины IX в. В данной группе погребений распространены прямоугольнорамчатые и трапецевиднорамчатые бесщитковые пряжки. Единичны находки овальнорамчатых пряжек с неподвижным пятиугольным щитком (рис. 105, 2–5, 11, 14, 20). Появляются серьги с бусинными подвесками, дужки у серег (в том числе у серег с подвесками в виде пирамидок с шариками), в отличие от серег предыдущего периода, вытянуты, иногда имеют подпрямоугольную форму, они вытесняют серьги «салтовского» типа (рис. 105, 46–50). Реже встречаются штампованные перстни типа Мамисондон и стеклянные перстни. Им на смену приходят перстни с четырьмя крестообразно расположенными крапанами и перстни с прямоугольной жуковиной и плоской стеклянной вставкой (рис. 105, 60, 61). Колесовидные амулеты становятся меньше размером, у них появляются петельки для подвешивания (рис. 105, 66, 67). Копоушки и ногтечистки уже изготовлены не из витых, а из гладких стержней (кат. № 36) (Дзаттиаты, 2014. Табл. LXXVI, 61, 62).

Видимо, дольше всех по времени существует катакомба № 2, которая содер-

жит сдвинутые костяки двух смежных периодов (второй половины VIII–IX вв.). Катакомба № 6, с одной стороны, тесно связана с катакомбой № 7 предыдущего периода, с другой – перстни с четырьмя крапанами позволяют датировать ее более поздним периодом. Интересно, что «катакомбы» №№ 6 и 7 являются камерами одной многокамерной катакомбы, в которой камера № 7 – основная и сооружена ранее, видимо, с относительно небольшим перерывом. В катакомбе № 19 найдена монета, Р.Г. Дзаттиаты предполагает, что она арабская (Дзаттиаты, 1996. С. 12). В камерах появляются кассетные ножи (рис. 106, 8). Брюшки и спинки боевых двулезвийных топоров приобретают дуговидный изгиб (рис. 106, 1–3, 5).

Возможно, в это время появляются предметы, напоминающие Г-образные топоры. К сожалению, описание обломка предмета из катакомбы № 2 скупое (рис. 106, 4).

Керамика в катакомбах периода V «салтоидных» форм, с приземистым туловом (рис. 107, 15). В целом следует отметить небольшое количество находок керамики в погребениях.

Выводы о датировке периода V на основе инвентарного контекста дополняются результатами радиоуглеродного датирования образца из катакомбы № 97, где обнаружено одиночное женское погребение сопровождающееся серьгами с бусинными колонками, колесовидным амулетом с петлей для подвешивания, перстнем с прямоугольной жуковиной и плоской стеклянной вставкой (Приложение 2).

Период VI представлен комплексами катакомб №№ 32, 33, 46, 48, 56 и характеризуется полным отсутствием предметов Группы 1 Периода IV (рис. 93, 108). Видимо, период VI датируется второй половиной IX – рубежом IX/X вв. Из серег в комплексах этих катакомб встречены только серьги с бусинными подвесками и вытянутой дужкой. Появляется тенденция к изменению пропорций бусинной подвески. Некоторые экземпляры отличаются бусинами уменьшенного размера, расстояния между которыми соотносятся

с размерами самих бусин (рис. 82, 108, 9–11). Из перстней представлены образцы с четырьмя крапанами, причем эпизодически возникают деградированные формы с небольшой жуковиной. В то же время, продолжают бытовать перстни с прямоугольной жуковиной с плоской стеклянной вставкой (рис. 108, 12–14). Прослеживается тенденция к изменению формы бубенчиков в сторону «каплевидности» (рис. 108, 7).

Период VII (рубеж IX/X вв. – вторая треть X в.) представлен катакомбами №№ 5-усл., 16, 24, 55 (рис. 93, 109–111). Для периода характерны поясные гарнитур, украшенные узелковым бордюром или подражаниями ему, овальнорамчатые пряжки с трапецевидными щитками и щитками полуовальной формы (рис. 36; 109, 1–6, 11–16). Распространены туалетные ложечки с отверстиями в округлой лопасти и витой ручкой, копоушки с уплощенной и расширенной в верхней половине ручкой (кат. № 16) (*Дзаттитаты*, 2014. Табл. XXXI, 65, 66). Дату этих катакомб уточняет находка предположительно произведенного в египетском Фустосе кубка из катакомбы № 55, датирующегося IX–X вв. (рис. 109, 24) (*Чижова*, 2016. С. 254; 2017. С. 122, 123). Другой стакан, орнаментированный рядами ромбовидных фигур, из катакомбы № 16 (рис. 109, 23), находит практически полную аналогию в катакомбе № 61 Раскопа III Змейского могильника (*Бакушев, Леонтьева*, 2020. Т. II. Рис. 216, 4; 424, 1), датирующейся авторами по бусам последней трети X – первой половиной XI в. (*Там же*. Т. I. С. 316).

На концах разрезов бубенчиков впервые фиксируются круглые отверстия. Сами бубенчики и пуговицы шаровидные и вытянутые (желудевидные) (рис. 111, 5, 11). Продолжают бытовать серьги с бусинными подвесками, перстни с четырьмя крапанами и прямоугольной жуковиной с плоской стеклянной вставкой (рис. 111, 14–17, 23, 24).

Появляются двулезвийные топоры с параллельными лезвиями небольшого размера, а также топоры с двумя выреза-

ми у проушины и топоры с поднятыми носками и опущенными пятками клинков (рис. 110, 2, 3, 5).

Период VII–VIII (рис. 93, 112–114). Крайне сложен для выделения путем сериации период последней трети X – первой трети XI в., то есть времени усиления и становления Алании на равнинной территории Северного Кавказа и, в частности, в ее центральной части. Это связано с малочисленностью исследованных погребений этого времени в Даргавсе, а также отсутствием выборки погребений со случаями находок представительных комплексов инвентаря при одном скелете или при нескольких индивидах, захороненных близко по времени.

Для этого времени в нашем распоряжении есть только длительно существующие катакомбы №№ 1 и 28. Так, в катакомбе № 1 присутствуют материалы с X в. (возможно, даже с IX в.) по начало XIII в. Инвентарь смещен и перемешан.

Среди женского инвентаря катакомбы № 28 выявлены материалы, характерные для второй половины IX–XI вв. Ко второй половине IX – середине X в. тяготеют перстни с четырьмя крапанами, зеркала, украшенные рядами завитков, зеркала с зооморфным орнаментом. Скорее к концу IX – середине X в. относятся браслеты с расплюснутыми декорированными вставками концами (рис. 114, 1–17).

Для более позднего времени специфичны каплевидные бубенчики, полые шаровидные бронзовые пуговицы меньшего размера, чем в предыдущие периоды, ногтечистки в виде когтей животных, крупные проволочные височные кольца в 1,5 или 2,5 оборота, треугольные застёжки с выступом-пуговицей (рис. 114, 18–25). Как показал радиоуглеродный анализ образцов из катакомбы № 357 Змейского могильника, такие предметы, как ногтечистки в виде когтей животных, могут бытовать уже с последней трети, конца X в. (*Бакушев и др.*, 2021. С. 369, 370. Табл. 1, № 1. Рис. 2, 21). По орнаментации чаша из катакомбы № 28 Даргавса близка стакану из упомянутой при описании периода VII катакомбы № 61 Раскопа III Змейского мо-

гильника (Бакушев, Леонтьева, 2020. С. 264), нижняя дата которой по бусам заходит в конец (последнюю треть) X в.

Видимо, к искомому переходному периоду может примыкать представительный «мужской» инвентарь из катакомбы № 28 (рис. 113, 1–4). Близкий поясной набор с личинами и комбинированный топор с копьевидным клинком найдены в катакомбе № 32 Мартан-Чу 1, которые С. Н. Савенко отнес ко второй половине X – началу XI в. (Савенко, 1985а. С. 32). Весь комплекс катакомбы № 28 по составу инвентаря он предварительно датировал X – началом XI в. (Савенко, 2017. С. 115). А. В. Комар сопоставляет этот поясной набор с кругом Субботцев (Комар, 2018. С. 87–88). Среди набора предметов вооружения фиксируется Г-образный топор, который станет популярным сопровождающим инвентарем в погребениях Даргавса XI – середины XII в.

Возможно, к этому периоду тяготеет катакомба № 37 (рис. 112), где в комплексе с наконечниками стрел типа двурогий срезень и топором, относящимся типологически к топору из катакомбы № 24 (Период VII), выявлен кубок с рельефными изображениями львов. Практически полная аналогия кубку хранится в сокровищнице собора Сан-Марко в Венеции и датируется X–XI вв. (Чижова, 2017. С. 127–128; Carboni, 2001. P. 178, 179).

«Равнинное» влияние могло продвигаться в горы достаточно быстро, но мы не знаем, было ли оно мирным. Смыкание в катакомбе № 28 древностей круга Субботцев и круга Змейской может говорить об относительно небольшом хронологическом разрыве между ними.

Период VIII (XI – середина XII в.) представлен катакомбами №№ 4, 20, 26, 39, 65–70 (рис. 93, 115–117). Катакомбы №№ 65–70 – это три двухкамерные катакомбы, расположенные компактно на одном участке. Нижняя временная рамка периода может заходить в конец X в. Обращает на себя внимание, что в это время не представлены поясные наборы, персти, провололочные браслеты. Не встречаются трехгранные и трехлопастные наконечники стрел.

Население Даргавса начинает использовать зеркала с христианской символикой (рис. 115, 39). Распространяются волевые двулезвийные топоры, в том числе Г-образные, которые, очевидно, были локальной особенностью, крыловидные бляхи, каплевидные бубенчики с круглыми отверстиями на концах прорезей, стеклянные браслеты и бусы из стеклянных браслетов, треугольные застёжки, грибовидные пуговицы, крупные височные кольца из проволоки и полых трубочек, серьги с подвесками из крупных бронзовых «бусин» (рис. 115, 5–8, 13, 18, 19, 21, 22, 27–32; 116, 8, 11).

В этот период в погребениях Даргавса встречается много керамики, в то время как она очень редка в комплексах IV–V периодов и полностью отсутствует в комплексах VI–VII периодов (рис. 117). Очевидно, что вместо керамики использовалась деревянная посуда, в большом количестве сохранившаяся в катакомбе № 28. Многие формы керамики, в частности грубые лепные кружки с ручкой, слегка приподнятой над венчиком, характерны для Змейского могильника (рис. 117, 9–12). Интересно, что в неоднократно упомянутой катакомбе № 61 Раскопа III Змейского могильника найден дериват даргавских кружек с утрированно поднятой над венчиком ручкой (Бакушев, Леонтьева, 2020. Рис. 217, 4) (рис. 117, 13–15).

Период VIII самый продолжительный. Он плохо разделяется на узкие отрезки, что связано с небольшой выборкой катакомб, тенденцией к увеличению времени использования усыпальниц, смещением останков погребенных в длительно использовавшихся катакомбах.

Период синхронизируется с равнинными памятниками позднего этапа аланской культуры Северного Кавказа, в частности, с ближайшим из них – Змейским катакомбным могильником.

Изучение участка Змейского могильника, раскопанного в 1983 г. В. Л. Ростуновым, с материалами, сходными с даргавскими, а также сопоставление этих комплексов с поздними катакомбами Мартан-Чу 1, привело С. Н. Савенко к выводу,

что этот участок начал функционировать в середине – второй половине XI в. и просуществовал до начала XII в. Автор отмечал хронологическую компактность участка в пределах 50–60 лет (Савенко, 2017. С. 117) и указывал на наличие архаичных находок в катакомбах. К ранним элементам X – начала XI в. он предположительно относил: бронзовые браслеты, литые перстни, «геральдические» поясные накладки, серьги с бусинными подвесками, крупные шаровидные бубенчики, «скалочки» с сужением или боковой петлей, тесла и топоры с параллельными клинками, зеркало с «драконами» (Там же. С. 114, 115).

Поздними комплексами С.Н. Савенко считал богатый участок Змейского могильника, исследованный в 1957 г. В.А. Кузнецовым и датированный первой половиной – серединой XII в. В катакомбах почти не было найдено ранних вещей, были редки литые пуговицы, преобладали бубенчики. С.Н. Савенко справедливо отмечал отсутствие хорошо датируемых предметов. Важной находкой является сосуд с грузинской надписью XI в. в катакомбе № 110 (Там же. С. 117), а также арабская надпись X–XII вв. вышитая на ткани золотой нитью «расцветающим» куфи, из катакомбы № 14 (раскопки В.А. Кузнецова) (Кузнецов, 1961. С. 127).

В 2013–2014 гг. на могильнике М.А. Бакушевым были проведены широкомасштабные раскопки. Представительная выборка катакомб Змейского могильника, возможность изучения коллекции бус, проведение радиоуглеродного анализа образцов из нескольких камер позволили М.А. Бакушеву, А.С. Леонтьевой и О.П. Добровой выделить два больших периода функционирования Змейского могильника: последняя треть X–XI вв. и XII–XIII вв. (Бакушев, Леонтьева, 2020. С. 313, 314).

Комплексы последней трети X–XI вв. характеризуются, помимо специфичных бус и керамики, наличием двулезвийных топоров с взаимоперпендикулярными лезвиями, сабель, кабаньих клыков, булавок, ножниц, когтевидных ногтечисток,

височных колец, крыловидных накладок, стеклянной посуды, особенно с накладными нитями (мы ограничились перечнем инвентаря, сопоставимого с анализируемым в данной работе инвентарем Даргавского могильника) (Там же. С. 313, 314, 316, 316). Отмечается постепенное исчезновение со второй половины XI – середины XII в. вышеописанного инвентаря (Там же; Бакушев и др., 2021. С. 372).

К погребениям XII–XIII вв. исследователи отнесли катакомбы с малым количеством инвентаря, представленного красноглиняной керамикой, определенным набором бус, в том числе кашинными бусами, кашинными подвесками и пуговицами, ажурными бубенчиками-подвесками с зернью и кольцами из крученой проволоки, бронзовыми и костяными пуговицами, полушарными накладками, нательными крестами и проволочными височными кольцами (Бакушев, Леонтьева, 2020. С. 313, 314).

Описанный комплекс предметов последней трети X–XI вв. соотносится с ранее выделенным С.Н. Савенко и датированным им серединой XI – началом XII в. Удревнение датировки ранних комплексов Змейского могильника дополнительно подтверждается материалами вышеописанной катакомбы № 28 Даргавса. Вместе с тем, прослеживается некоторая лагуна с выделением комплексов второй половины XI – середины XII в. Очевидно, что разработка дробной хронологии внутри периода VIII требует дополнения кругом хорошо датированных предметов и комплексов, что вслед за С.Н. Савенко подчеркивается М.А. Бакушевым и А.С. Леонтьевой (Там же. С. 319).

Для выстраивания относительной хронологии в рамках периода VIII важен анализ планиграфии многокамерной катакомбы № 67–68 Даргавского могильника. В основной камере № 67, содержащей не менее четырех погребенных, у северной стенки было обнаружено скопление смещенных предметов и длинные кости скелета. В скоплении находился инвентарь, включавший серьги с крупными бусинными подвесками, стеклянные брасле-

ты, бусы из стеклянных браслетов, малые полусферические бляшки, соотносимые с апликациями из погребений богатого участка Змейского могильника.

Смещение останков погребенных и инвентаря произошло после разложения мягких тканей в результате последующих подхоронений, в том числе с предметами вооружения (двулезвийный топор, детали сабельных ножен), треугольной застежкой (пряжкой) с выступом, проволочными височными кольцами, элементами золотого шитья, каплевидными бубенчиками, прикрепленными к нашивкам.

Присутствие серег с подвесками из крупных бусин в комплексах Змейского могильника С.Н. Савенко считал анахронизмом (Савенко, 2017. С. 114). Радиоуглеродный анализ образца из катакомбы № 357 Змейского могильника с такой серьгой показал дату 1055+/-20 ВР. М. А. Бакушев и А.С. Леонтьева датировали погребение по бусам с учетом радиоуглеродной даты второй половиной X – первой четвертью XI в. (Бакушев и др., 2021. С. 369. Табл. 1, № 1. Рис. 2, 17). Однако подобные серьги найдены в погребении могильника Саркела – Белой Вежи начала XII в. в комплексе с монетой (см. подробнее в описании Отдела IV, Типа 3 серег). Таким образом, смещенное погребение может быть датировано второй половиной/концом XI – началом XII в.

Возможно, одно из поздних подхоронений в катакомбе № 67 маркирует узкий высокий бокал с декором из накладных нитей стекла (рис. 92, 3). Ближайшие аналогии встречаются в Змейском могильнике (например, кат. № 28, раскопки В. А. Кузнецова; кат. № 56 Раскопа III, раскопки М. А. Бакушева) (Бакушев, Леонтьева, 2020. Рис. 203, 4; Кузнецов, 2016. С. 273). Подобные бокалы производились в Двине в XI–XIII вв. (Kalantarian, 1996. Fig. Присутствие серег 29, 22–24) и в Византии (Antonaras, 2011. P. 402. Fig. 29). По мнению М. А. Бакушева и А.С. Леонтьевой, они являются маркирующими для погребений последней трети X–XI вв. (Бакушев, Леонтьева, 2020. С. 316). Но в данном контексте, а также с учетом относительной

близости Даргавса к транскавказским путям, не исключено поступление бокалов и их попадание в катакомбу позже XI в.

Останки погребенного с проволочными височными кольцами, золотым шитьем и, предположительно, описанным выше стаканом, были нарушены при совершении последнего безынвентарного погребения в камере.

Камера № 68, вторичная по отношению к № 67, отличается малым количеством инвентаря (сосуды, двулезвийный топор с взаимоперпендикулярными лезвиями, полые пуговицы). Малоинвентарность может являться как хронологическим признаком, так и показателем социального положения погребенных. Двухкамерная катакомба №№ 67–68 датируется второй половиной XI – первой половиной XII в.

Датировка катакомбы № 39 Даргавского могильника является дискуссионной. Основной инвентарь катакомбы был сдвинут при совершении последнего малоинвентарного погребения. Среди сдвинутых костей (не менее двух индивидов) и погребального инвентаря находились трехлепестковые бляшки с ушком и штырем (рис. 116, 5), сходные с предметами из катакомбы № 4 Раскопа I Змейского могильника, относимой ко второй половине XII – началу XIII в. (Бакушев, Леонтьева, 2020. Рис. 85, 12). Вместе с тем, в Даргавсе они обнаружены с наконечниками стрел (типа двурогий срезень), не имеющими узкой даты в пределах рассматриваемого периода, и крыловидной бляхой (рис. 116, 12), тяготеющей к последней трети X–XI вв.

Последние погребения в большинстве катакомб периода VIII Даргавского могильника малоинвентарны или безынвентарны (например, катакомбы №№ 20, 39, 65–67), что согласуется с выводом М. А. Бакушева и А.С. Леонтьевой относительно малоинвентарности погребений второй половины XI – первой половины XII в. В рассматриваемый период прослеживаются изменения погребального обряда, которые, вероятно, являются отражением процессов социального

расслоения аланского общества (сохранение инвентаря в статусных погребениях) и христианизации населения.

Период IX (вторая половина XII – рубеж 30/40-х годов XIII в.) представлен отдельными находками из катакомбы № 1. В первую очередь, это керамические кувшины, стандартные для детских погребений данного периода из раскопа I Змейского могильника. Абсолютные аналогии паре сосудов из Даргавса (рис. 118, 1, 2) найдены в погребении № 297, радиоуглеродная дата погребения определена как 845+/-20 BP (*Бакушев и др.*, 2021. С. 369. Табл. 1, № 6. Рис. 6, 57, 58). Аналогия еще одному сосуду (рис. 118, 3) обнаружена в катакомбе № 14 Змейского могильника (*Там же*. Рис. 114, 11).

Надо сказать, что все описанные сосуды в катакомбе № 1 Даргавса были сдвинуты при совершении последнего погребения, которое сопровождалось провололочной серьгой, возможно, маркирующей последнего представителя данной семьи.

На примере катакомбы № 1 и малоинвентарных погребений предыдущего периода мы наблюдаем (примерно с XII в.) процесс сокращения количества погребального инвентаря, прослеженного как в Змейском могильнике, так и в поздних комплексах Даргавского некрополя. В целом, на Даргавском могильнике пока не выявлено катакомб времени монгольского завоевания. В предмонгольское

время (Периоды VIII и IX) на месте Даргавского катакомбного могильника эпизодически практиковались и погребения в каменных ящиках (каменный ящик № 2) (*Дзаттиаты*, 2014. Табл. ССXXVIII), хотя самостоятельный могильник с каменными ящиками локализовался ближе к с. Даргавс у башни Мамсуровых.

На территории Даргавского катакомбного могильника была выявлена плиточная гробница № 1 с коллективным захоронением, сочетающая в себе черты каменного ящика и катакомбы. У сооружения была входная яма, обложенная каменными плитами, и лаз, вырезанный в плите, разделяющей «погребальную камеру» и входную яму. Однако в ней не было найдено датирующего инвентаря. Возможно, она была ограблена (*Дзаттиаты*, 2014. С. 54, 55. Табл. ССXXII, ССXXIII). К сожалению, мы мало что знаем о судьбе носителей обряда захоронения в каменных ящиках. Имеющиеся факты пока говорят о том, что население Даргавской котловины (видимо, не только носители катакомбного обряда, но и те, кто хоронил в ящиках), исчезает в период монгольского завоевания. Возможно, население уходит в более безопасные ущелья. Погребальный комплекс монгольского времени представлен единичной каменной гробницей № 2, сложенной из необработанного камня, в которой найдены серьги в виде знака вопроса (*Дзаттиаты*, 2014. Табл. ССXXV, ССXXVI).

Заключение

В начале I тысячелетия н. э. Центральный Кавказ стал основным очагом формирования аланской культуры, облик которой с характерным погребальным обрядом в Т-образных подкурганых катакомбах, поселениями и вещевым комплексом, в частности, керамикой, сложился во второй половине II в. (Малашев, 2007; Габуев, Малашев, 2009. С. 149). Около 262 г. в надписи шахиншаха Ирана Шапура I центральный проход через Большой Кавказ впервые упоминается как «Ворота алан» (Ньоли, 2002. С. 24).

Гуннское нашествие конца IV в. застало носителей аланской культуры на пике подъема и, видимо, каких-либо катастрофических последствий для них не имело. Со второй половины V в. аланы принимают активное участие в военно-политических событиях в Закавказье, участвуют в ирано-византийских войнах, длившихся с перерывами на протяжении VI – первой трети VII в. Набеги алан, прикаспийских кочевников («гуннов») в союзе с другими народами Кавказа на Восточное Закавказье вынуждают сасанидских шахиншахов Кавада I (488–531 гг.) и его сына Хосрова I Ануширвана (531–578 гг.) укреплять основные транскавказские проходы (Дербент, Даг-бары и др.), в том числе и проходы Центрального Кавказа, в частности, в Дарьяльском ущелье возводится каменная крепость.

Именно с этого времени (в VI–VII вв.) наблюдается массовое продвижение носителей аланской культуры в горную зону Центрального Кавказа, где возникают многочисленные катакомбные могильники: Гусара, Дагом, Даргавс, Садон, Чми и другие. Среди причин переселения в горную зону приводятся: изменившиеся в сторону аридности климатические условия (Афанасьев, Коробов, 2007; Кислов и др., 2010) и нехватка сырья для разви-

вающихся ремесел, в том числе, необходимость освоения новых рудных месторождений, известных в горах Алагирского ущелья, в Архоне, Садоне (Шестопалова, 2018. С. 234).

Мы не можем с высокой точностью ответить, какова была плотность населения Даргавской котловины до переселения сюда носителей катакомбного обряда. Этот вопрос не изучен в силу отсутствия достаточной источниковой базы. Косвенно на сложную этническую ситуацию в этом микрорегионе указывают синхронные катакомбным погребениям захоронения в каменных ящиках (судя по опубликованным П. С. Уваровой материалам, они относятся к VIII–X вв.), локализованные на отдельном участке в непосредственной близости от катакомбного некрополя. Подобные случаи фиксируются на других материалах изучаемой территории (например, Дагомский могильник). Горная зона, очевидно, становится зоной этнического контактирования двух основных массивов – горного субстратного и равнинного суперстратного (Шестопалова, 2018. С. 317; Кузнецов, 1997. С. 161).

Интересно, что в катакомбных погребениях могильника Чми, располагавшегося к северу от Дарьяльского укрепления, обнаружено наибольшее по сравнению с другими могильниками количество монетных находок, что закономерно и важно для изучения хронологии древностей Кавказа.

В ряду могильников аланской культуры Центрального Кавказа Даргавский могильник выделяется большим количеством исследованных катакомб и длительностью существования. Полученные в ходе многолетних раскопок Р. Г. Дзаттиаты материалы в комплексе с материалами синхронных памятников предгорной и горной зоны Центрального Кавказа

позволяют проследить развитие аланской культуры в горной зоне на протяжении более чем 600 лет.

Анализ взаимостречаемости предметов погребального инвентаря, монетных находок Даргавского могильника, сопоставление вещевых комплексов синхронных могильников аланской культуры региона, привлечение новых данных радиоуглеродного датирования, среди которых образец из комплекса катакомбы № 97 Даргавского могильника и недавно опубликованные радиоуглеродные датировки ряда комплексов Змейского катакомбного могильника, позволили выделить 9 хронологических периодов в рамках времени существования некрополя аланской культуры у с. Даргавс.

На их основе выделяются следующие продолжительные этапы развития аланской культуры на Центральном Кавказе в период со второй половины VI – начало XIII в.:

1) вторая половина VI – первая половина VIII в. – время с начала активного продвижения носителей аланской культуры в горную зону Центрального Кавказа до периода завершения арабо-хазарских войн;

2) вторая половина VIII – вторая треть X в. – период господства Хазарского каганата в Южнорусских степях, формирование и распространение древностей «салтово-маяцкого» круга;

3) последняя треть X – первая половина XIII в. – усиление равнинной Алании после разгрома и ослабления Хазарского Каганата до монголо-татарского нашествия.

Погребения раннего этапа не многочисленны, катакомбы в основном однокамерные, и не отличаются богатством погребального инвентаря, а предметы вооружения представлены преимущественно наконечниками копий и редкими наконечниками стрел. Вместе с тем, это время характеризуется активным участием аланских племен в крупных военно-политических событиях Закавказья. Участие алан в ирано-византийских войнах, продолжавшихся с перерывами

с 502 по 628 гг., на стороне обеих конфликтующих групп (Кузнецов, 1992. С. 92; Ковалевская, 2005. С. 103), возможно, нашло отражение в инвентаре ранних погребений Даргавса и Дагома, в которых выпадают, пусть и с некоторым запаздыванием, находки сасанидских и византийских монет периода войн Фоки (602–610 гг.), Хосрова I (531–579 гг.) или Хормизда IV (579–590 гг.).

Арабо-хазарские войны первой половины VIII в. повлекли за собой изменение погребального вещевого комплекса. Возможно, это было связано с разгромом ремесленных центров, разрушением налаженных торговых связей. Вторая половина VIII – вторая треть X в. – время распространения многокамерных катакомб, формирования материальной культуры «салтовского» облика.

К данному этапу относится большая часть раскопанных комплексов Даргавского могильника, что косвенно свидетельствует об увеличении количества населения в котловине. Возможно, появление в регионе могильников типа Тарского, существующих в узких рамках конца VIII–X вв. указывает на заметное увеличение численности населения в горной зоне Центрального Кавказа в целом. Возрастающее количество населения отразилось и на изменении основного погребального сооружения – катакомбы. По-видимому, не позднее второй половины VIII в. начинают распространяться многокамерные усыпальницы, характерные именно для памятников горной зоны, и являющиеся вторичными по отношению к однокамерным Т-образным катакомбам.

Увеличение количества населения, как показали данные палеоантропологического анализа, сказались на качестве жизни, жителей Даргавской котловины. В частности, поведённый анализ изотопов указывает на скудость и однообразие рациона, основанного на растительной пище, с небольшой долей мясных продуктов.

Изменения в составе погребального инвентаря проявляются в формировании устойчивого набора вооружения, а также предметов конского снаряжения, харак-

терного для воинов-всадников. Следует отметить определенную гомогенность материального комплекса памятников горной зоны и связь ее с кругом древностей других синхронных памятников Юга России.

Наличие в составе погребального инвентаря импортных предметов (например, стеклянных сосудов) указывает на достаточно активные контакты с Закавказьем.

В конце X в., судя по количеству погребальных комплексов, наблюдается некоторое сокращение численности населения, что связано с новым периодом аланской истории. Ослабление и постепенный уход Хазарского каганата с исторической арены повлекли за собой усиление Алании, начинается расцвет крупных городищ Рим-Гора, Верхний Джулат, Кольцо-Гора, Кяфар, Нижний Архыз, Ильичевское и др. Все это не могло не отразиться на памятниках горной зоны, по-видимому, в этот период происходит частичный отток населения на равнину. Не исключены и конфликты между горным и равнинным населением в этот период.

Конец X – начало XIII в. является эпохой тесных связей с равнинными территориями, что отражается на предметах материальной культуры. В горную зону проникают вещи круга Змейского могильника (элементы костюма, вооружения и конского снаряжения, керамика), менее заметным становится влияние Закавказья.

Погребения этого времени на могильнике относительно немногочисленны, но по основным чертам погребального обряда они не сильно отличаются от захоронений предшествующего времени. Вместе

с тем, очевидно, по причине малоземелья, проявляется тенденция к использованию катакомб предшествующей эпохи. Так, в катакомбе № 1 встречены предметы, датирующиеся временем от IX по начало XIII в. Со второй половины XI в. прослеживается тенденция к сокращению количества погребального инвентаря. Погребения второй половины XII – начала XIII в. малоинвентарны или безынвентарны.

Как показали материалы Даргавского могильника, катакомбный обряд погребения существует в горной зоне до монгольского нашествия. На последнем этапе существования могильника появляются гибридные формы погребальных сооружений, сочетающие планировку катакомб с конструкциями каменных ящиков. Монгольское время представлено одним погребением в каменной гробнице из равного камня. Это время прекращения функционирования катакомбного могильника. Судьба связанного с ним населения в полной мере не ясна: исчезло ли оно, отступило ли в более безопасные ущелья, изменило ли погребальный обряд. Однако, не вызывает сомнения, что столь кардинальное затухание обряда было следствием катастрофических событий.

Публикуемая работа в определенной степени дополняет сведения о развитии аланской культуры на территории Центрального Кавказа, мы надеемся, что высказанные положения, в особенности касающиеся хронологии погребальных комплексов, станут предметом обсуждения в дальнейшей разработке региональных хронологических шкал и в общей дискуссии о развитии региона в период VI–XIII вв.

Результаты исследований антропологического материала из Даргавского катакомбного могильника (раскопки 2019 года)

В 2019 году в ходе полевых работ в центральной части Даргавского могильника были раскопаны две катакомбы второй половины VIII–IX вв. В камере катакомбы № 97 было зафиксировано одиночное захоронение. Катакомба № 98 являлась двухкамерной, основная камера (№ 1) была сооружена в торцовой (западной) стенке, выше по склону, а вторая камера (№ 2) располагалась в боковой (южной) стенке входной ямы. В каждой камере находились останки нескольких костяков⁶⁰.

Антропологические материалы из погребений Даргавского могильника представляют большую ценность в контексте изучения истории региона. Исследование скелетных останков позволяет получить уникальные сведения о внешнем облике и хозяйственном укладе людей, живших на территории Центрального Кавказа в последней четверти I тыс. н. э.

Описание скелетных останков

Исследование костей проводилось с использованием методик, широко используемых при работе с антропологическими материалами из археологических раскопок (Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1966; Пашкова, 1963; Рохлин, 1965; Бужилова, 1995; Ubelaker, 1978; Işcan et al., 1984, 1985; Brooks, Suchey, 1990; Bass, 1995; Standards... 1994; Ortner, 2003; Schaefer et al., 2009).

Катакомба № 97

Скелет представлен разрушенными костями верхних и нижних конечностей.

Сохранность костной ткани плохая: кортикальный слой нарушен. Возрастных изменений костной ткани не обнаружено. На медиальной поверхности большеберцовых костей зафиксирована периостальная реакция (илл. 1, 1). Скелет грацильный, вероятно, принадлежал молодой женщине (до 35 лет).

Катакомба № 98

Камера 1

Комплектность останков неполная, что связано с чрезвычайно плохой сохранностью костной ткани. Установление минимального количества индивидов стало возможным по зубам, которые сохранились лучше большинства других костей скелета. При подсчете учитывались такие параметры как молочный или постоянный зуб, присутствие или отсутствие дублирующих (гомологичных) зубов.

В результате было установлено, что в камере 1 расположены останки минимум 4 взрослых индивидов и одного ребенка.

Наиболее сохранным оказался череп «индивида 1»⁶¹ и два первых шейных позвонка, которые, в отличие от остальных, были минимально подвержены разрушению. На внутренней поверхности глазниц выявлен *Cribra orbitalia* (поротический гиперостоз), который указывает на пережитые в детстве обстоятельства, вызвавшие анемию (илл. 1, 2a). Причины появления анемии разнообразны, однако наиболее распространенными из них являются несбалансированное питание

⁵⁹ МНС лаборатории антропологической реконструкции центра физической антропологии ИЭА РАН.

⁶⁰ Результаты археологических исследований катакомб №№ 97 и 98 опубликованы авторами раскопок (Успенский, Албегова (Царикаева), Свиркина, 2020).

⁶¹ Номер индивида соответствует нумерации по археологическому отчету.

Илл. 1. Результаты антропологического анализа костных останков

индивидов из погребений Даргавского катакомбного могильника, исследованных в 2019 г.

1 – периостит на диафизе большеберцовой кости, катакомба № 97; 2 – (а) *Scribra orbitalia*, (б) верхняя челюсть с патологиями (катакомба № 98, камера 1, индивид 1); 3 – гипоплазия эмали (катакомба № 98, камера 2); 4 – (а) остеолит за медиальном мышелке бедренной кости, (б) патологические изменения костной ткани на эпифизах большеберцовых костей, (в) патологические изменения (меозит, васкулярная реакция, периостит) на левой большеберцовой кости (катакомба № 98, камера 1, индивид 2); 5 – васкулярная реакция и периостит на (а) большеберцовой, (б) пяточной кости (катакомба № 98, камера 1, индивид 3)

(нехватка витаминов группы В, прежде всего, и железа), поражение организма паразитами, например, гельминтами (Бужилова, 1995. С. 24–26; 1998. С. 123–125; Ражев, 2016. С. 35–36). Зафиксирована васкулярная реакция по типу апельсиновой корки в области надбровных дуг и надглазничного края, что может рассматриваться как маркер, связанный с регулярным пребыванием человека на открытом воздухе, или с холодной погодой и повышенной влажностью (Бужилова, 1998. С. 104–105). У данного индивида зафиксирована прижизненная утрата зубов (1-е и 2-е моляры верхней челюсти и 1-й моляр нижней челюсти), единичные зубы поражены кариесом (в нескольких случаях кариес стал причиной образования абсцессов). Присутствует зубной камень, преимущественно на резцах и клыках, парадонтопатия (илл. 1, 2б). Поверхность коронок зубов стерта неравномерно, что, в первую очередь, связано с утратой части зубов. В зубном ряду сохранился молочный зуб (илл. 1, 2б). Линии гипоплазии эмали (маркер стресса, пережитого в детском возрасте) зафиксированы на клыках. На переднем нижнем крае тела нижней челюсти небольшая остеома.

Особенности морфологии черепа указывают на женский пол индивида. Характер стертости зубов и облитерации швов черепа позволяют предположить, что биологический возраст составлял 40–49 лет.

Индивид 2 – сохранилась разрушенная нижняя челюсть с зубами. Стертость зубных коронок равномерная, бугорки стерты до дентина. Патологические особенности: слабое отложение зубного камня, кариес зафиксирован только на одном зубе – левом нижнем первом моляре (коронка зуба полностью разрушена вследствие кариозного поражения). Взрослый мужчина (?), 25–35 лет.

Индивид 3 – сохранились разрозненные зубы. Стертость коронок слабая – потерты бугорки. Пол, вероятно, женский (зубы мельче, чем у индивида 2). Индивид молодой, до 30 лет.

Индивид 4 – сохранились разрозненные зубы. Стертость коронок слабая. Пол не установлен, возраст 20–35 лет.

Индивид 5 – сохранился фрагмент нижней челюсти, зубы (молочные и постоянные). Ребенок, около 7 лет (\pm 24 месяца). На клыке верхней челюсти в центральной части коронки зафиксирована линия задержки роста эмали (гипоплазия эмали), возраст формирования 3–4,5 года.

Из камеры происходили также разрозненные и фрагментированные кости посткраниального скелета, однако установить принадлежность к конкретному индивиду затруднительно.

Камера 2

В погребении находились останки четырех индивидов: мужчины, женщины и двух детей.

От черепа индивида 1. сохранился фрагмент нижней челюсти и разрозненные зубы, посткраниальный скелет представлен сильно разрушенными костями большинства отделов скелета, отсутствуют кости позвоночника. На зубах присутствует линейная гипоплазия эмали. Выражены края суставных поверхностей крупных трубчатых костей, фиксируются следы прирастания эпифизов. На передней поверхности верхнего эпифиза бедренной кости – фасетка. Взрослый (20–29 лет) мужчина.

Кости индивида 2 сохранились лучше, чем у индивида 1. Череп представлен фрагментом нижней челюсти, зубами. Кости посткраниального скелета частично разрушены. На зубах присутствуют линии гипоплазии эмали. Патологические изменения зафиксированы на костях верхних и нижних конечностей. В области суставов крупных трубчатых костей отмечено расширение питательных отверстий (васкулярная реакция) и периоститная реакция. Периоститная пенка также присутствует на медиальной поверхности диафизов большеберцовых костей. На задней поверхности левой большеберцовой кости под медиальным мышцелком – мезит. На эпифизах бедренных и большеберцовых костей в области коленного сустава присутствуют симметричные изменения (остеолиз), локализация и морфология которых дает основание предполагать, что они являются проявлением рассекающего остео-

хондрита⁶² (Рейнберг, 1955; Рохлин, 1965; Sanders, Crim, 2001) (илл. 1, 4а–б). В качестве причины появления заболевания может рассматриваться активная физическая деятельность. Зафиксированы эпигенетические аномалии: перфорация нижнего эпифиза плечевых костей и частичное расщепление крестцового гребня. На костях скелета прослежены следы прирастания эпифизов, что указывает на молодой возраст индивида. Женщина 20–25 лет.

Останки индивида 3 представлены фрагментом нижней челюсти, зубами, посткраниальный скелет сохранился практически полностью. Периостальные реакции присутствуют на большинстве костей скелета, в особенности вдоль диафизов длинных костей, костях стоп (илл. 1, 5а–б). Ребенок 3–5 лет.

Индивид 4 представлен зубами и частично разрушенными костями большинства отделов посткраниального скелета. На костях зафиксирована периостальная реакция. Младенец, до года.

Патологии, наблюдаемые на костях детей, могут быть связаны с авитаминозом или системным воспалительным заболеванием.

Особенности внешнего облика

Сохранность костного материала была очень плохая, поэтому после реставрации удалось провести измерения и реконструкцию облика только по черепу женщины 40–49 лет (кат. № 98, камера 1). Краниологическое исследование проводилось по стандартной программе (Алексеев, Дебец, 1964. С. 52–74), которая включала 28 линейных и угловых размеров и расчет по ним 8 указателей (Таблица 1).

Значения размеров черепа не выходят за границы изменчивости размеров в синхронной краниологической группе (конец VII в. – начало IX в.) могильни-

ка Мамисондон (Березина и др., 2015), исключение составляет угол выступания носа – очень большой у исследованного черепа (42°). При анализе антропологических особенностей единичного краниологического материала надо помнить, что отклонения значений краниологических признаков могут носить случайный характер и не могут характеризовать всю группу в целом.

Женский череп ультрадолихокраниальный с большим продольным и очень малым поперечным диаметром. Череп отличается очень большим высотным диаметром (140 мм). Ширина основания черепа, наибольшая ширина лба, верхняя ширина лица и ширина затылка попадают в категорию малых размеров. Лицо среднее по верхнему лицевому указателю, средневысокое и среднеширокое с сильной горизонтальной профилировкой по обоим лицевым углам и очень сильно выступающими носовыми костями.

Орбиты мезоконхные (средние) по указателю, высокие и широкие. Нос мезоринный, грушевидное отверстие узкое. Переносье широкое и высокое, симметрический указатель большой.

Реконструкция облика была выполнена по стандартной методике: на основе обвода черепа построен контур лица. Реконструкция профиля носа сделана по методике Г.В. Лебединской (Лебединская, 1973), также использовались стандарты толщин мягких тканей, полученные с применением ультразвука на живых людях Е.В. Веселовской (Веселовская, 1989). Для создания графической реконструкции использовалась трехмерная модель черепа, полученная методом фотограмметрии.

После предварительной подготовки черепа – фиксации нижней челюсти, при помощи фотокамеры Sony Alpha A6000 были получены фотоизображения объекта, использованные для построения трехмерной модели в специализированной

⁶² Рассекающий остеохондрит или болезнь Кёнига – заболевание, при котором происходит некроз костной ткани вследствие нарушения кровотока. В результате мертвый участок кости и хряща могут оторваться, вызывая боль и затрудняя движение сустава. Зачастую это заболевание встречается у молодых людей, детей или подростков, занимающихся активными видами спорта (Sanders, Crim, 2001).

программе. На основе этой модели были получены изображения черепа в фас и профиль (илл. 2, 1а–б).

В программе «Adobe Photoshop 6.0» были выполнены контурные обводы черепа. После получения абрисов черепа произведена контурная реконструкция – прорисовка основных контуров и элементов головы человека, которые воспроизводятся исходя из известных закономерностей взаимосвязи строения лица и подлежащей костной основы, толщины мягких тканей на определенных точках, с учетом возрастных и антропологических особенностей.

На первом этапе реконструкции лица воспроизводятся жевательные мышцы (*m. masseter* и *m. temporalis*) с учетом степени развития костного рельефа в местах их прикрепления, направления и массивности сосцевидных отростков, глубины височных ям, формы скуловых дуг и реконструируется положение глазных яблок в орбитах (илл. 2, 2а–б). После воспроизводятся круговые мышцы глаза. На следующем этапе выполняется обвод контура головы. Толщина покрова корректируется в соответствии с таблицами толщины, мягких тканей. Воспроизводится нос с учетом формы и размеров грушевидного отверстия, характера его краев, уровня нижних носовых раковин, формы и направления носовых костей, формы и направления подносового шипа (илл. 2, 3а–б). На следующем этапе воспроизводятся веки глаз с учетом формы орбит, характера краев глазниц, локализации реперных точек углов глаз, воспроизводится рот с учетом размеров и направления альвеолярных отростков и зубов, размеров и формы зубной дуги, характера прикуса. Производится построение подбородка с учетом формы и размеров подбородочного бугра. Воспроизводятся ушные раковины по рассчитанным с помощью уравнения регрессии

размерам с учетом формы, размеров и направления сосцевидных отростков. Создается графическая реконструкция с тщательной проработкой света и теней. Сначала изображается только лицо без прически и одежды (илл. 2, 4а–б). На заключительном этапе делается прорисовка головного убора, прически, одежды и украшений (илл. 2, 5 а–б).

Хорошая сохранность бедренных костей мужчины и женщины из камеры 2 катакомбы № 98 позволила провести реконструкцию прижизненной длины тела (Таблица 2). У мужчины она составила около 157 см, у женщины – 145 см. Продольные размеры длинных трубчатых костей этих индивидов меньше в сравнении с аналогичными параметрами мужчин и женщин из погребений Мамисондонского (конец VII в. – начало IX в.) и Бесланского (II–V вв.) могильников (Безрезина, 2016; Фризен, Фризен, 2012). Длина тела мужчины и женщины из Даргавского могильника ниже на 10–20 см. Разница в продольных размерах может быть обусловлена отличными по своей природе факторами, например, генетическими или экологическими.

Специфика питания и мобильности

Анализ стабильных изотопов углерода ($^{13}/^{12}\text{C}$) и азота ($^{15}/^{14}\text{N}$) коллагена костной ткани стал основой для реконструкции индивидуальных пищевых предпочтений индивидов, погребенных на могильнике. Данный метод базируется на фундаментальных экологических закономерностях, которые связывают изотопный состав пищи и человека. Установление соотношения изотопов стронция ($^{87}/^{86}\text{Sr}$) в эмали зубов и костей было реализовано для изучения мобильности людей, погребенных на могильнике⁶³.

⁶³ Пробоподготовка образцов осуществлялась в лаборатории контекстуальной антропологии Института археологии РАН в соответствии со стандартной методикой (Свиркина, 2019), количественное определение изотопов азота и углерода выполнено в Центре коллективного пользования Института проблем экологии и эволюции им. А. С. Северцева РАН (рук. д. б. н. Тиунов А. Н.), количественное определение изотопов стронция выполнено в Центре изотопных исследований ВСЕГЕИ им. А. П. Карпинского к. геол.-мин. н. Богомоловым Е. С.

Илл. 2. Графическая реконструкция по черепу женщины 40–49 лет из катакомбы № 98 (камера 1, индивид 1) Даргавского могильника

Изотопные сигналы указывают на значительное однообразие рациона индивидов. Диапазон значений углерода варьирует в пределах 18,9‰–16,76‰ (2,14‰), азота 8,47‰–11,85‰ (3,38‰) (Таблица 4, илл. 3, 1). Диета людей, погребенных на могильнике, была основана на растениях умеренного климата (С3 тип фотосинтеза) с, вероятно, небольшой долей мясных продуктов наземного происхождения. Самые высокие значения изотопов азота и углерода у младенца (кат. № 98 камера 2) и ребенка 7 лет (кат. № 98, камера 1), что отражает иную специфику рациона: молочную диету (грудное вскармливание)⁶⁴. Необходимо уточнить, что изотопные показатели последнего маркируют пищевую модель, которой придерживался ребенок в более раннем возрасте, когда шло формирование корневой молочного зуба (примерно до 3-х лет), из которого был взят образец для анализа. В то же время значения азота и углерода ребенка 3–5 лет (кат. № 98, камера 2) ниже и близки к показателям взрослых индивидов. Полученные результаты могут рассматриваться в контексте изучения вопросов приобщения детей к модели питания, характерной для взрослой части популяции.

Специфика питания людей, погребенных в катакомбах Даргавского могильника, отличается от диеты людей из других синхронных памятников Кавказа. Изотопный состав коллагена костей некоторых индивидов из погребений из Дарьяльского ущелья (VII–X вв.) и Клинь-Яра (аланский период) предполагает использование ресурсов умеренного пояса (растения С3 типа фотосинтеза), но и употребление растений (напрямую или опосредованно через употребленные мяса животных, питавшихся растениями), выращенных в условиях теплого климата с продолжительным вегетационным периодом (С4 тип фотосинтеза) (*Higham*

et al, 2010. P. 665. Fig. 6; *Sauer et al*, 2015). Индивиды из погребений храма у с. Веселое (IX–XI вв.) и некрополя Маркульского городища (IV–XIV вв.) имеют высокие значения изотопов углерода⁶⁵, что исследователи связывают с присутствием и отчасти доминированием в рационе растений С4 типа фотосинтеза, вероятнее всего проса, поскольку другие сельскохозяйственные культуры С4 типа фотосинтеза, например, кукуруза, появляются на Кавказе значительно позже (*Шведчикова*, 2018; *Требелева и др.*, 2019).

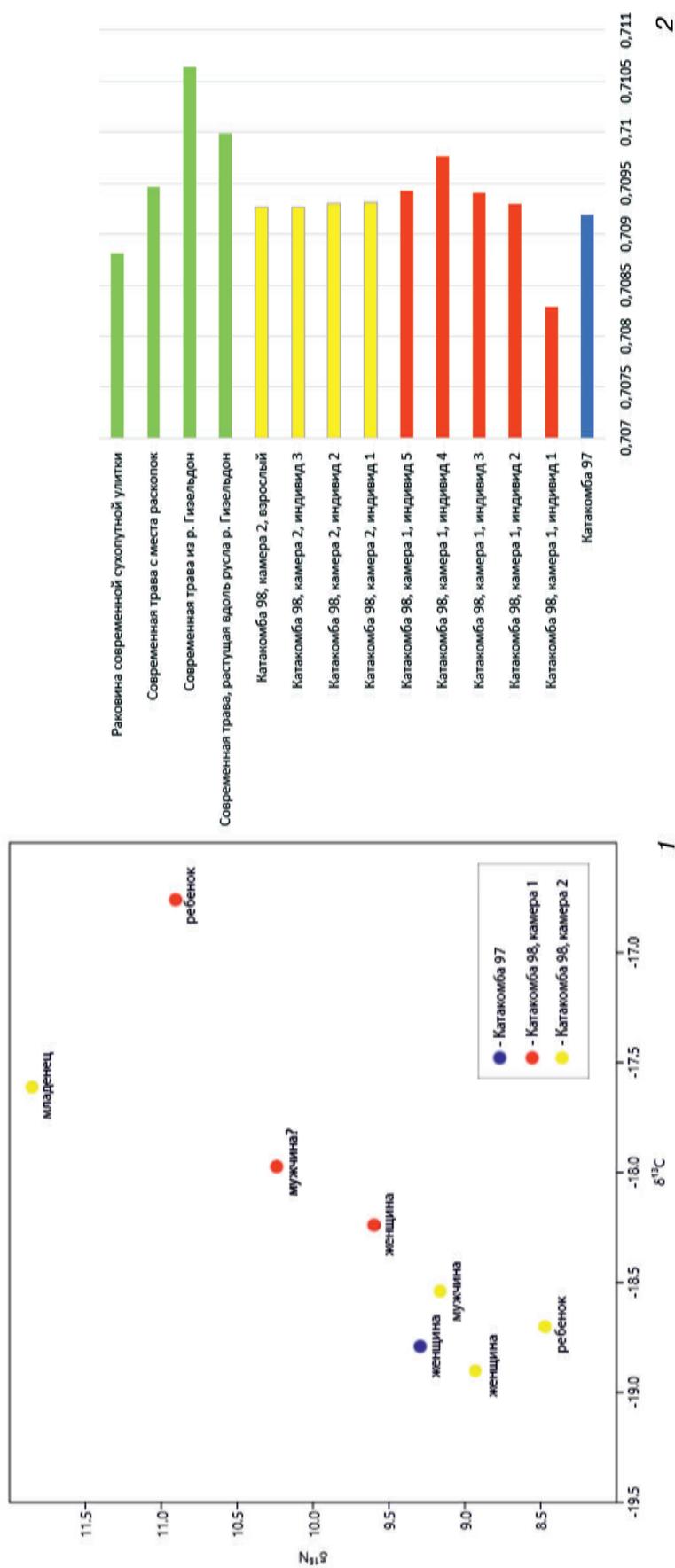
Данные о соотношении изотопов стронция эмали зубов и костей людей из Даргавского могильника были сопоставлены с аналогичными сведениями, полученными из образцов современных растений и фауны (Таблица 5, Илл. 3, 2). Диапазон значений ^{87/86}Sr для фоновых образцов составляет 0,708811–0,710636. Величины ^{87/86}Sr большинства индивидов укладываются в этот диапазон, что указывает на их местное происхождение. Исключение составляет женщина 40–49 лет из камеры 1 катакомбы № 98, значение ^{87/86}Sr которой составляет 0,708284. Вероятно, детские годы этой женщины прошли за пределами ближайшей округи.

Заключение

Проведенное исследование позволило частично реконструировать половозрастную принадлежность индивидов, удалось восстановить облик одной из погребенных, определить пищевую диету населения Даргавской котловины. По всей видимости, люди, оставившие могильник, жили неподалеку. Основу рациона составлял растительный компонент (например, каши, хлеб и т. д.), белковые продукты (мясо, молоко и его производные) были менее доступны. Грудное молоко было основным источником пищи у детей примерно до 3 лет. Рацион детей старше

⁶⁴ Известно, что при грудном вскармливании изотопные сигналы ребенка будут на один трофический шаг выше, чем у матери (*Clayton et al*, 2006).

⁶⁵ Согласно опубликованным данным, средние величины углерода индивидов из Маркульского городища составляют – 12,88‰, азота 8,54‰ (*Требелева и др.*, 2020. С. 244).

Илл. 3. Результаты анализа стабильных изотопов углерода, азота и стронция костных останков индивидов из раскопок в 2019 г. Даргавского могильника и современных фоновых образцов растений из Даргавской котловины: 1 – распределение индивидуальных значений δ¹³C и δ¹⁵N для индивидов из катакомб № 97 и № 98; 2 – распределение индивидуальных значений ⁸⁷Sr/⁸⁶Sr образцов антропологических останков (синий – катакомба № 97; красный – катакомба № 98, камера 1; желтый – катакомба № 98, камера 2) и зеленый – образцов современных растений.

этого возраста, по-видимому, не отличался от взрослых. Пищевые традиции местного населения отличались от традиций людей, погребенных у Дарьяльских ворот, Клин-Яра, Маркулы и Веселого, прежде всего, отсутствием в рационе проса.

Впервые для катакомбных погребений Центрального Кавказа второй поло-

вины VIII – начала IX вв. была выполнена полноценная реконструкция облика погребенной по черепу. Выявлены патологические изменения, маркирующие негативные эпизоды, пережитые индивидами в детстве и зрелом возрасте, связанные с авитаминозом и, вероятно, холодными климатическими условиями.

Таблицы

Таблица 1. Значения краниометрических признаков индивида 1 (женщина 40–49 лет) из катакомбы № 98 камеры 1.

№ по Мартину	Признак	N
1	Продольный диаметр	177
8	Поперечный диаметр	127
8/1	Поперечно-продольный указатель	71,6
17	Высотный диаметр	140
5	Длина основания черепа	104
11	Ширина основания черепа	114
9	Наименьшая ширина лба	93
10	Наибольшая ширина лба	104
12	Ширина затылка	110
40	Длина основания лица	103
45	Скуловой диаметр	122
48	Верхняя высота лица	65
48/45	Верхний лицевой указатель	53,3
43	Верхняя ширина лица	98
46	Средняя ширина лица	93
55	Высота носа	48
54	Ширина носа	22,9
54/55	Носовой указатель	47,7
52	Высота орбиты	33,9
51	Ширина орбиты от mf	39,3
52/51	Орбитный максилло-фронтальный указатель	86,3
43[1]	Биорбитальная ширина	88
77	Назомалярный угол	135,1
<Zm'	Зигомаксиллярный угол	121,4
SC	Симотическая ширина	8,3
SS	Симотическая высота	4,8
SS/SC	Симотический указатель	57,8
MC	Максиллофронтальная ширина	16,8
MS	Максиллофронтальная высота	10,0
MS/MC	Максиллофронтальный указатель	59,5
66	Угловая ширина нижней челюсти	95
65	Мышечковая ширина нижней челюсти	113
75(1)	Угол выступания носа	42

Таблица 2. Значения остеометрических признаков для взрослых индивидов из катакомбы № 97 и № 98.

Признак (номер по методике Р.Мартина)	Катакомба № 98, камера 1, мужчина		Катакомба № 98, камера 1, женщина		Катакомба № 97, женщина	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
Плечевая кость						
1. наибольшая длина			280	276		
2. общая длина			276	274		
3. ширина верхнего эпифиза			37	37		
4. ширина нижнего эпифиза			52	53		
5. наибольший диаметр середины диафиза			19	19		
6. наименьший диаметр середины диафиза			15	15		
7. наименьшая окружность диафиза			54	52		
7а. окружность середины диафиза			56	54		
8. окружность головки						
9. наибольшая ширина головки			37	37		
10. вертикальный диаметр головки			38	38		
Локтевая кость						
1. наибольшая длина			226			
2. физиологическая длина			200			
3. наименьшая окружность диафиза			34			
11. сагиттальный диаметр диафиза	11		15			
12. поперечный диаметр диафиза	14		12			
13. верхний поперечный диаметр диафиза			15			
14. верхний сагиттальный диаметр диафиза			21			
Лучевая кость						
1. наибольшая длина			206			
2. физиологическая длина			193			
3. наименьшая окружность диафиза			38			
4. поперечный диаметр диафиза			13			
5. сагиттальный диаметр диафиза			10			
ширина верхнего эпифиза	21		18	18		
ширина нижнего эпифиза			29			
Бедренная кость						
1. наибольшая длина	398		368			
2. длина в естественном положении	395		364			
6. сагиттальный диаметр середины диафиза	28		21	22		21
7. поперечный диаметр середины диафиза	28		25	24		24,5
8. окружность середины диафиза	97		70	71		
9. верхний поперечный диаметр	32		21			

Таблица 2. Значения остеометрических признаков для взрослых индивидов из катакомбы № 97 и № 98 (окончание).

Признак (номер по методике Р.Мартина)	Катакомба № 98, камера 1, мужчина		Катакомба № 98, камера 1, женщина		Катакомба № 97, женщина	
	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
10. верхний сагиттальный диаметр	25		32	≈29		
18. высота головки	48	48	38,5	39		
19. ширина головки	≈47,5		39	38		
20. окружность головки	≈152	≈151	123	123		
21. ширина нижнего эпифиза	77		69	69		66
Большеберцовая кость						
1. полная длина			288	291		
1а. наибольшая длина			294	298		
5. наибольшая ширина верхнего эпифиза	73	72	65	66		64
6. наибольшая ширина нижнего эпифиза			≈42	45		
8. сагиттальный диаметр середины диафиза			23	23	23,5	23
8а. сагиттальный диаметр на уровне питательного отверстия			25	25	26,5	26
9. поперечный диаметр середины диафиза			20	20	17	18
9а. поперечный диаметр на уровне питательного отверстия			22	21	18	18
10. окружность середины диафиза			66	64	61	62
10в. наименьшая окружность диафиза			64	63	59	59
Малоберцовая кость						
1. наибольшая длина			294	294		

Таблица 3. Значения длины трубчатых костей детей из катакомбы № 98.

Ребенок до года		Ребенок 3-6 лет	
Пр.	Лев.	Пр.	Лев.
Плечевая кость			
		161	
Локтевая кость			
		84	84
Бедренная кость			
	124	207	
Большеберцовая кость			
101	101	157	156
Малоберцовая кость			
		165	
Ключица			
			81

Таблица 4. Результаты углерода ($^{13}/^{12}\text{C}$) и азота ($^{15}/^{14}\text{N}$) коллагена костной ткани.

№	Id	Происхождение образца	Пол	Возраст	Образец	C%	N%	C/N	C/Nat	$\delta^{13}\text{C}$	$\delta^{15}\text{N}$
1	6310	Катакомба № 97	Жен	Adultus	Диафиз бедренной кости	42,64	16,53	2,58	2,99	-18,79	9,29
2	6311	Катакомба № 98, камера 1, индивид 1	Жен	40-49 лет	Череп	41,28	15,67	2,63	3,05	-18,24	9,59
3	6439	Катакомба № 98, камера 1, индивид 2	Муж?	25-35 лет	Корень первого моляра (46 зуб)	41,91	15,73	2,66	3,09	-17,97	10,24
4	6440	Катакомба № 98, камера 1, индивид 5		7 лет ± 24 мес.	Корень второго молочного моляра (65 зуб)	51,93	19,09	2,72	3,16	-16,76	10,9
5	6308	Катакомба № 98, камера 2, индивид 1	Муж	20-29 лет	Диафиз бедренной кости	43,15	16,06	2,69	3,12	-18,54	9,16
6	6309	Катакомба № 98, камера 2, индивид 2	Жен	20-29 лет	Диафиз бедренной кости	43,02	16,38	2,63	3,05	-18,9	8,93
7	6307	Катакомба № 98, камера 2, индивид 3		3-6 лет	Диафиз бедренной кости	41,64	16,03	2,6	3,02	-18,7	8,47
8	6306	Катакомба № 98, камера 2, индивид 4		Младенец, до года	Диафиз бедренной кости	40,94	15,89	2,58	2,99	-17,61	11,85

Таблица 5. Вариации соотношения $^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$.

№	Происхождение образца	Пол	Возраст	Образец	$^{87}\text{Sr}/^{86}\text{Sr}$	2 σ
1	Катакомба № 97	Жен	Adultus	Диафиз бедренной кости	0,70919	8
2	Катакомба № 98, камера 1, индивид 1	Жен	40-49 лет	Эмаль первого резца	0,70828	18
3	Катакомба № 98, камера 1, индивид 2	Муж?	25-35 лет	Эмаль первого моляра	0,7093	20
4	Катакомба № 98, камера 1, индивид 3	Жен?	20-29 лет	Эмаль первого моляра	0,70941	16
5	Катакомба № 98, камера 1, индивид 4	?	20-35 лет	Эмаль первого моляра	0,70977	11
6	Катакомба № 98, камера 1, индивид 5		7 лет \pm 24 мес.	Эмаль молочного моляра	0,70943	22
7	Катакомба № 98, камера 2, индивид 1	Муж	20-29 лет	Диафиз бедренной кости	0,70931	10
8	Катакомба № 98, камера 2, индивид 2	Жен	20-29 лет	Диафиз бедренной кости	0,7093	10
9	Катакомба № 98, камера 2, индивид 3		3-6 лет	Коронка второго молочного моляра	0,70927	8
10	Катакомба № 98, камера 2, взрослый			Коронка премоляра верхней челюсти	0,70927	8
11	Современная трава, растущая вдоль русла р. Гизельдон			Водоросль	0,70999	53
12	Современная трава из р. Гизельдон			Трава	0,71064	11
13	Современная трава с места раскопок			Трава	0,70947	13
14	Раковина современной сухопутной улитки			Раковина	0,70881	9

**Результаты радиоуглеродного датирования образца,
проведенного в ЦКП «Лаборатория радиоуглеродного
датирования и электронной микроскопии» Института
географии РАН и Центре прикладных изотопных исследований
Университета Джорджии (США)**

№	IGAN AMS	Образец	Материал	¹⁴ C, BP (1σ)	Cal AD, BP			
1	7627	Даргавский могильник, катакомба № 97	скорлупа ореха	1175±20	68.3 (1 sigma)	cal AD	777-791 804-842 860-889	0.199 0.413 0.388
					95.4 (2 sigma)	cal AD	774-894 929-939	0.971 0.029
					Median Probability:	838		
					68.3 (1 sigma)	cal BP	1061-1090 1108-1146 1159-1173	0.388 0.413 0.199
					95.4 (2 sigma)	cal BP	1011-1021 1056-1176	0.029 0.971
					Median Probability:		1112	

RADIOCARBON CALIBRATION PROGRAM
CALIB REV7.1.0

Copyright 1986-2019 M Stuiver and PJ Reimer

References for calibration datasets:

Reimer PJ, Bard E, Bayliss A, Beck JW, Blackwell PG, Bronk Ramsey C, Buck CE, Cheng H, Edwards RL, Friedrich M, Grootes PM, Guilderson TP, Hafliðason H, Hajdas I, Hattfö C, Heaton TJ, Hogg AG, Hughen KA, Kaiser KF, Kromer B, Manning SW, Niu M, Reimer RW, Richards DA, Scott EM, Southon JR, Turney CSM, van der Plicht J.

IntCal13 and MARINE13 radiocarbon age calibration curves 0-50000 years calBP

Radiocarbon 55(4). DOI: 10.2458/azu_js_rc.55.16947

**Корреляция номеров катакомб (камер) №№ 1-30
и захоронения лошадей по монографии Р.Г. Дзаттиаты, по отчетам
и условные номера, введенные авторами данной публикации**

Номер катакомбы по публикации	Номер по отчету	Дополнительные номера, введенные авторами данной публикации
1	1	
		Катакомба № 5 – усл. номер введен для инвентаря, приведенного на Табл. VI и VII по Дзаттиаты, 2014, которого нет в отчете по раскопкам катакомбы № 1 (возможно основная часть инвентаря относится к захоронению лошади, сопровождавшего катакомбу № 1) (Дзаттиаты, 1993).
2-4, 5 (поздняя яма)		
6	6	
7	6/1	
8	6/2	
9	7/1	
10	7/2	
11	8	
12	9	
13	10	
14	11	
15-27	12-24	
		Катакомба № 29 – усл. номер введен для инвентаря, приведенного на Табл. LIV по Дзаттиаты, 2014, которого нет в отчете по раскопкам катакомбы № 26 (23 по отчетной нумерации) (Дзаттиаты, 1999).
		Катакомба № 30 – усл. номер введен для инвентаря, приведенного на Табл. LIX по Дзаттиаты, 2014, которого нет в отчете по раскопкам катакомбы № 27 (24 по отчетной нумерации) (Дзаттиаты, 1999).
28	25	
29 (поздняя яма)		
30 (поздняя яма)		
Погребения лошадей		
1	1	1
2	2	2
3	3	3
5	б/н	4
7	б/н	5
6	10	6
7 (на рисунке № 9)	9	7
8	8	8
9 (на рисунке 11)	13	9

Summary

The Central Caucasus is located along geopolitically and strategically important routes that have been connecting the South of Russia with Transcaucasia and Western Asia. The location in the contact zone, presence of rich deposits of metals in the mountains, grazing lands, the protection provided by deep mountain gorges at the time of destructive wars on the plains – all of these factors influenced the cultural, historical and ethnogenetic processes that were taking place among the population of the Central Caucasus.

The Central Caucasus is one of the richest regions in terms of presence of archaeological sites of the Alanic culture; therefore, it constantly holds the attention of specialists. A number of large burial grounds are located in the foothill and mountain zones of the present-day North Ossetia. These burial grounds are the main focus of this research aimed at studying the cultural and historical processes that took place in the Central Caucasus in the VII – early XIII centuries A.D.

This time is characterized by robust migration processes; in the VI-VII centuries AD the bulk of the Alanic sites disappear from the plain, and the population moves to the mountain and foothill zones, where numerous catacomb burial grounds originate: Gusara, Dagom, Dargavs, Sadon, Chmi, and others. Some of the reasons for migration to the mountain zone were: evolution of climate conditions towards aridity, lack of raw materials for developing crafts, including the need to develop new ore deposits known in the mountains of the Alagir Gorge, in Arkhon and Sadon.

Catacomb burial ground near Dargavs village is a prominent site among the numerous burial grounds of the Alanic culture of the VII – early XIII centuries A.D.

The Dargavs catacomb burial ground has been used for at least 600 years. Archaeological sites that have existed for a longer period, demonstrate a whole range of social phenomena. For instance, the reaction of a relatively

stable living society to outside events; the type of trade contacts prevailing at different stages of its existence; and, ultimately, which cultural and political centers the society was oriented at, in different periods of its history.

Analysis of the interrelation of items of burial implements, coin findings of the Dargavs burial ground, comparison of findings, analysis of complexes of synchronous burial grounds of the Alanic culture of the region, the use of new radiocarbon data of a sample from catacomb complex No. 97 and recently published radiocarbon datings of a number of complexes of the Zmeisky catacomb burial ground, have made it possible to identify 9 stages within the framework of the existence of the Alanic culture necropolis next to village Dargavs.

On their basis, the following long-term stages in the development of the Alanic culture in the Central Caucasus were identified within the period from the second half of the VI to the early XIII centuries A.D:

1) Second half of the VI – first half of the VIII centuries A.D – the time since the members of the Alanic culture started moving to the mountain zone of the Central Caucasus until the end of the Arab-Khazar wars;

2) Second half of the VIII – second third of the X centuries A.D – the period of domination of the Khazar Khaganate in the southern Russian steppes, the origination and spread of antiquities of the “Saltovo-Mayak” circle;

3) Final third of the X – early XIII centuries A.D. – strengthening of the lowland Alania following the defeat and weakening of the Khazar Khaganate before the Mongol-Tatar invasion.

Burials of the early stage are few, the catacombs are mostly single-chambered, and do not have a great variety of burial items. Weapons are mainly represented by spearheads and rare arrowheads. This time is described by active participation of the Alanic tribes in major military and political events in Transcaucasia,

in particular in the Iranian-Byzantine wars that lasted intermittently from 502 to 628 A.D.

Arab-Khazar wars of the first half of the VIII century A.D. entailed a change in the funeral item complex. This potentially was due to the demolition of craft centers and disruption of the established trade relations. Second half of the VIII – second third of the X centuries A.D. was the time of the spread of multi-chamber catacombs and formation of the material culture of the “Saltovskiy” appearance.

Most of the excavated complexes of the Dargavs burial ground date back to this stage, which indirectly indicates an increase in the population of the basin. The growing number of the population was reflected in the change of the main burial structure, i. e. the catacombs. Apparently, multi-chambered tombs, indicative of the sites of the mountain zone, and secondary in relation to the single-chamber T-shaped catacombs, began to spread as early as the second half of the VIII century A.D.

The increase in the population, as shown by the data of paleoanthropological analysis, affected the quality of life of the inhabitants of the Dargavs Basin. Specifically, the analysis of isotopes has indicated scarcity and uniformity of the diet based on plant foods with a small proportion of meat.

Changes in the composition of grave implements have manifested in the formation of a stable set of weapons, as well as items of horse harness common to warrior-riders. A certain homogeneity is worth noting of the material complex of the mountain zone sites and its connection to the range of antiquities of other synchronous sites in the South of Russia.

A slight decrease in the population at the end of the X century A.D. is observed, which is associated with a new period of the Alanic history. The weakening and gradual withdrawal of the Khazar Khaganate from the historical arena entailed the strengthening of Alania and flourishing of large settlements of Rim-Gora, Verkhniy Dzhulat, Kolzo-Gora, Kyafar, Nizhny Arkhyz, Ilyichevskoye and others. All of the above was reflected in the sites of the mountain zone. Apparently, within this period, there was a partial outflow of the population to the plain. Conflicts between the mountain and plain

population during this period were also possible.

The end of the X – the beginning of the XIII centuries A.D. was a time of close ties with the population of the plain, which is reflected in the material culture. The items of the Zmeisky burial ground (clothing items, weapons and horse equipment, ceramics) penetrate into the mountain zone; the influence of Transcaucasia becoming less pronounced.

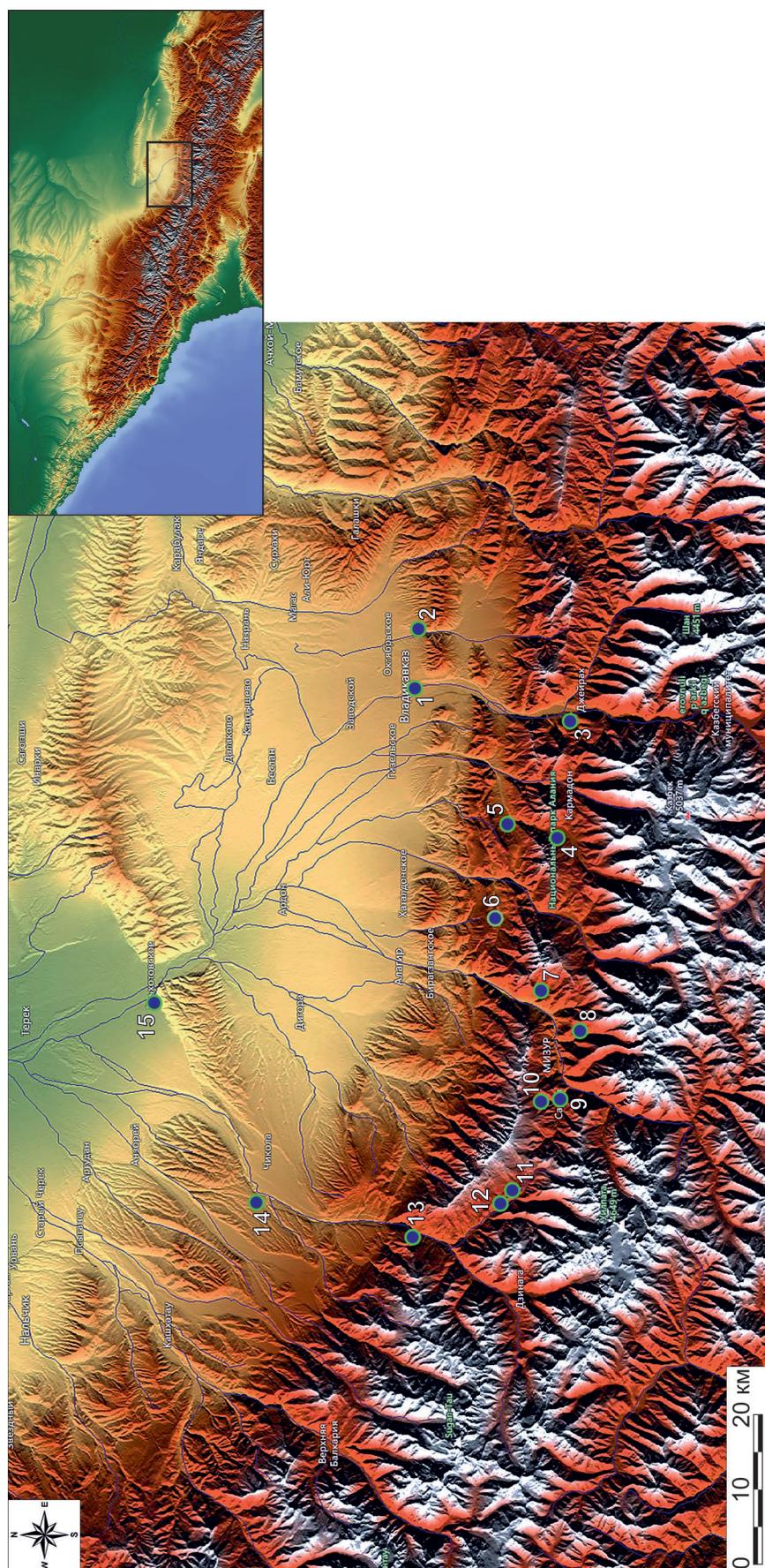
Burials of this time at the burial ground are relatively few. In terms of the main features of the funeral rite, they do not differ greatly from the burials of the preceding period. Obviously, due to the lack of land, there is a tendency to use the catacombs of the previous era. Thus, objects from the XI to the beginning of the XIII centuries A.D. were found in catacomb No. 1. Burials of the second half of the XII – early XIII centuries A.D. are of little or no inventory.

As the materials of the Dargavs burial ground have indicated, the catacomb burial rite existed in the mountain zone before the Mongol invasion. At the last stage of the existence of the burial ground, hybrid forms of burial structures appeared, combining the layout of the catacombs with the structures of stone boxes. Mongolian time is represented by a single burial in a rubble stone tomb. This was the time when the catacomb burial ground ceased functioning. The fate of the population associated with it is not completely obvious: it might have disappeared, retreated to safer gorges, or changed the funeral rite. However, there is no doubt that such cardinal changes in the rite had been caused by catastrophic events.

This publication to a certain extent complements the information about the development of the Alanic culture in the Central Caucasus. We remain hopeful that the provisions made, especially those concerning the chronology of burial complexes, will become subject of discussion in further development of regional chronological scales and of the overall discussion of the region's development within the VI–XIII centuries A.D.

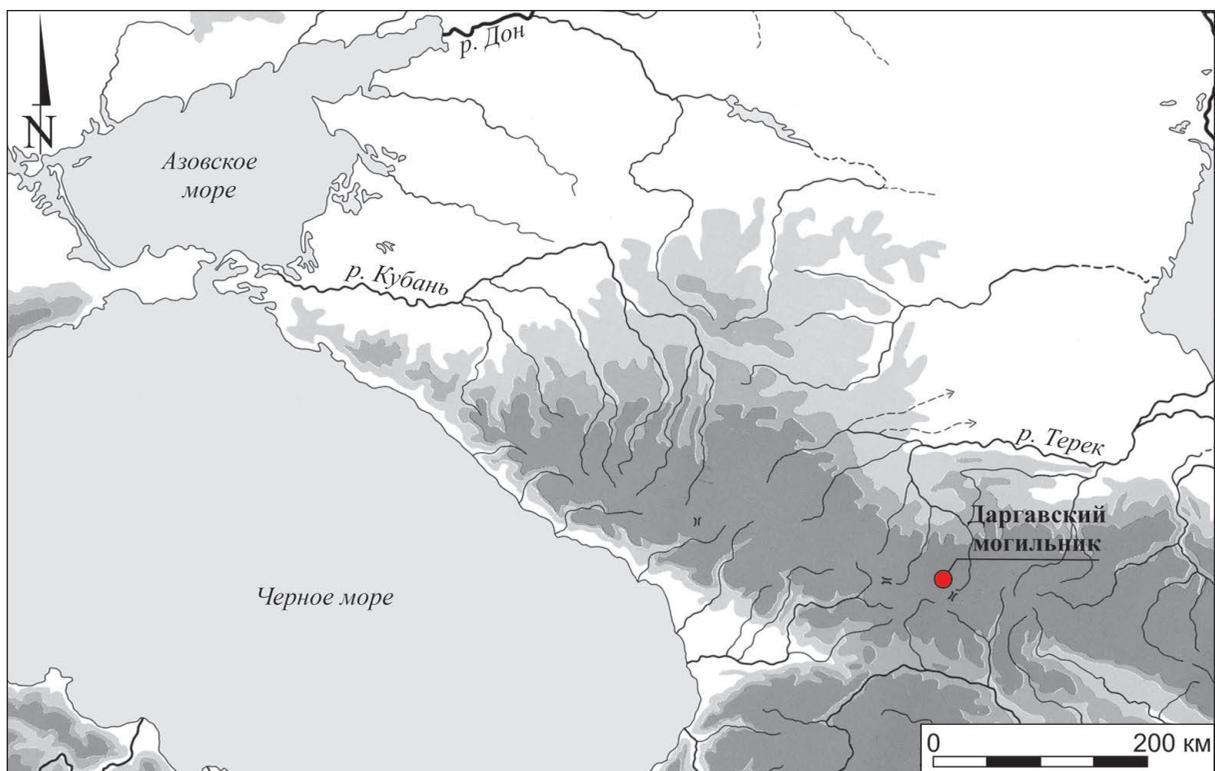
The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-09-40105

**Альбом
иллюстраций**

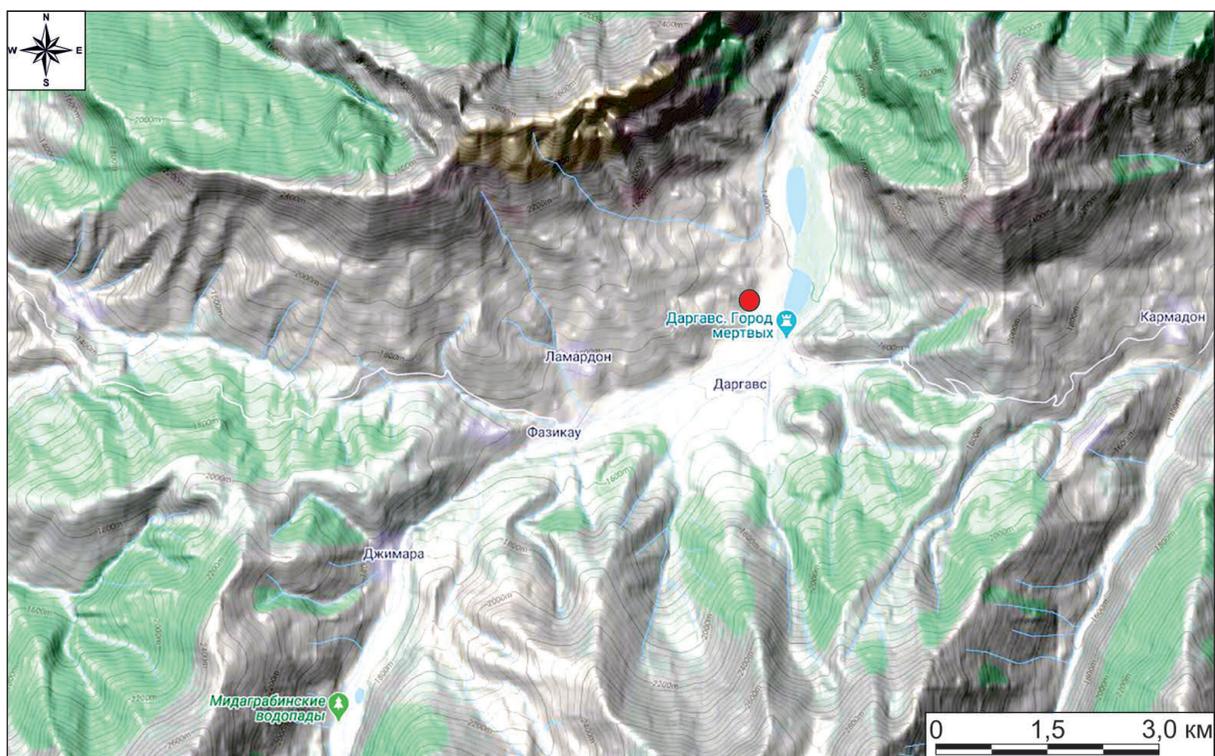

1 – Кирпичный завод	9 – Могильник Садон
2 – Тарский катакомбный могильник	10 – Могильник Ход
3 – Могильник Чми-Суаргом	11 – Могильник Дунта
4 – Даргавский каткомбный могильник	12 – Галиат
5 – Могильник Верхний Кобан II	13 – Могильник Кари-Цагат
6 – Могильник Гусара I	14 – Могильник Хазнидон
7 – Дагомский могильник	15 – Змейский могильник
8 – Могильник Архон	

Рис. 1. Карта основных памятников аланской культуры на территории Северной Осетии

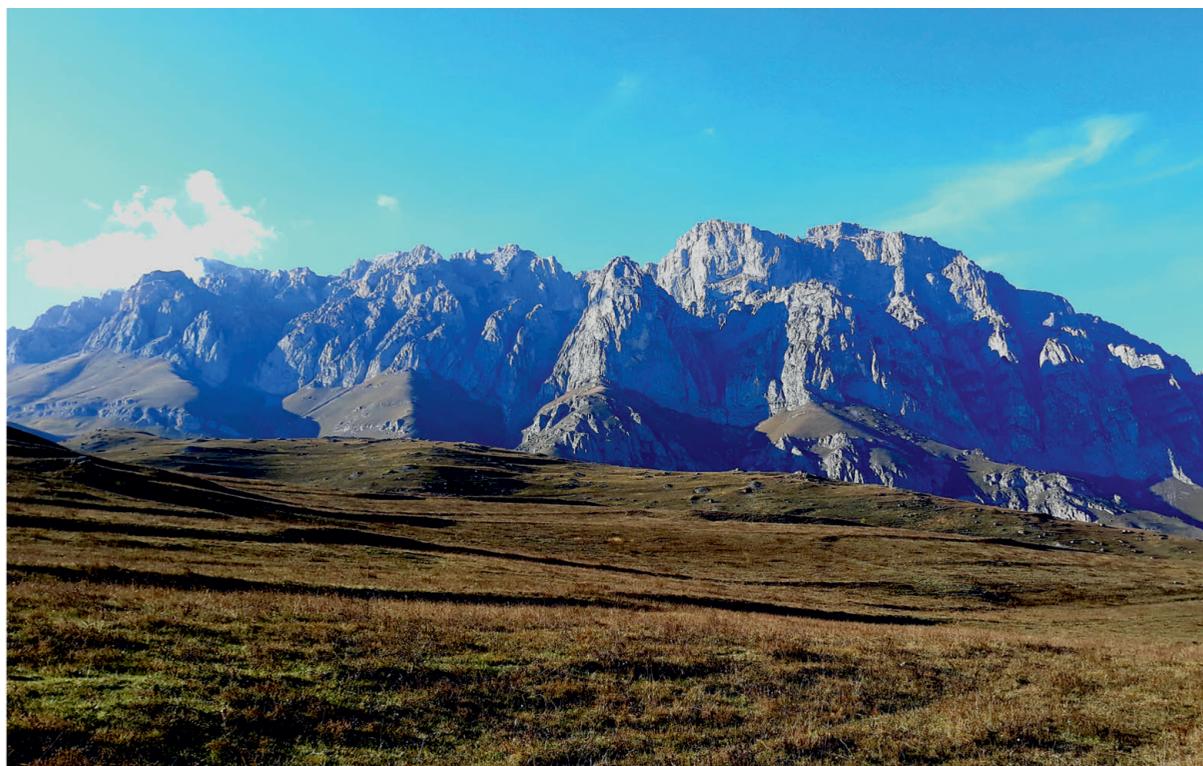
1

● – Даргавский катакомбный могильник

2

Рис. 2. 1 – расположение Даргавского катакомбного могильника; 2 – локализация катакомбного могильника в Даргавской котловине

1

2

Рис. 3. 1 – Даргавский катакомбный могильник, вид с ЮВ (на заднем плане гора Тбау-Хох); 2 – вид на склеповый некрополь «Город Мертвых» XVI–XIX вв. и долину р. Гизельдон с территории катакомбного могильника

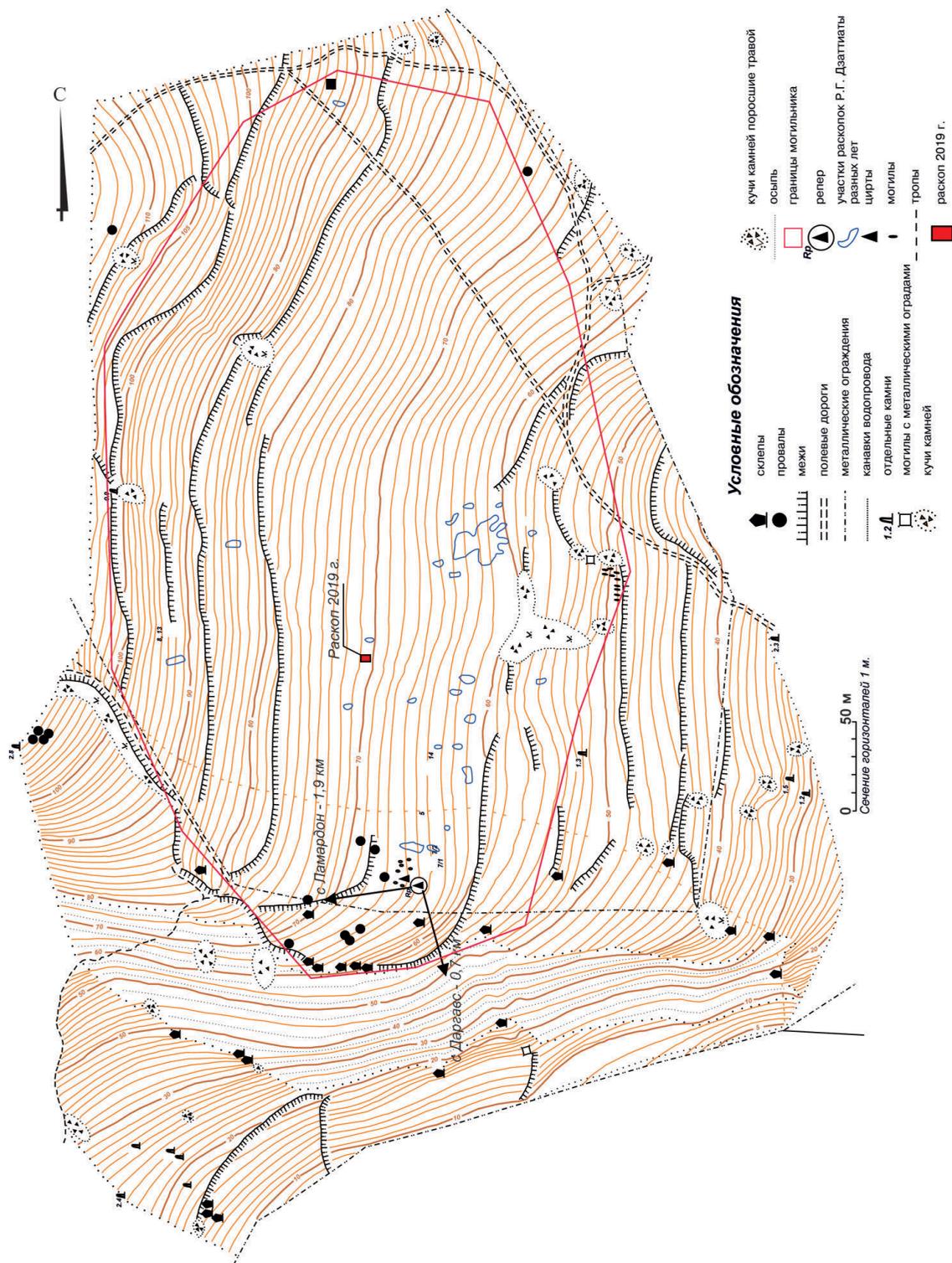

Рис. 4. Даргавский катакомбный могильник. Топографический план памятника

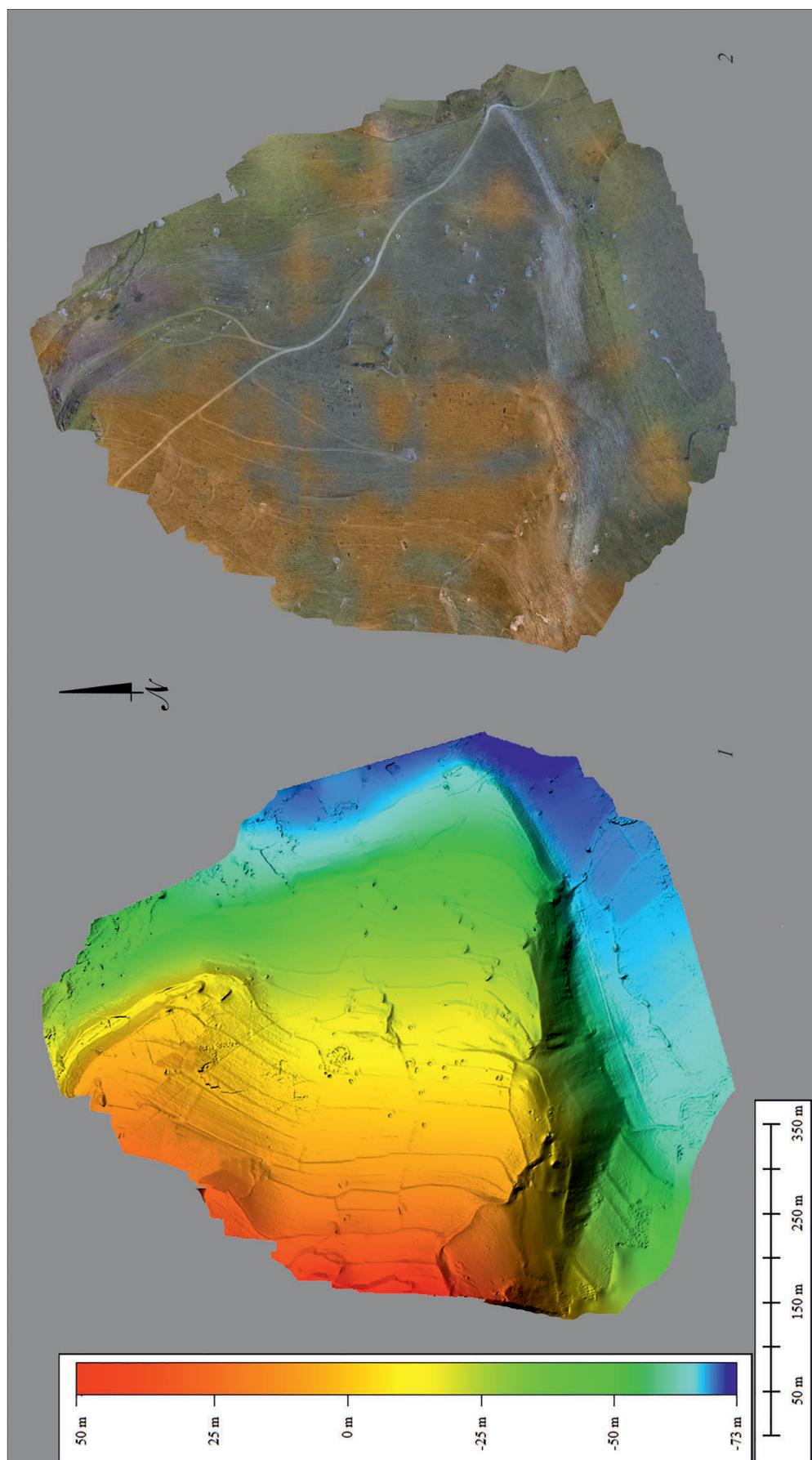

Рис. 5. Даргавский катакомбный могильник
1 – цифровая модель рельефа; 2 – ортофотоплан территории могильника

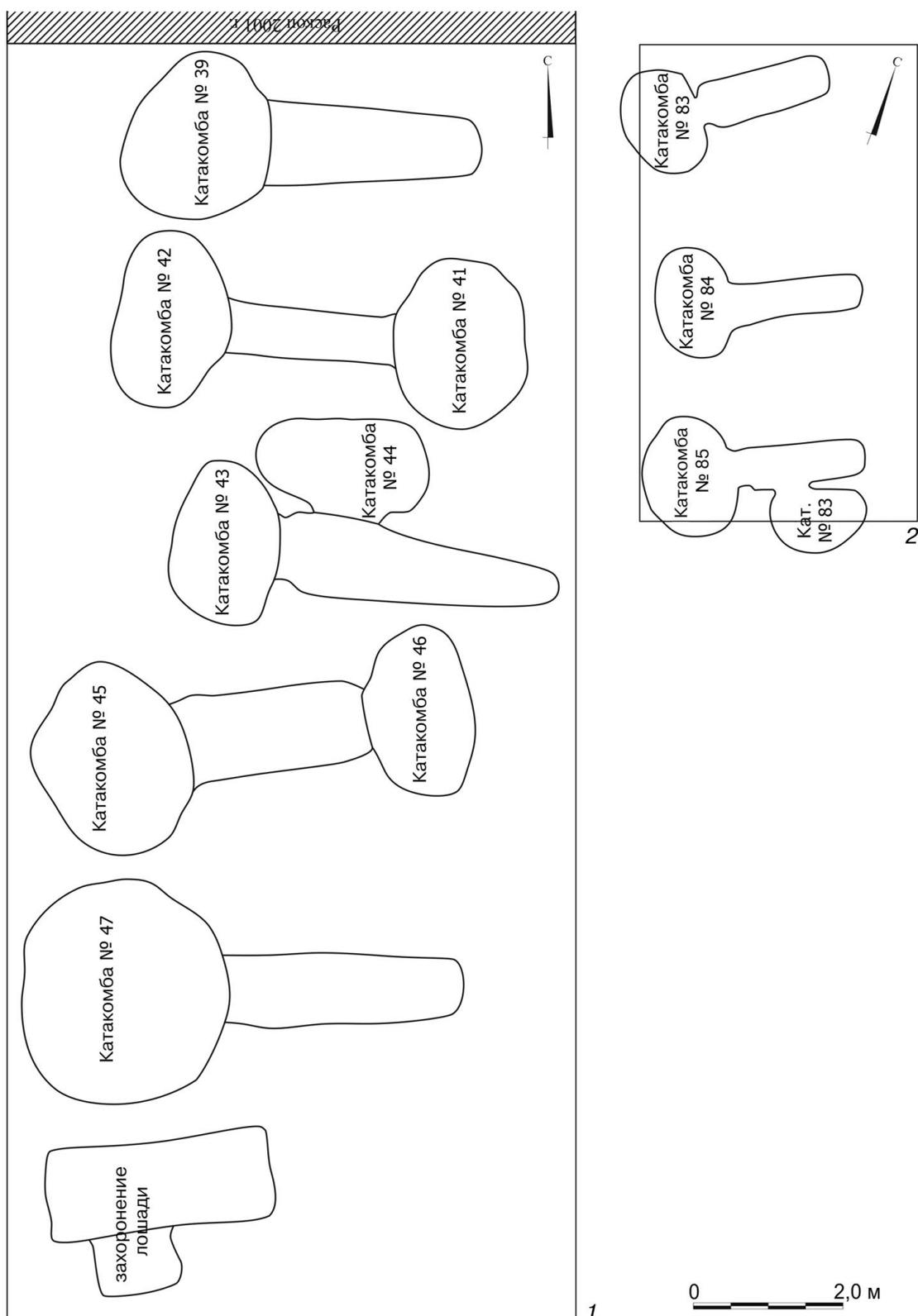

Рис. 6. Даргавский катакомбный могильник. Планиграфия погребений

1 – раскоп 2002 г; 2 – раскоп 2013 г.

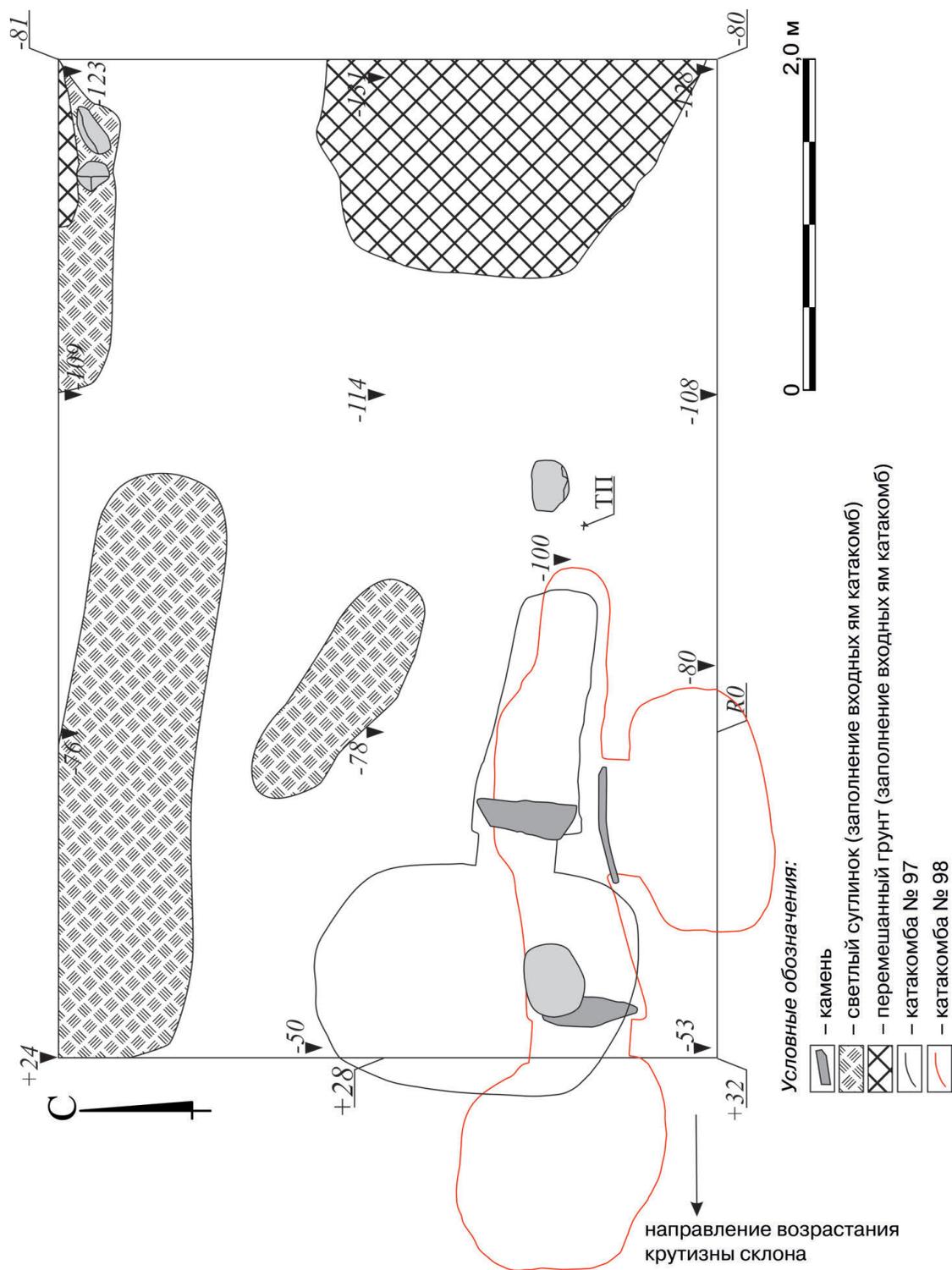

Рис. 7. Даргавский катакомбный могильник. Планиграфия раскопа 2019 г.

Рис. 8. План могильника Мокрая Балка

а – катакомбы по отчетам А. П. Рунича; б – катакомбы по отчетам Г. Е. Афанасьева; в – катакомбы по отчетам В. Б. Ковалевской за 1969, 1971 гг. (по: Афанасьев, Рунич, 2001)

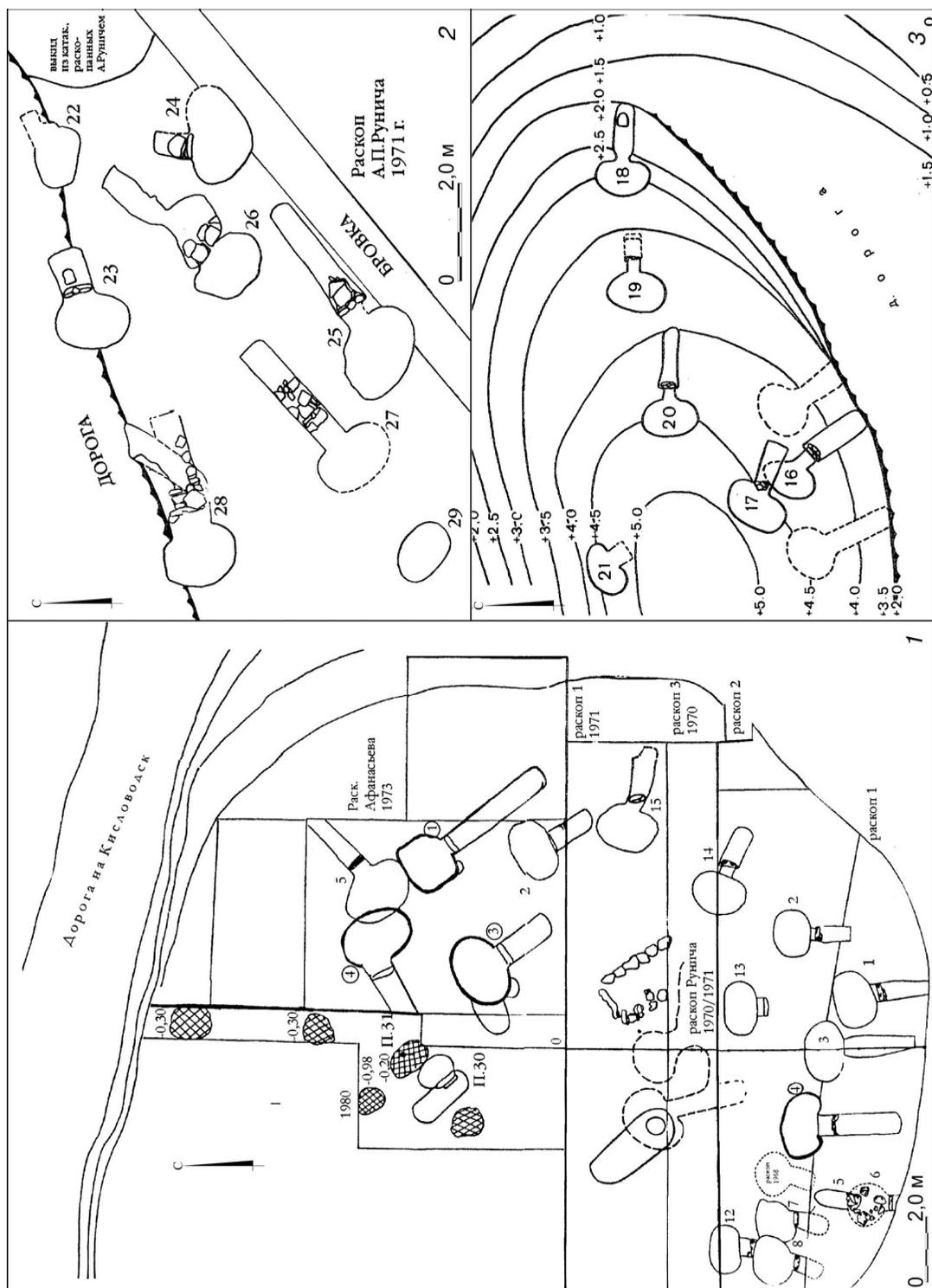

Рис. 9. Могильник Мокрая Балка. Планиграфия катакомб на разных участках памятника.
 1 – средний холм могильника; 2 – верхний холм могильника; 3 – нижний холм могильника.
 Раскопки В. Б. Ковалевской (по: Ковалевская, 2005)

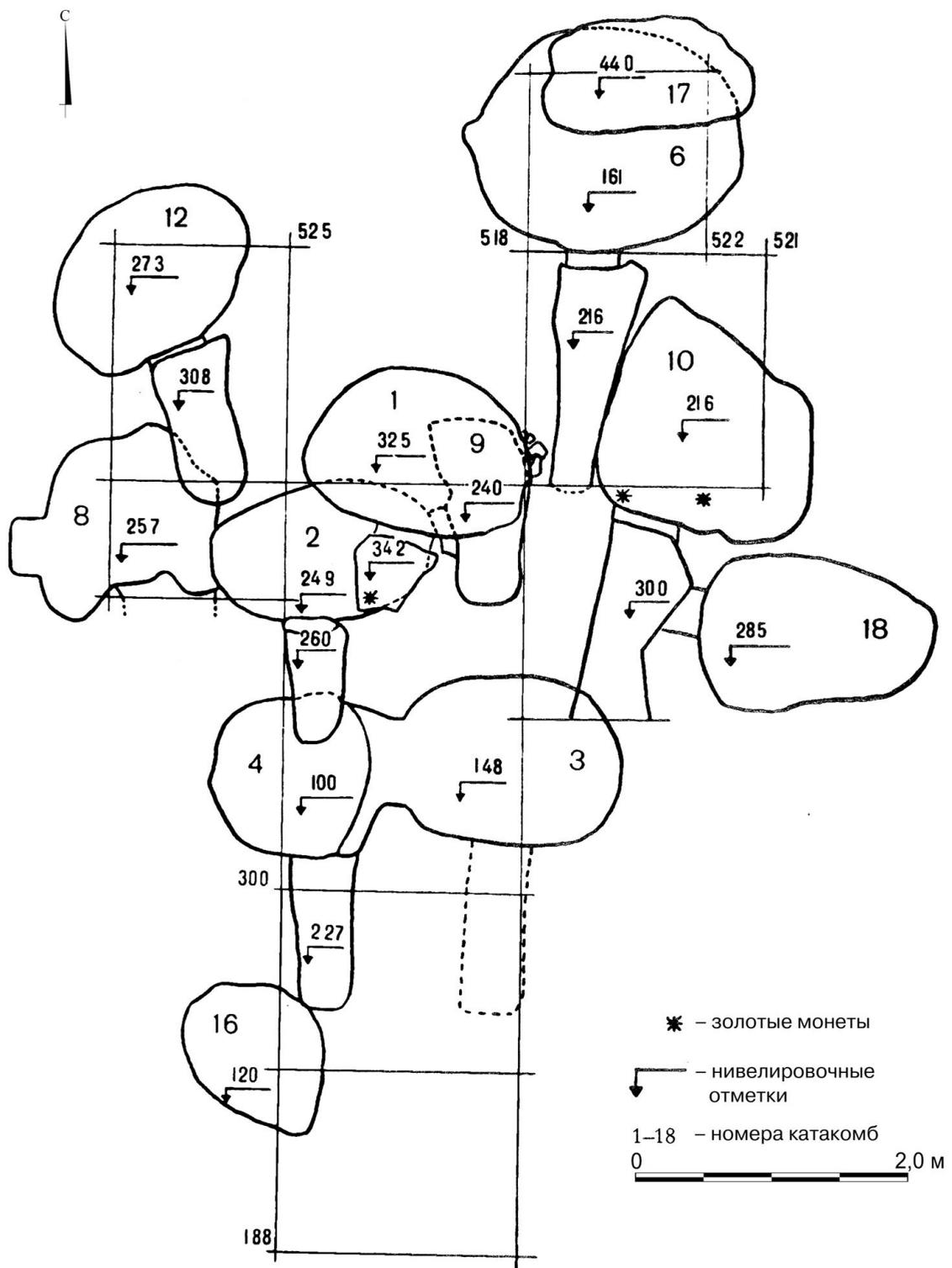

Рис. 10. План расположения катакомб в верхней части холма Чми-Суаргом. Раскопки В. Б. Ковалевской 1982 г. (по: Ковалевская, 2005)

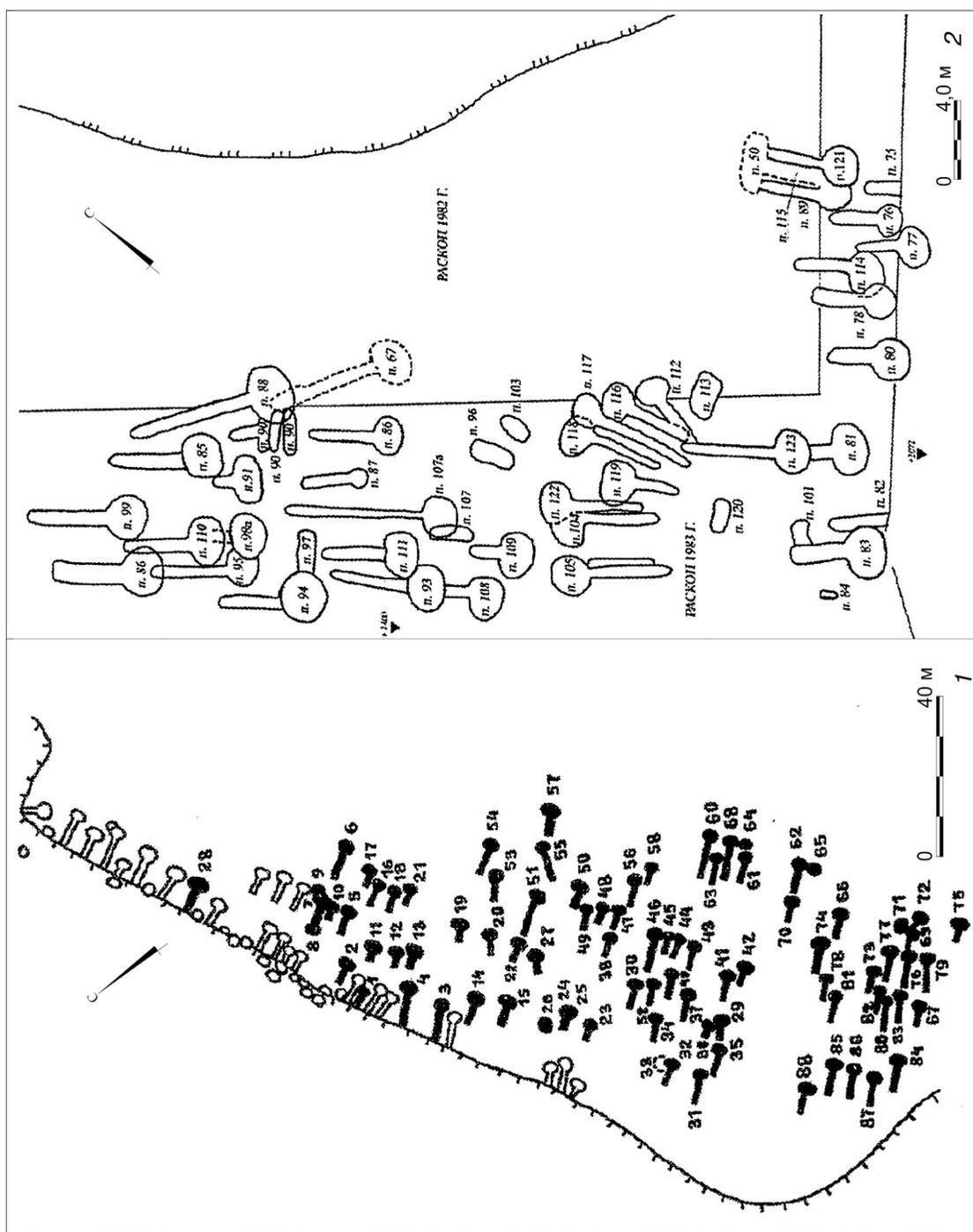

Рис. 12. Змейский могильник. План расположения катакомб
1 – раскопки В. А. Кузнецова (1957–1959 гг.); 2 – раскопки В. Л. Ростунова 1983 г. (по: Савенко, 2017)

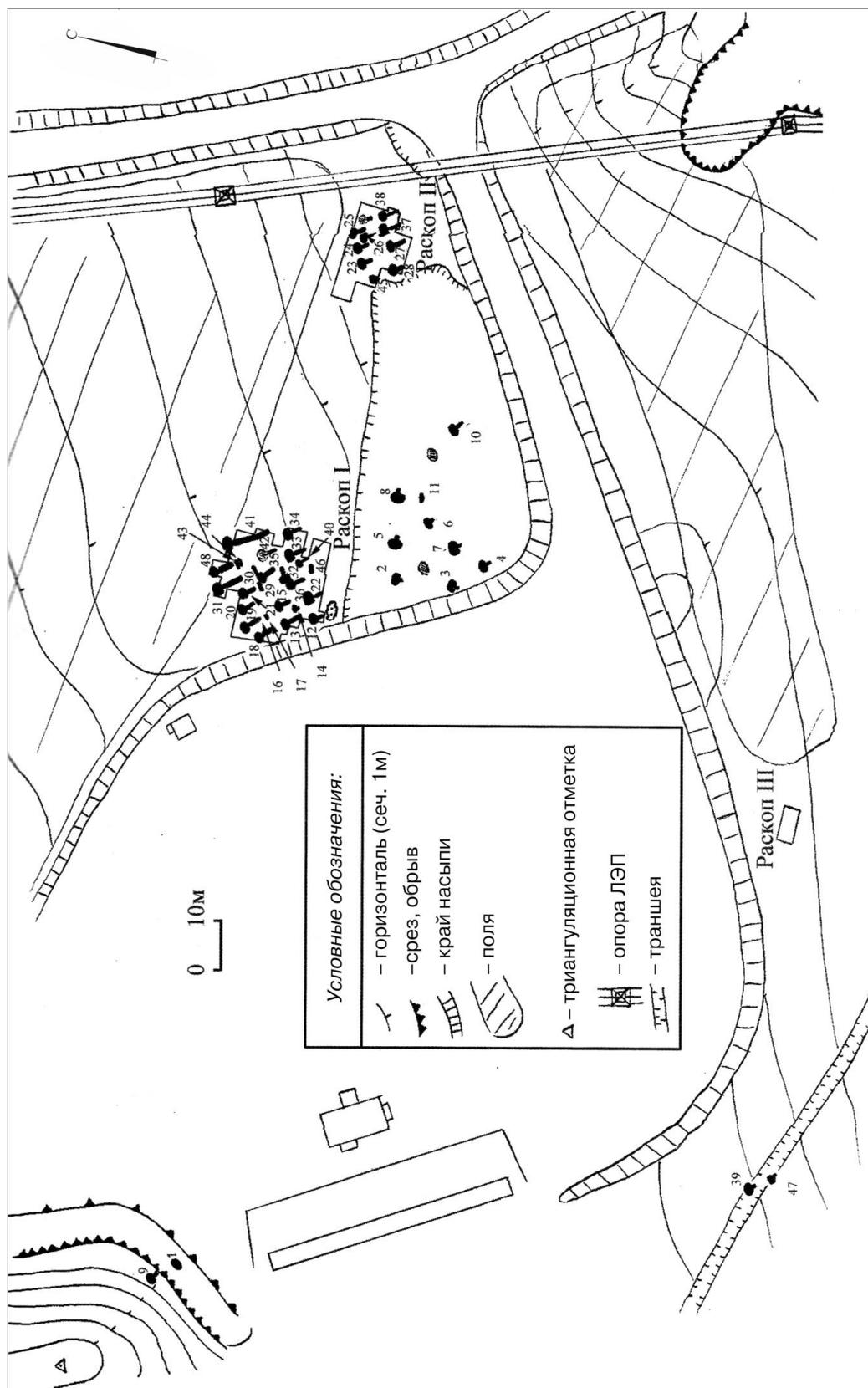
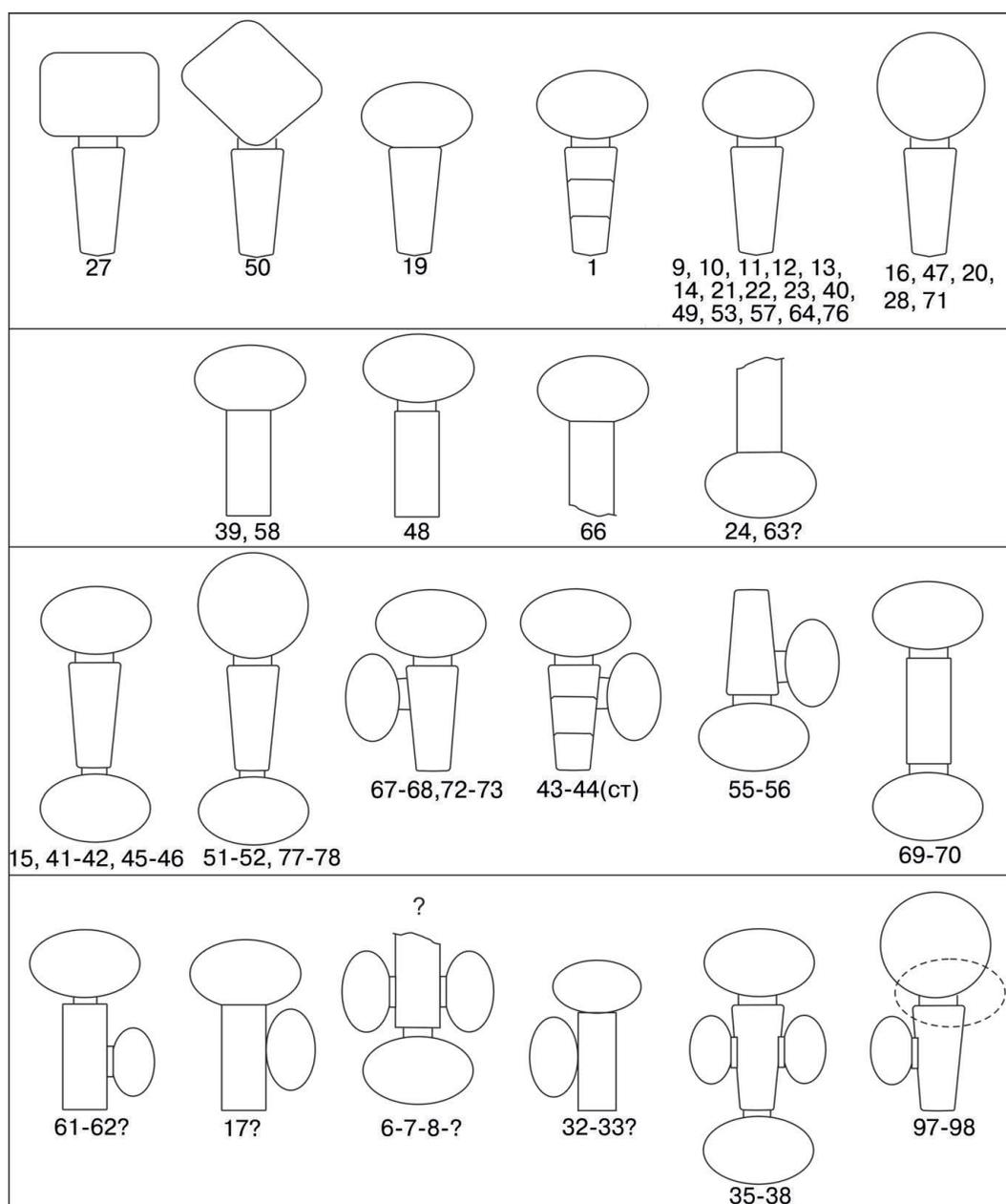

Рис. 13. План могильника Кольцо-Гора № 1 (по: Савенко, 2017)

1

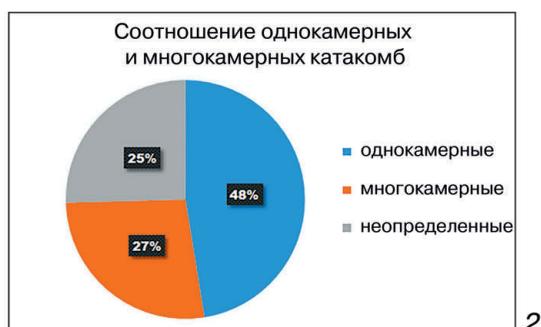
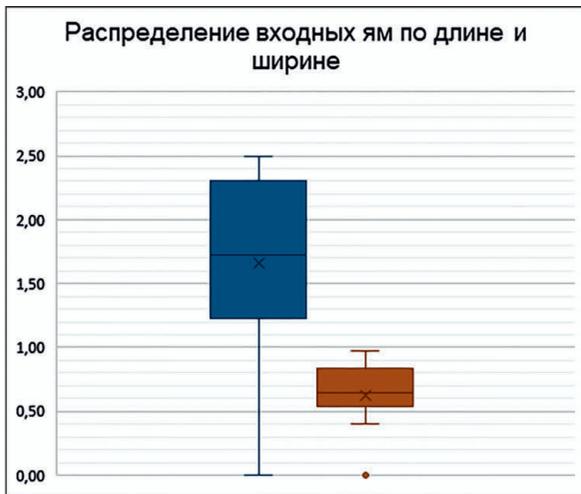
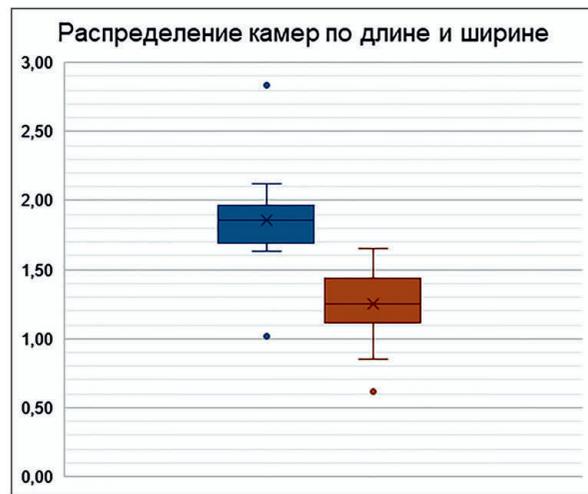

Рис. 14. Даргавский катакомбный могильник

1 – основные разновидности конструкций катакомб; 2 – диаграмма распределения однокамерных и многокамерных катакомб

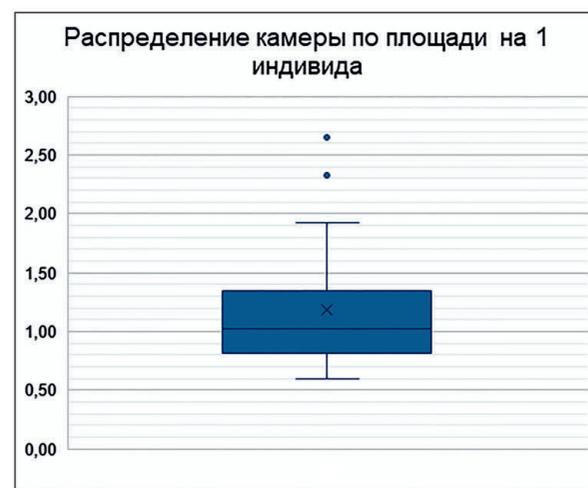
1

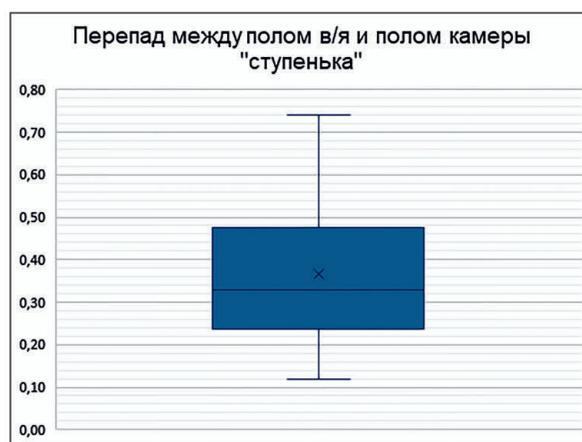
2

3

4

5

Рис. 15. Даргавский катакомбный могильник. Диаграммы распределения параметрических характеристик катакомб

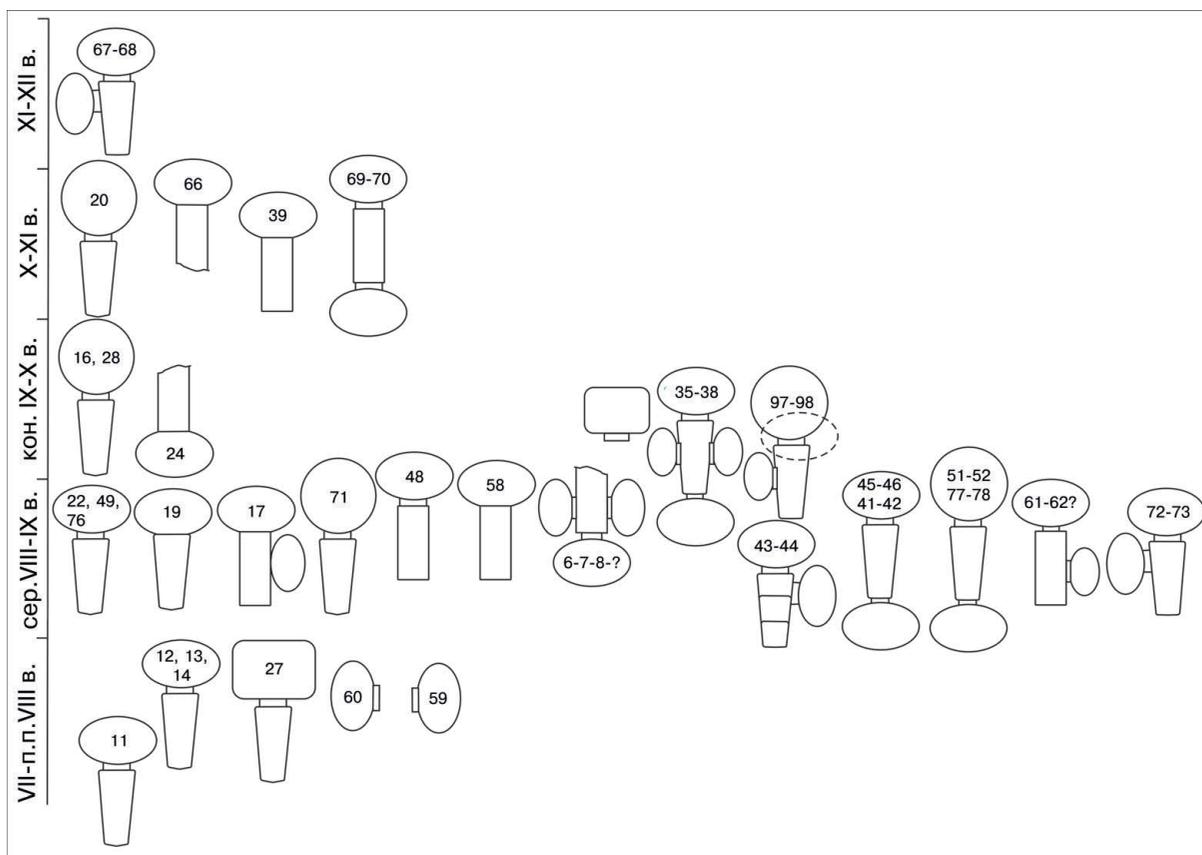

Рис. 16. Даргавский катакомбный могильник. Хронологическое распределение основных разновидностей катакомб

Поза вытянуто на спине								
78 (1)*	59, 60, 61, 65, 66, 51, 39, 42, 43, 47, 28(2), 24, 20, 21, 15, 7, 10, 68, 70(2), 75(2), 37, 36 (25)	66, 1, 71, 76 (4)	51, 28, 18, 71 (4)	62, 75 (2)	16, 67 (2)	61, 77, 57, 38 (4)	44 (1)	36 (1)
Поза скорчено								
60, 53, 41, 47, 15, 7, 76, 77(2) (9)	76 (1)	62, 71 (2)	50 (1)	45 (1)	22 (1)			

3

*(в скобках указано количество зафиксированных случаев)

Рис. 17. Даргавский катакомбный могильник

1 – схема расположения погребенных в камерах катакомбы; 2 – распределение погребенных индивидов по хронологическим этапам; 3 – классификация поз погребенных индивидов

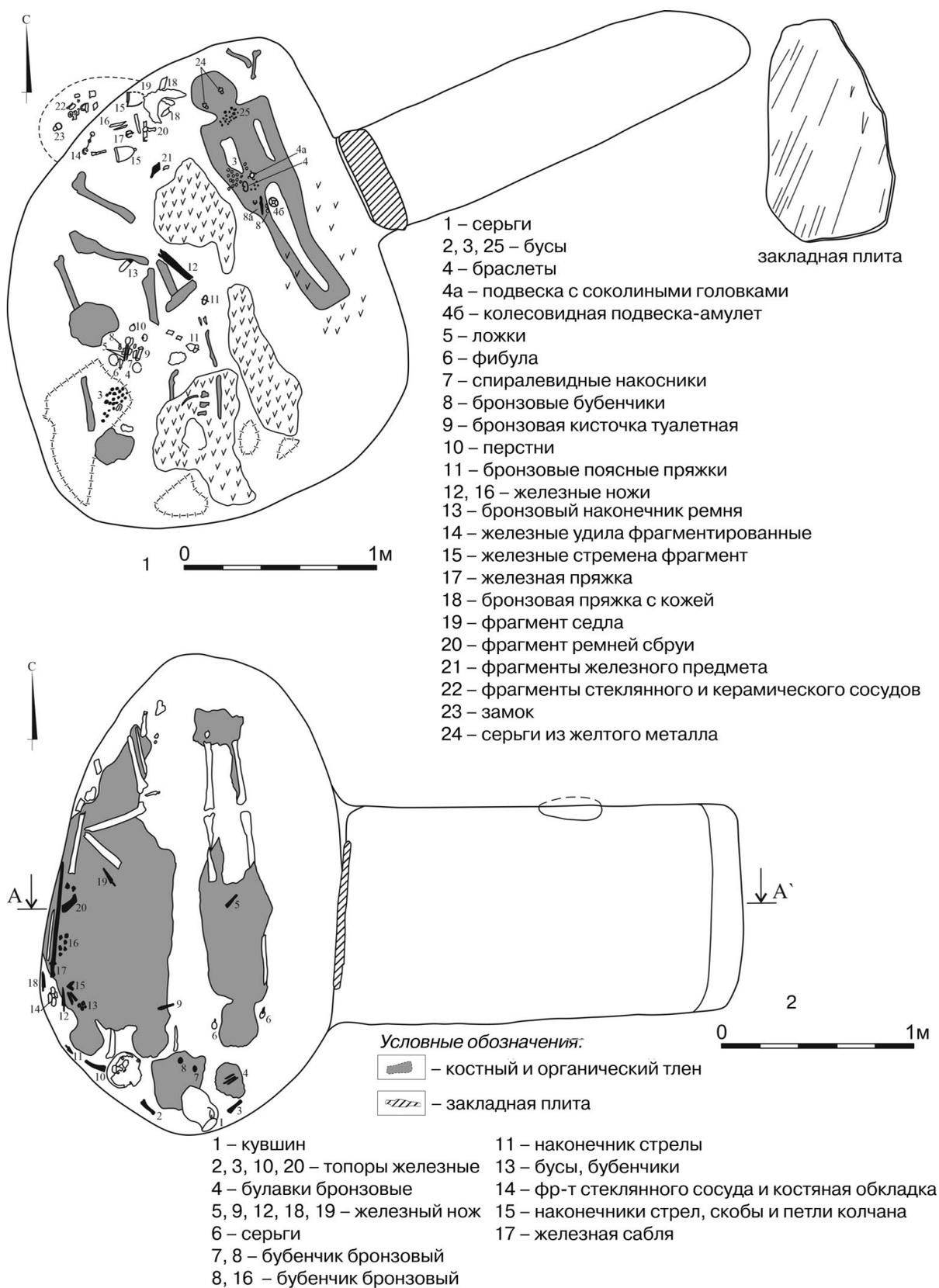

Рис. 18. Даргавский катакомбный могильник. Однокамерные катакомбы

1 – катакомба № 27; 2 – катакомба № 39

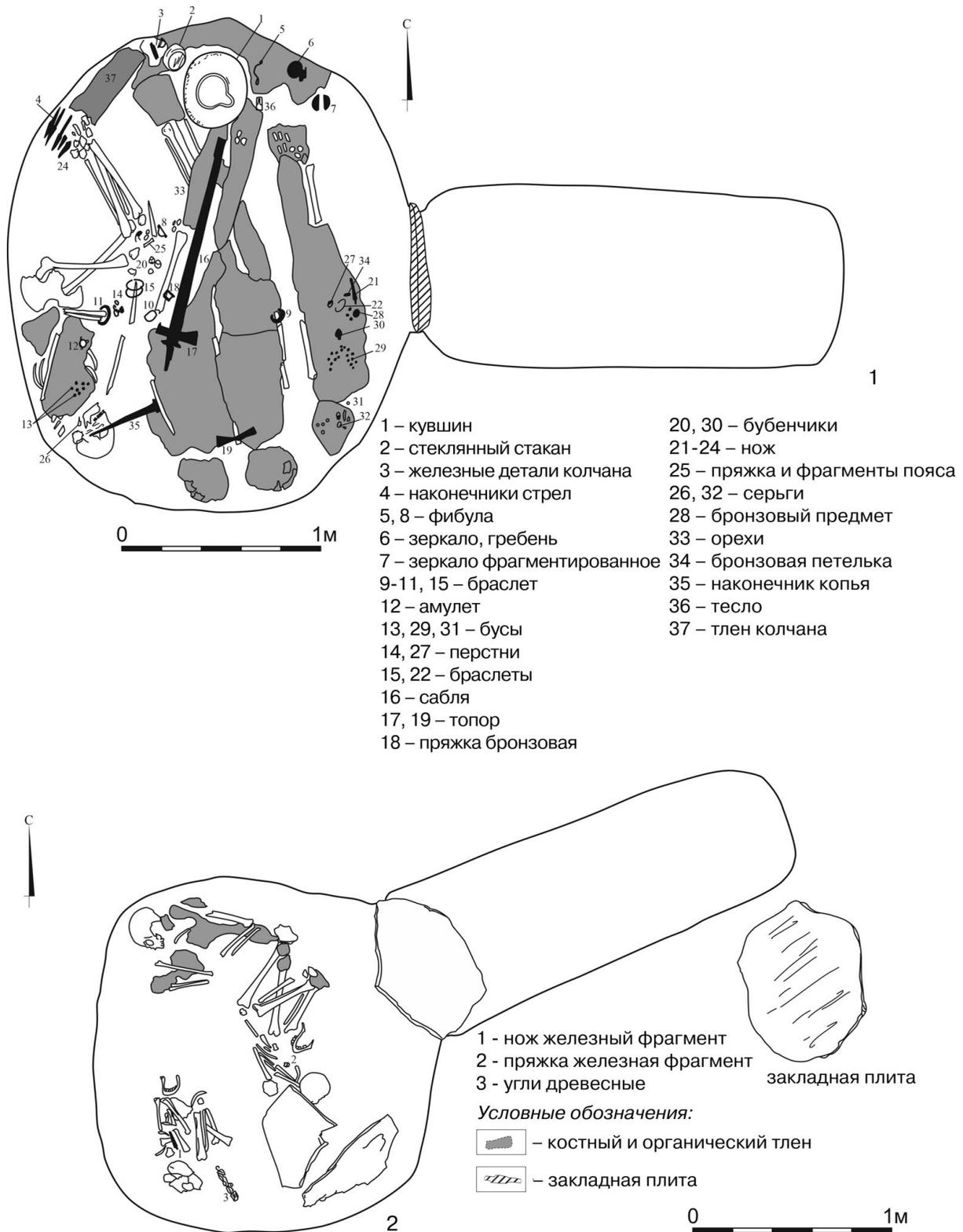
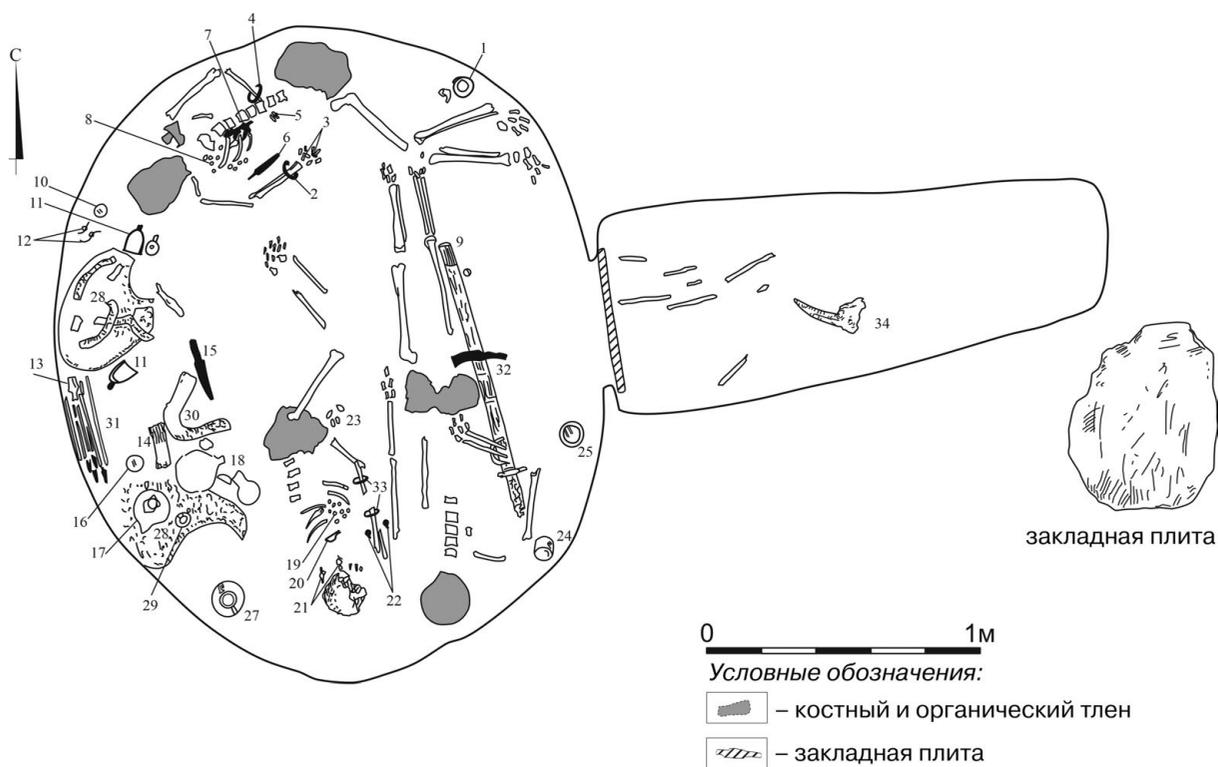

Рис. 19. Даргавский катакомбный могильник. Однокамерные катакомбы

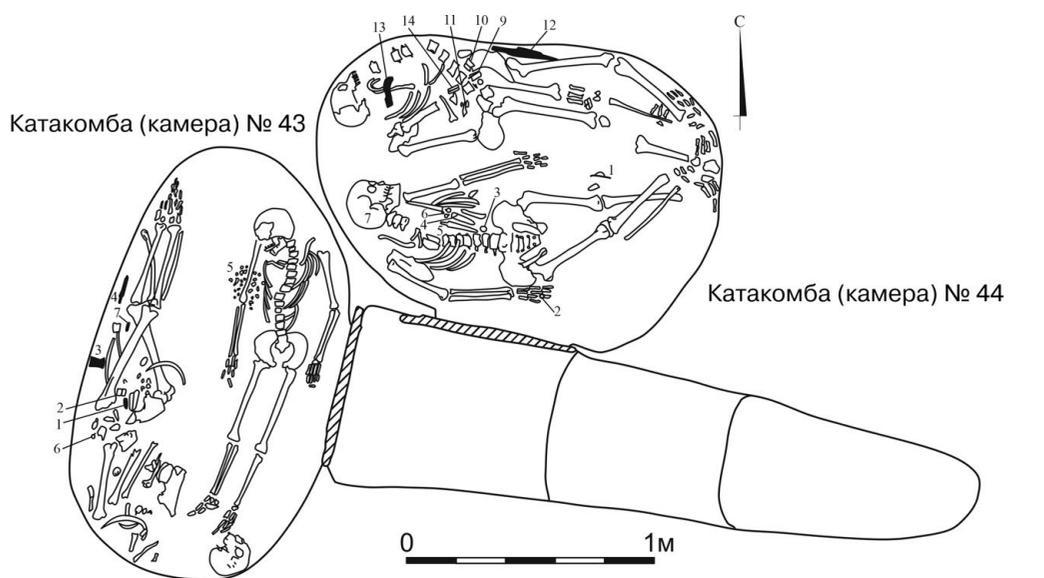
1 – катакомба № 47; 2 – катакомба № 50

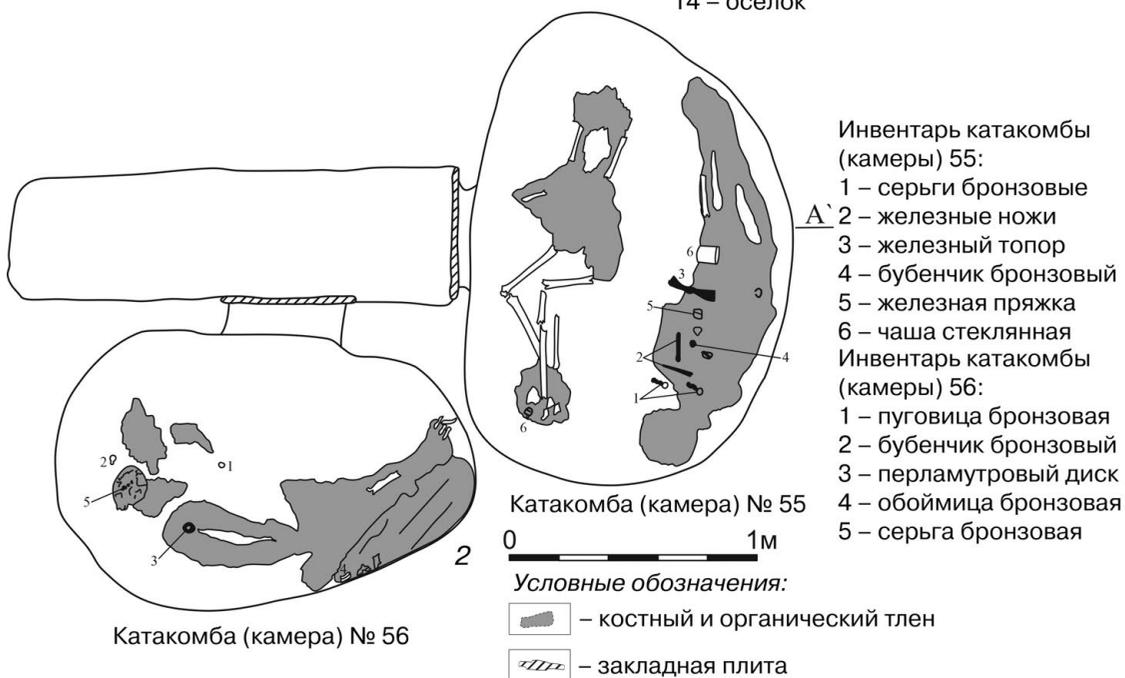
- 1 – керамический сосуд
- 2, 4, 33 – бронзовый браслет
- 3, 5 – кольца бронзовые
- 6 – железный нож
- 7 – фрагмент железа
- со стеклянными бусами, раковинами, бронзовые фибулы и пинцет
- 8, 19 – бусы
- 9 – сабля
- 10 – зеркало
- 11 – стремя железное
- 12 – псалии
- 13 – мотыжка
- 14 – гребень деревянный

- 15 – наконечник копья
- 16 – зеркало
- 17 – начельник
- 18 – фалары
- 20 – фибула
- 21 – серьги
- 22 – бубенчики
- 23 – стеклянные перстни
- 24-26 – стеклянный стакан
- 27 – кувшин керамический
- 28, 29 – фрагменты седла и сбруи
- 30 – лука седла деревянная
- 31 – стрелы с деревянными древками
- 32 – топор
- 35 – кости козла или тура

Рис. 20. Даргавский катакомбный могильник. Однокамерные катакомбы. Катакомба № 76

1 Инвентарь камеры (катакомбы) 43: 1 – оселок, бусина 2 – железная пряжка 3 – тесло 4 – железный нож 5 – бусы, костяные амулеты 6 – сосуд стеклянный 7 – оселок	Инвентарь камеры (катакомбы) 44: 1 – фрагмент железного предмета 2 – стеклянный перстень 3 – бубенчик бронзовый 4, 14 – оселок 5 – железный нож 6 – бусы стеклянные 7 – серьги бронзовые 8, 9 – пряжка бронзовая 10 – пряжка железная 11 – железный наконечник стрелы 12 – железный нож 13 – железный топор 14 – оселок

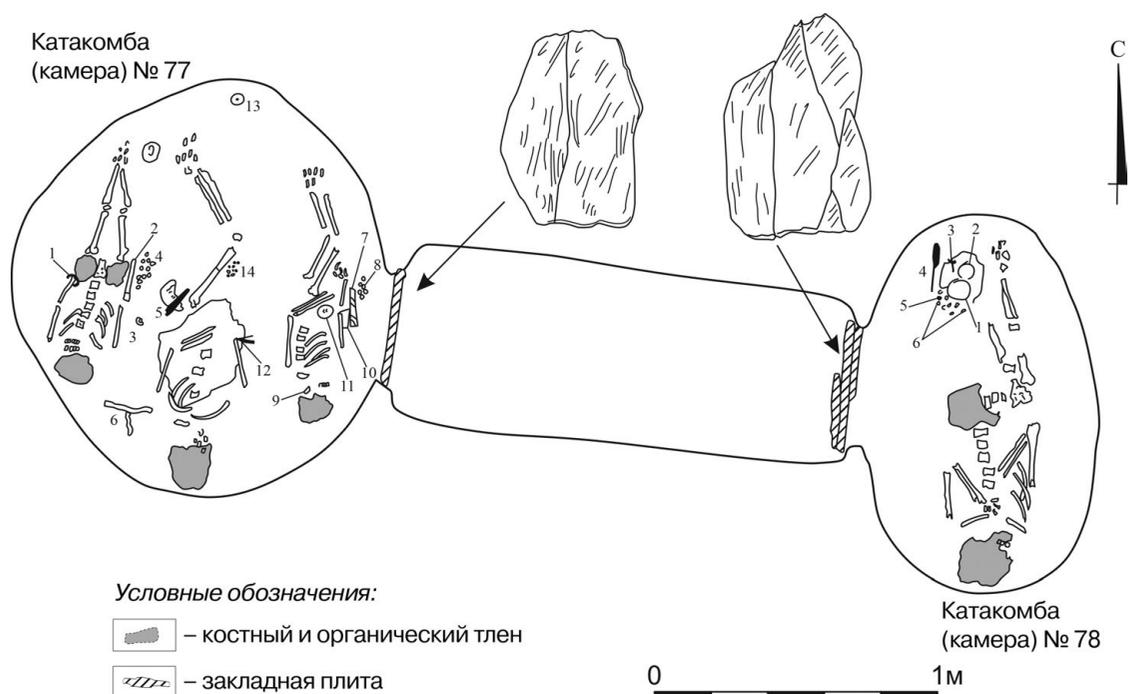

- Инвентарь катакомбы (камеры) 55:
- 1 – серьги бронзовые
 - 2 – железные ножи
 - 3 – железный топор
 - 4 – бубенчик бронзовый
 - 5 – железная пряжка
 - 6 – чаша стеклянная
- Инвентарь катакомбы (камеры) 56:
- 1 – пуговица бронзовая
 - 2 – бубенчик бронзовый
 - 3 – перламутровый диск
 - 4 – обоймица бронзовая
 - 5 – серьга бронзовая

Условные обозначения:

- костный и органический тлен
- закладная плита

Рис. 21. Даргавский катакомбный могильник. Двухкамерные катакомбы
1 – катакомба № 43–44; 2 – катакомба № 55–56

Инвентарь катакомбы (камеры) 77:

- 1 – бронзовый браслет
- 2, 5, 7 – нож
- 3 – бубенчик
- 4, 8 – бусы
- 6 – кожаные ремешки
- 9 – серьги
- 10 – деревянная пирамида
- 11, 13 – зеркало бронзовое
- 12 – пинцет
- 14 – бисер

Инвентарь катакомбы (камеры) 78:

- 1 – бронзовое зеркало
- 2 – браслет
- 3 – фибула
- 4 – железный нож
- 5 – стеклянный перстень
- 6 – бусы
- 7 – железный дверной замок (в заполнении ямы)
- 8 – ручка глиняного сосуда (в заполнении ямы)

Рис. 22. Даргавский катакомбный могильник. Двухкамерные катакомбы. Катакомба № 77–78

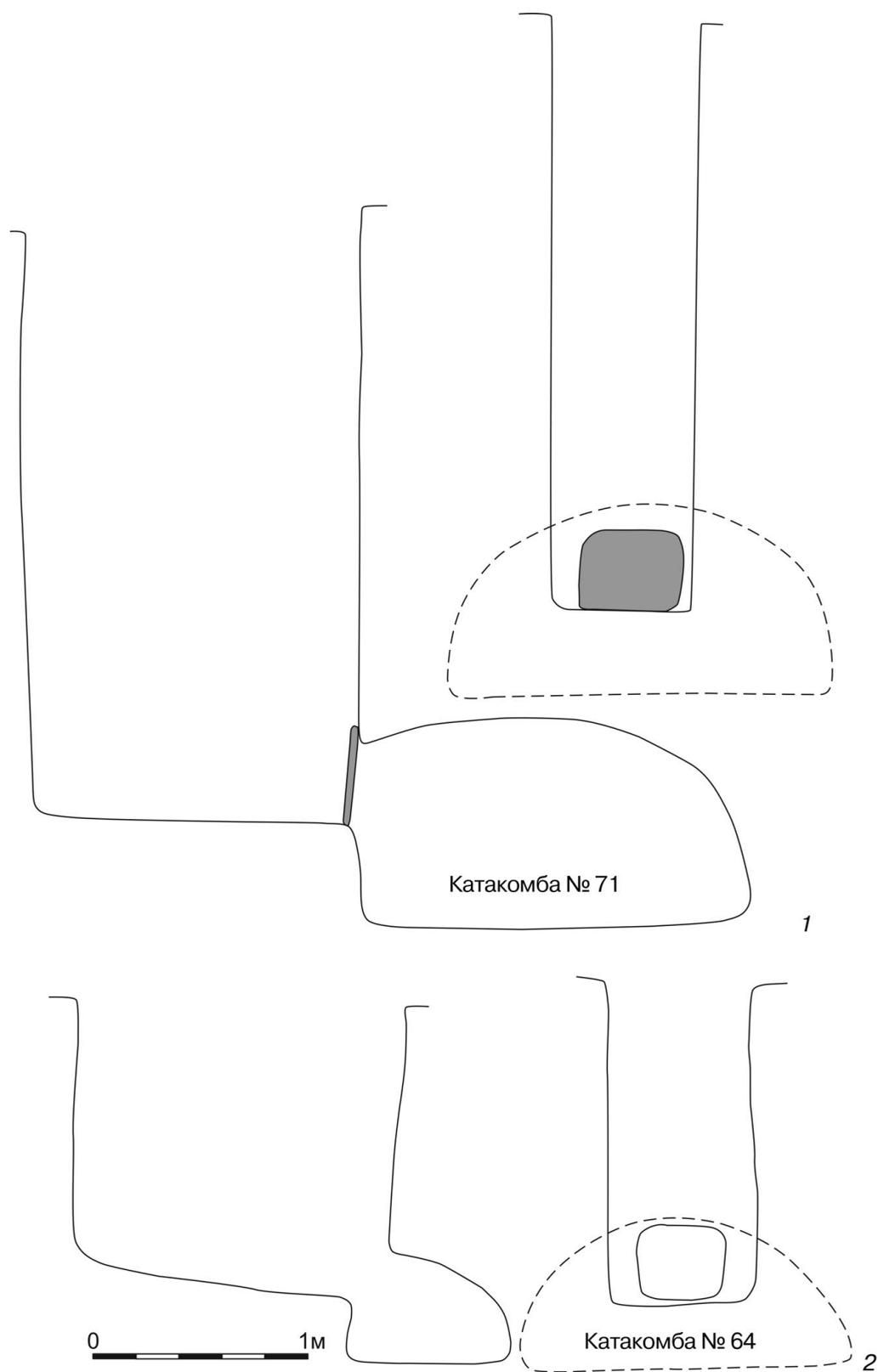

Рис. 23. Даргавский катакомбный могильник. Варианты разрезов однокамерных катакомб
1 – катакомба № 71; 2 – катакомба № 64

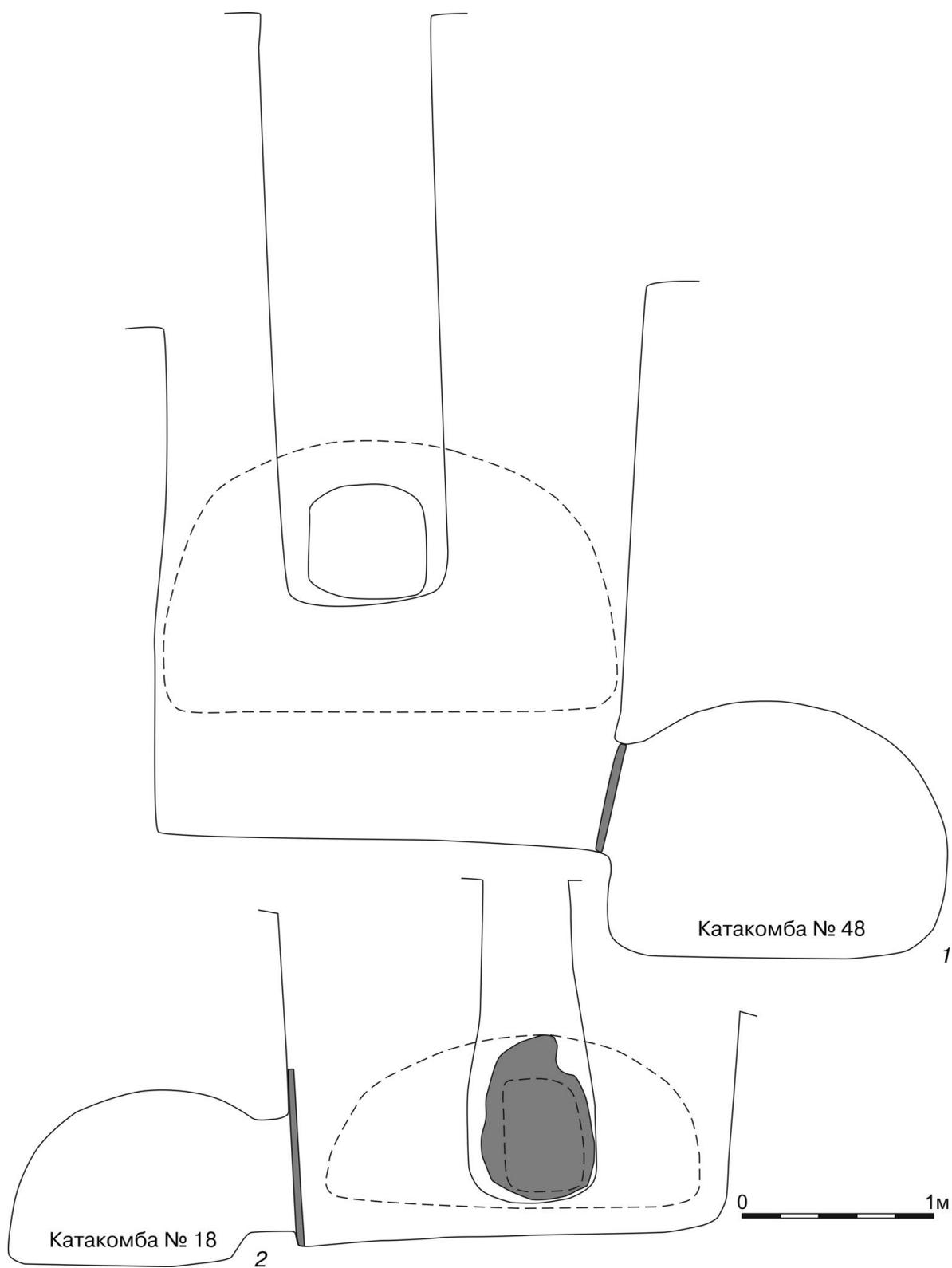

Рис. 24. Даргавский катакомбный могильник. Варианты разрезов однокамерных катакомб
1 – катакомба № 48; 2 – катакомба № 18

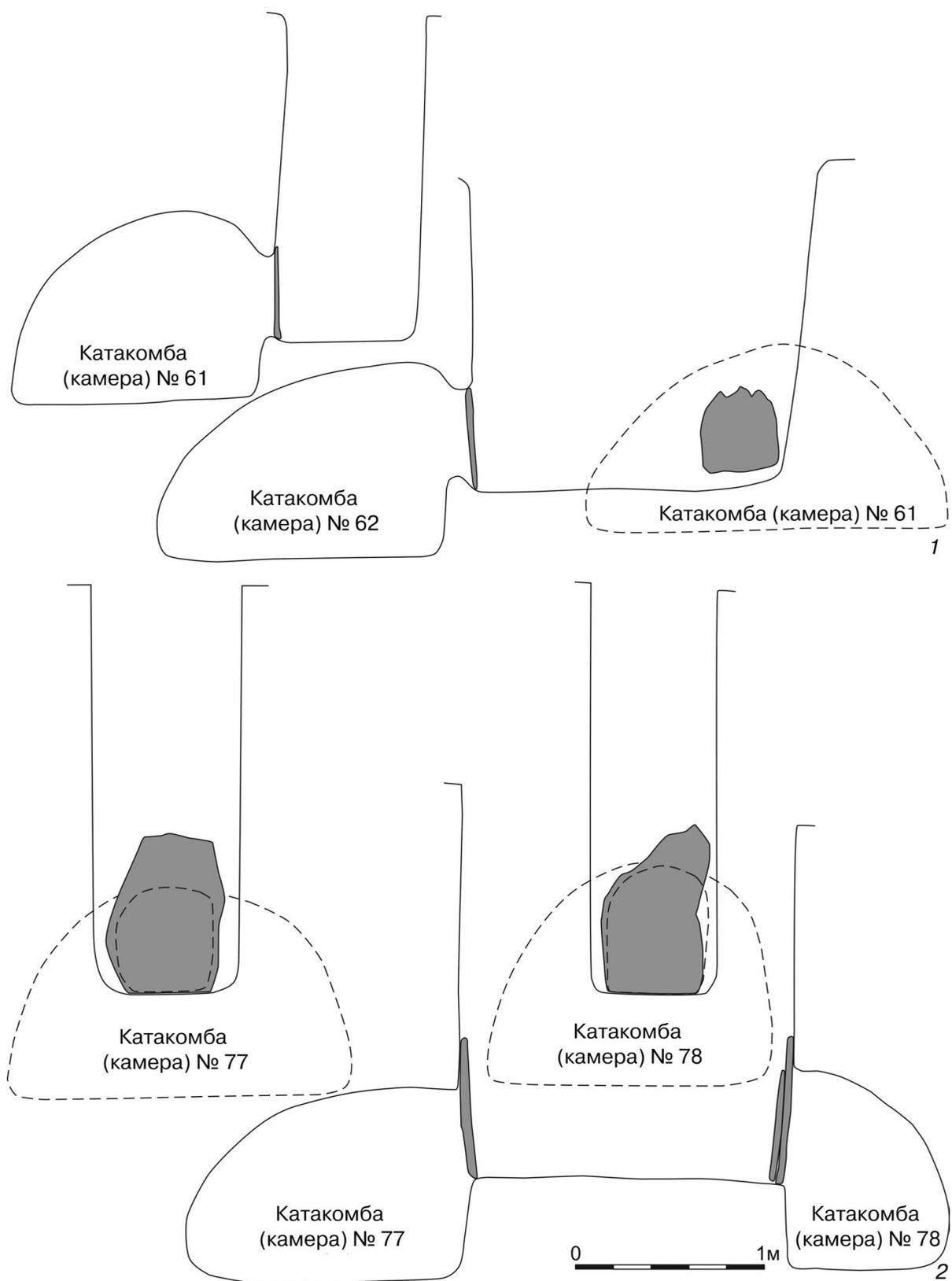

Рис. 25. Даргавский катакомбный могильник. Варианты разрезов двухкамерных катакомб
1 – катакомба № 61–62; 2 – катакомба № 77–78

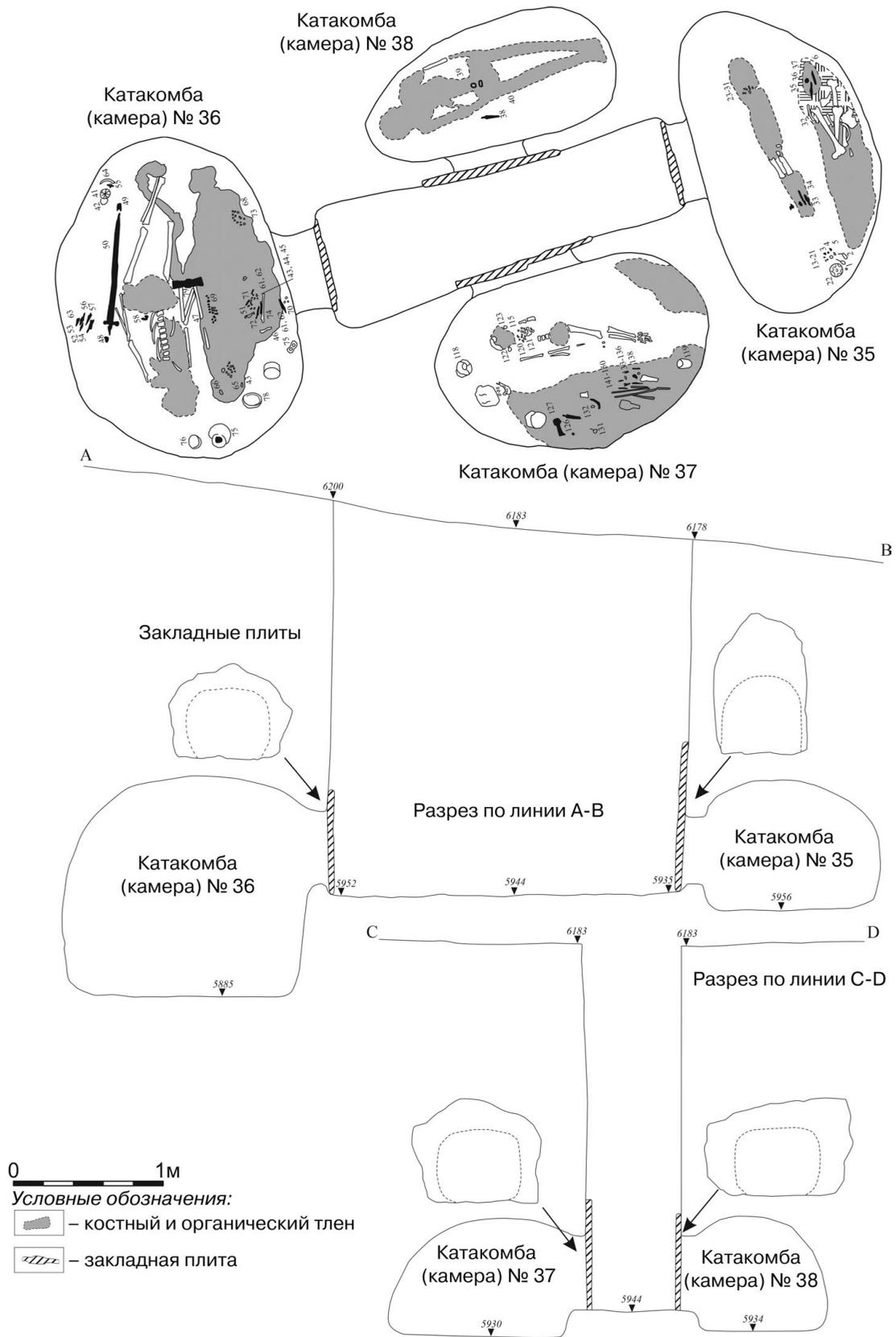

Рис. 26. Даргавский катакомбный могильник. Четырехкамерная катакомба № 36–38

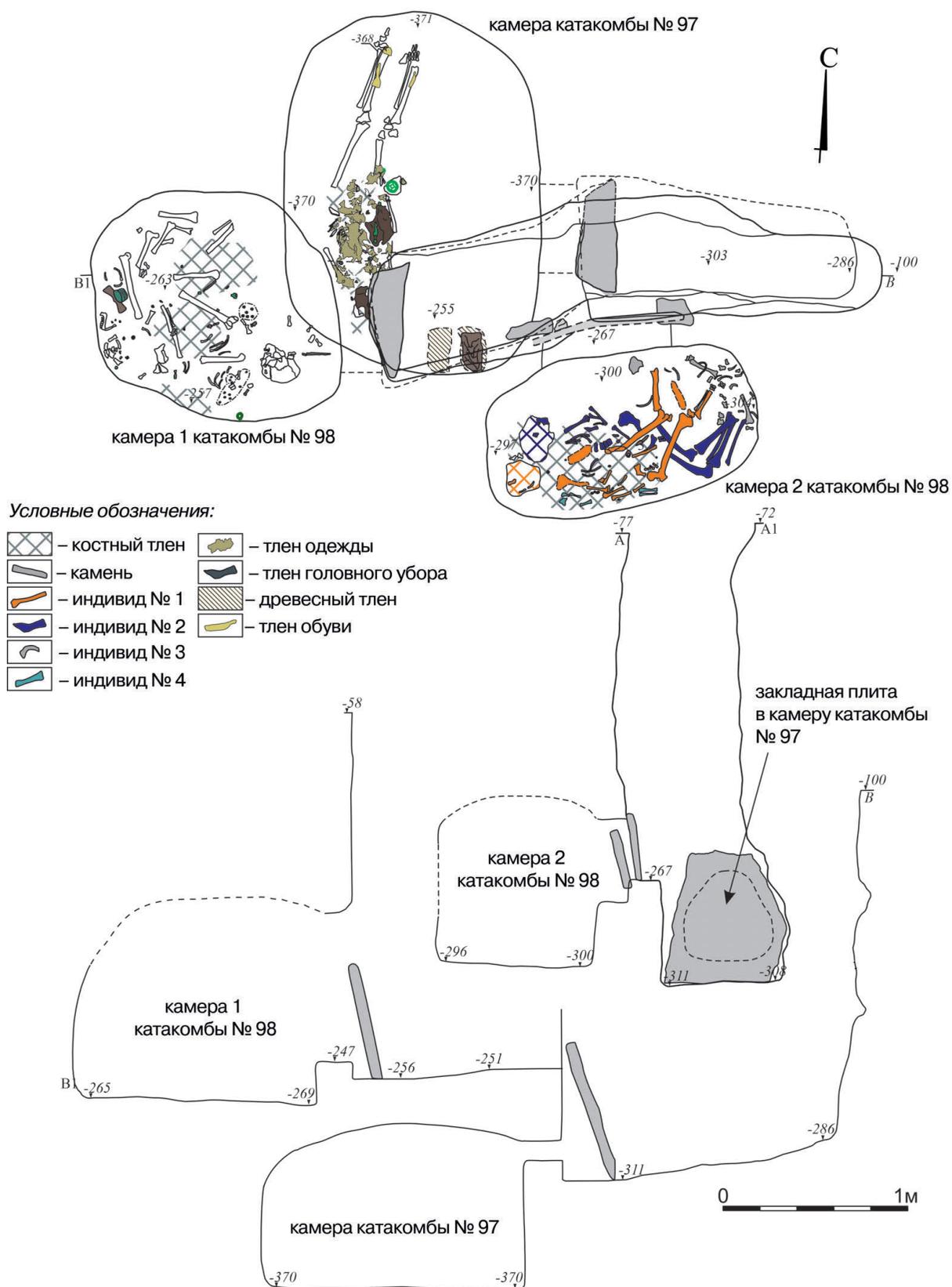

Рис. 27. Даргавский катакомбный могильник. Многокамерная и многоуровневая катакомба № 97–98

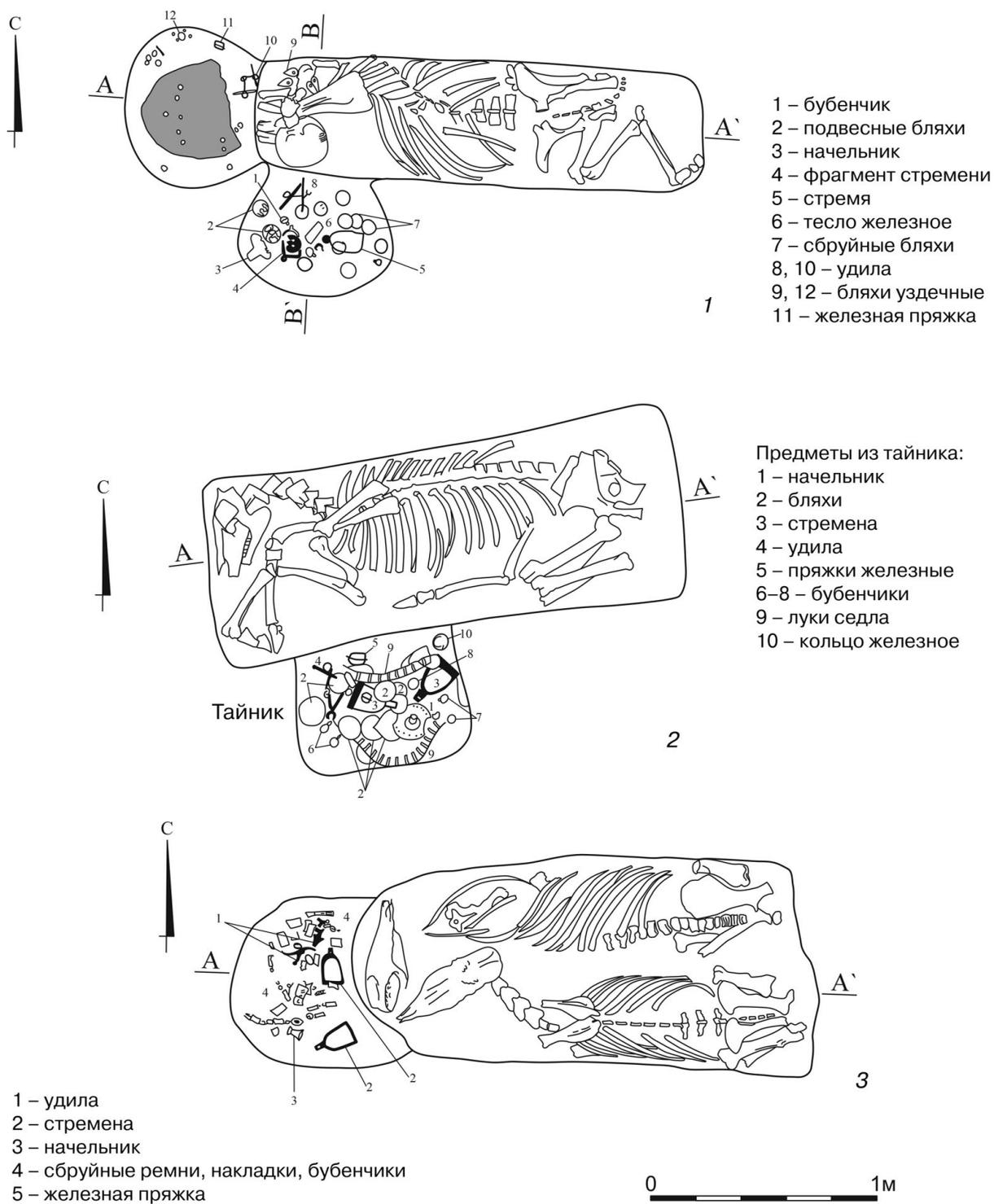

Рис. 28. Даргавский катакомбный могильник. Захоронения лошадей
 1 – захоронение лошади № 5; 2 – захоронение лошади № 4; 3 – захоронение лошади № 9

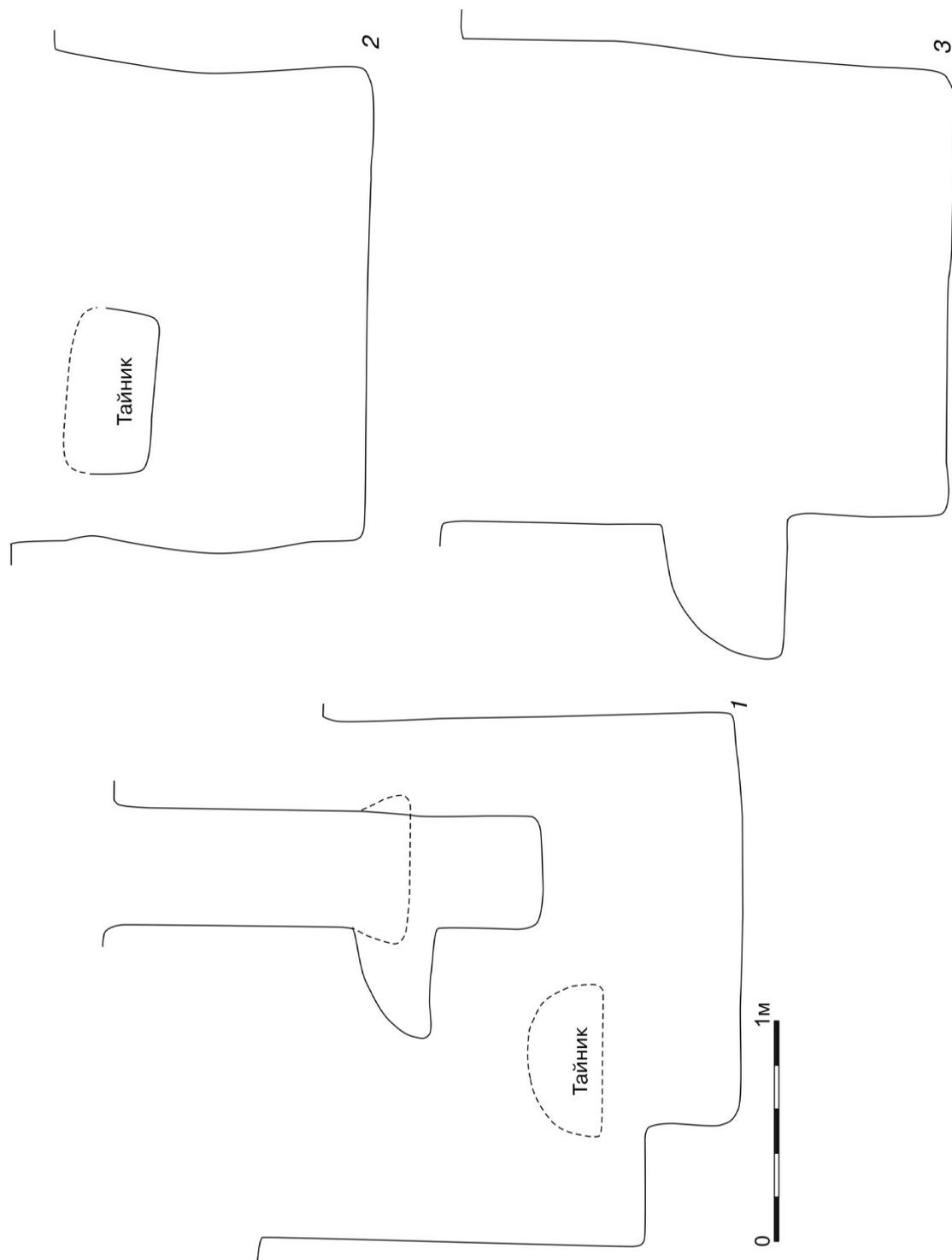

Рис. 29. Даргавский катакомбный могильник. Варианты разрезов могильных ям с захоронениями лошадей
1 – захоронение лошади № 5; 2 – захоронение лошади № 4; 3 – захоронение лошади № 9

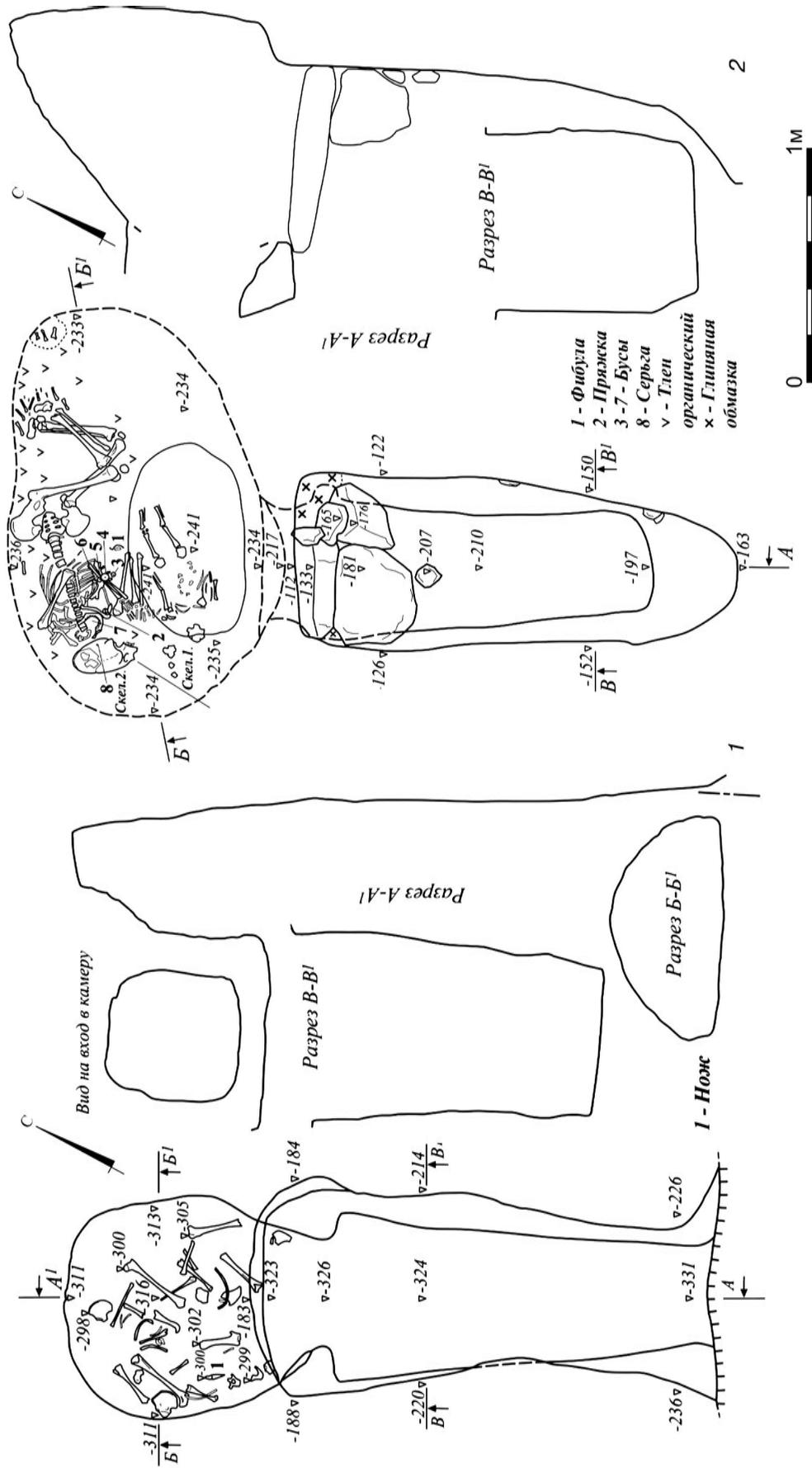

Рис. 30. Однокамерные катакомбы
1 – могильник Гусара I, катакомба № 16; 2 – могильник Гусара I, катакомба № 15, (по: Кадзаева, Канукова, 2020)

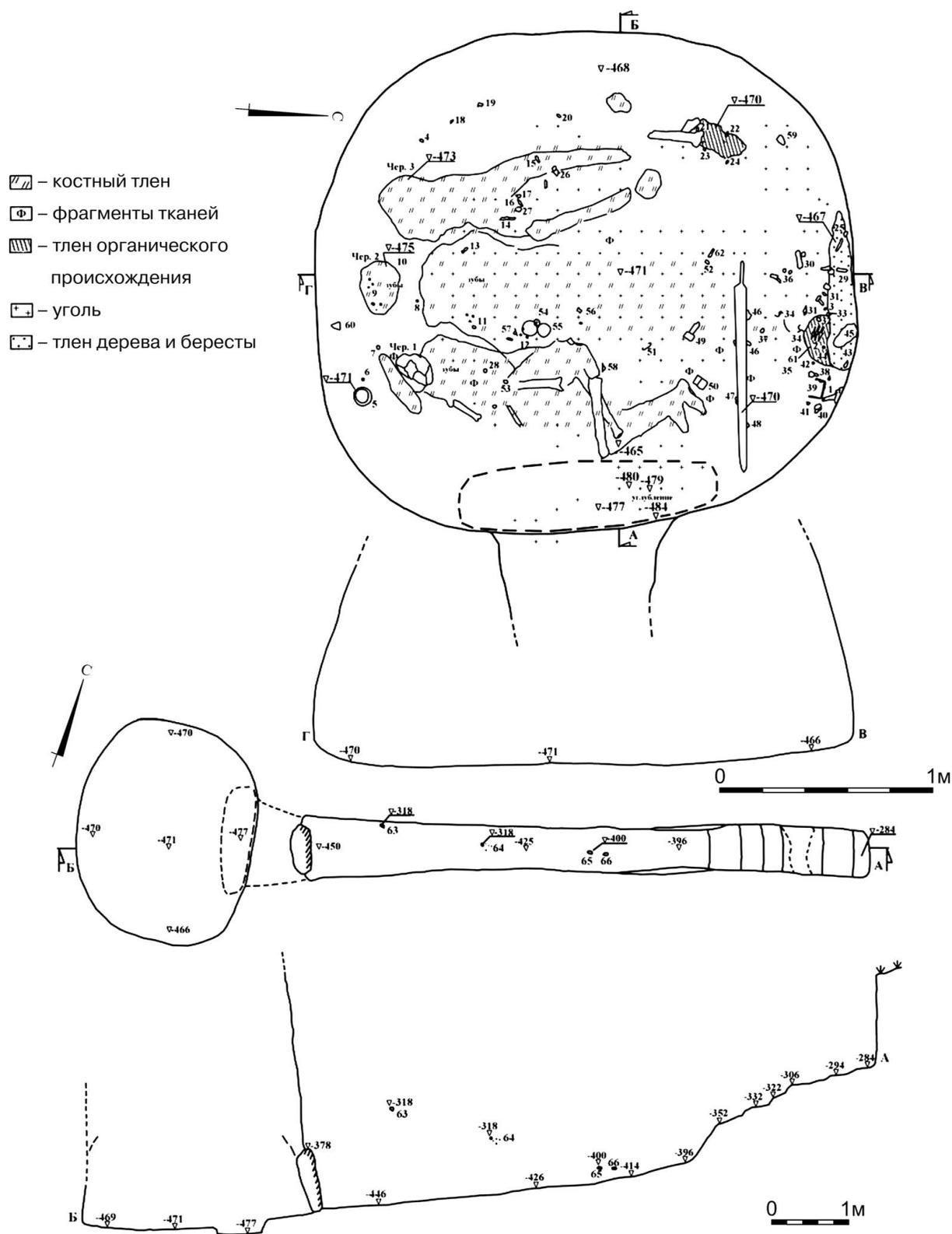

Рис. 31. Однокамерные катакомбы. Могильник Дагом, катакомба № 1 (по: Шестопалова, 2018)

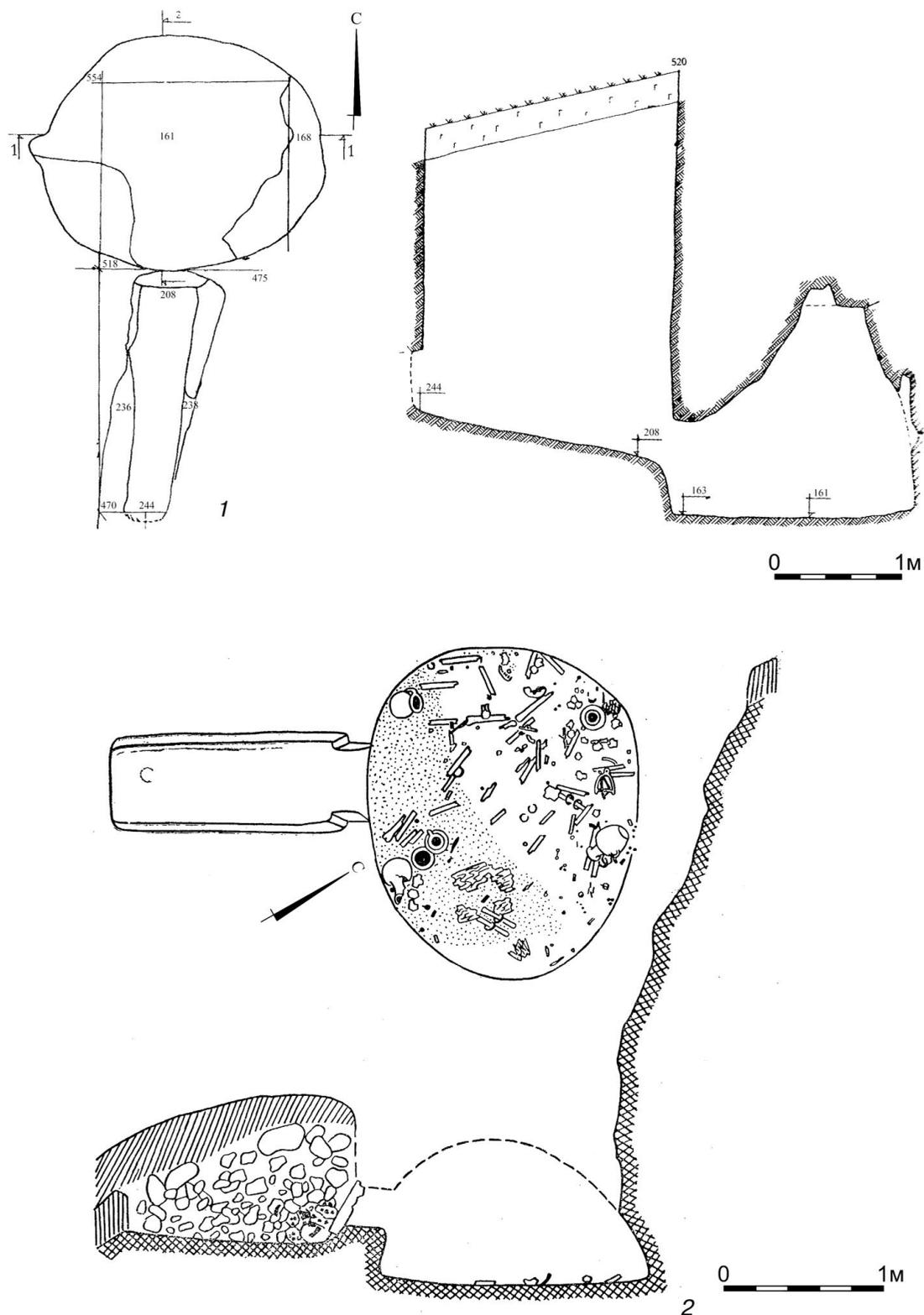

Рис. 32. Однокамерные катакомбы

1 – могильник Чми-Суаргом, катакомба № 6 (по: Ковалевская, 2005); 2 – Хулам, катакомба II (по: Чеченов, 1987)

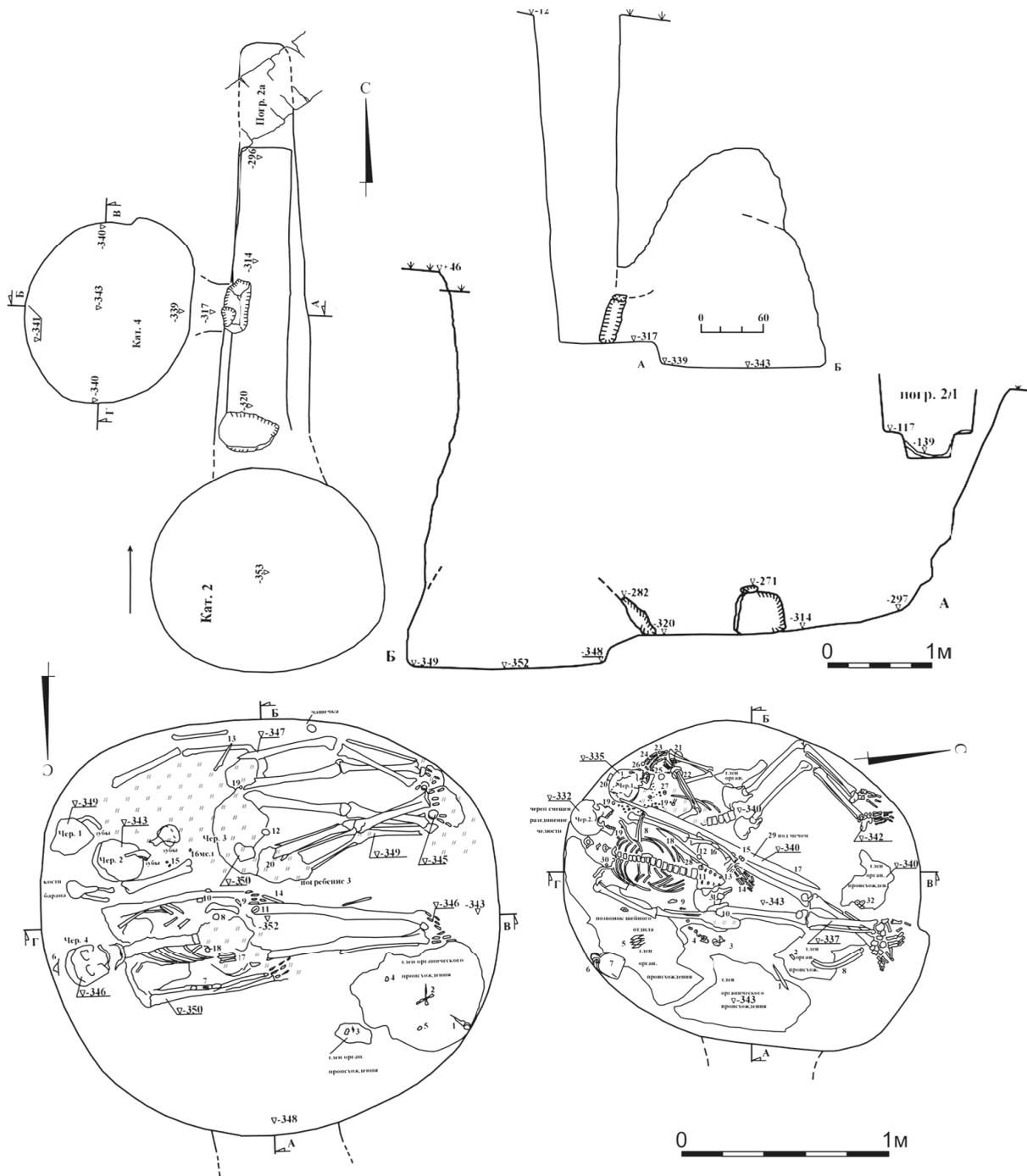

Рис. 33. Двухкамерные катакомбы. Могильник Дагом, катакомба № 2, 4 (по: Шестопалова, 2018)

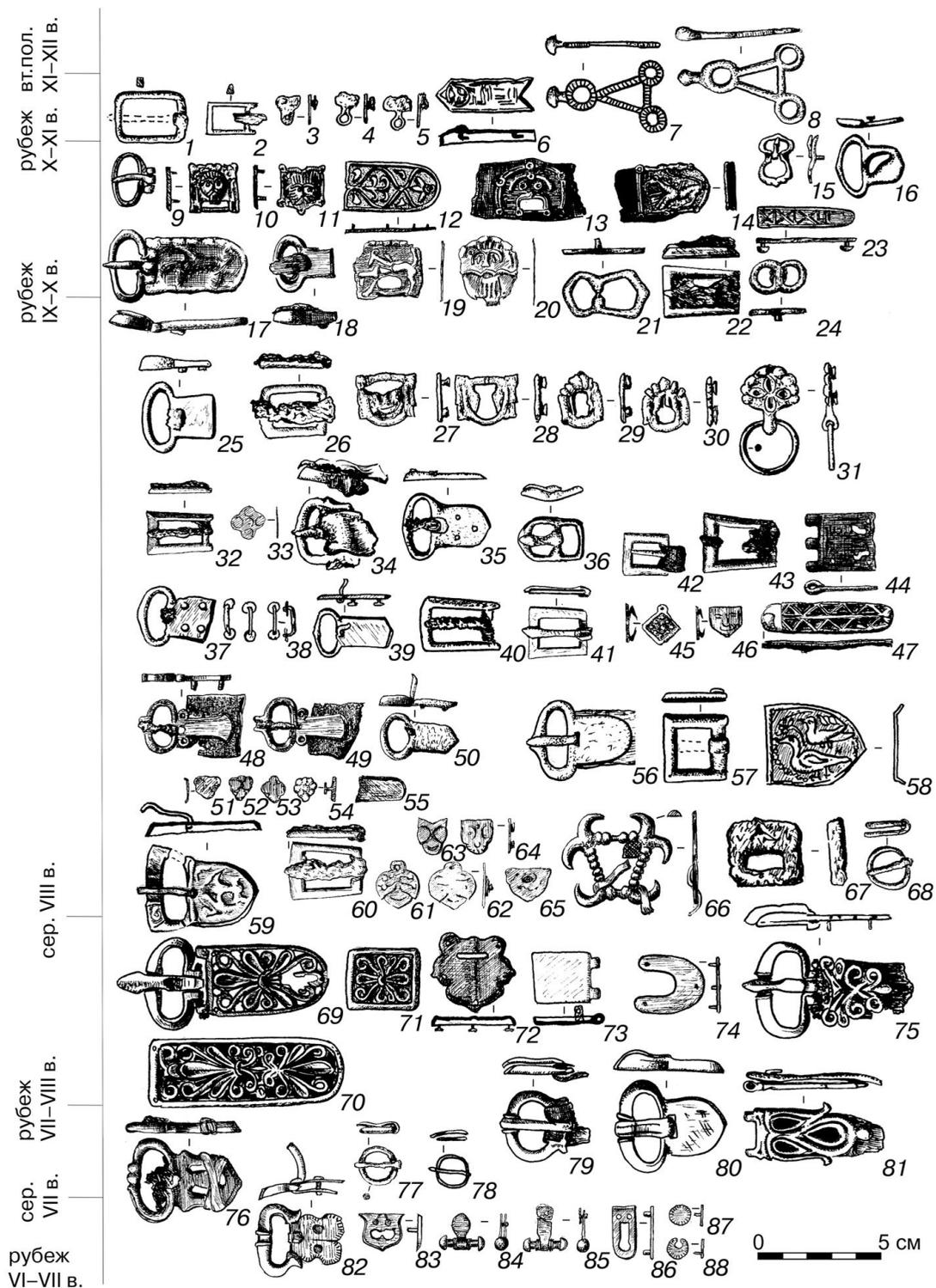

Рис. 34. Даргавский катакомбный могильник. Детали ременных гарнитур

1–5 – кат. № 39; 6 – кат. № 66; 7 – кат. № 67; 8 – кат. № 4; 9–12 – кат. № 28; 13–16 – кат. № 5; 17–20 – кат. № 16; 21–24 – кат. № 1; 25–31 – кат. № 55; 32, 33 – кат. № 6; 34 – кат. № 24; 35 – кат. № 46; 36, 41 – кат. № 53; 37–39 – кат. № 36; 40 – кат. № 34; 42–47 – кат. № 2; 48–55 – кат. № 22; 56, 57 – кат. № 47; 58 – кат. № 76; 59 – кат. № 71; 60–65 – кат. № 7; 66–68 – кат. № 72; 69–74, 78 – кат. № 59; 75 – кат. № 60; 76 – кат. № 12; 77 – кат. № 74; 79–81 – кат. № 27; 82–88 – кат. № 11

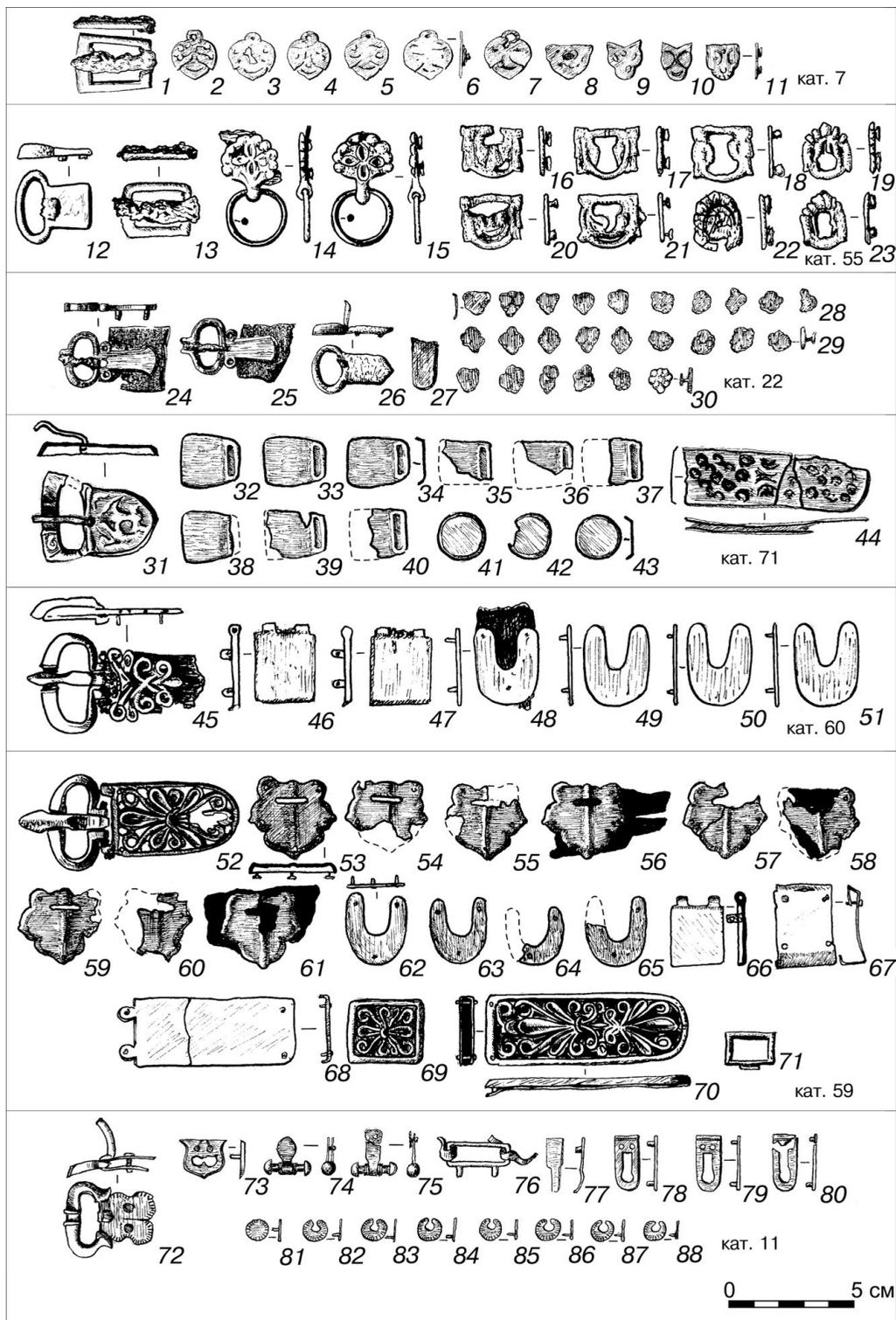

Рис. 35. Даргавский катакомбный могильник. Поясные наборы

1–11 – кат. № 7; 12–23 – кат. № 55; 24–30 – кат. № 22; 31–44 – кат. № 71; 45–51 – кат. № 60; 52–71 – кат. № 59; 72–88 – кат. № 11

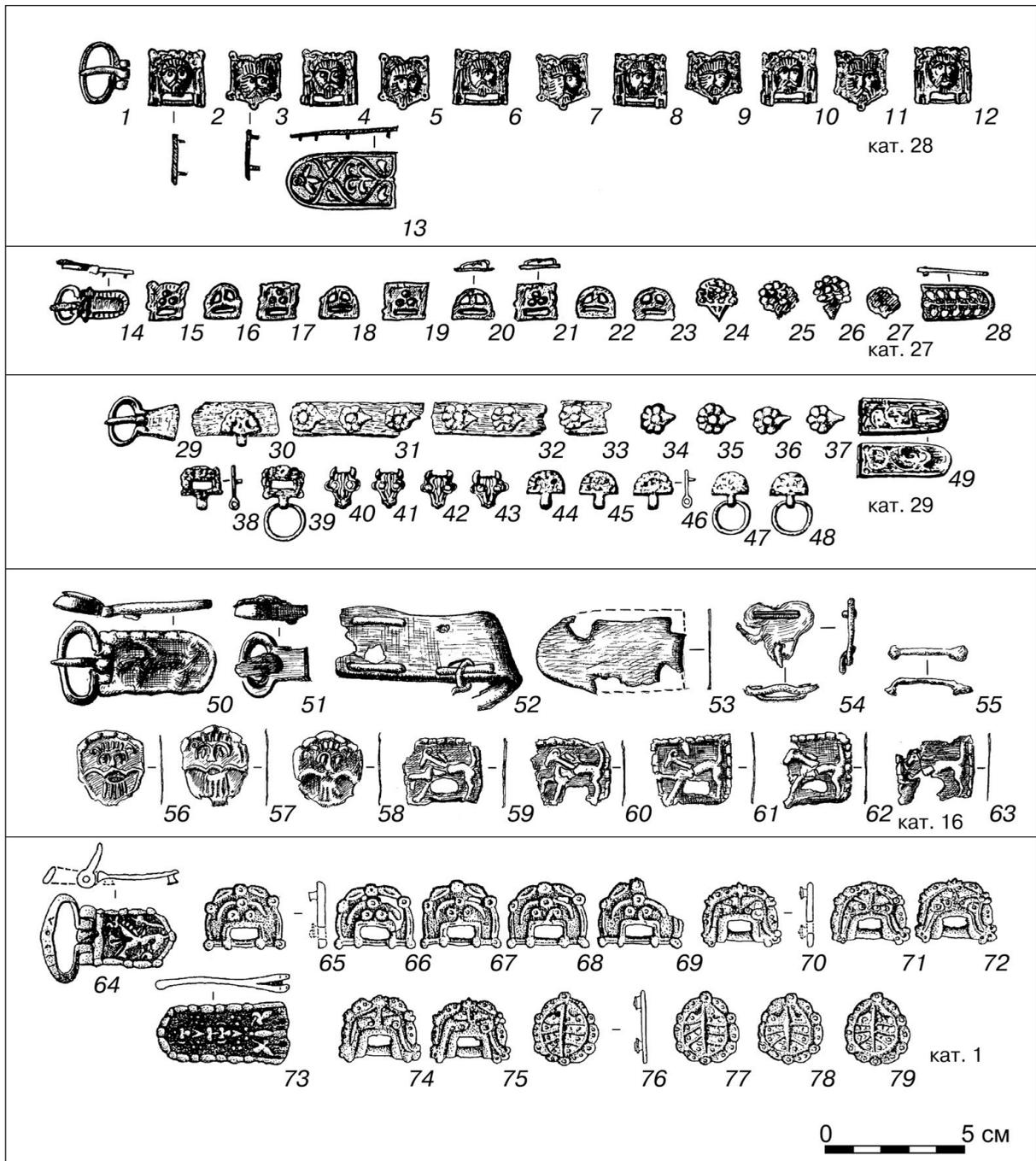

Рис. 36. Поясные наборы

Даргавский катакомбный могильник: 1–13 – кат № 28; 14–28 – кат. № 27; 50–63 – кат. № 16.
Тарский могильник: 29–49 – кат. № 29 (по: Кантемиров, Дзаттиаты, 1995). Могильник Кобан: 64–79 – кат. I (по: Хайнрих, 1995)

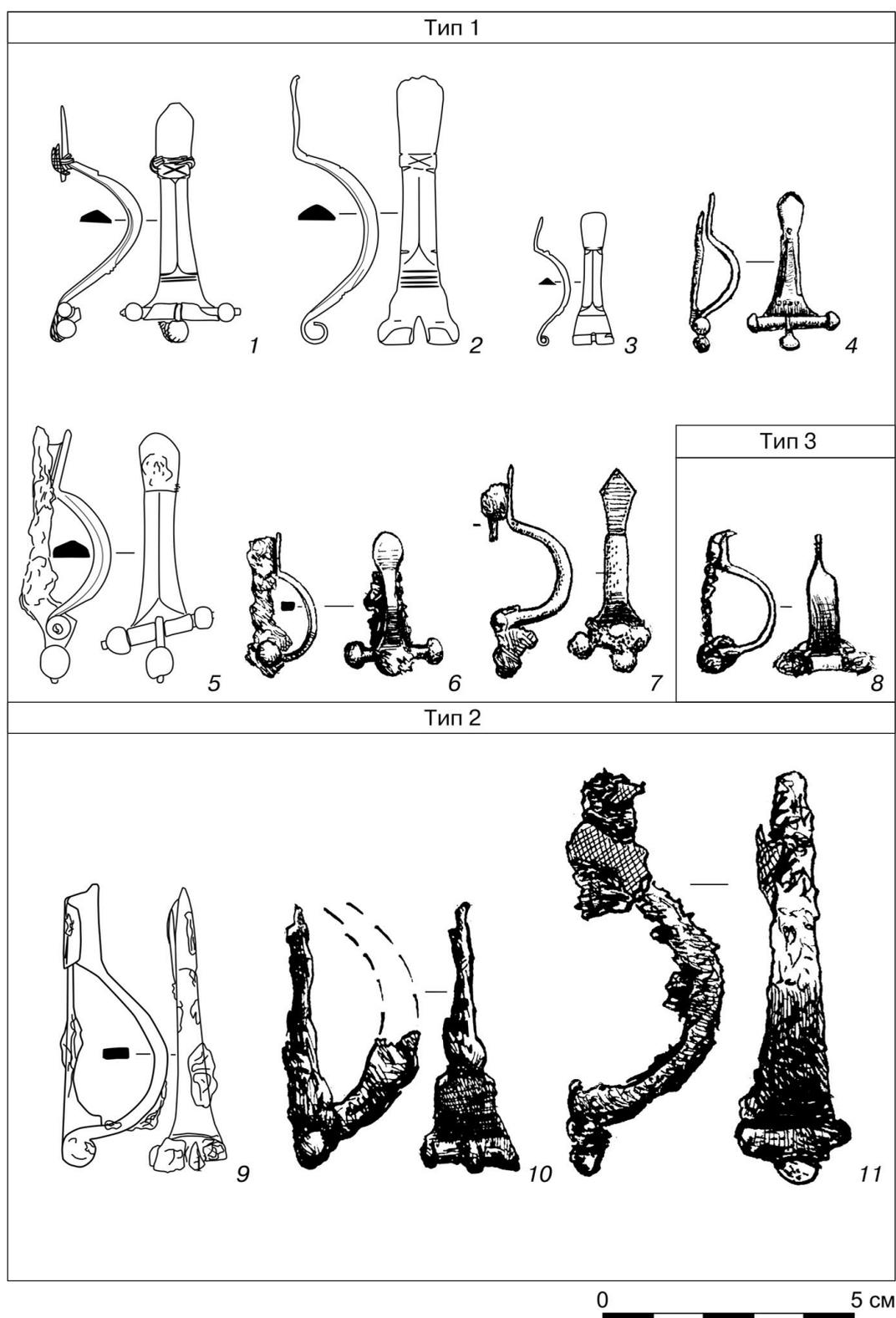

Рис. 37. Даргавский катакомбный могильник. Фибулы

1–3 – кат. № 59; 4, 11 – кат. № 75; 5 – кат. № 27; 6 – кат. № 12; 7 – кат. № 21; 8 – кат. № 74; 9 – кат. № 13; 10 – кат. № 14 (по: Албегова, Успенский, 2017)

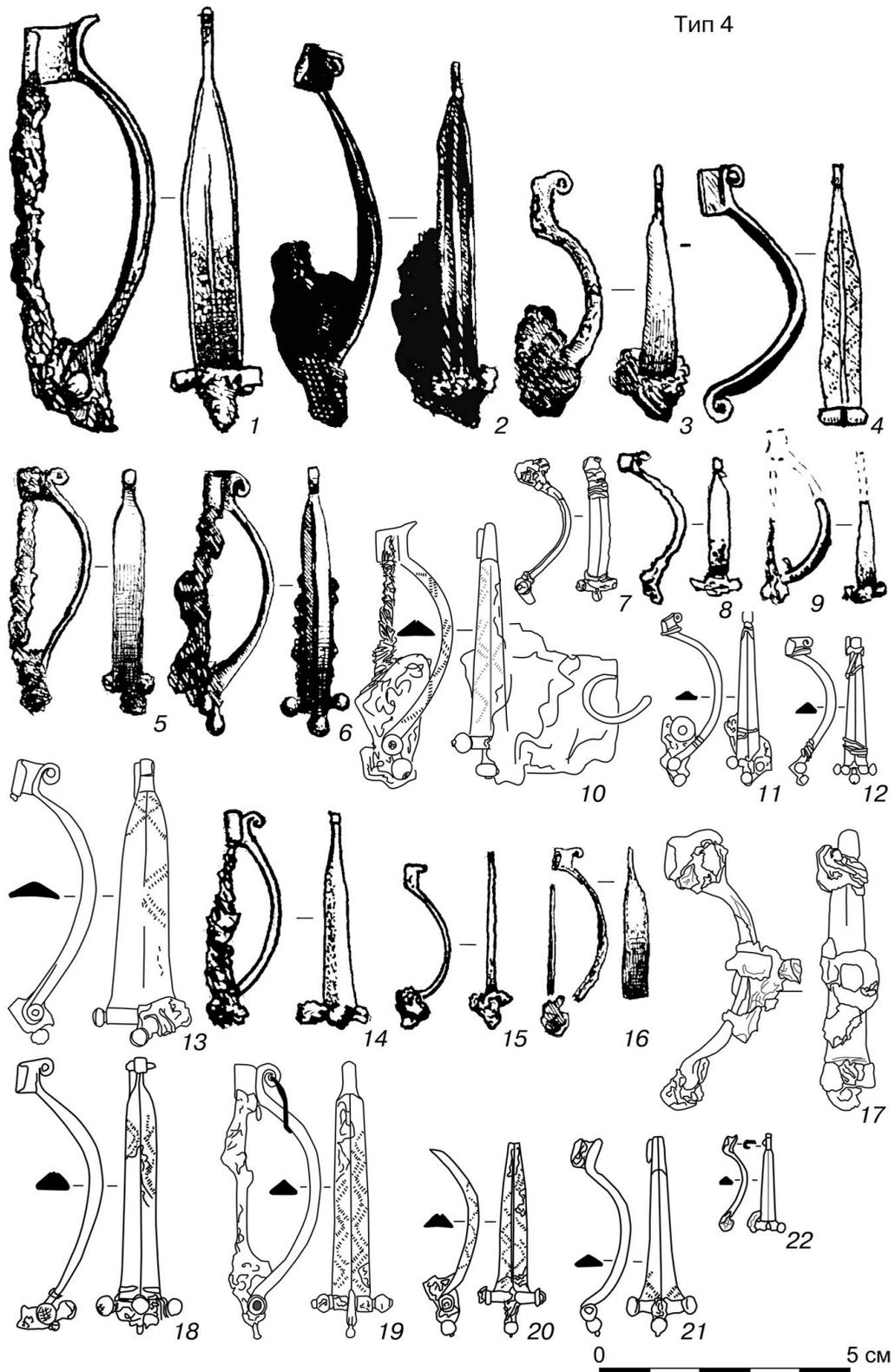

Рис. 38. Даргавский катакомбный могильник. Фибулы

1 – кат. № 36; 2 – кат. № 1; 3 – кат. № 28; 4 – кат. № 65; 5 – кат. № 71; 6 – кат. № 2;
 7–12 – кат. № 53; 13–15 – кат. № 47; 16 – кат. № 19; 17 – кат. № 78; 18–22 – кат. № 76
 (по: Албегова, Успенский, 2017)

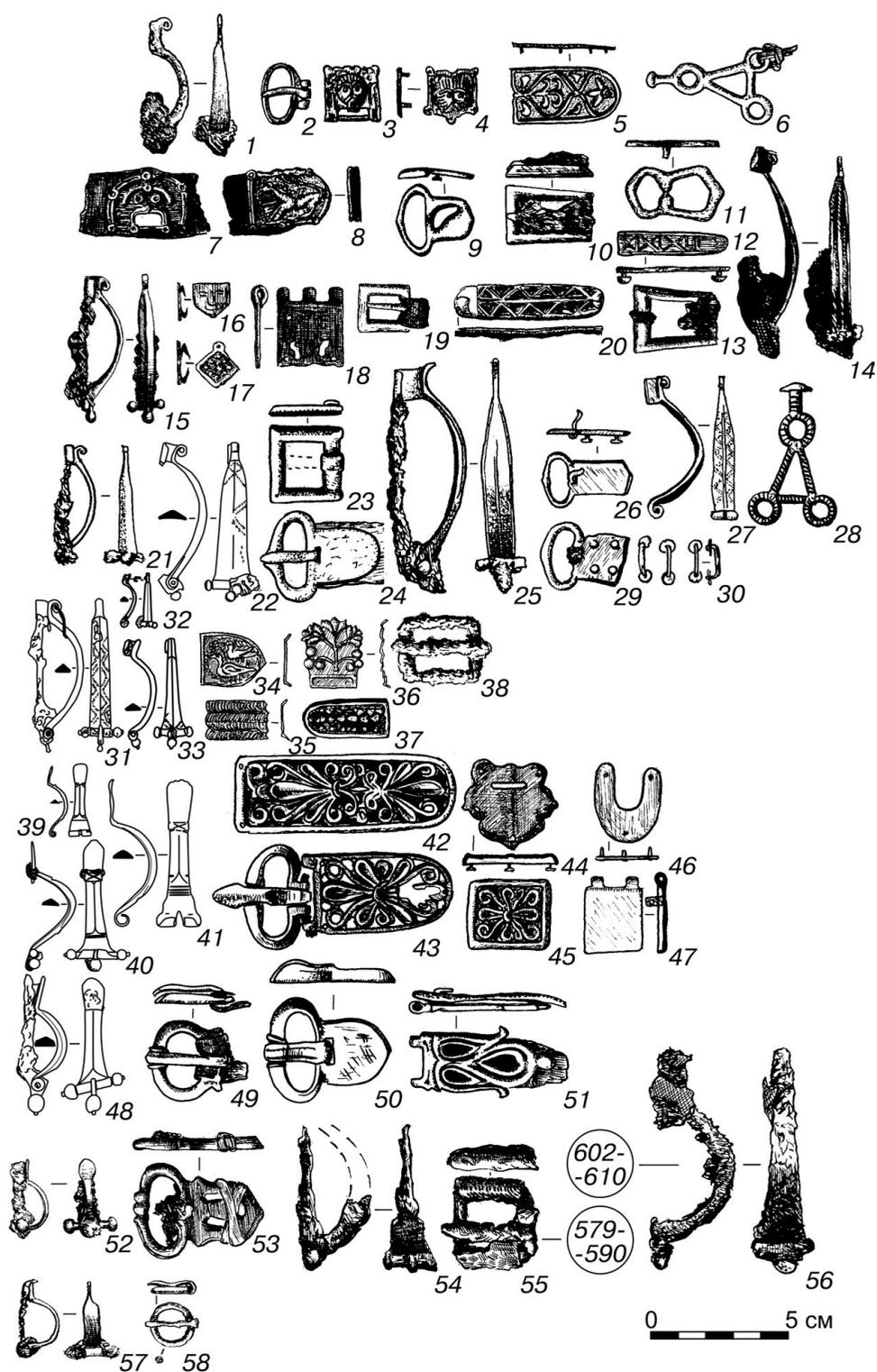

Рис. 39. Даргавский катакомбный могильник.

Взаимовстречаемость фибул с элементами ременных гарнитур

1-6 – кат. № 28; 7, 8 – кат. № 5; 9-12, 14 – кат. № 1; 13, 15-20 – кат. № 2; 21-24 – кат. № 47; 25, 26, 29, 30 – кат. № 36; 27, 28 – кат. № 65; 31-38 – кат. № 76; 39-47 – кат. № 59; 48-51 – кат. № 27; 52, 53 – кат. № 12; 54, 55 – кат. № 14; 56 – кат. № 75; 57, 58 – кат. № 74

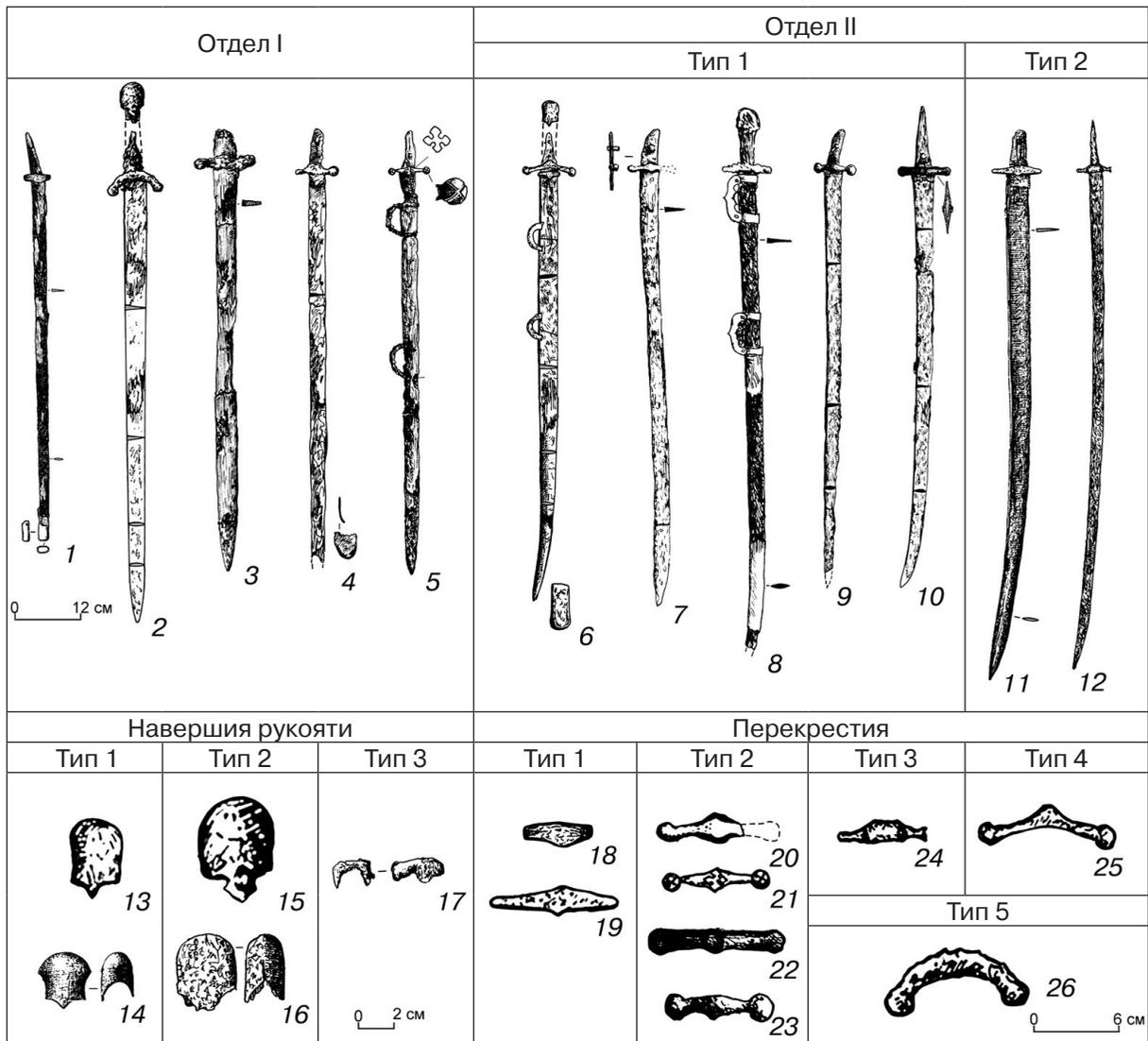

Рис. 40. Длинноклиновое вооружение

1–5 – однолезвийные клинки без изгиба; 6–12 – сабли; 13–17 – навершия рукоятей; 18–26 – перекрестия; 1, 18 – кат. № 71; 2, 15, 26 – кат. № 28; 3 – кат. № 47; 4 – кат. № 69; 5, 21 – кат. № 31; 6, 13, 25 – кат. № 26; 7, 20 – кат. № 39; 8 – кат. № 76; 9, 23 – кат. № 33; 10, 17, 22 – кат. № 36; 11, 19 – кат. № 20; 12, 24 – кат. № 1; 14 – кат. № 2; 16 – кат. № 67. 1–26 – Даргавский катакомбный могильник

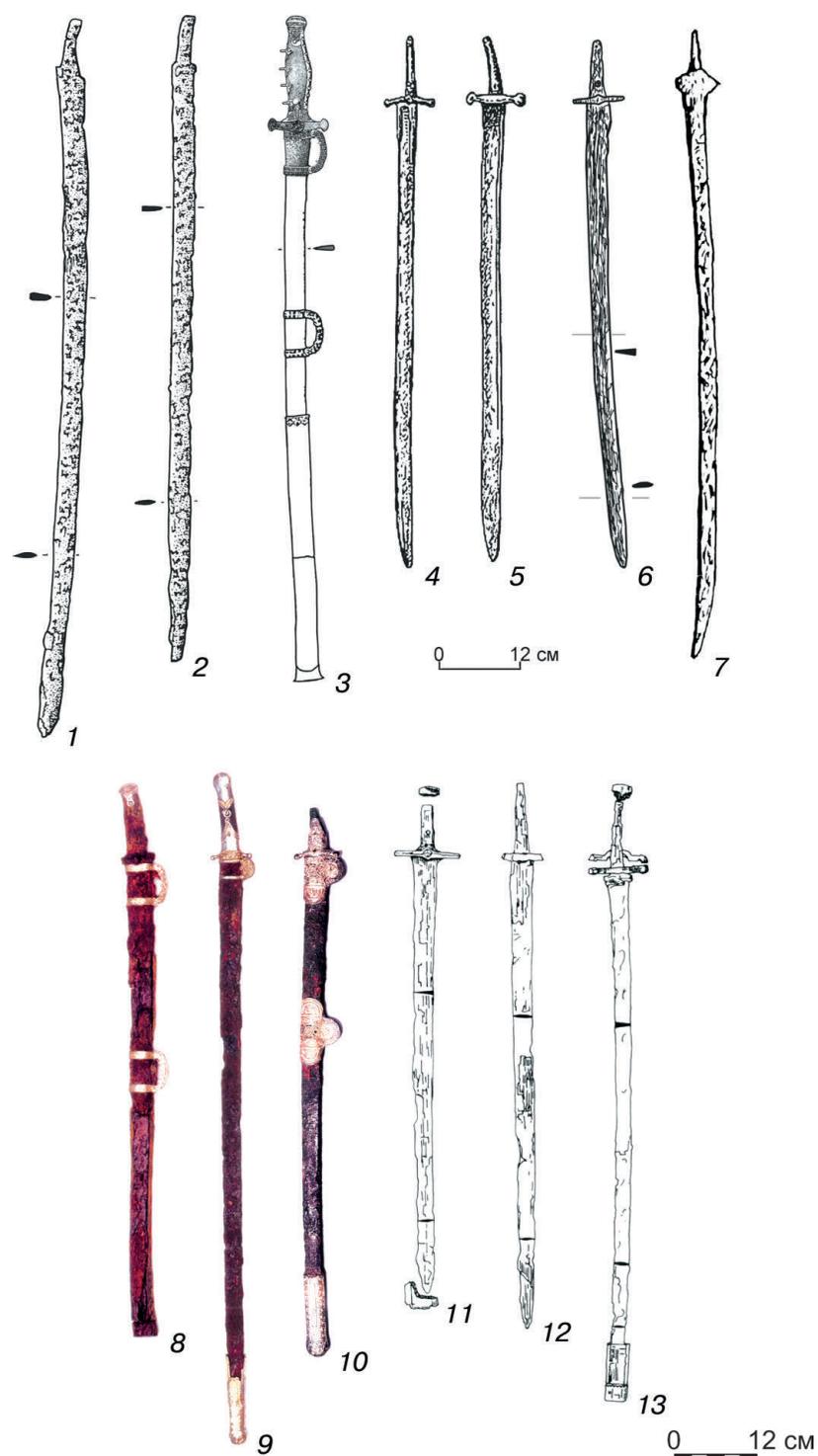

Рис. 41. Длинноклинковое вооружение

1, 2 – Кобанский могильник, кат. VII; 3 – Кобанский могильник, катакомба V (по: Хайнрих, 1995); 4, 5 – могильник Дюрсо (по: Дмитриев, 2003); 6 – Галиатский склеп (по: Кадиева, 2012); 7 – Тарский могильник, кат. № 3 (по: Кантемиров, Дзаттиаты, 1995); 8 – Тарский могильник, кат. № 9; 9 – Змейский могильник, кат. № 9; 10 – Змейский могильник, кат. № 14 (по: Габуев, 2005); Дмитровский могильник: 11 – кат. № 5; 12 – кат. № 52; 13 – кат. № 109 (по: Плетнева, 1989)

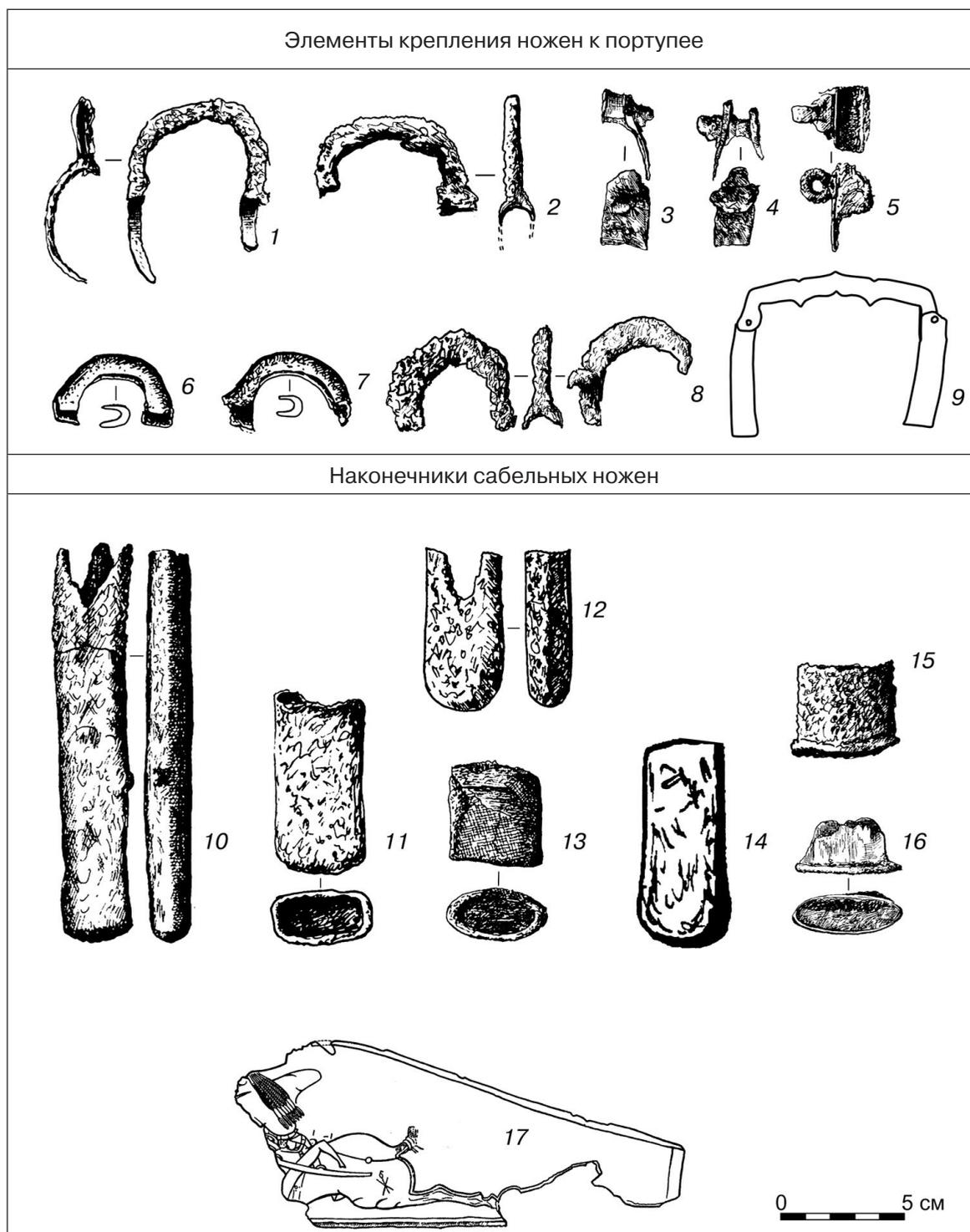

Рис. 42. Длинноклиновое вооружение.

Детали сабельных ножен по материалам Даргавского катакомбного могильника

1–9 – скобы и петли для подвешивания к портупее; 10–16 – наконечники ножен; 17 – костяная седельная накладка с изображением всадника вооруженного слабоизогнутым клинком.

1, 2, 11 – кат. № 31; 3, 4 – кат. № 2; 5, 13 – кат. № 20; 6, 7, 14 – кат. № 26; 8, 12 – кат. № 67;

9 – кат. № 76; 10 – кат. № 1; 15 – кат. № 36; 16 – кат. № 19; 17 – могильник Чир-Юрт, курган 17

(по: Магомедов, 1983)

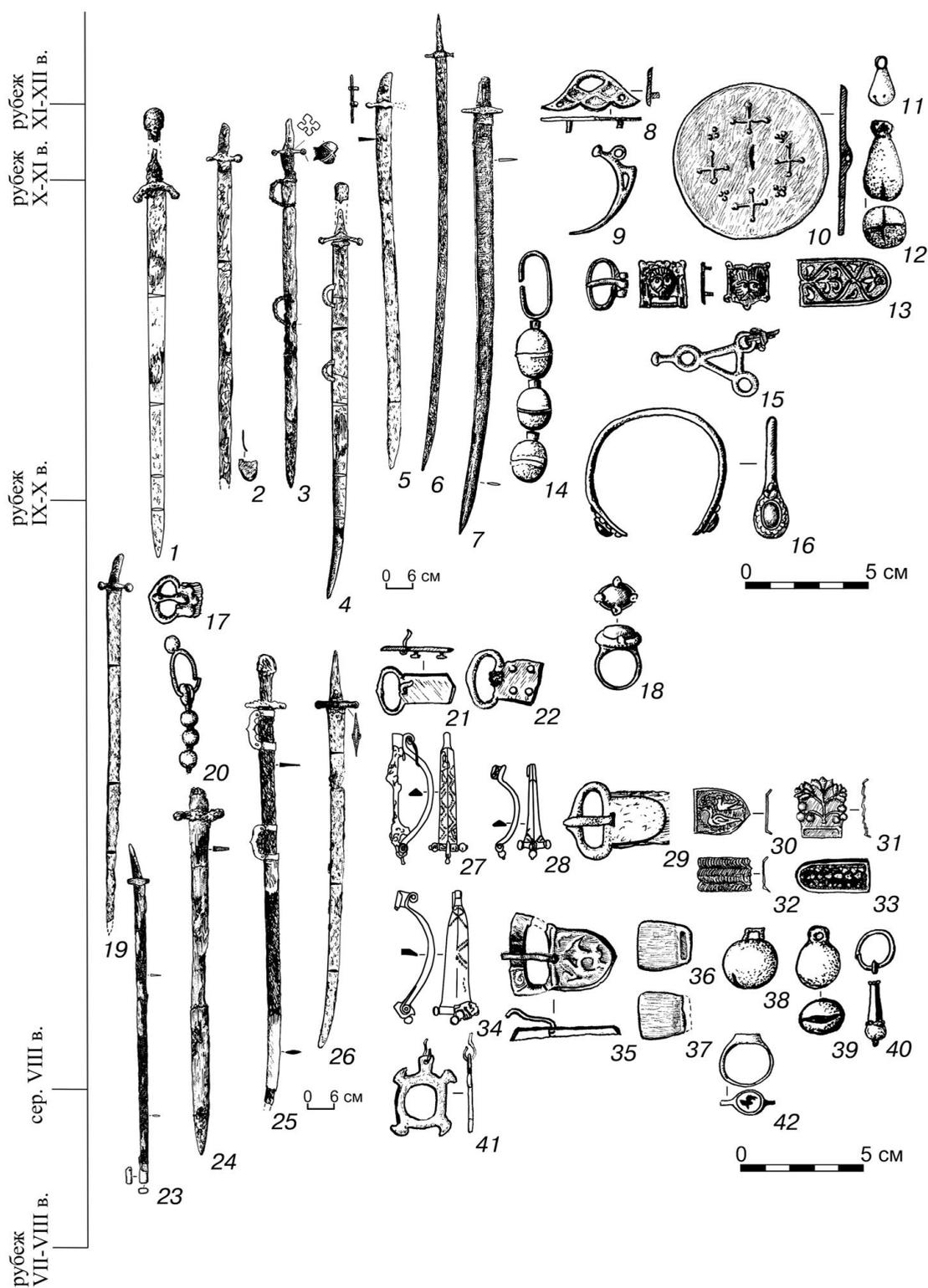

Рис. 43. Хронологическое распределение предметов длинноклинкового вооружения Даргавского катакомбного могильника

1, 9, 11, 13, 15, 16, 18 – кат. № 28; 2, 10 – кат. № 69; 3 – кат. № 31; 4 – кат. № 26; 5, 8 – кат. № 39; 6, 12 – кат. № 1; 7 – кат. № 20; 14 – кат. № 26; 17, 19, 20 – кат. № 33; 21, 22, 26 – кат. № 36; 23, 35–37, 41 – кат. № 71; 24, 34, 38, 40, 42 – кат. № 47; 25, 27–33, 39 – кат. № 76

Группа 1. Однолезвийные

Отдел I		Отдел II	
Тип 1	Тип 2	Тип 1	Тип 2
A	Б	A	Б

Группа 2. Двулезвийные

Отдел I		Отдел II	
Тип 1	Тип 2	Тип 1	Тип 2
A	Б	A	Б

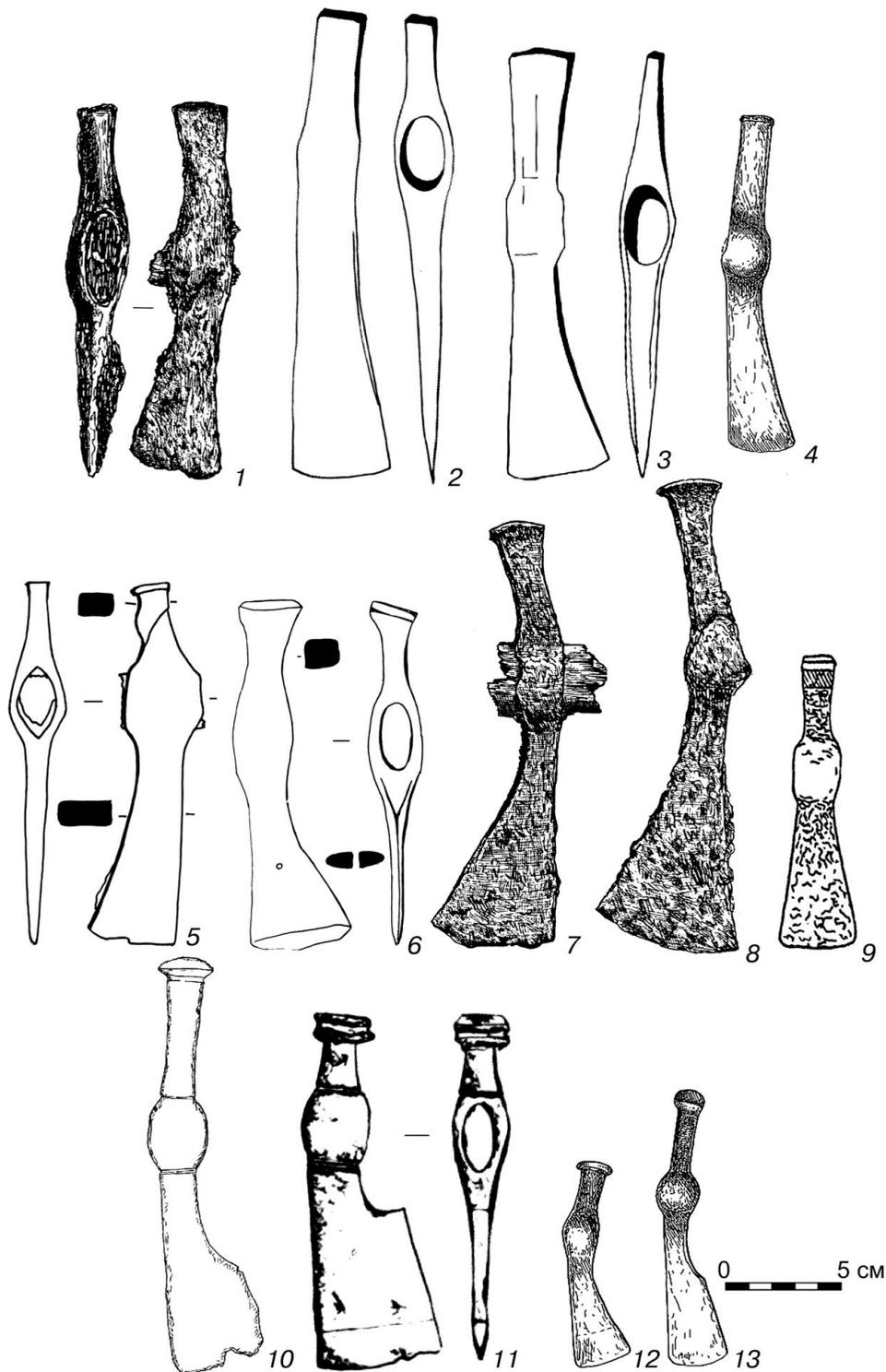

Рис. 45. Однолезвийные топоры

Тарский могильник: 1 – кат. № 13; 7, 8 – кат. № 24 (по: Кантемиров Дзаттиаты, 1995);
 Дмитровский могильник: 2 – кат. № 79; 3 – кат. № 3 (по: Плетнева, 1989). Могильник Дюрсо:
 4 – погр. № 156; 12 – погр. № 30; 13 – погр. № 118 (по: Дмитриев, 2003); Балта: 5 – кат. № 5;
 6 – кат. № 8 (по: Гончаров, Кадиева, 2019); 9 – Верхне-Алкунский могильник, кат. № 2
 (по: Мамаев, 2010); 10 – могильник 8я Щель (по: Успенский, 2015); 11 – Молдовановский
 могильник, погр. № 25 (по: Пьянков, Тарабанов, 2004)

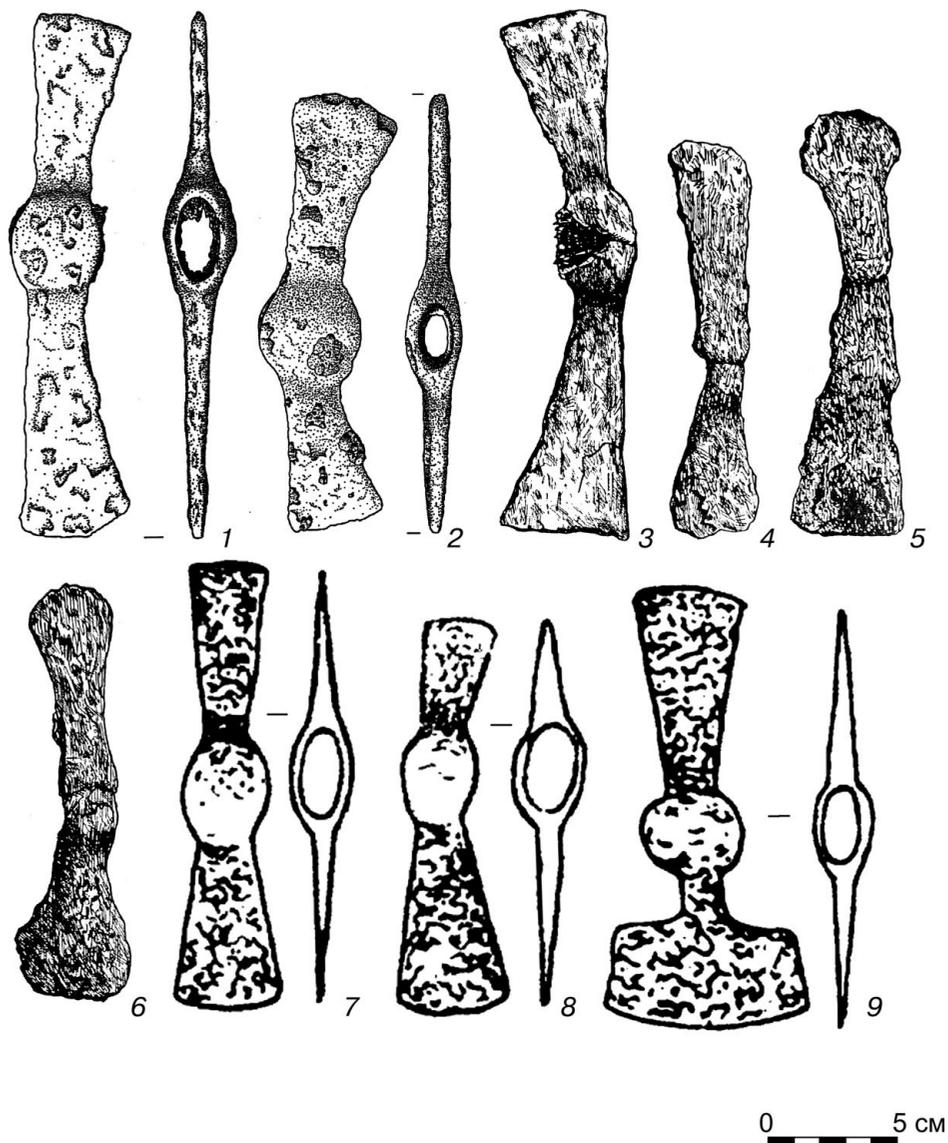

Рис. 46. Двухлезвийные топоры с параллельными лезвиями

Могильник Балта: 1 – кат. IV; 2 – депаспортизованная находка (по: Хайнрих, 1995);
Тарский могильник: 3 – кат. № 23; 4, 6 – кат. № 8; 5 – кат. № 9 (по: Кантемиров, Дзаттиаты, 1995);
Могильник Мартан-Чу: 7, 8 – погр. № 17; 9 – погр. № 6 (по: Виноградов, Мамаев, 1984)

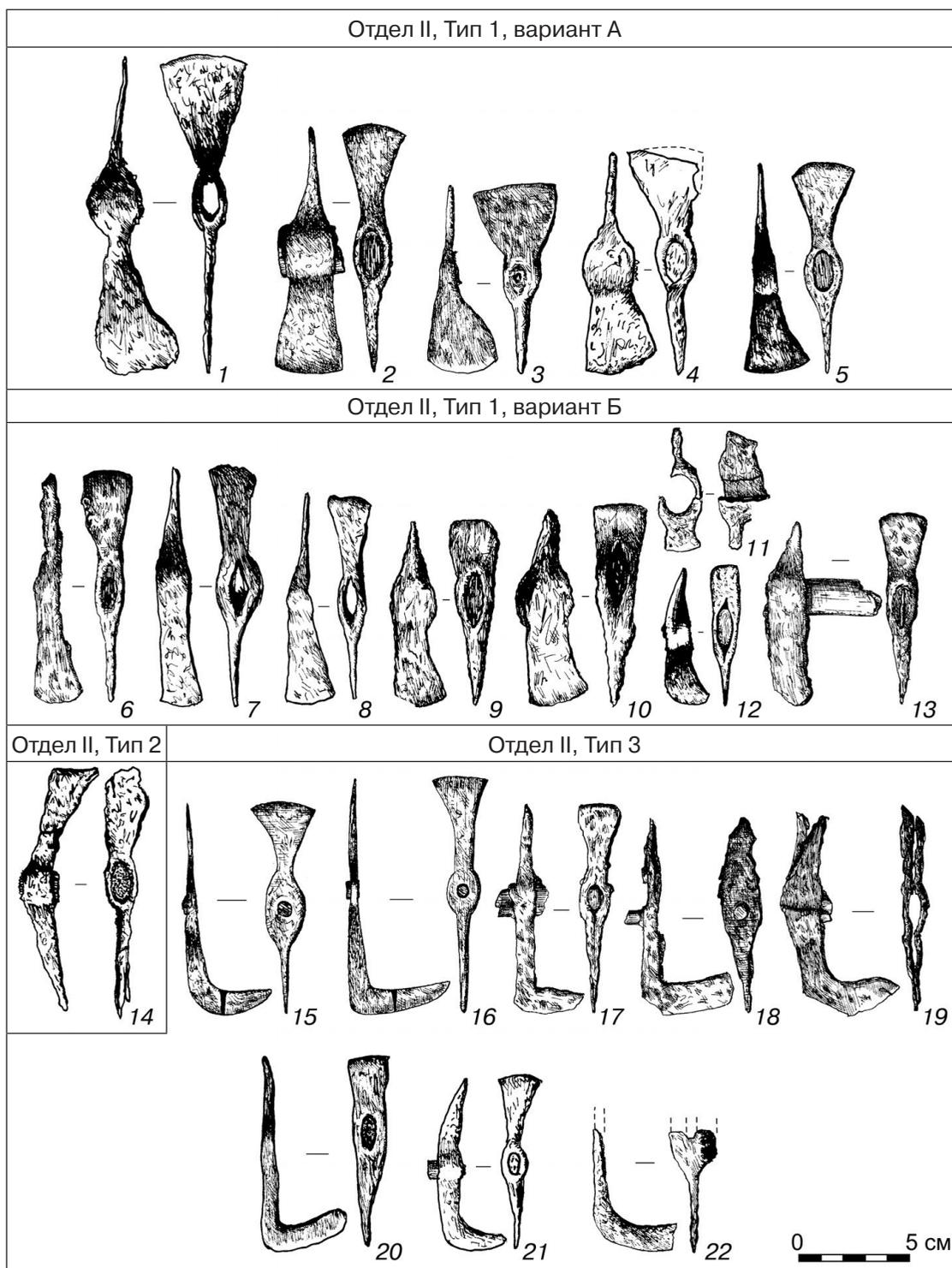

Рис. 47. Даргавский катакомбный могильник.

Двулезвийные топоры с взаимноперпендикулярными и Г-образными клинками

1, 7, 8 – кат. № 39; 2, 5, 12, 15, 16 – кат. № 1; 3, 6, 13, 17, 18 – кат. № 20; 4, 21 – кат. № 69;
9, 10 – кат. № 4; 11 – кат. № 70; 14 – кат. № 68; 19, 20 – кат. № 28; 22 – кат. № 2

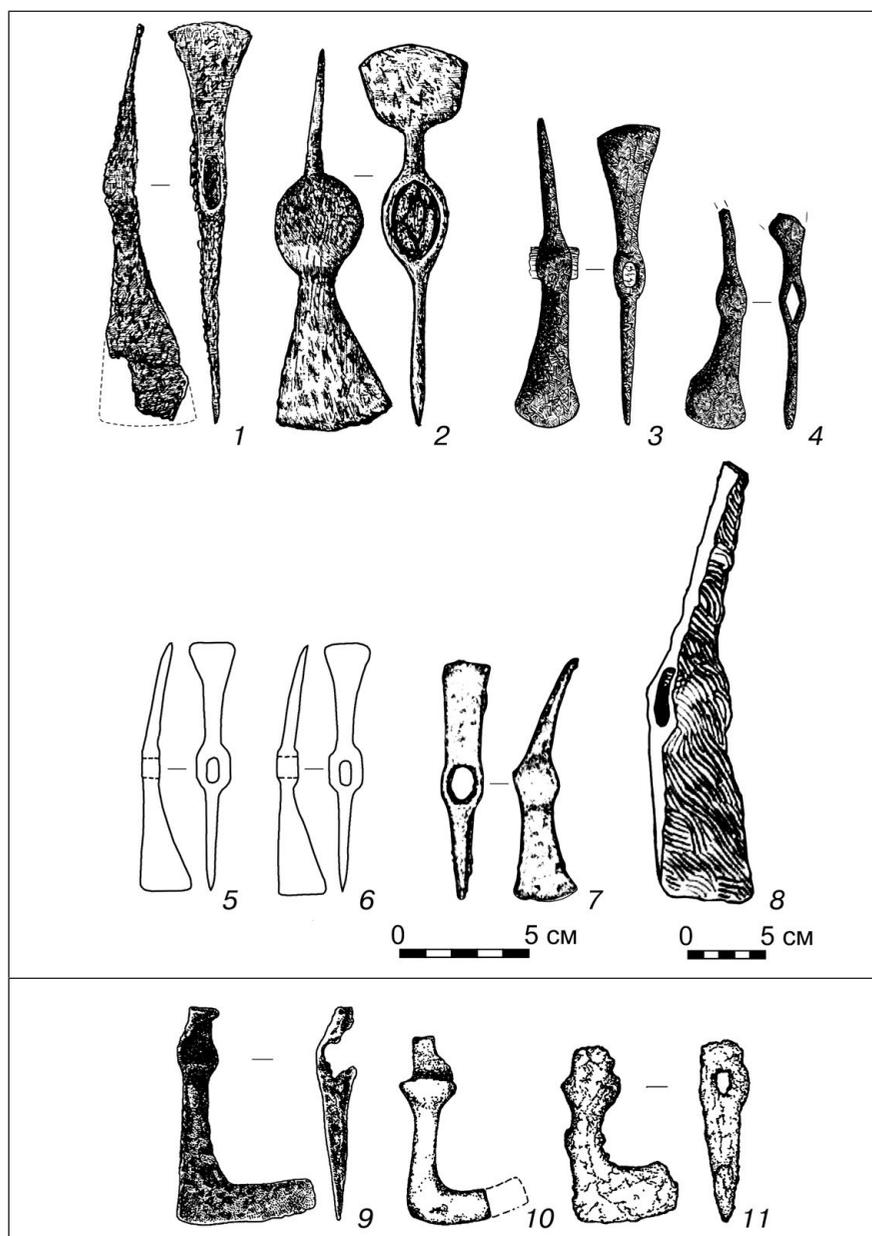

Рис. 48. Топоры с взаимноперпендикулярными и Г-образными клинками
Тарский могильник: 1 – кат. № 24, погребение 1; 2 – катакомба № 21 (по: Кантемиров, Дзаттиаты, 1995); 3, 4 – Змейский могильник, кат. № 80 (по: Ростунов, 1983); 5, 6 – Майртупский могильник, погр. № 1 (по: Мамаев, 2009); 7 – Молдовановский могильник, погр. № 28 (по: Тарабанов, 1990); 8 – Борисовский могильник, погр. № 41 (по: Саханев, 1914); 9, 10, 11 – Русенско (по: Йотов, 2004)

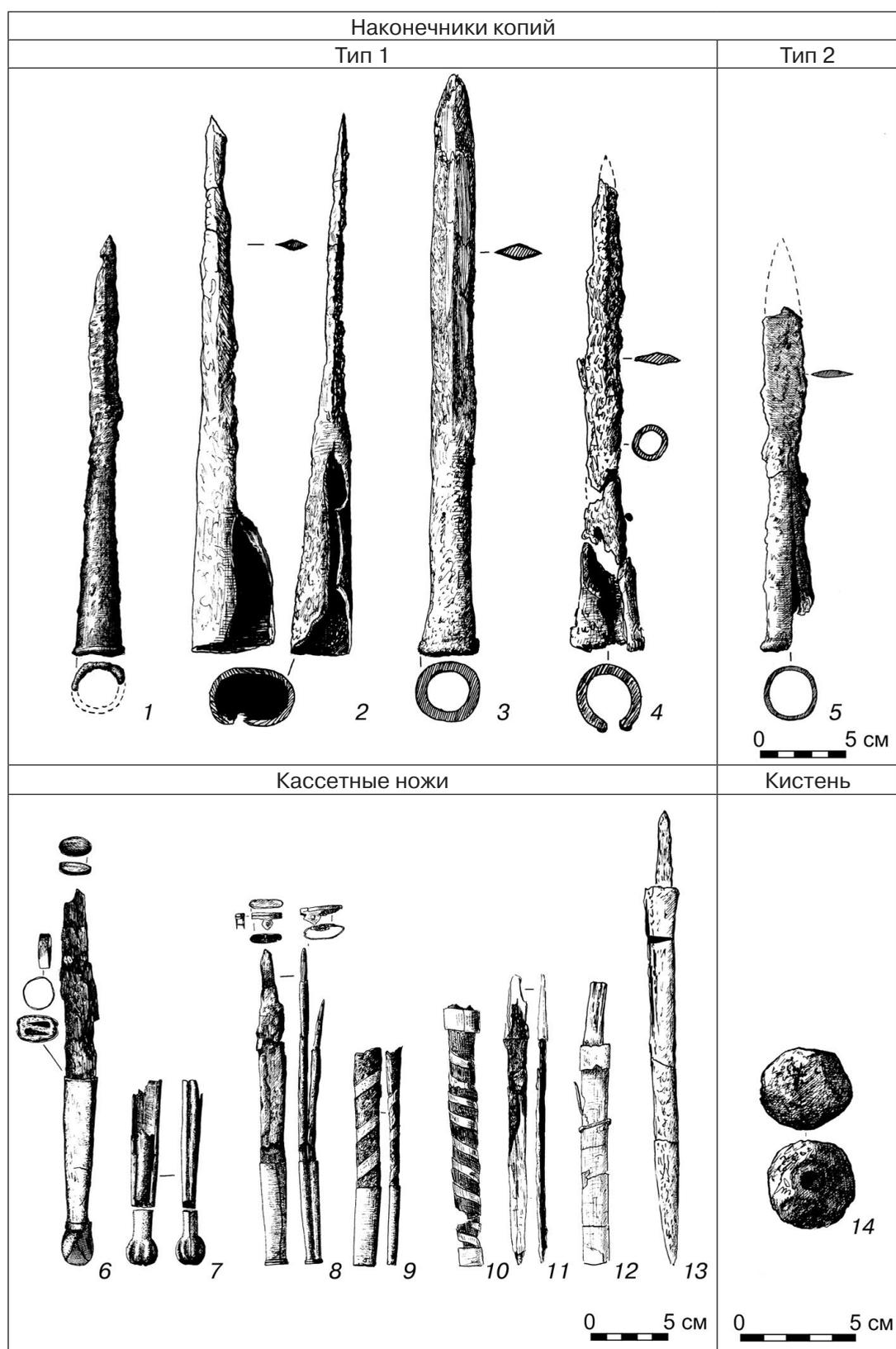

Рис. 49. Даргавский катакомбный могильник

1–5 – классификация наконечников копий; 6–13 – кассетные ножи; 14 – гирька кистеня.
 1 – кат. № 12; 2 – кат. № 75; 3 – кат. № 47; 4 – кат. № 76; 5 – кат. № 21; 6, 7 – кат. № 16;
 8, 9 – кат. № 19; 10–12 – кат. № 77; 13 – кат. № 28; 14 – кат. № 7

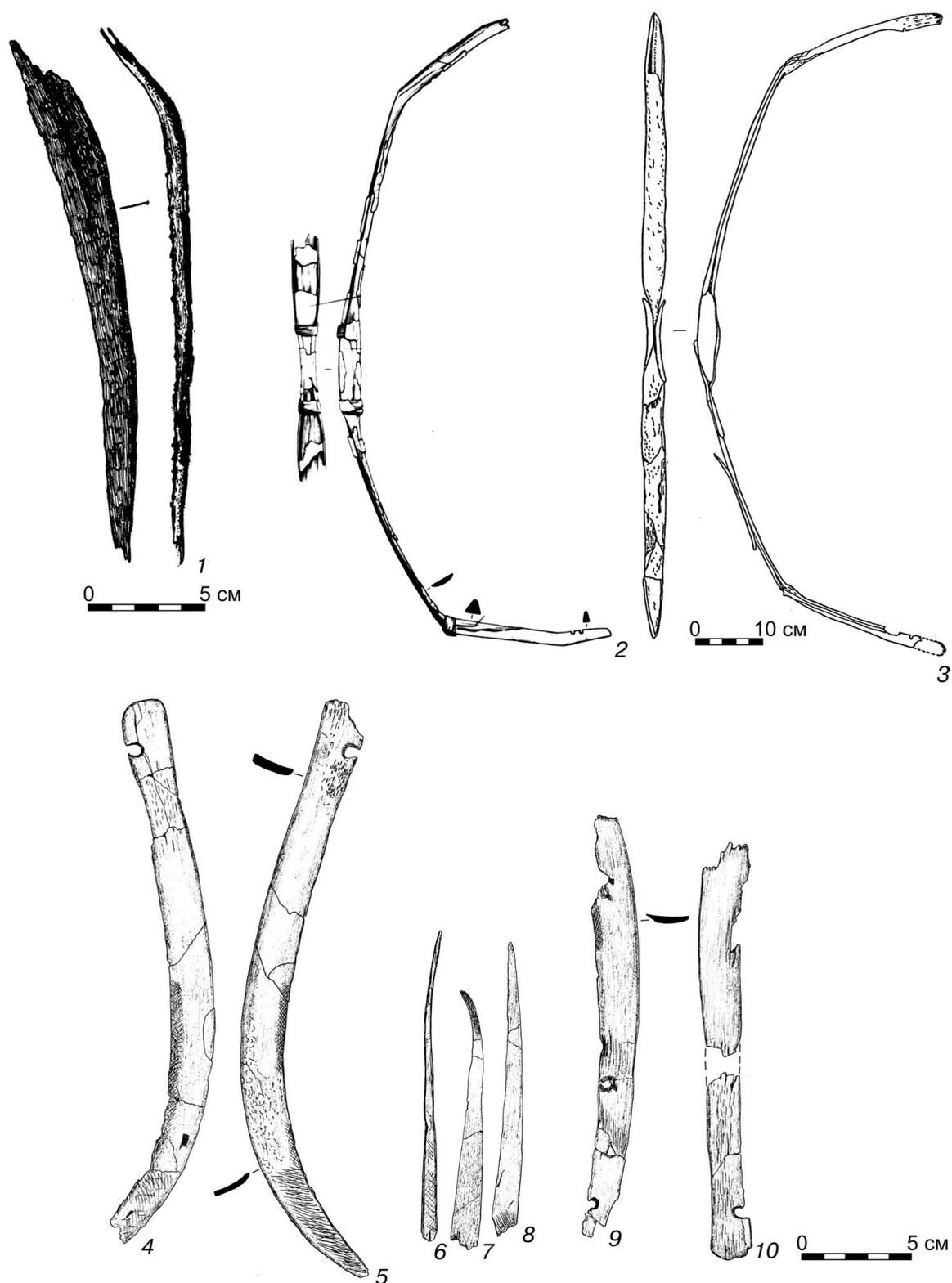

Рис. 50. Детали луков

1 – Даргавский катакомбный могильник, кат. № 71; 2, 3 – сложносоставные луки, могильник Мощевая Балка (2 – по: Милованов, Иерусалимская, 1976; 3 – по: Каминский, Каминская-Цокур, 1997); 4–10 – костяные накладки лука, Дагомский могильник, кат. № 4 (по: Шестопалова, 2018)

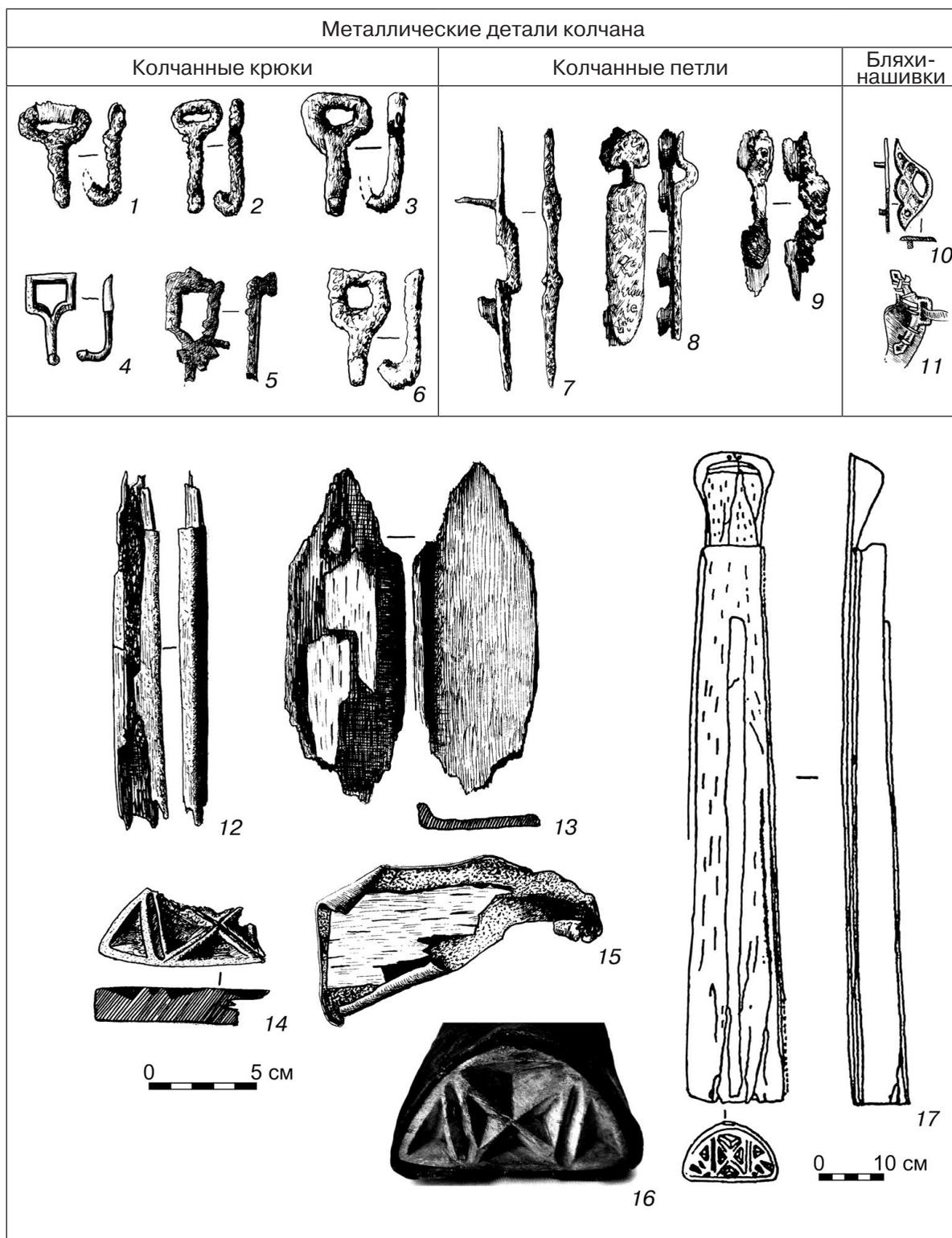

Рис. 51. Даргавский катакомбный могильник.

Металлические детали колчанов и их фрагменты из органических материалов

1 – кат. № 49; 2 – кат. № 36; 3 – кат. № 37; 4 – кат. № 76; 5 – кат. № 19; 6 – кат. № 47; 7 – кат. № 26; 8 – кат. № 1; 9 – кат. № 39; 10 – кат. № 39; 11 – кат. № 28; 12–15 – кат. № 71; 16, 17 – могильник Мощевая Балка (по: Каминский, Каминская-Цокур, 1997)

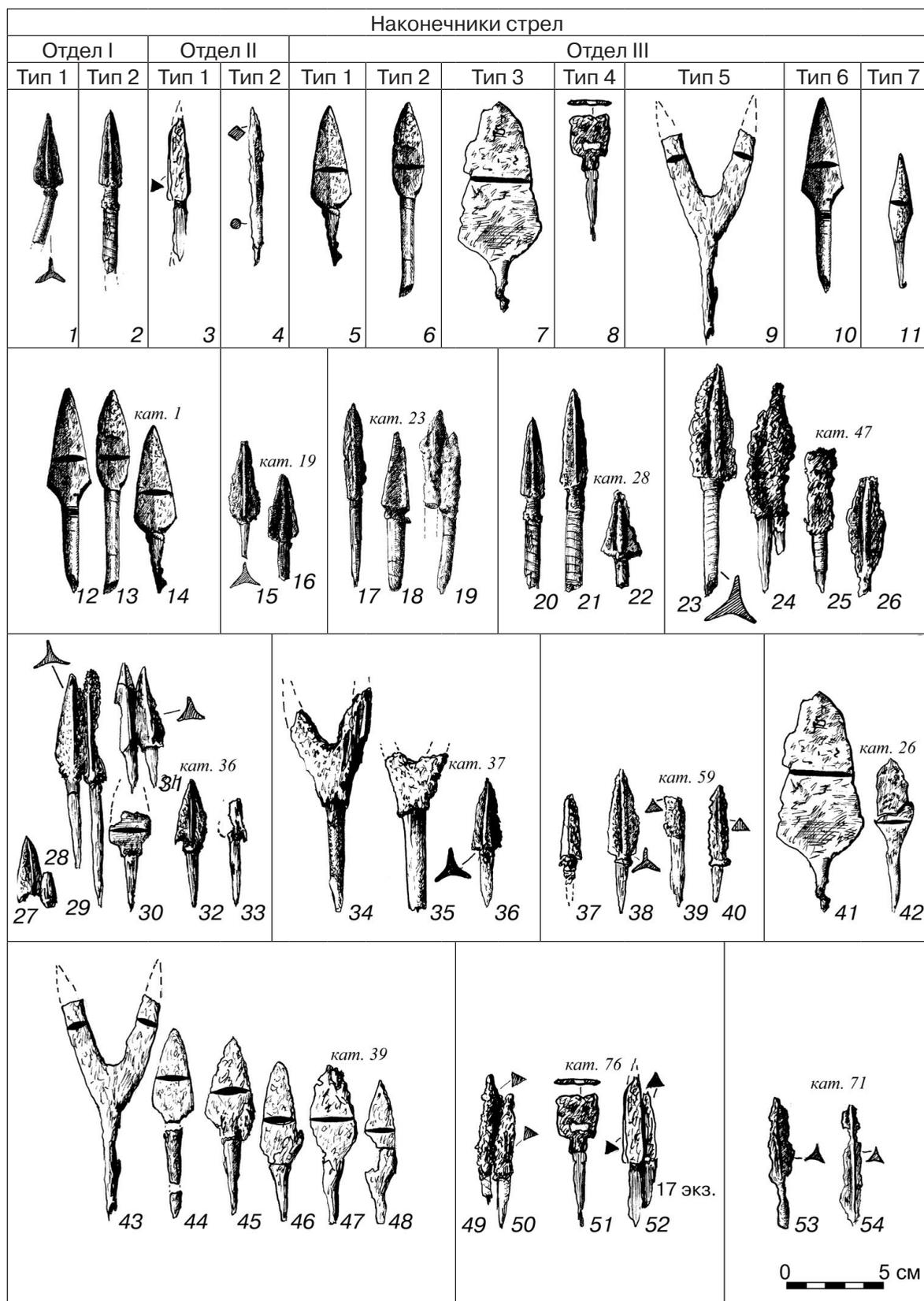

Рис. 52. Даргавский катакомбный могильник. Классификация наконечников стрел 1–11 – основные типы наконечников стрел; 12–54 – распределение типов наконечников по погребальным комплексам могильника (наборы)

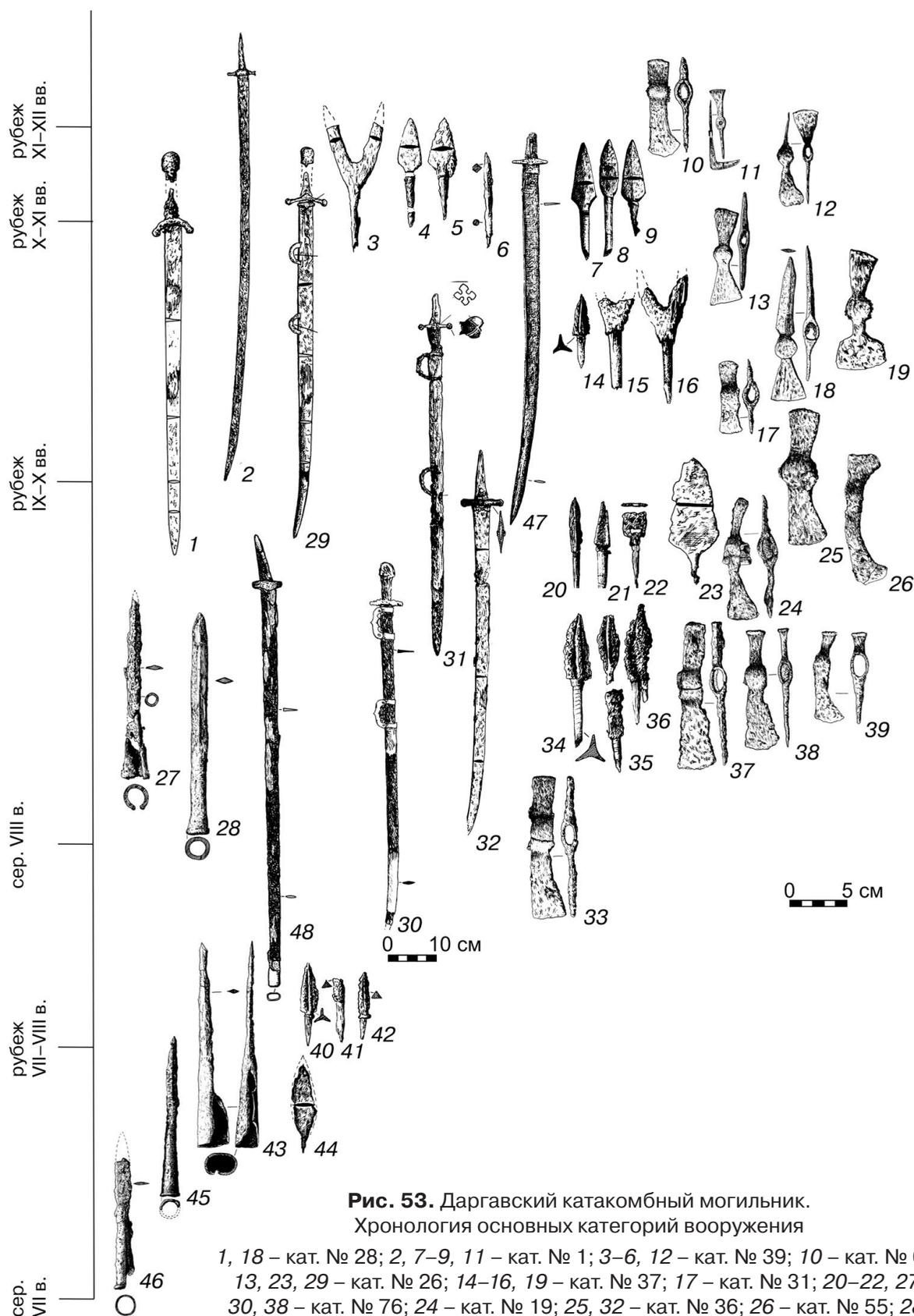

Рис. 53. Даргавский катакомбный могильник.

Хронология основных категорий вооружения

- 1, 18 – кат. № 28; 2, 7–9, 11 – кат. № 1; 3–6, 12 – кат. № 39; 10 – кат. № 69;
 13, 23, 29 – кат. № 26; 14–16, 19 – кат. № 37; 17 – кат. № 31; 20–22, 27,
 30, 38 – кат. № 76; 24 – кат. № 19; 25, 32 – кат. № 36; 26 – кат. № 55; 28,
 33–37 – кат. № 47; 31 – кат. № 31; 39 – кат. № 44; 40–42 – кат. № 59;
 43 – кат. № 75; 44 – кат. № 27; 45 – кат. № 12; 46 – кат. № 21;
 47 – кат. № 20; 48 – кат. № 71

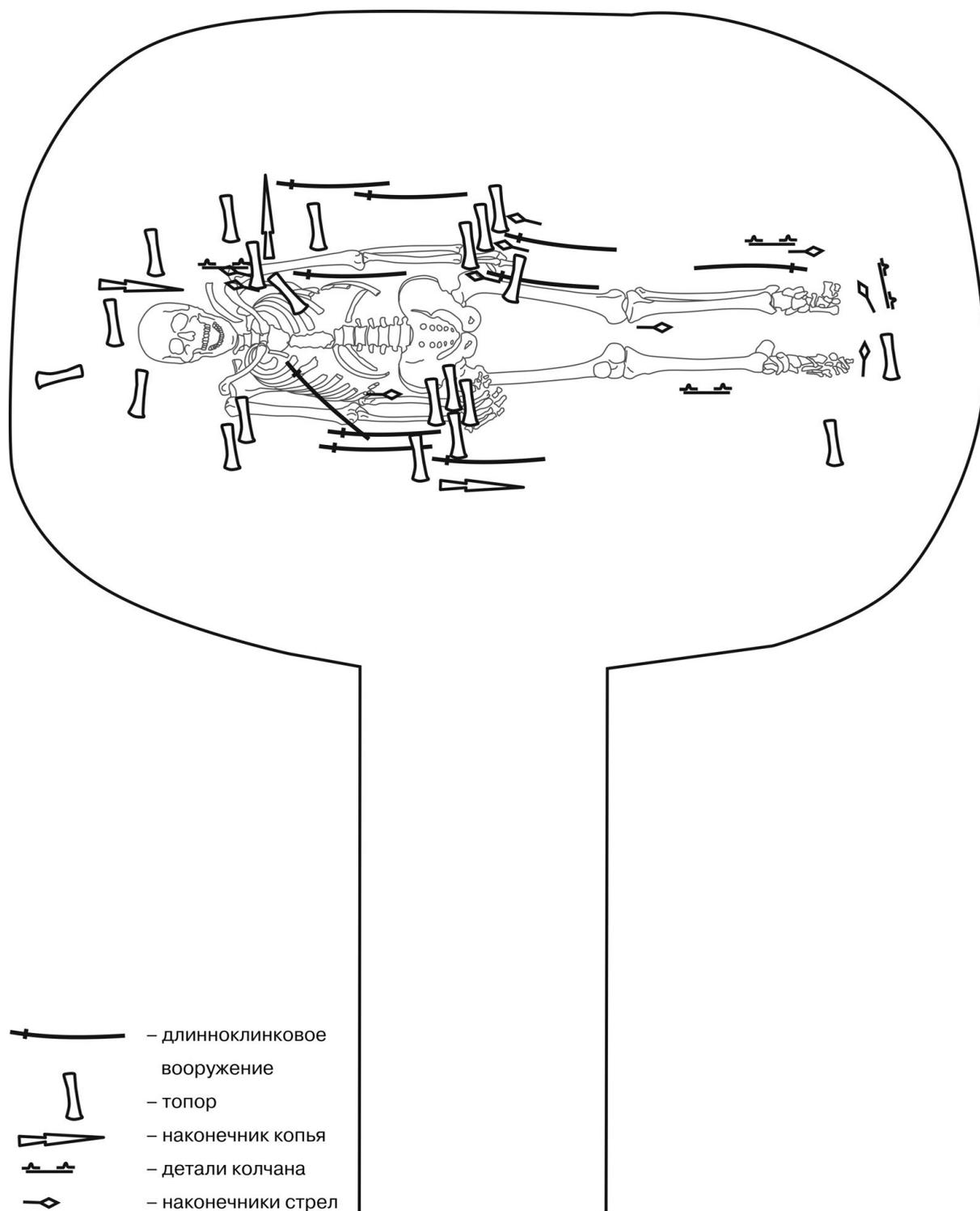

Рис. 54. Даргавский катакомбный могильник. Аккумулятивная схема расположения сновных предметов вооружения относительно скелета погребенного

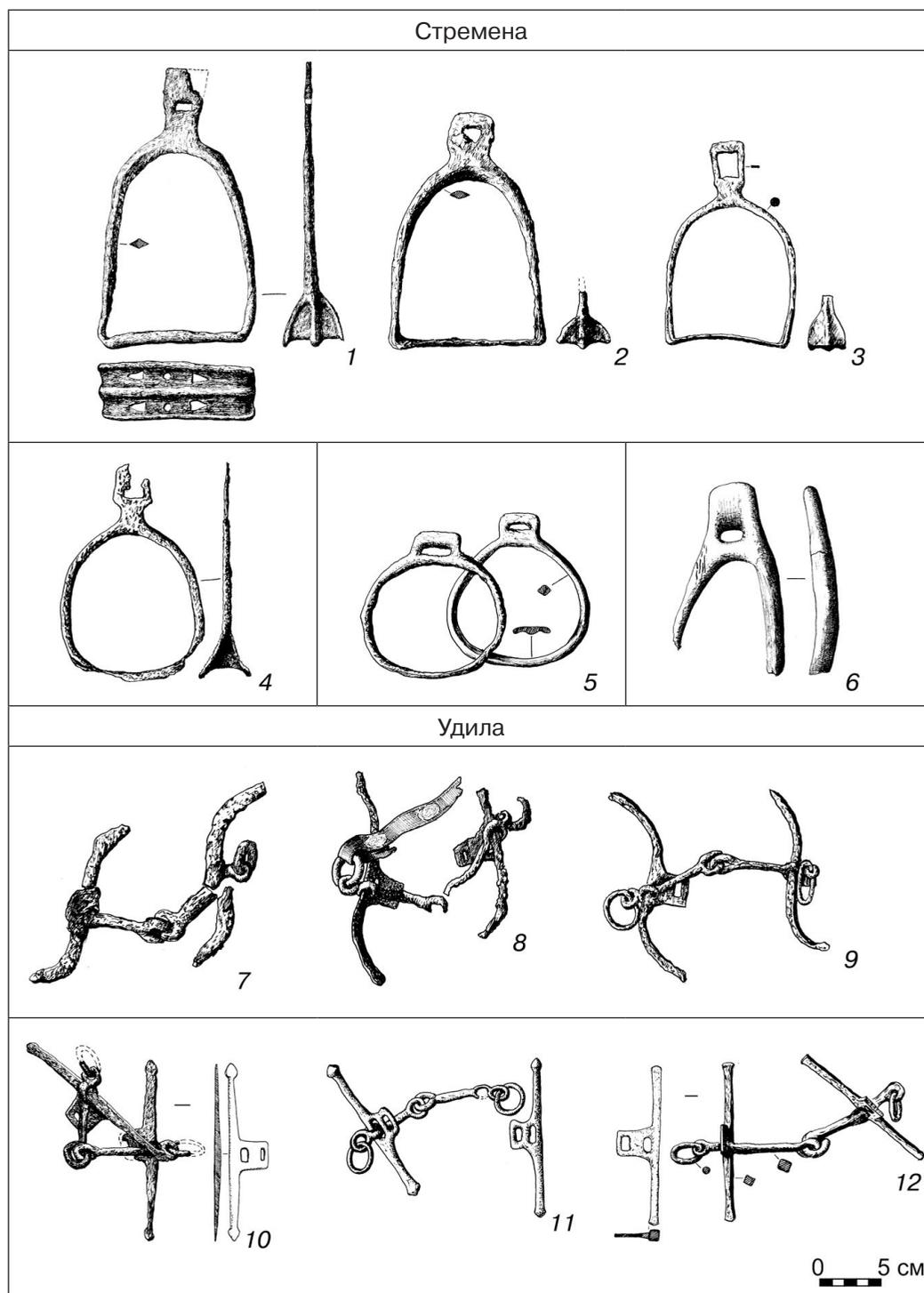

Рис. 55. Даргавский катакомбный могильник. Классификация удил и стремян
 1 – кат. № 1; 2 – погребение лошади № 6; 3, 12 – погребение лошади № 7; 4 – погребение лошади № 4; 5, 11 – кат. № 28; 6 – кат. № 22; 7, 8 – кат. № 76; 9 – погребение лошади № 9; 10 – погребение лошади № 5

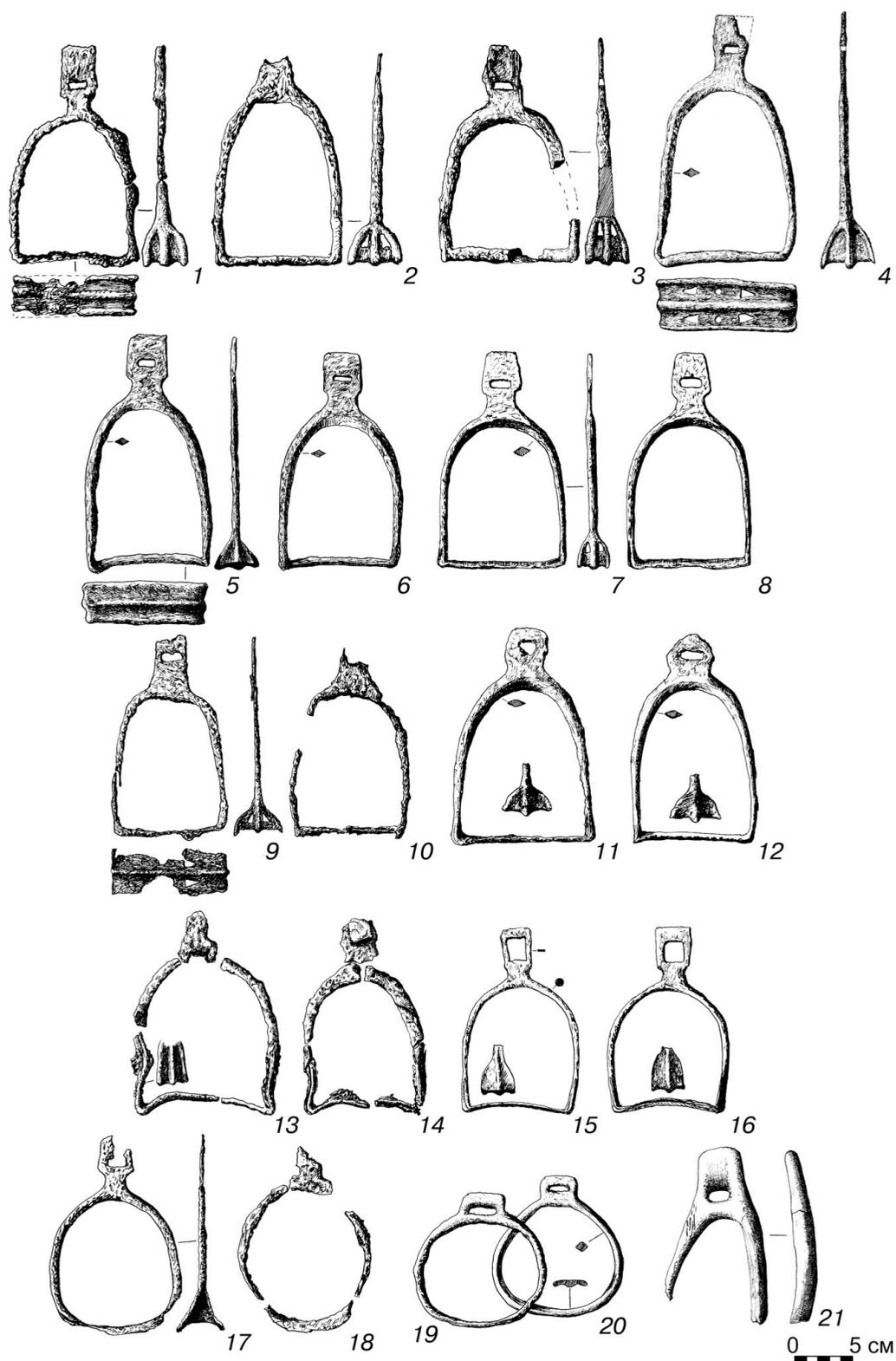

Рис. 56. Даргавский катакомбный могильник. Стремена из катакомб и захоронений лошадей 1–3 – кат. № 76; 4 – кат. № 1; 5, 6 – погребение лошади № 8; 7, 8 – погребение лошади № 9; 9, 10 – погребение лошади № 5; 11, 12 – погребение лошади № 6; 13, 14 – кат. № 27; 15, 16 – погребение лошади № 7; 17, 18 – погребение лошади № 4; 19, 20 – кат. № 28; 21 – кат. № 22

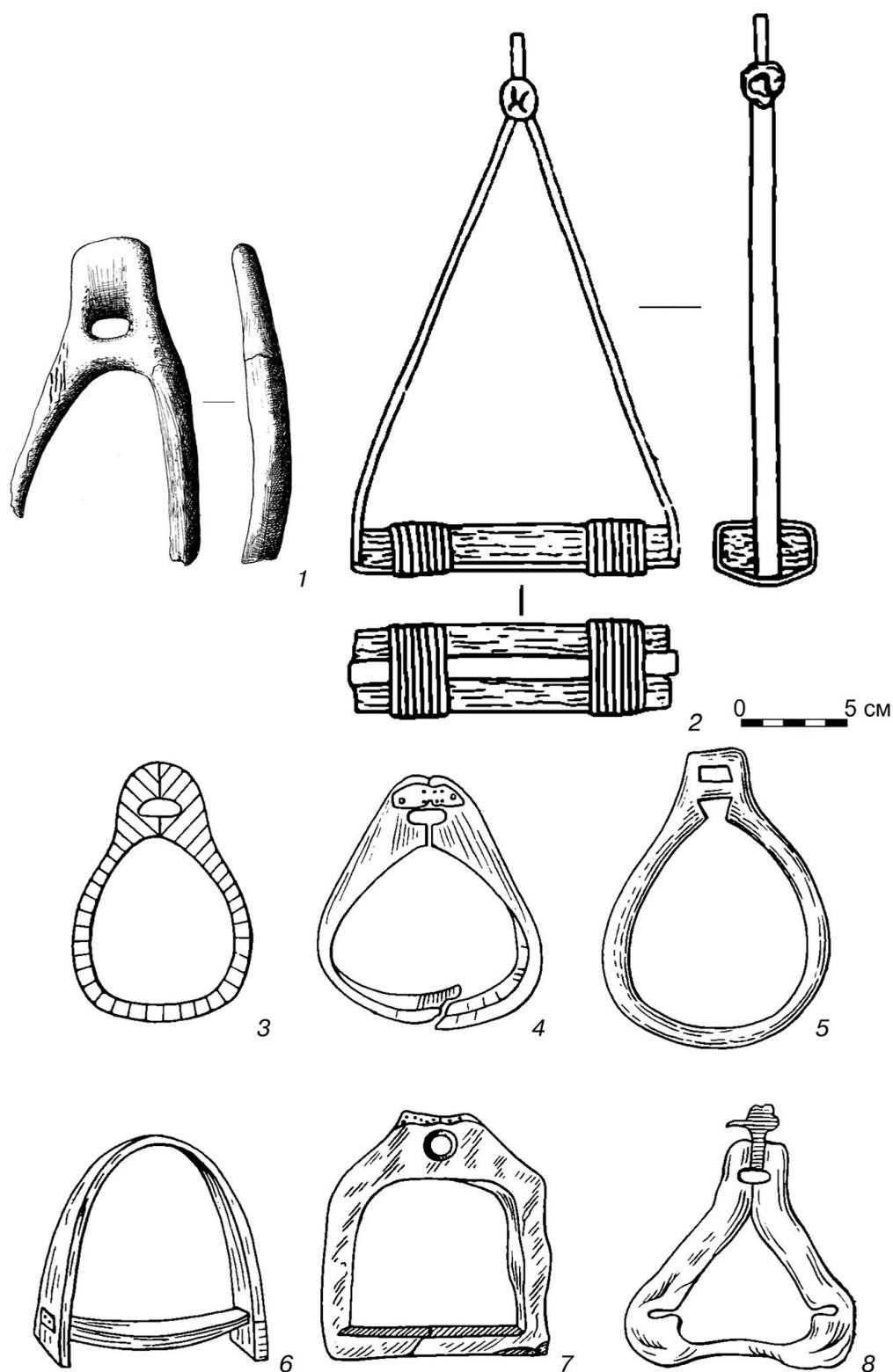

Рис. 57. Стремена из органических материалов

1, 3-6, 8 – дерево; 2 – дерево, кожа; 7 – кость. 1 – Даргавский катакомбный могильник, кат. № 22; 2 – Рим-Гора (по: Рунич, 1973); 3 – грот Узун хая; 4 – Монголия; 5 – казахские современные; 6 – якутские; 7 – тувинские; 8 – башкирские (по: Кызласов, 1973)

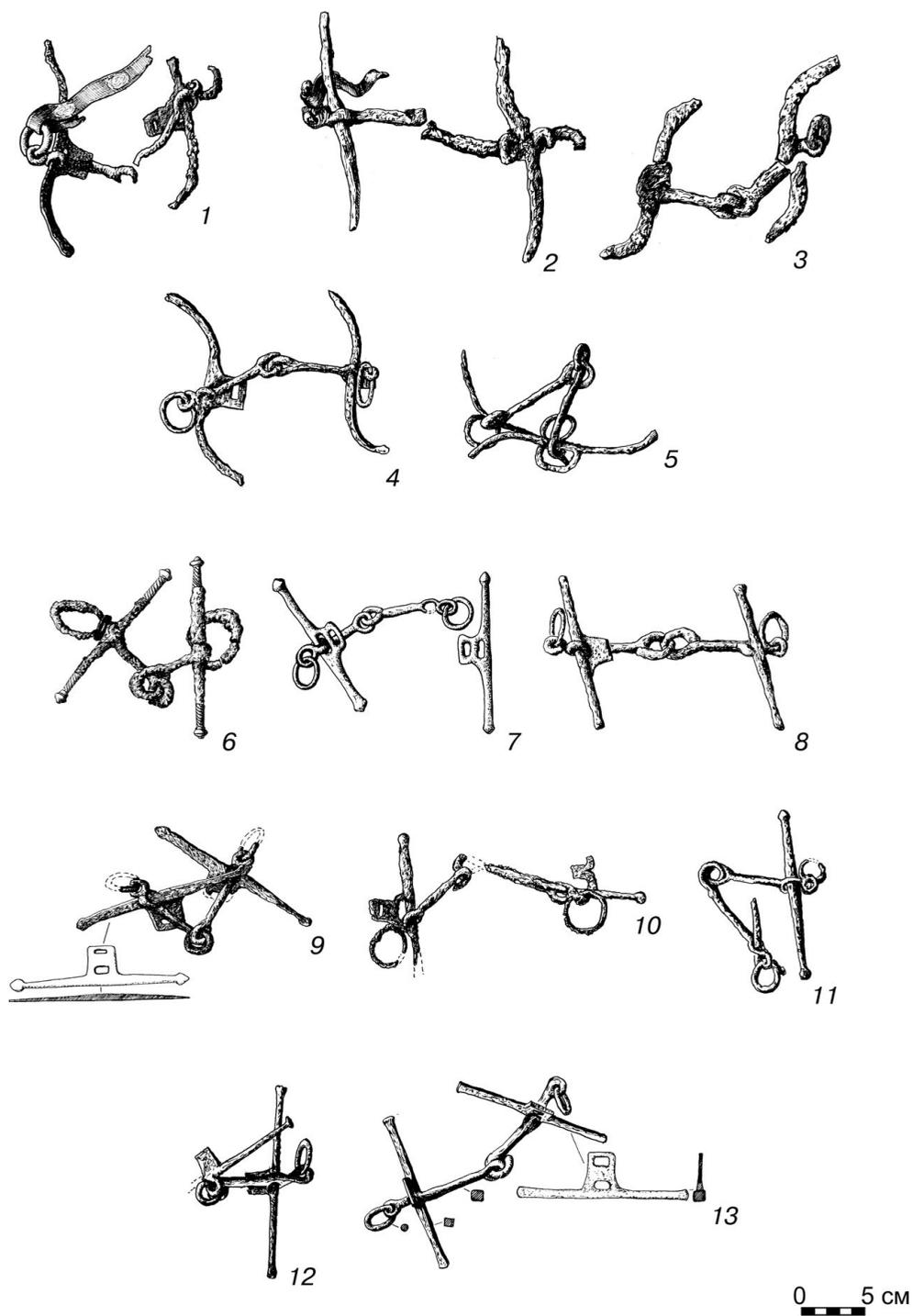

Рис. 58. Даргавский катакомбный могильник. Стремена из катакомб и захоронений лошадей 1–3 – кат. № 76; 4 – погребение лошади № 9; 5 – погребение лошади № 8; 6 – кат. № 1; 7 – кат. № 28; 8, 9 – погребение лошади № 5; 10, 11 – погребение лошади № 4; 12 – погребение лошади № 6; 13 – погребение лошади № 7

Рис. 59. Даргавский катакомбный могильник. Детали конских оголовий
 1–4 – кат. № 27; 5–27 – кат. № 76; 28–43 – погребение лошади № 4; 44–51 – погребение лошади № 9; 52–54 – погребение лошади № 6

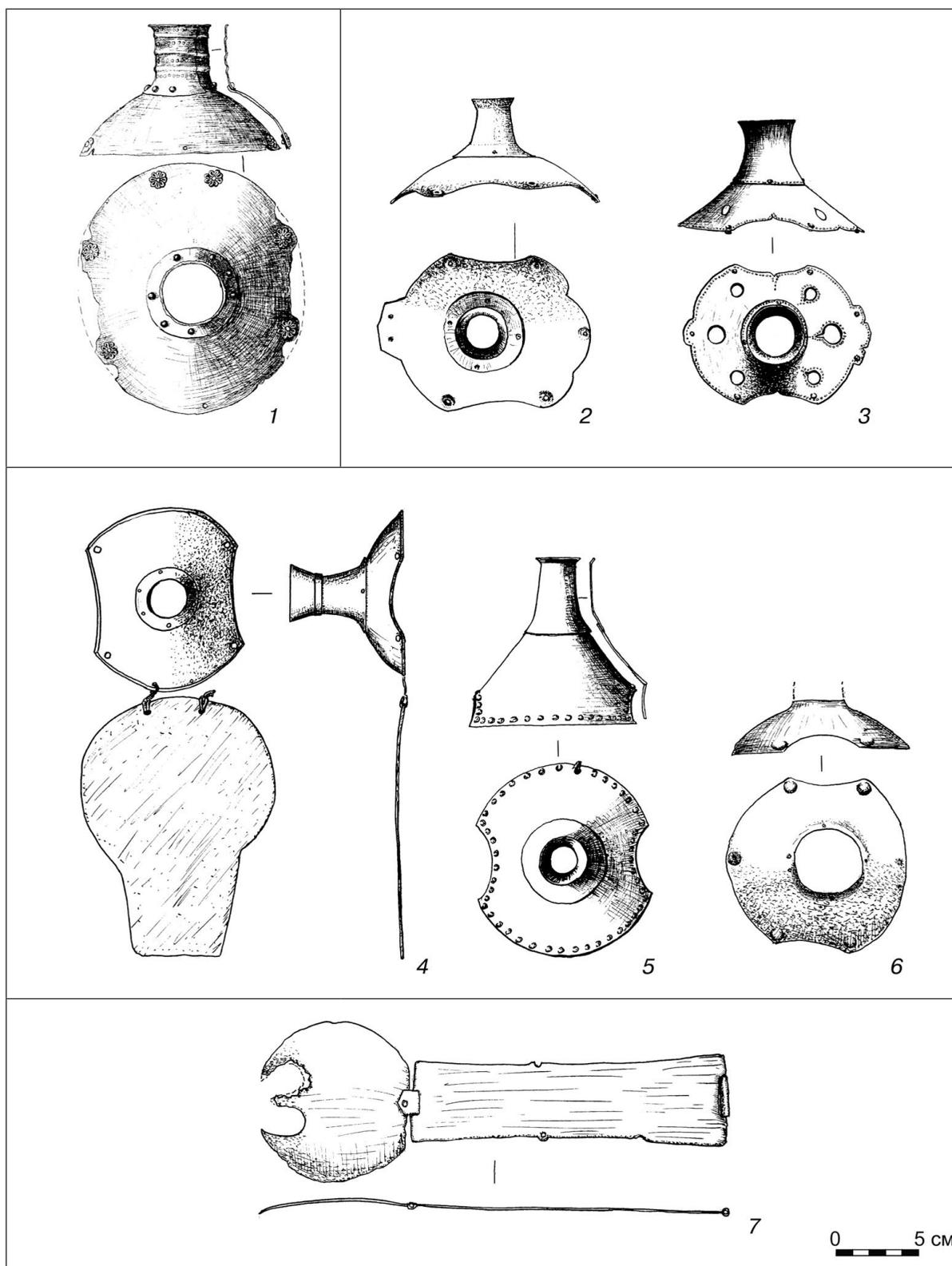

Рис. 60. Даргавский катакомбный могильник. Конские начельники и налобники
1 – кат. № 1; 2 – погребение лошади № 8; 3 – погребение лошади № 5; 4, 7 – кат. № 76;
5 – погребение лошади № 4; 6 – погребение лошади № 6

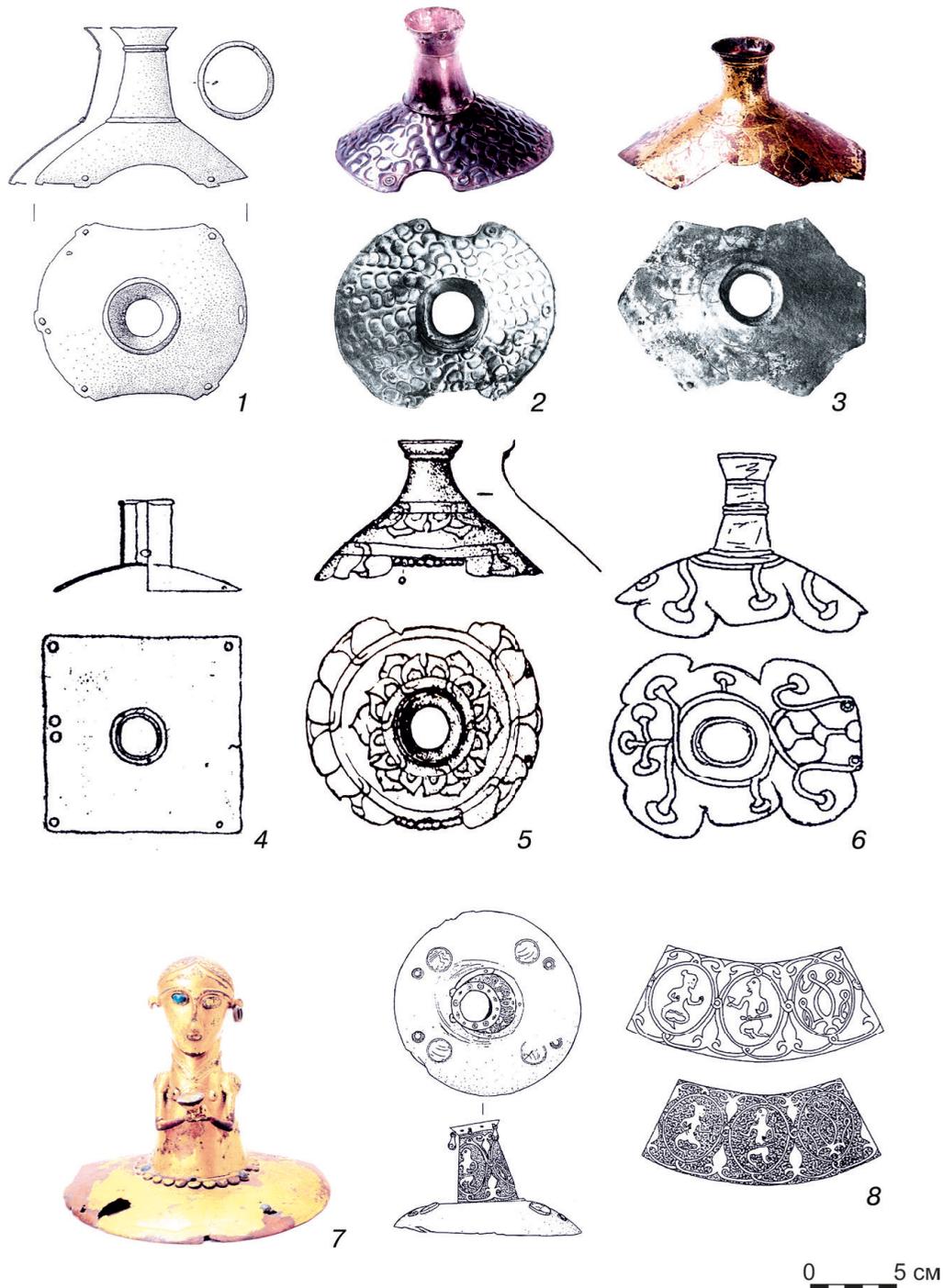

Рис. 61. Конские начельники из погребальных комплексов Северного Кавказа и юга Восточной Европы

1 – могильник Кобан, кат. V (по: Хайнрих, 1995); 2, 3 – могильник Балта (по: Уварова, 1900 и Габуев, 2005); 4 – могильник Мартан-Чу 1, (по: Виноградов, Мамаев, 1985); 5 – Молдовановский могильник, погр. № 25 (по: Пьянков, Тарабанов, 2004); 6 – Верхнесалтовский катакомбный могильник, захоронение коня № 3 (по: Аксенов, 2001–2002); 7 – Змейский могильник, кат. № 14 (по: Габуев, 2005); 8 – могильник Андреевская щель, погр. № 5 (по: Армарчук, 2006)

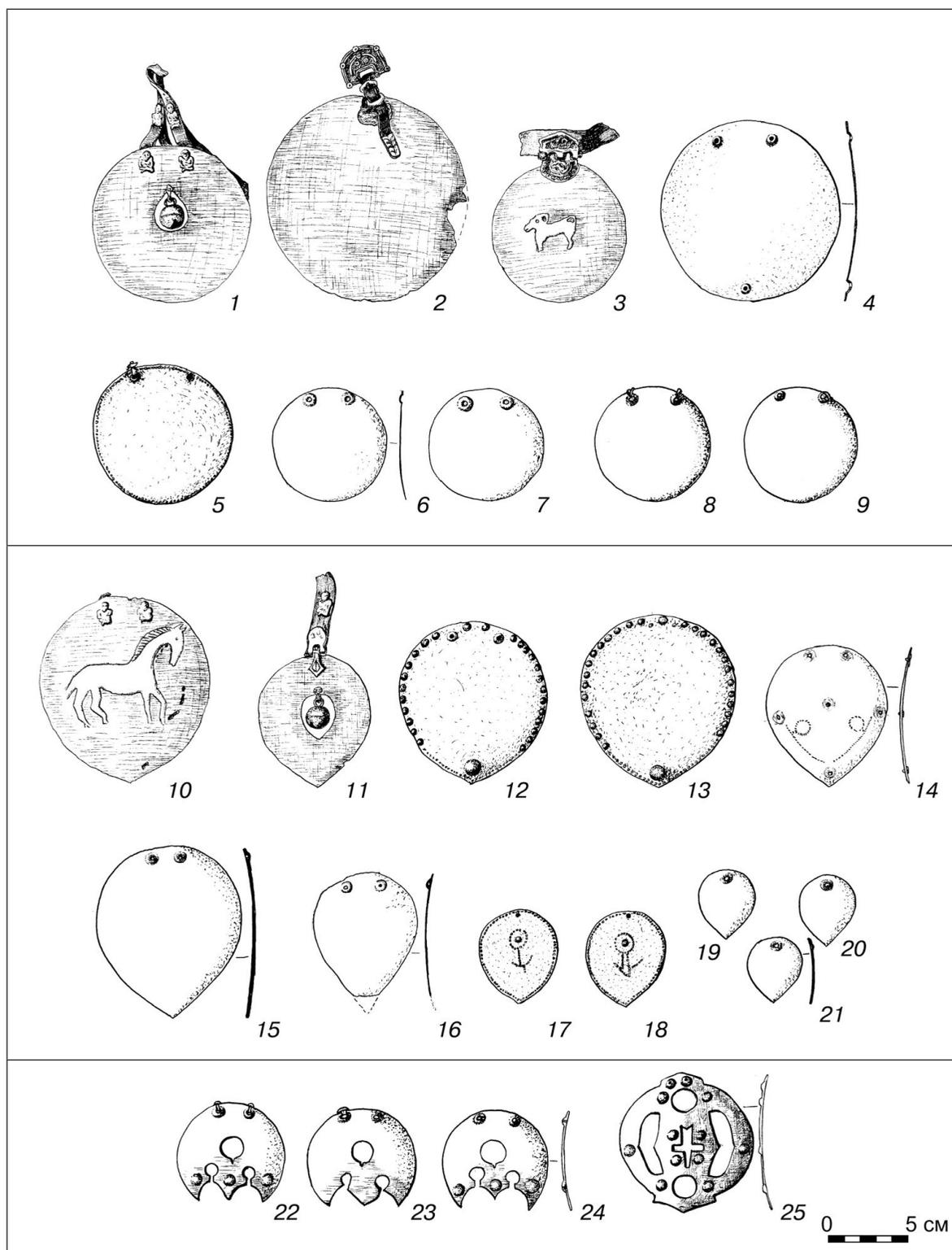

Рис. 62. Даргавский катакомбный могильник. Крупные сбруйные бляхи
 1–3, 10, 11 – кат. № 1; 4, 5, 12, 13, 17, 18 – погребение лошади № 4; 6, 7, 14, 16 – погребение лошади № 6; 8, 9, 22–25 – погребение лошади № 5; 15 – погребение лошади № 8; 19–21 – погребение лошади № 7

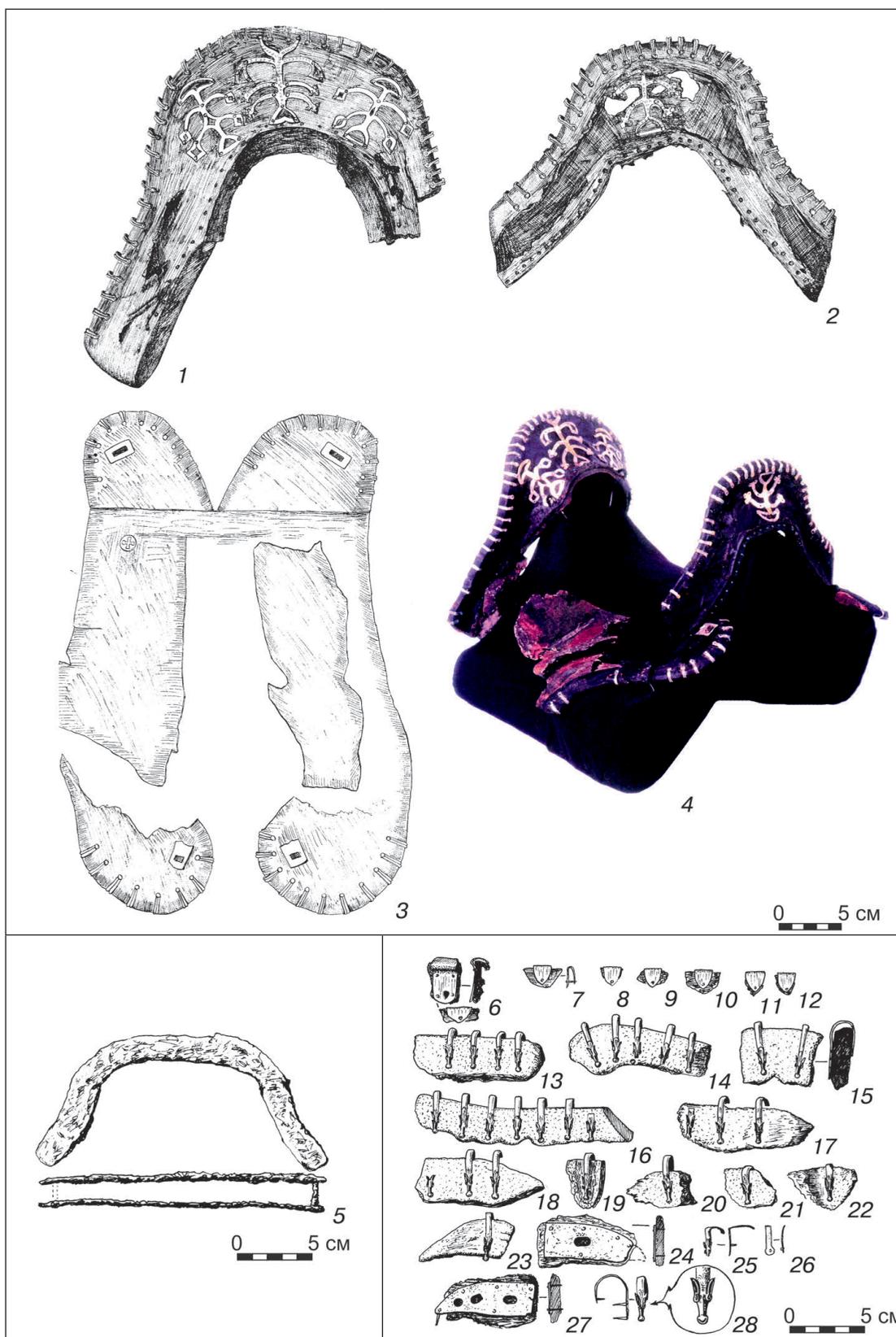

Рис. 63. Даргавский катакомбный могильник. Детали седел
 1–4 – кат. № 1 (4 – реконструкция по: Габуев, 2005); 5 – погребение лошади № 6;
 6–28 – погребение лошади № 4

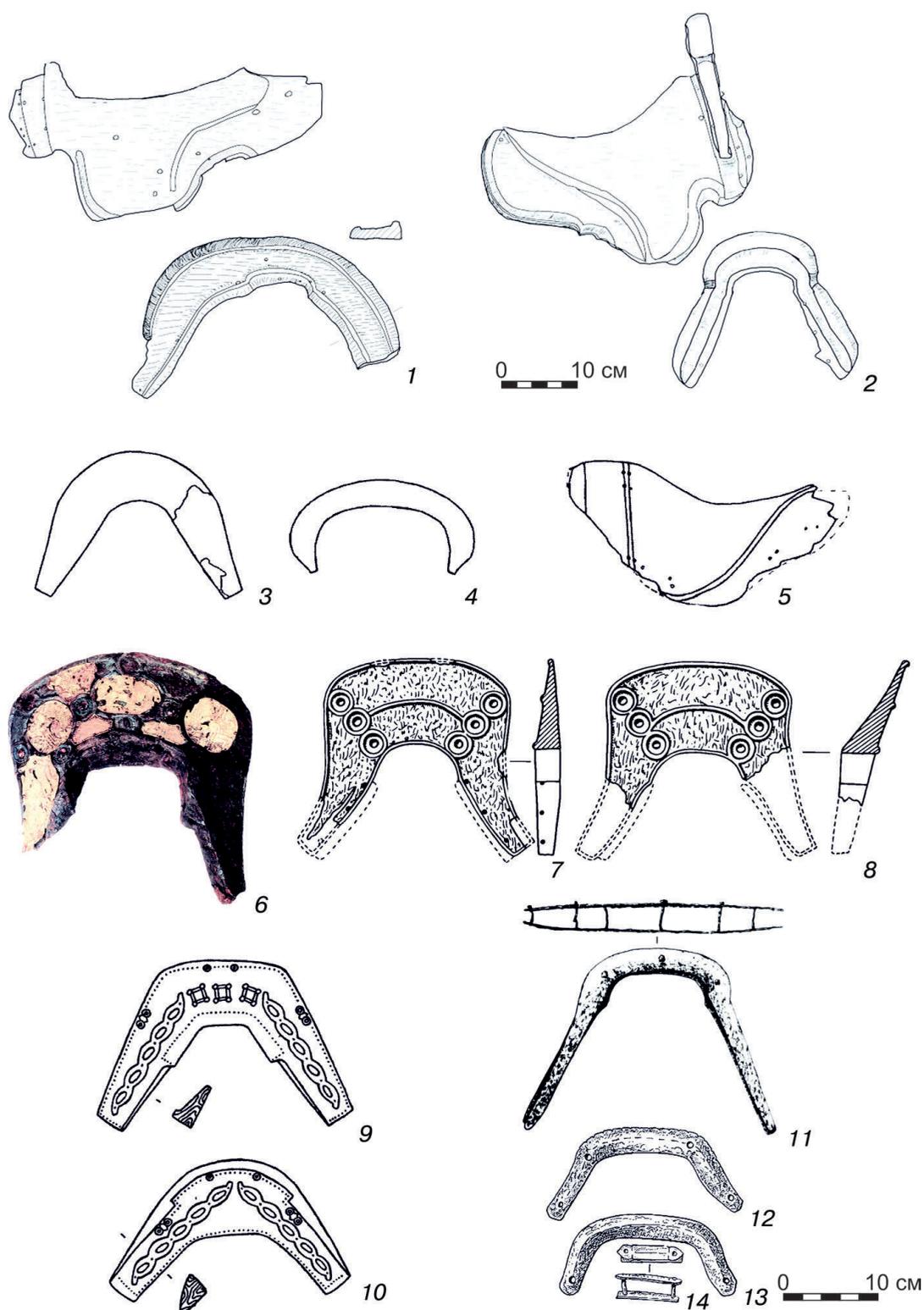

Рис. 64. Детали седел из памятников Северного Кавказа

1, 2 – Галиат (по: *Кадиева*, 2012); 3–5 – Чир-Юрт, к. 17 (по: *Комар*, 2008); 6 – Змейский могильник, кат. № 14 (по: *Габуев*, 2005); 7, 8 – Рим-Гора (по: *Рунич*, 1973); 9, 10 – могильник Андреевская щель, погр. № 5 (по: *Новичихин*, 2008); 11 – Молдовановский могильник, погр. № 25; 12–14 – могильник Дюрсо (по: *Успенский*, 2015)

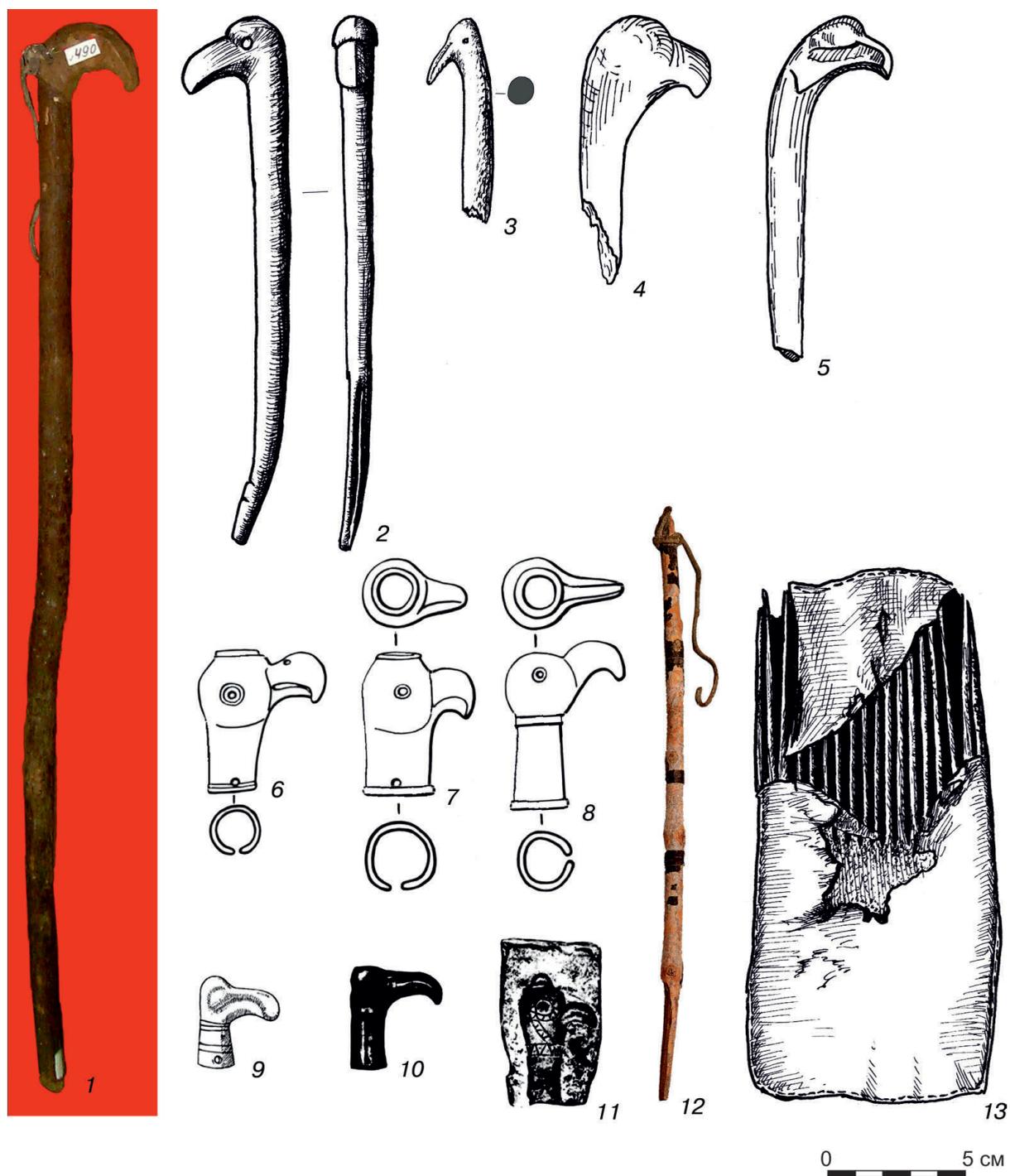

Рис. 65. Кнтовища плетей, их детали, деревянный гребень

1 – Нижний Архыз; 2, 3 – Даргавский могильник, кат. № 76; 4, 5 – Великий Новгород (по: Дубровин, 1990); 6–8 – Хакасско-Минусинская котловина (по: Кызласов, 1983); 9 – Каблуково; 10, 11 – Волжская Болгария (9–11 – по: Кирпичников, 1973); 12 – Мощевая Балка (по: Иерусалимская, 2012); 13 – гребень деревянный в кожаном футляре, Даргавский могильник, кат. № 76

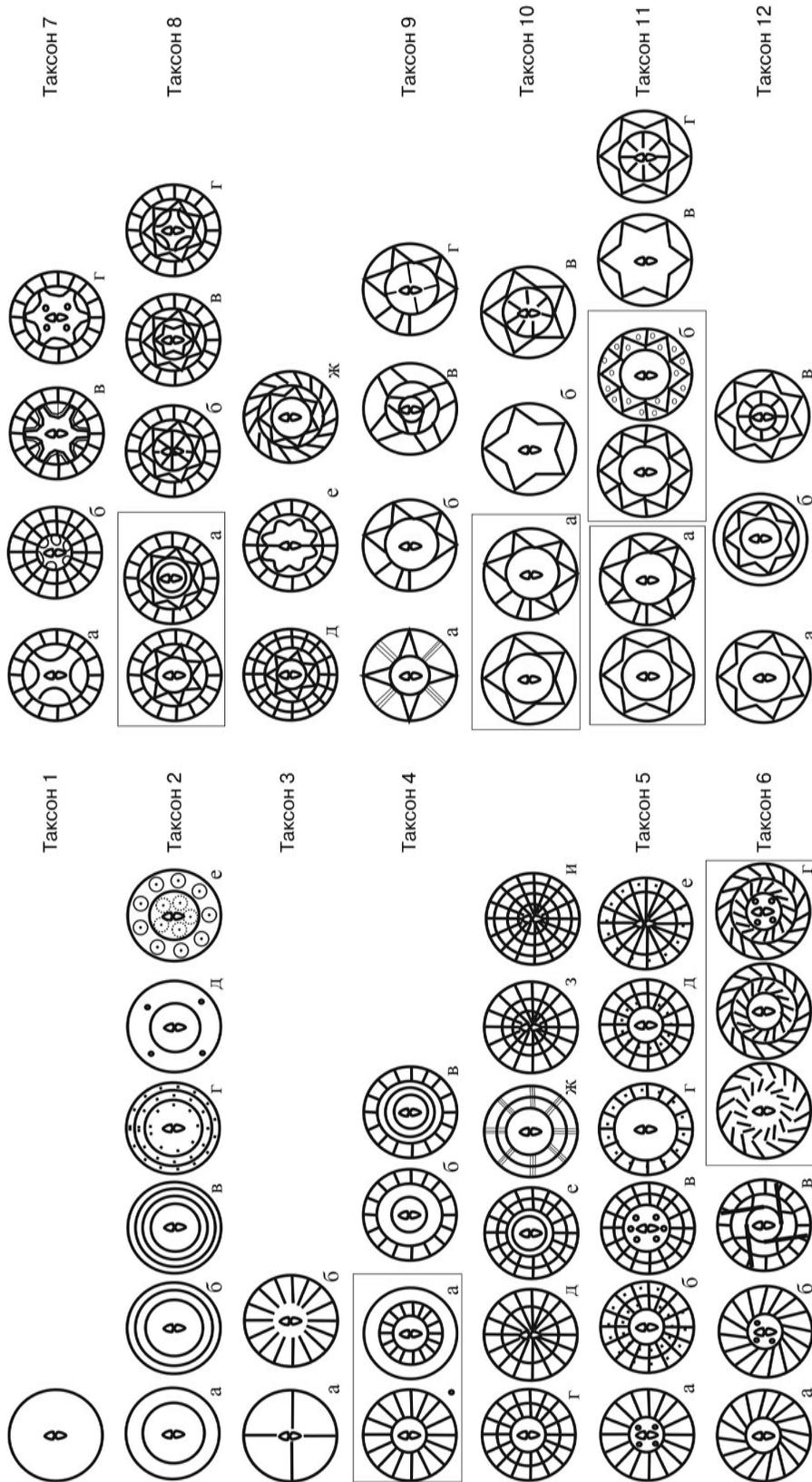

Рис. 66. Классификация зеркал аланской культуры. Таксоны 1–12 (по: Албегова, Ковалевская, 2015)

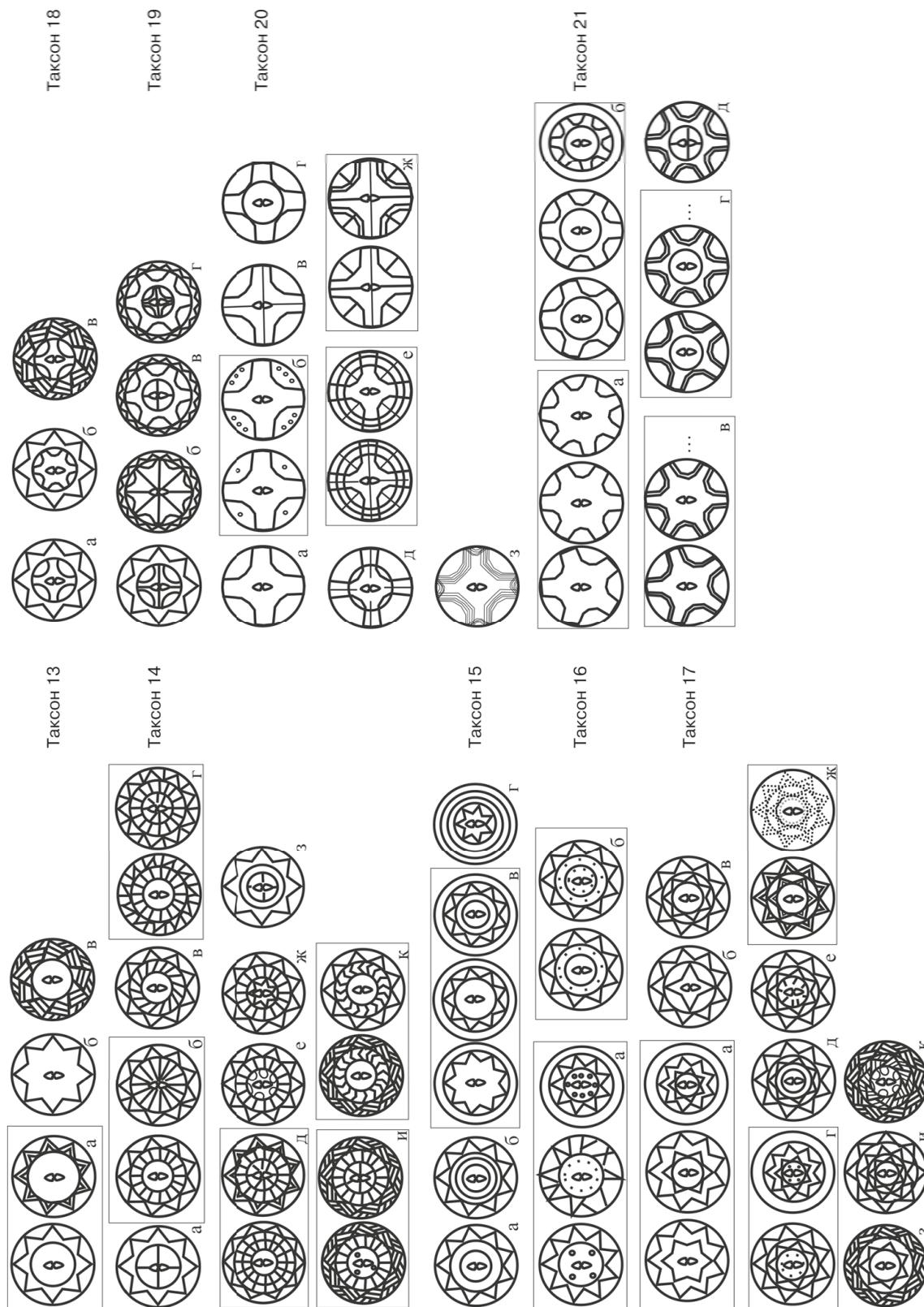

Рис. 67. Классификация зеркал аланской культуры. Таксоны 13–21 (по: Албегова, Ковалевская, 2015)

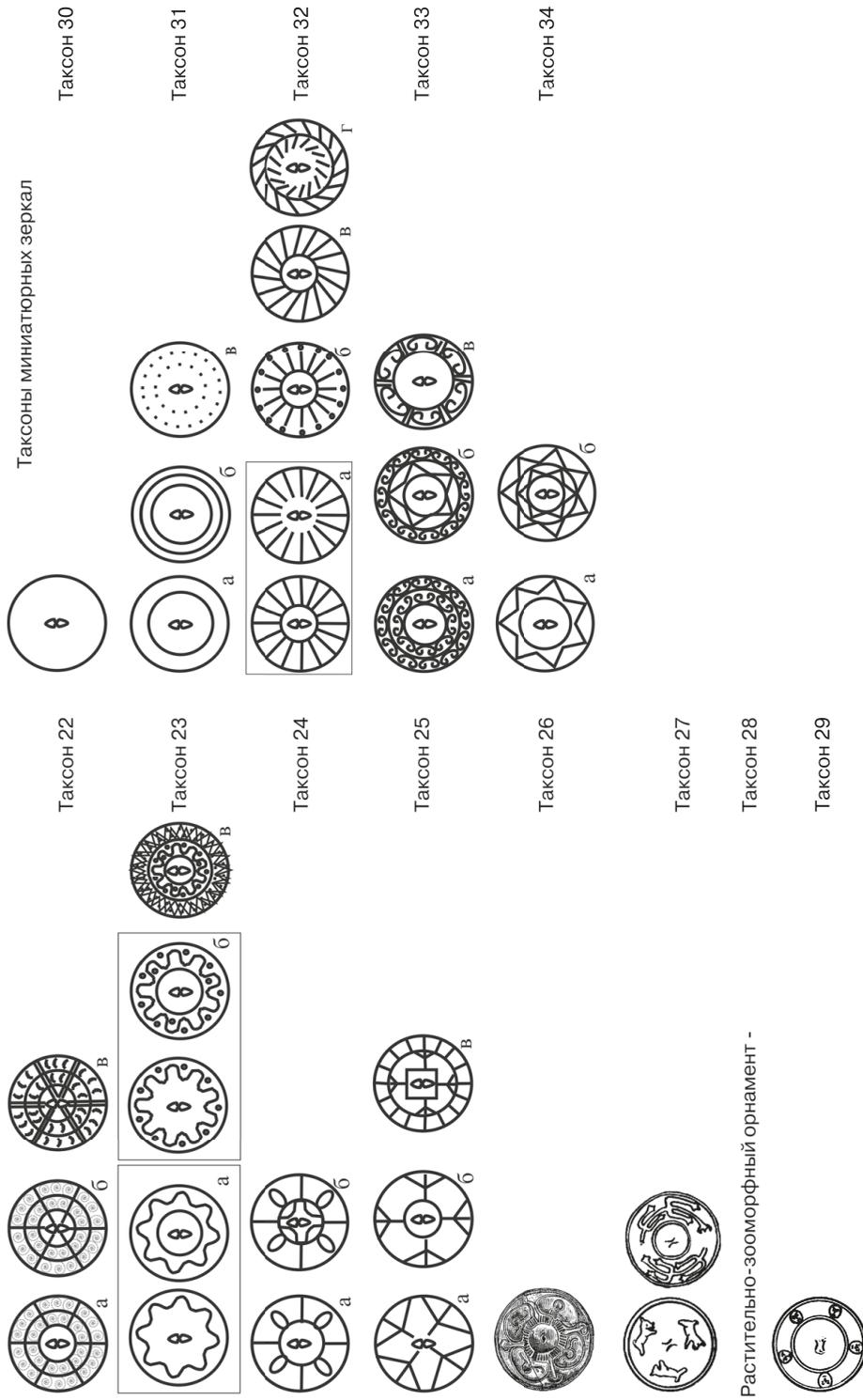

Рис. 68. Классификация зеркал аланской культуры. Таксоны 22–34 (по: Албегова, Ковалевская, 2015)

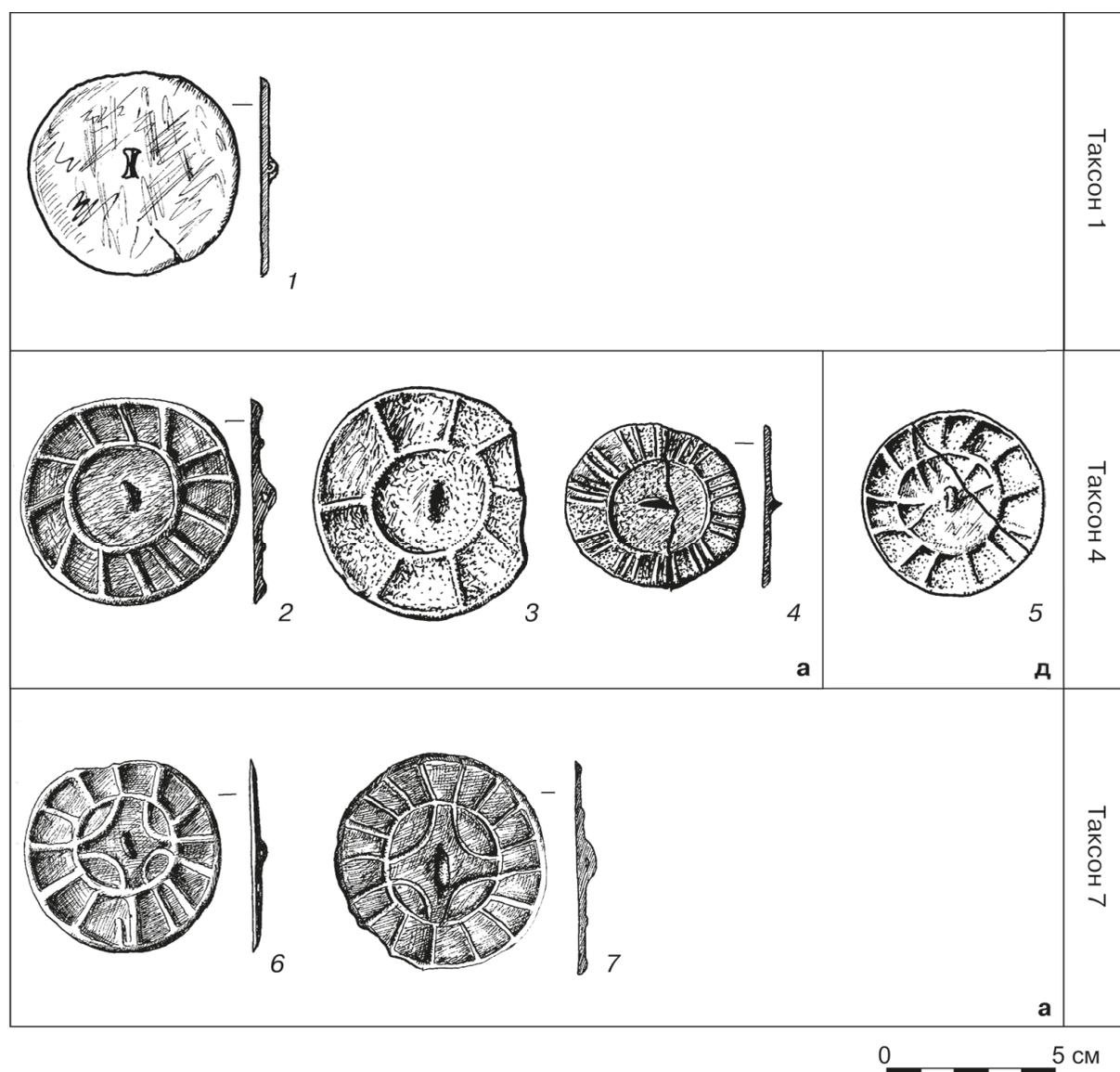

Рис. 69. Даргавский катакомбный могильник. Стандартные зеркала без орнаментов и орнаментированные радиальными линиями. Буквенные обозначения (а, д) маркируют таксоны низшего порядка. Таксон 1: 1 – кат. № 67. Таксон 4: 2 – кат. № 9; 3 – кат. № 36; 4 – кат. № 48; 5 – кат. № 33. Таксон 7: 6 – кат. № 6; 7 – кат. № 7

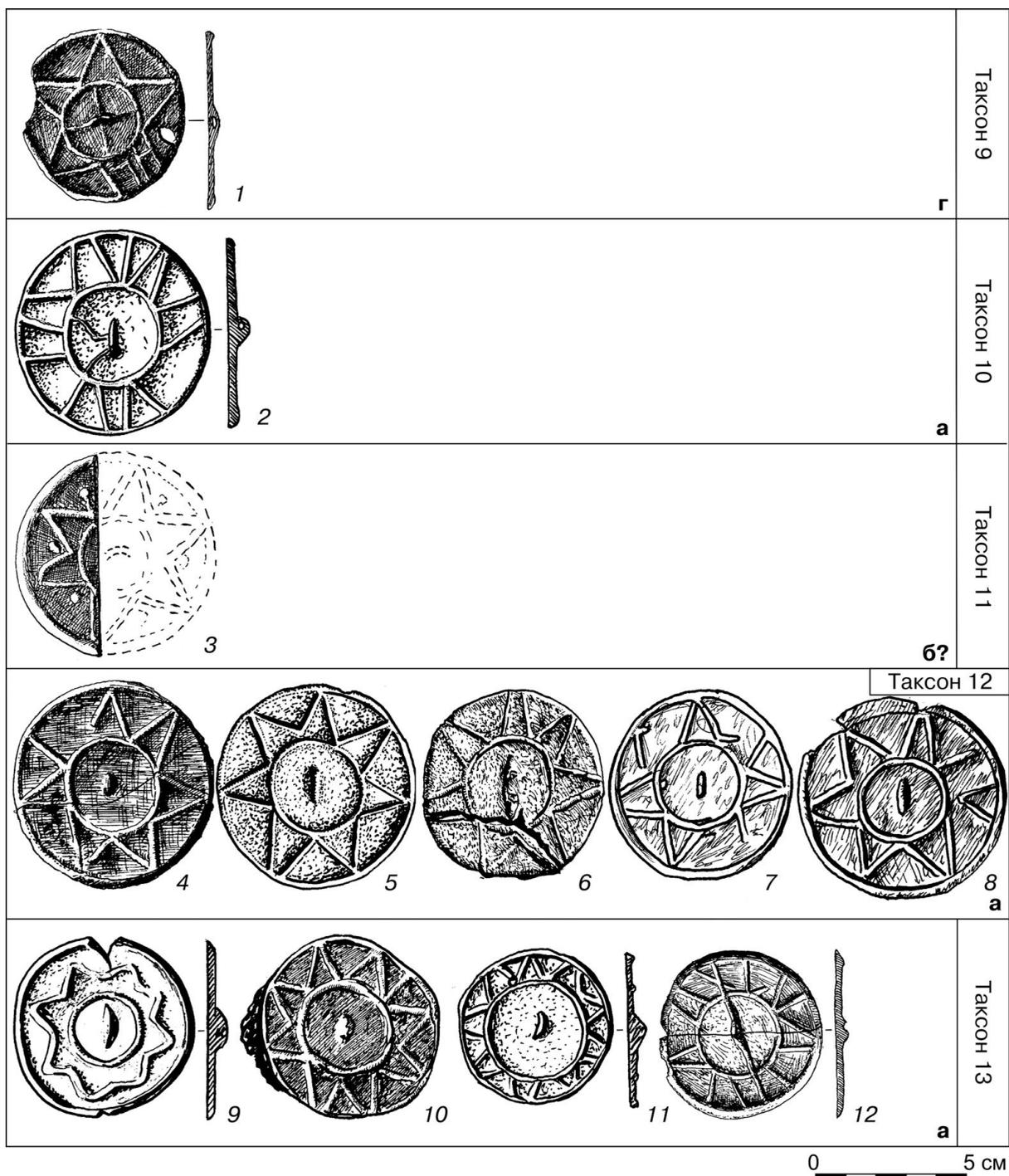

Рис. 70. Даргавский катакомбный могильник. Стандартные зеркала, украшенные двумя орнаментальными зонами разделенными concentрической окружностью, с ломанной линией во внешней зоне. Буквенные обозначения (а) маркируют таксоны низшего порядка. Таксон 9: 1 – кат. № 15. Таксон 10: 2 – кат. № 46. Таксон 11: 3 – кат. № 12. Таксон 12: 4 – кат. № 22, 5 – кат. № 24; 6 – кат. № 48; 7 – кат. № 67; 8 – кат. № 76. Таксон 13: 9 – кат. № 28; 10 – кат. № 65; 11 – кат. № 36; 12 – кат. № 75

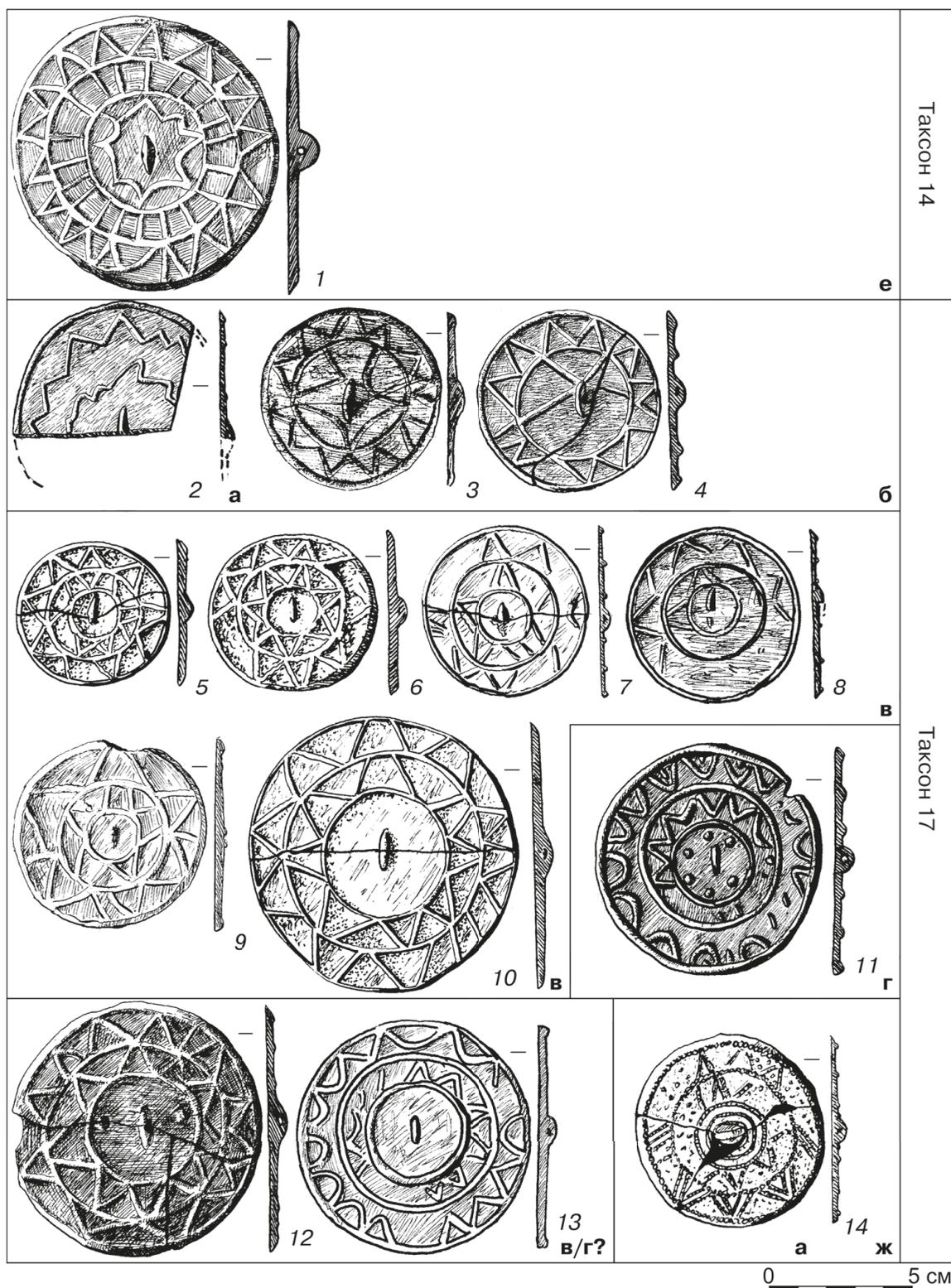

Рис. 71. Даргавский катакомбный могильник. Стандартные зеркала, украшенные ломанной линией во внешней зоне и радиальными (таксон 14) или ломанной линией (таксон 17) – в средней или внутренней зоне. Буквенные обозначения (а–г, е) маркируют таксоны низшего порядка. Таксон 14: 1 – кат. № 16. Таксон 17: 2 – кат. № 71; 3 – кат. № 2; 4 – кат. № 58; 5, 6 – кат. № 47; 7 – кат. № 53; 8 – кат. № 59; 9 – кат. № 77; 10 – кат. № 41; 11 – кат. № 62; 12 – кат. № 19; 13 – кат. № 67; 14 – кат. № 51

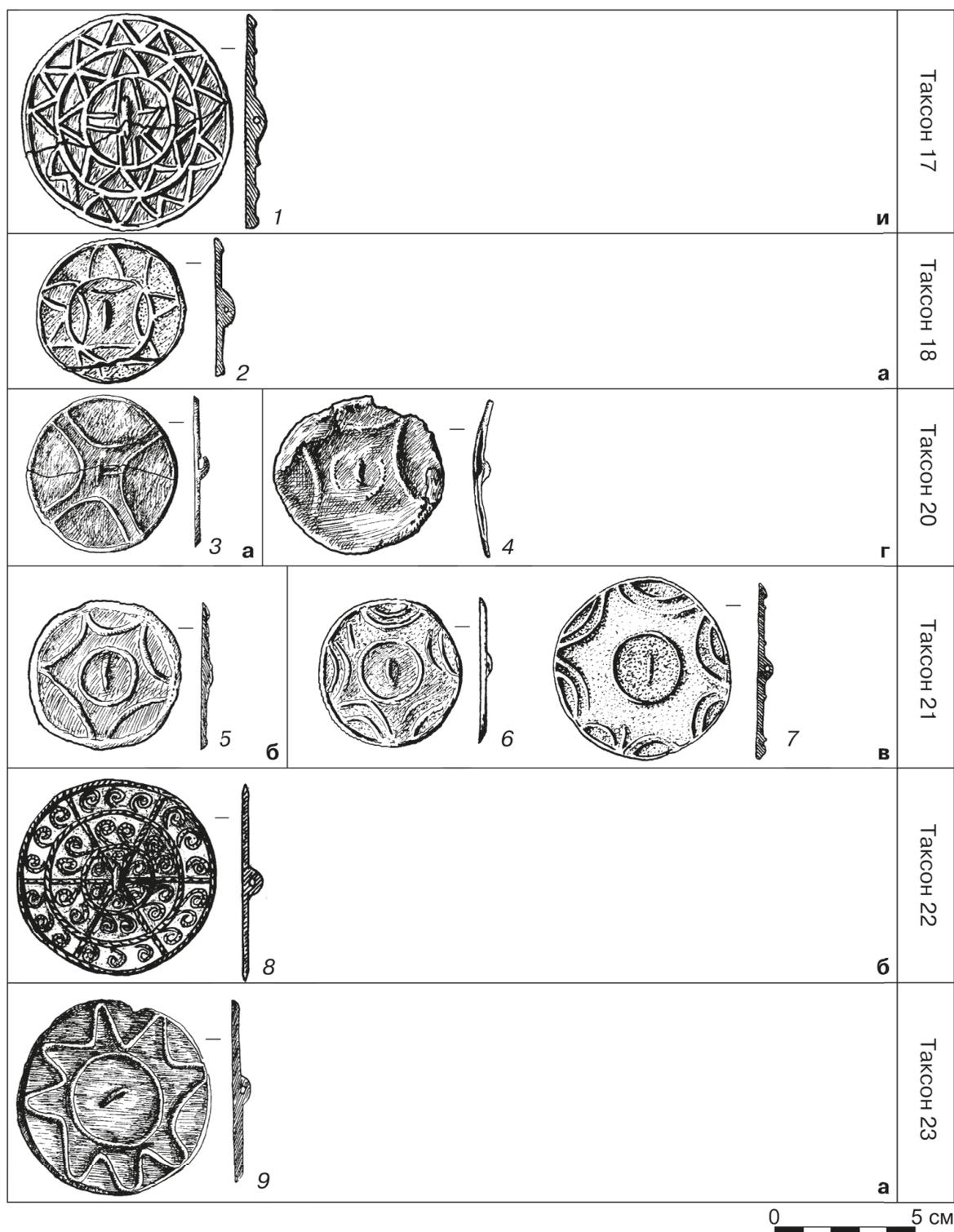

Рис. 72. Даргавский катакомбный могильник. Стандартные зеркала, украшенные ломанной линией во внешней зоне и дугами во внутренней (таксон 18); дугами, завитками и волнистыми линиями во внешней зоне (таксоны 20–23). Буквенные обозначения (а–в) маркируют таксоны низшего порядка. Таксон 17: 1 – кат. № 76. Таксон 18: 2 – кат. № 49. Таксон 20: 3 – кат. № 19; 4 – кат. № 72. Таксон 21: 5 – кат. № 77; 6 – кат. № 55; 7 – кат. № 25; Таксон 22: 8 – кат. № 28. Таксон 23: 9 – кат. № 18

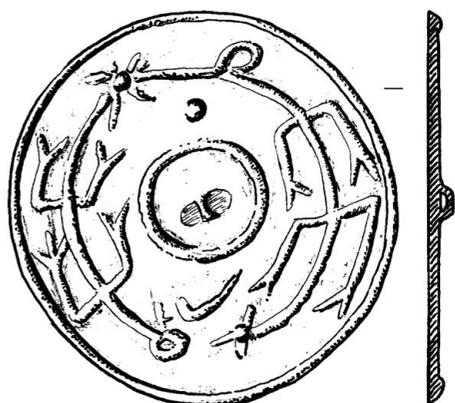

Рис. 73. Даргавский катакомбный могильник. Стандартные зеркала с зооморфным орнаментом. Таксон 27. Кат. № 28

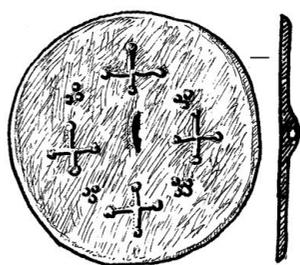

Рис. 74. Даргавский катакомбный могильник. Стандартные зеркала. Зеркало с орнаментом в виде крестов. Кат. № 69

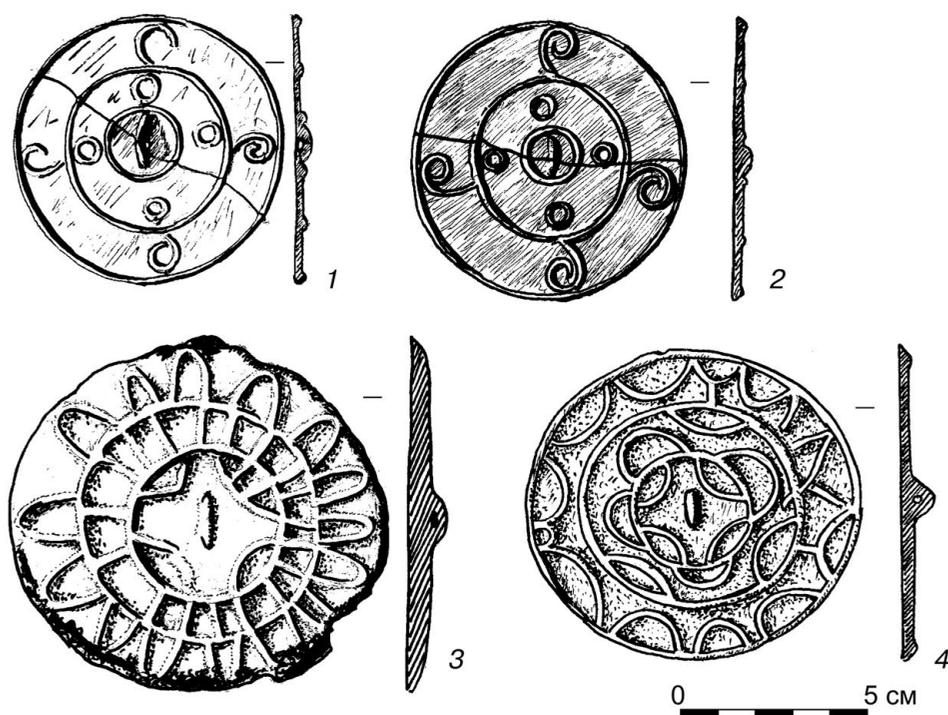

Рис. 75. Даргавский катакомбный могильник. Стандартные зеркала ранее неизвестных таксонов: 1 – кат. № 53; 2 – кат. № 63; 3 – кат. № 28; 4 – кат. № 35

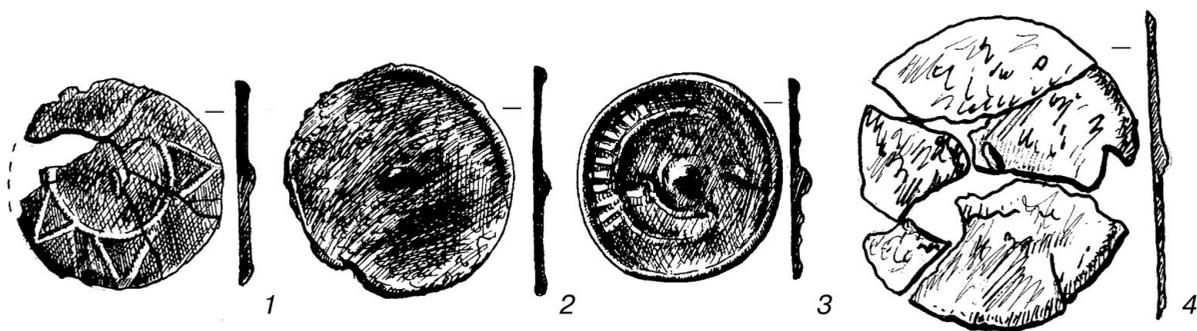

Рис. 76. Даргавский катакомбный могильник. Стандартные зеркала неопределимых таксонов. 1–3 – кат. № 1; 4 – кат. № 78

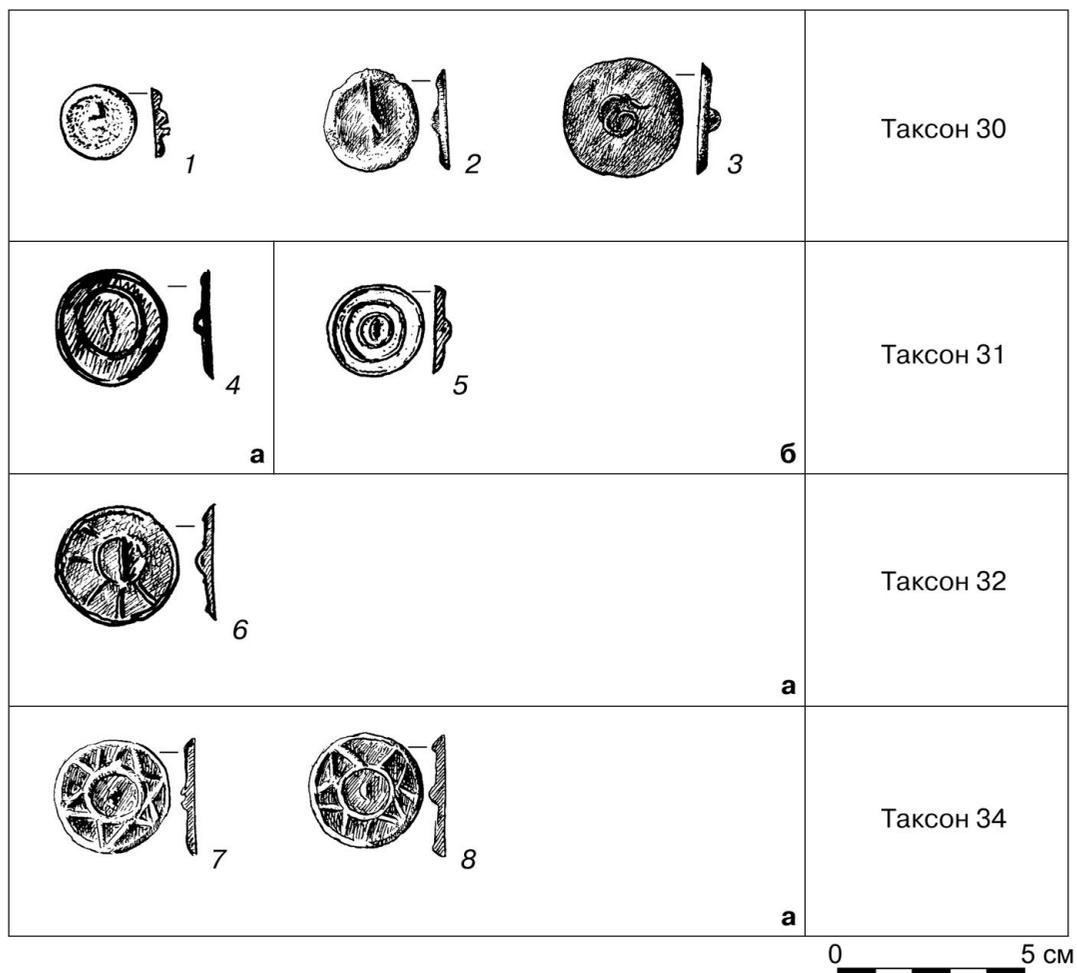

Рис. 77. Даргавский катакомбный могильник. Таксоны миниатюрных зеркал.

Буквенные обозначения (а, б) маркируют таксоны низшего порядка

Таксон 30: 1 – кат. № 53, 2 – кат. № 75; 3 – кат. № 2. Таксон 31: 4 – кат. № 63; 5 – кат. № 47.

Таксон 32: 6 – кат. № 66. Таксон 34: 7, 8 – кат. № 77

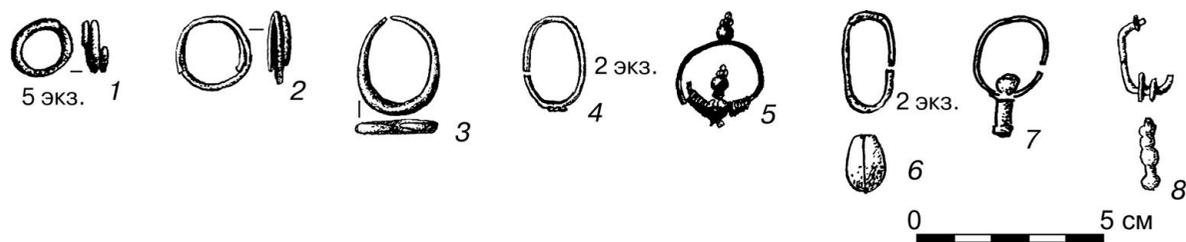

Рис. 78. Даргавский катакомбный могильник.

Серьги, не вошедшие в классификацию в силу их сохранности и сведений о них

1 – кат. № 1; 2, 3 – кат. № 2; 4 – кат. № 71; 5 – кат. № 1; 6 – кат. № 65; 7 – кат. № 28; 8 – кат. № 22

	Тип 1	Отдел I	Группа 1
	Тип 2	Отдел I	
	Тип 1	Отдел II	Группа 1
	Тип 2	Отдел II	
	Тип 1	Отдел II	Группа 2

0 5 см

Рис. 79. Даргавский катакомбный могильник. Типы височных колец

1 – кат. № 18; 2 – кат. № 1; 3 – кат. № 4; 4, 6 – кат. № 66; 5, 7, 8 – кат. № 69

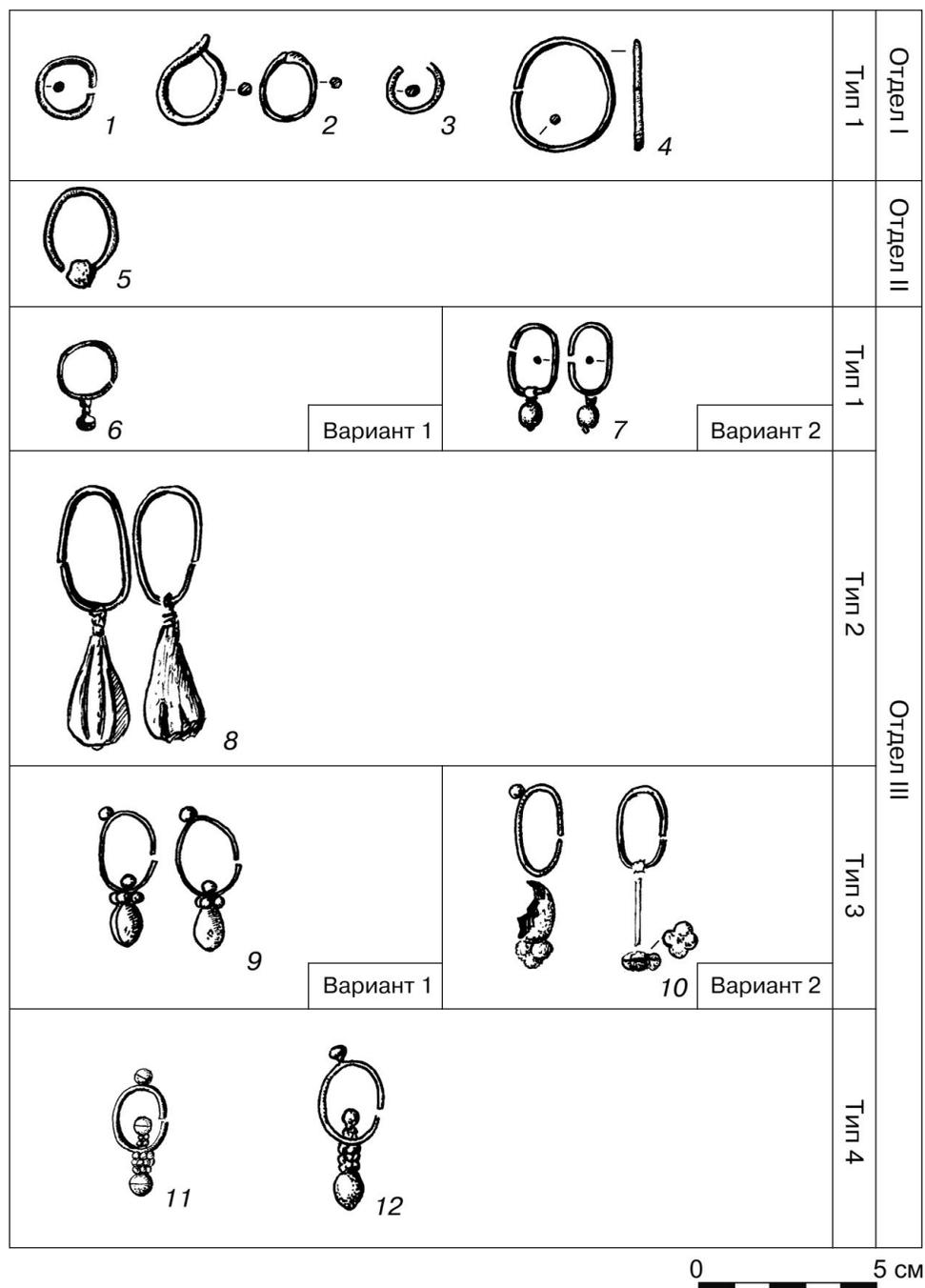

Рис. 80. Даргавский катакомбный могильник. Типы серег Отделов I–III

1, 6 – кат. № 1; 2 – кат. № 39; 3 – кат. № 42; 4 – кат. № 62; 5 – кат. № 67; 7, 8 – кат. № 66; 9 – кат. № 27; 10 – кат. № 60; 11 – кат. № 23; 12 – кат. № 29-усл.

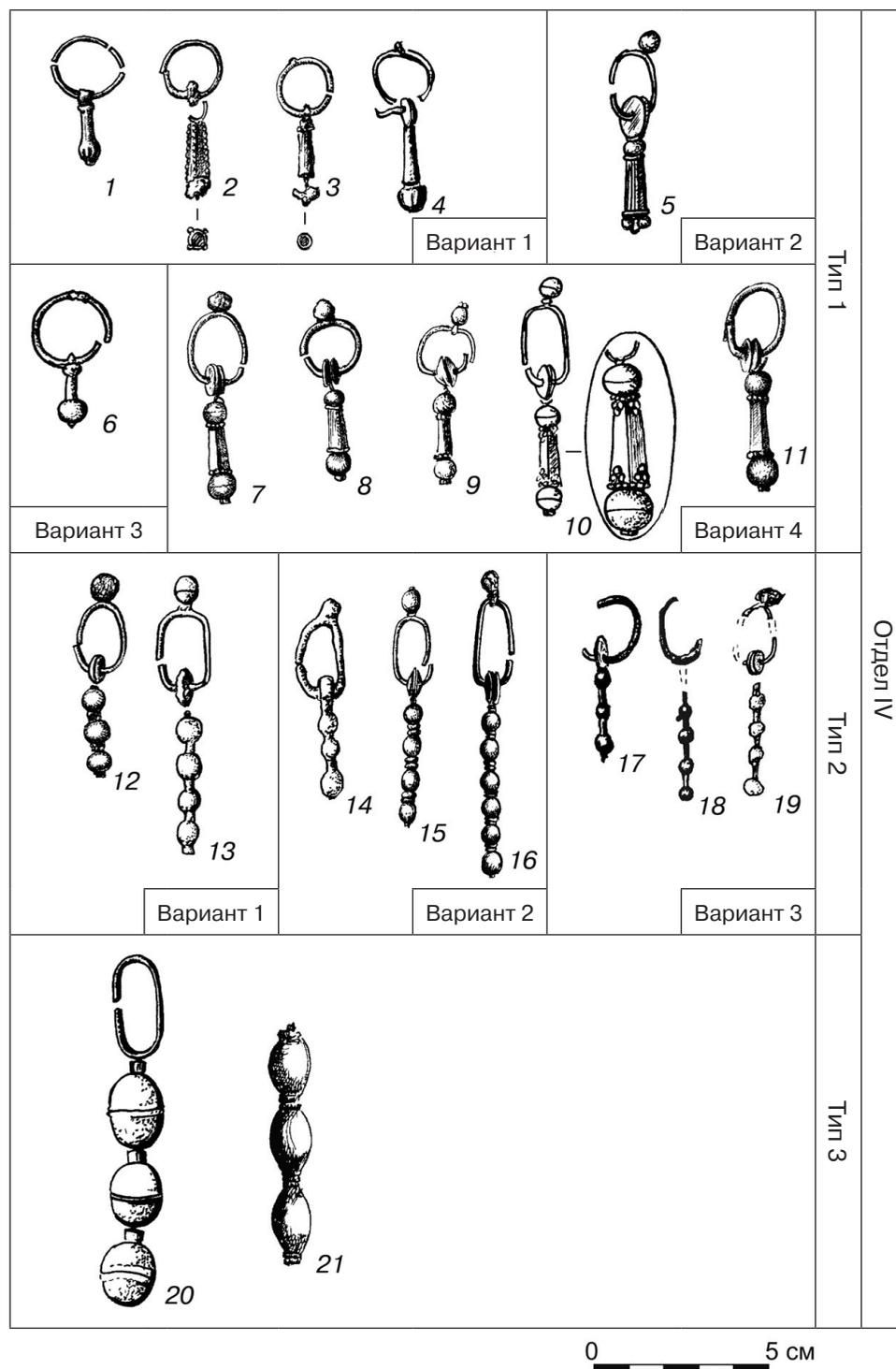

Рис. 81. Даргавский катакомбный могильник. Типы серег Отдела IV

1, 8 – кат. № 17; 2, 3 – кат. № 15; 4 – кат. № 51; 5 – кат. № 36; 6 – кат. № 30-усл.; 7 – кат. № 7; 9 – кат. № 77; 10 – кат. № 35; 11 – кат. № 6; 12 – кат. № 2; 13 – кат. № 45; 14, 19 – кат. № 48; 15 – кат. № 16; 16 – кат. № 18; 17 – кат. № 5-усл.; 18, 21 – кат. № 1; 20 – кат. № 26

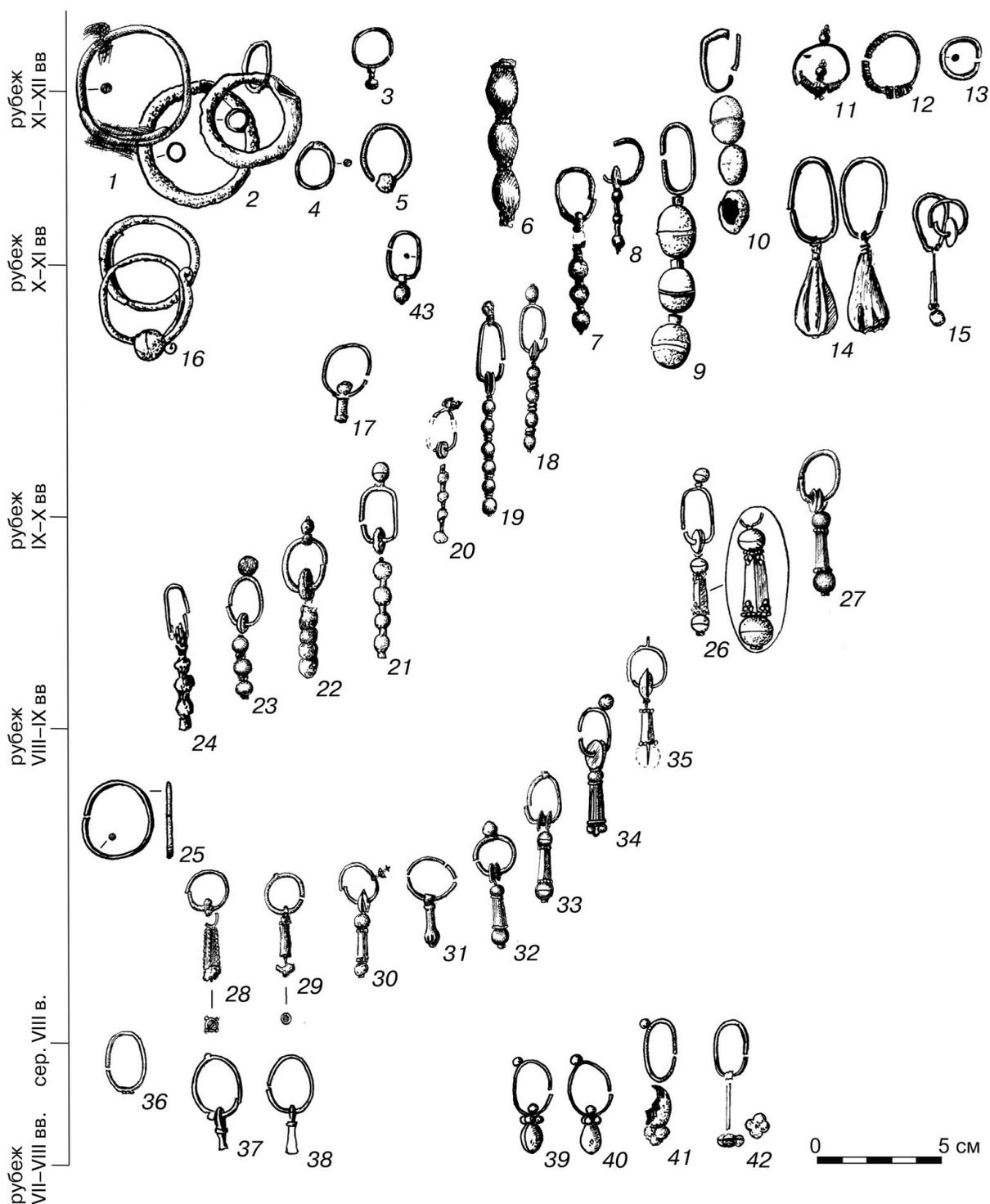

Рис. 82. Хронология серег Даргавского катакомбного могильника

1 – кат. № 4; 2, 10 – кат. № 69; 3, 6, 7, 8, 11, 12, 13 – кат. № 1; 4 – кат. № 35; 5 – кат. № 67; 9 – кат. № 26; 14, 15, 16 – кат. № 66; 17 – кат. № 28; 18 – кат. № 16; 19 – кат. № 18; 20 – кат. № 48; 21 – кат. № 45; 22 – кат. № 19; 23 – кат. № 2; 24, 35 – кат. № 53; 25 – кат. № 62; 26 – кат. № 35; 27 – кат. № 6; 28, 29 – кат. № 15; 30 – кат. № 77; 31, 32 – кат. № 17; 33 – кат. № 7; 34 – кат. № 36; 36 – кат. № 71; 37, 38, 39, 40 – кат. № 27; 41, 42 – кат. № 60; 43 – кат. № 37

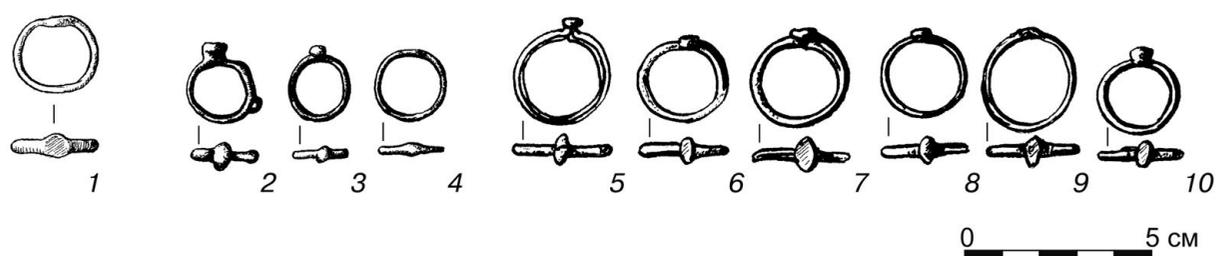

Рис. 83. Примеры стеклянных перстней

1 – перстень из светло-зеленого стекла; 2–10 – перстни из темного стекла.

1 – кат. № 9; 2–4 – кат. № 17; 5–10 – кат. № 53

Отдел I. Перстни щитковые без вставки

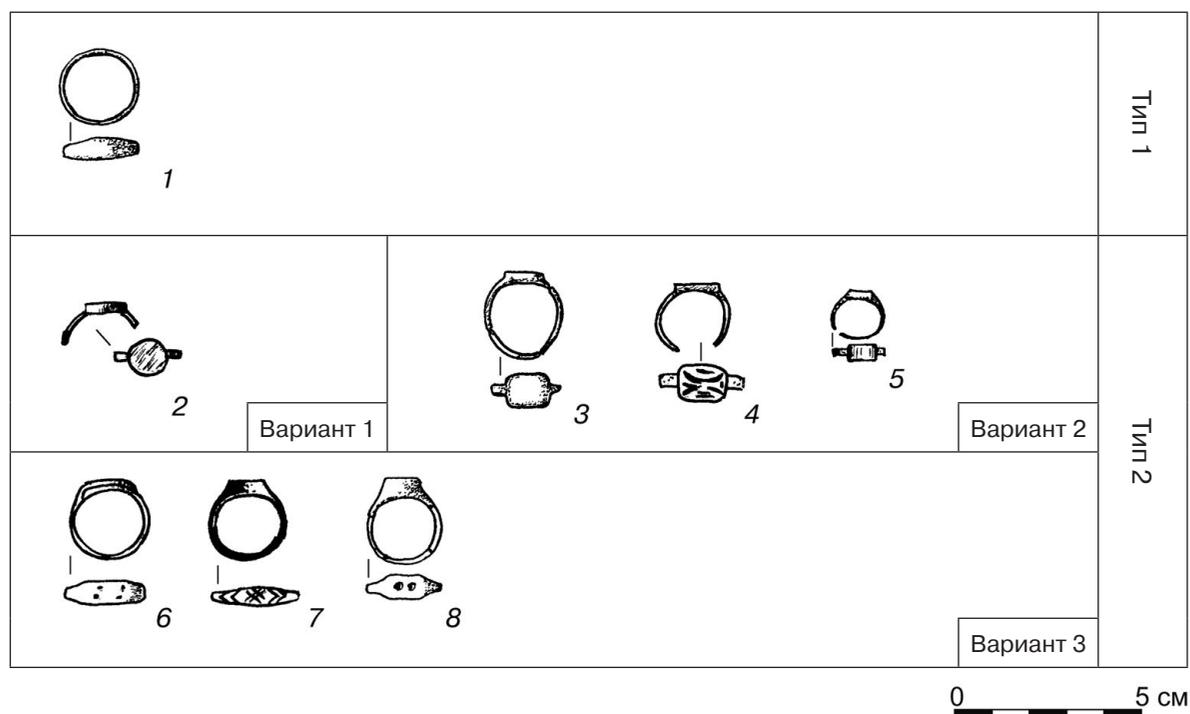
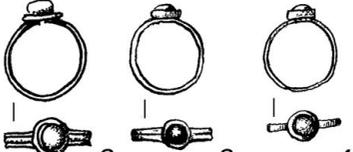
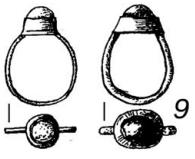
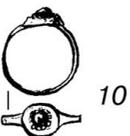
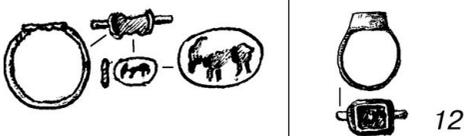
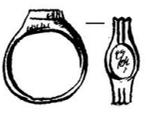

Рис. 84. Даргавский катакомбный могильник. Типология металлических перстней. Отдел I

1, 8 – кат. № 47; 2, 4, 6 – кат. № 28; 3 – кат. №№ 26 и 28; 5 – кат. № 1; 7 – кат. № 5-усл.

В указанных катакомбах выявлено по одному экземпляру приведенных на рисунке перстней

Отдел II. Перстни щитковые со вставками

 <p>1</p>		Тип 1
 <p>2 3 4</p>		Вариант 1
 <p>5</p>		Вариант 2
 <p>6 7</p>		Вариант 3
 <p>8 9</p>		Вариант 4
 <p>10</p>		Вариант 5
 <p>11 12</p>		Вариант 6
 <p>13</p>		Вариант 7
 <p>14 15 16</p>		кат. 1 – 1 экз. кат. 5-усл. – 1 экз. кат. 45 – 3 экз. кат. 48 – 2 экз. кат. 55 – 1 экз.
 <p>17</p>		Вариант 8
 <p>18 19</p>		Тип 3
 <p>19</p>		Вариант 1
<p>кат. 1 – 1 экз. кат. 2 – 6 экз. кат. 15 – 1 экз. кат. 17 – 1 экз. кат. 47 – 4 экз. кат. 58 – 1 экз. кат. 63 – 1 экз. кат. 71 – 1 экз. кат. 76 – 8 экз.</p>		Вариант 2
<p>кат. 2 – 3 экз. кат. 6 – 4 экз. кат. 16 – 3 экз. кат. 28 – 3 экз. кат. 32 – 1 экз. кат. 35 – 2 экз. кат. 46 – 1 экз. кат. 55 – 1 экз. кат. 63 – 1 экз.</p>		Тип 4

0 5 см

Рис. 85. Даргавский катакомбный могильник. Типология металлических перстней. Отдел II
1, 2 – кат. № 27; 3, 15 – кат. № 71; 4, 16 – кат. № 75; 5 – кат. № 24; 6 – кат. № 2; 7 – кат. № 37;
8, 9 – кат. № 19; 10, 18 – кат. № 72; 11 – кат. № 53; 12 – кат. № 17; 14 – кат. № 12;
13, 17, 19 – массовые варианты перстней (номера катакомб указаны в таблице)

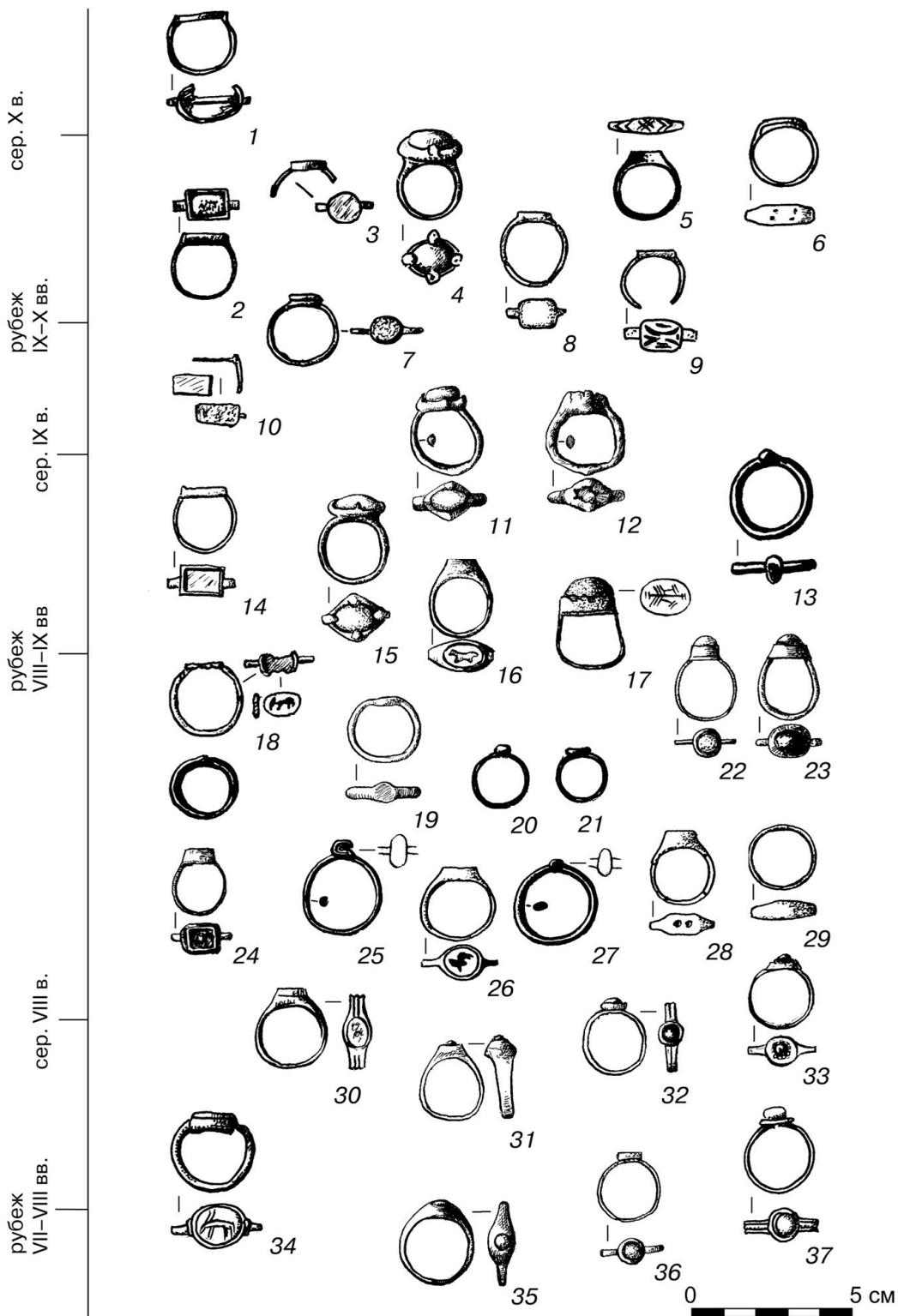

Рис. 86. Хронология перстней Даргавского катакомбного могильника

1 – кат. № 37; 2, 5 – кат. № 5-усл.; 3, 4, 6, 8, 9 – кат. № 28; 7 – кат. № 24; 10 – кат. № 48; 11, 12 – кат. № 6; 13 – кат. № 63; 14 – кат. № 45; 15–17 – кат. № 2; 22, 23 – кат. № 19; 18 – кат. № 53; 19 – кат. № 9; 20 – кат. № 17; 21 – кат. № 34; 24 – кат. № 76; 25, 27 – кат. № 7; 26, 28, 29 – кат. № 47; 30, 33 – кат. № 72; 31, 32 – кат. № 71; 34, 37 – кат. № 27; 35 – кат. № 12; 36 – кат. № 75

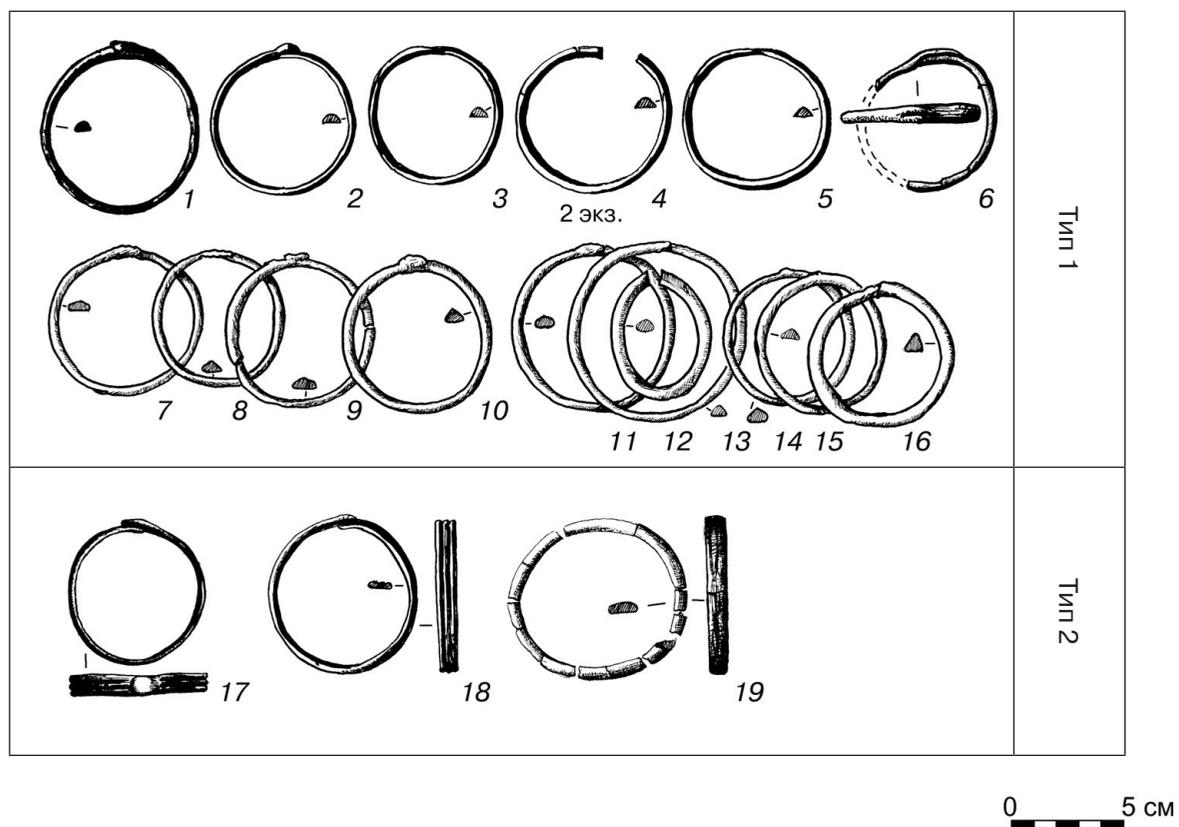

Рис. 87. Даргавский катакомбный могильник. Типология стеклянных браслетов
1, 17 – кат. № 1; 2–5 – кат. № 66; 6 – кат. № 69; 7–16 – кат. № 67; 18 – кат. № 65; 19 – кат. № 4

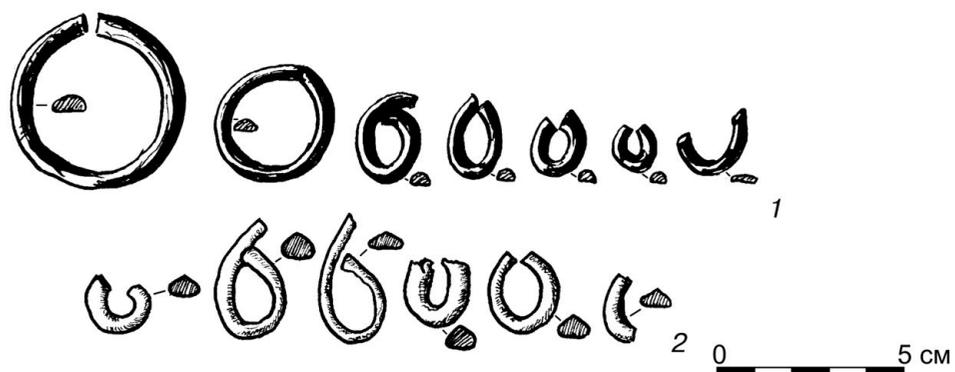

Рис. 88. Даргавский катакомбный могильник. Бусы из стеклянных браслетов
1 – кат. № 65; 2 – кат. № 67

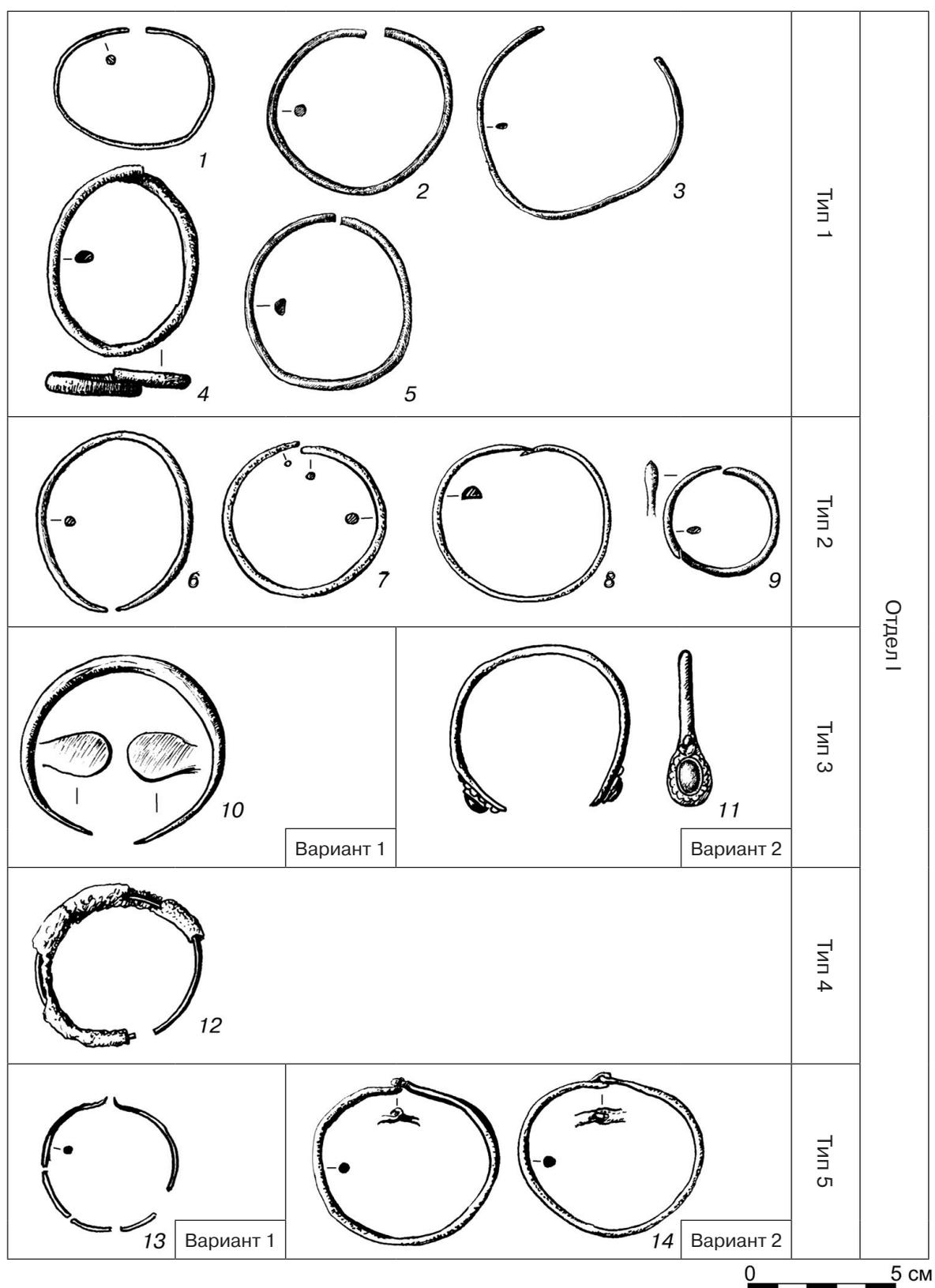

Рис. 89. Даргавский катакомбный могильник. Отдел I металлических браслетов
 1 – кат. № 45; 2, 5 – кат. № 12; 3 – кат. № 21; 4 – кат. № 72; 6 – кат. № 59; 7 – кат. № 76;
 8 – кат. № 47; 9 – кат. № 17; 10–12 – кат. № 28; 13 – кат. № 69; 14 – кат. № 53

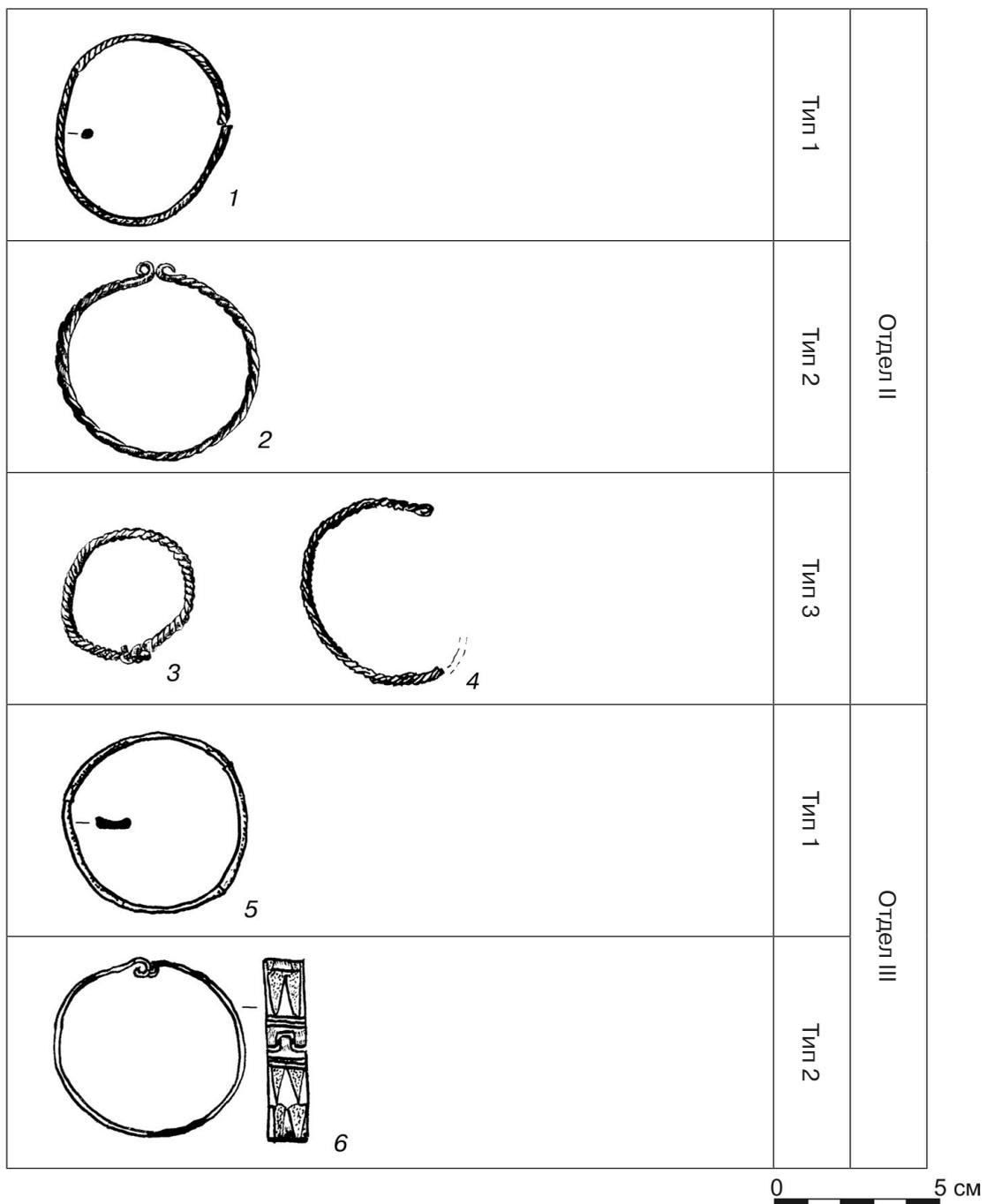

Рис. 90. Даргавский катакомбный могильник. Отделы II и III металлических браслетов
 1 – кат. № 53; 2 – кат. № 18; 3 – кат. № 77; 4 – кат. № 63; 5 – кат. № 69; 6 – кат. № 70

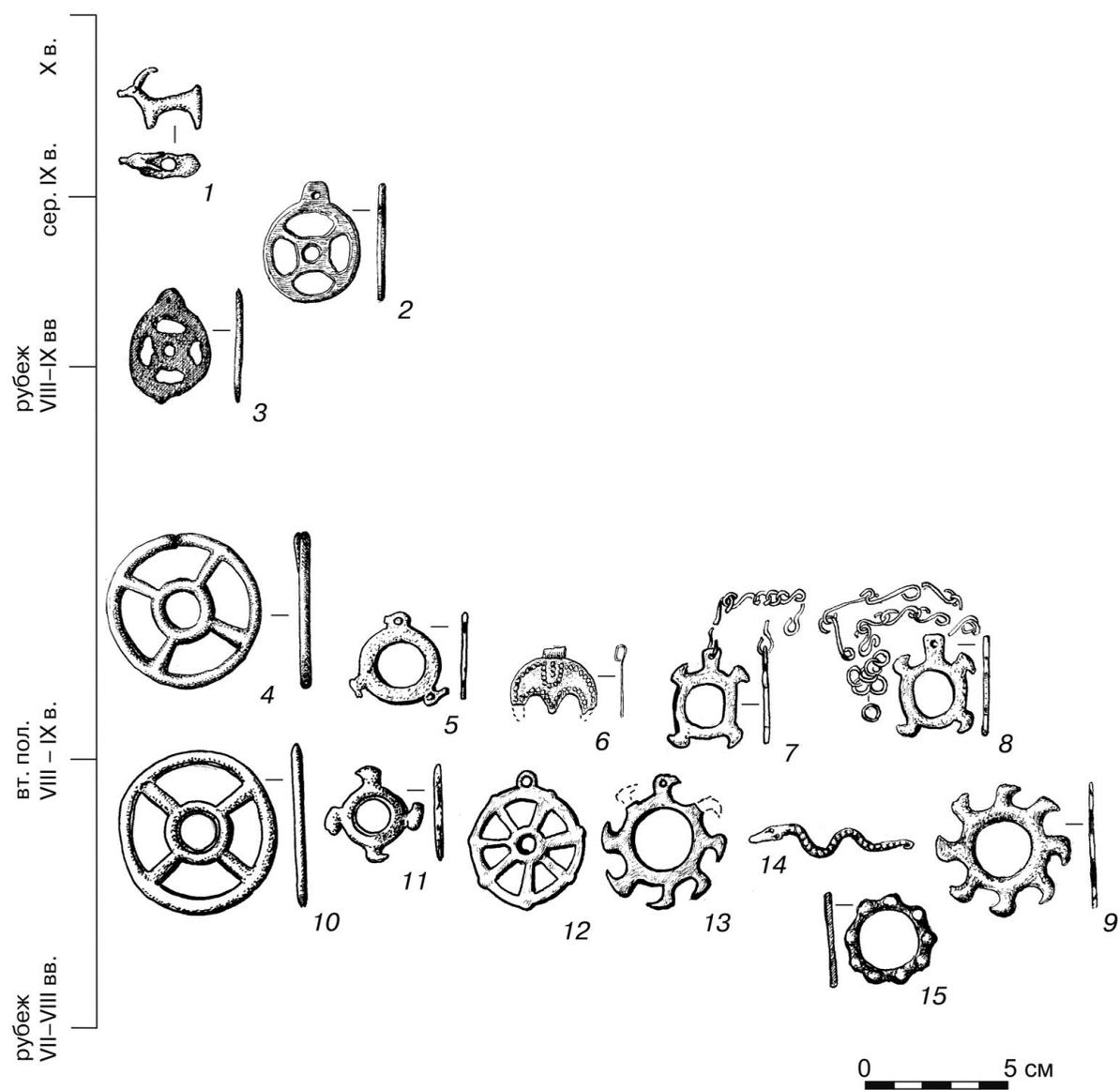

Рис. 91. Даргавский катакомбный могильник. Хронология амулетов

1 – кат. № 48; 2 – кат. № 22; 3 – кат. № 2; 4 – кат. № 17; 5 – кат. № 47; 6 – кат. № 77; 7 – кат. № 71; 9, 15 – кат. № 75; 10, 11 – кат. № 27; 12, 13, 14 – кат. № 59

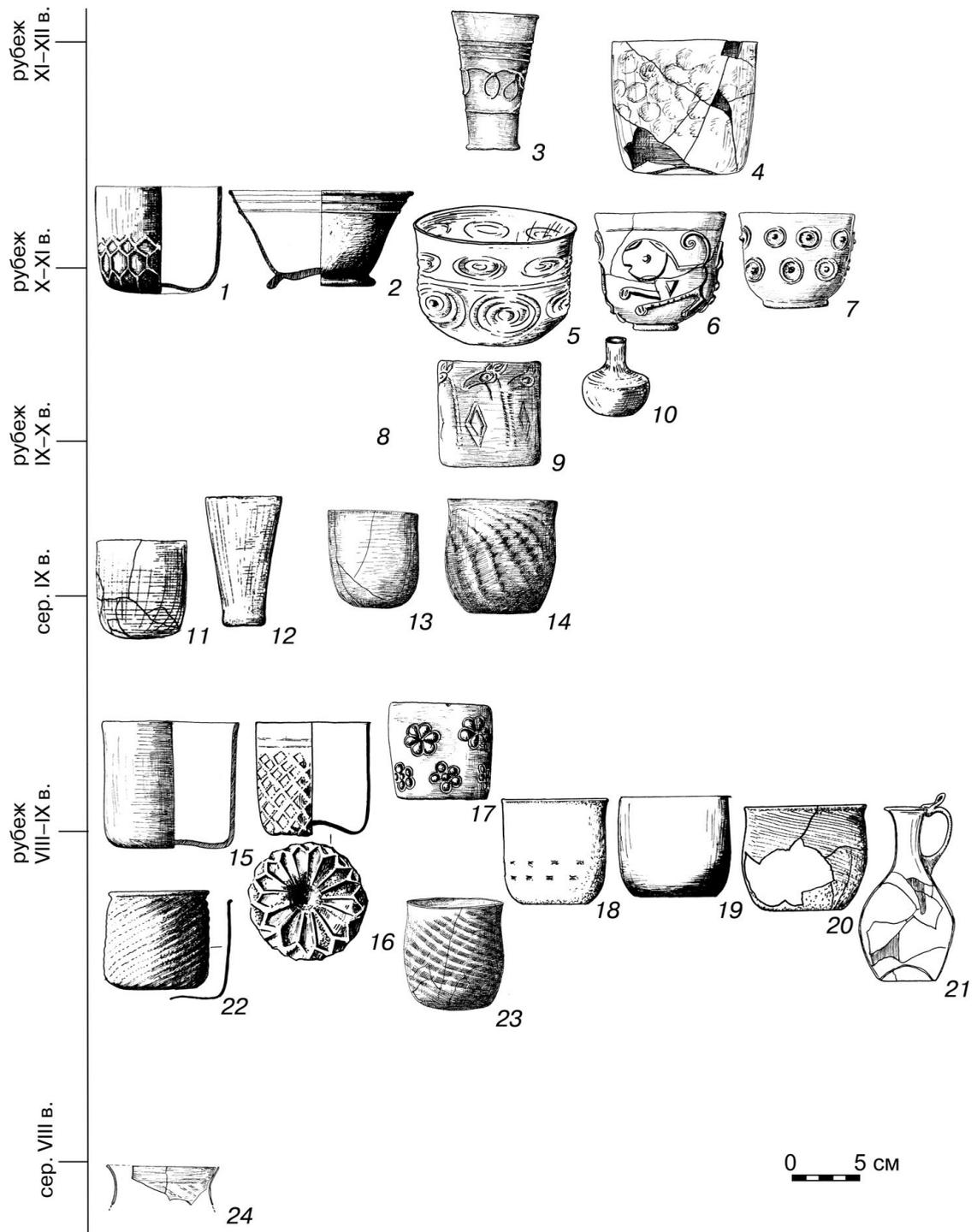
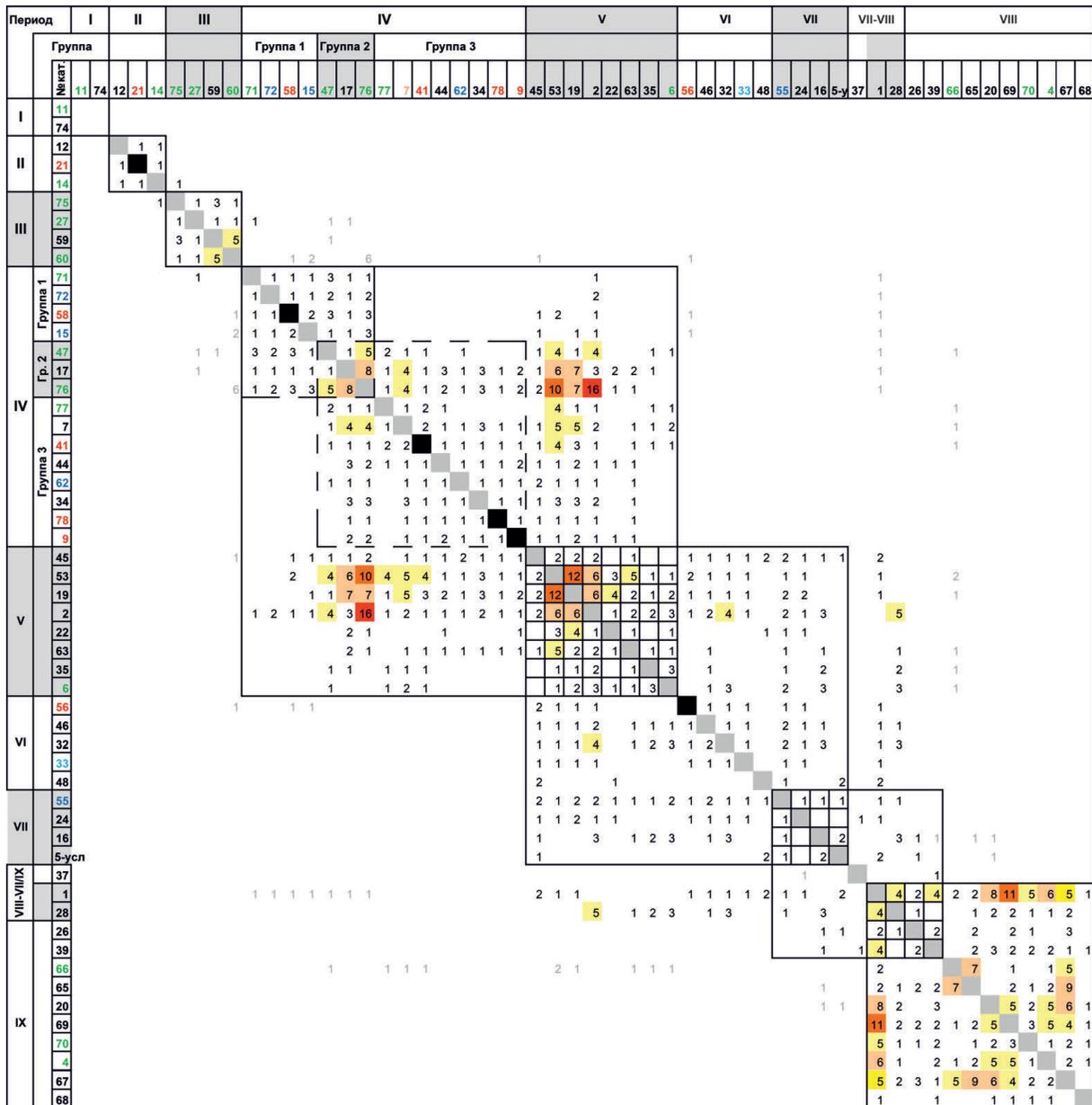

Рис. 92. Хронология стеклянных сосудов Даргавса

1, 2 – кат. № 1; 3 – кат. № 67; 4 – кат. № 39; 5, 10 – кат. № 28; 6, 7 – кат. № 37; 8 – кат. № 16; 9 – кат. № 55; 11, 12 – кат. № 2; 13, 14 – кат. № 19; 15, 16 – кат. № 36; 17 – кат. № 62; 18, 19, 20 – кат. № 76; 21 – кат. № 43; 22 – кат. № 47; 23 – кат. № 15; 24 – кат. № 27

- 1 архаичные и долго бытующие предметы
- 56 одиночные погребения
- 55 камеры, в которых основной инвентарь сосредоточен с одним погребенным
- 7 камеры, в которых инвентарь располагался со смещенными погребениями, близкими по времени захоронения (смещение произошло до разрушения мягких тканей)
- 76 камеры, в которых совершены близкие по времени погребения (рядные без смещения скелеты)
- 4 4–5 связей между катакомбами
- 6 6–9 связей между катакомбами
- 10 10–12 связей между катакомбами
- 16 более 12 связей между катакомбами
- 1 1 группа погребений содержащих материалы двух смежных хронологических периодов

Рис. 93. Даргавский катакомбный могильник. Сериация связей между комплексами катакомб (камер)

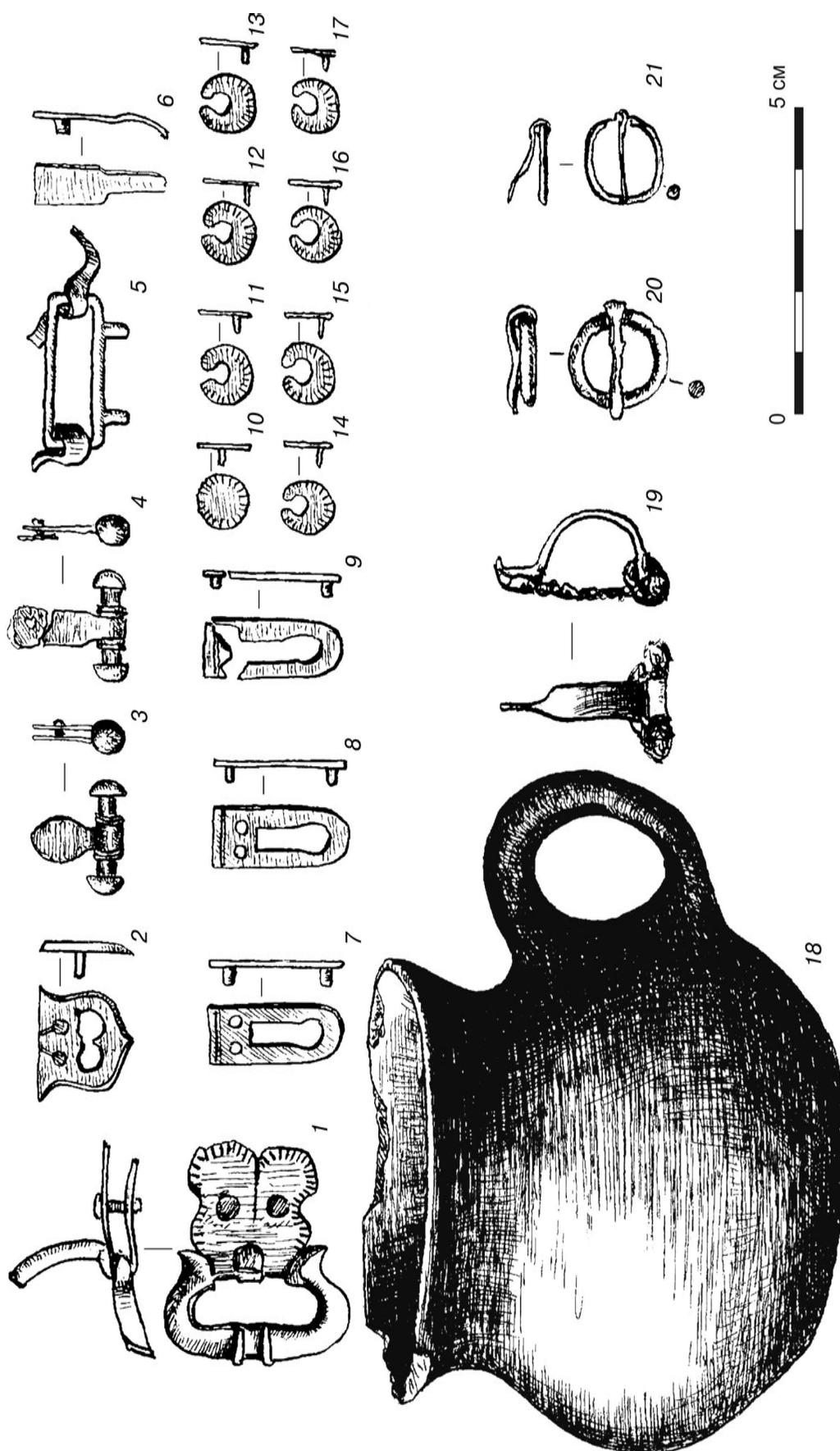

Рис. 94. Период I
1–18 – кат. № 11; 19–21 – кат. № 74

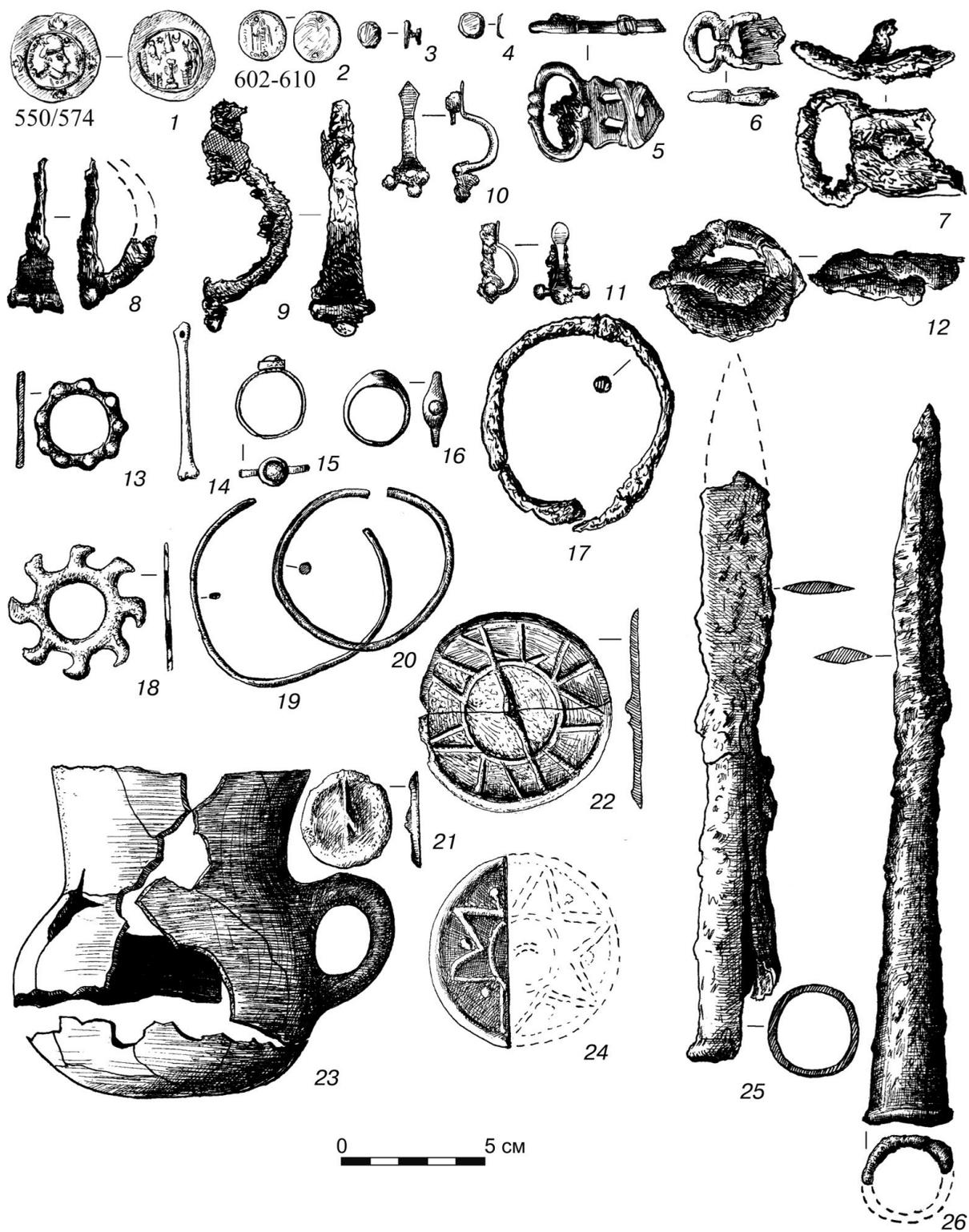

Рис. 95. Период II

1, 3, 4, 8 – кат. № 14; 2, 6, 7, 9, 13–15, 17, 21, 22 – кат. № 75; 5, 11, 16, 20, 23, 24, 26 – кат. № 12; 10, 12, 19, 25 – кат. № 21

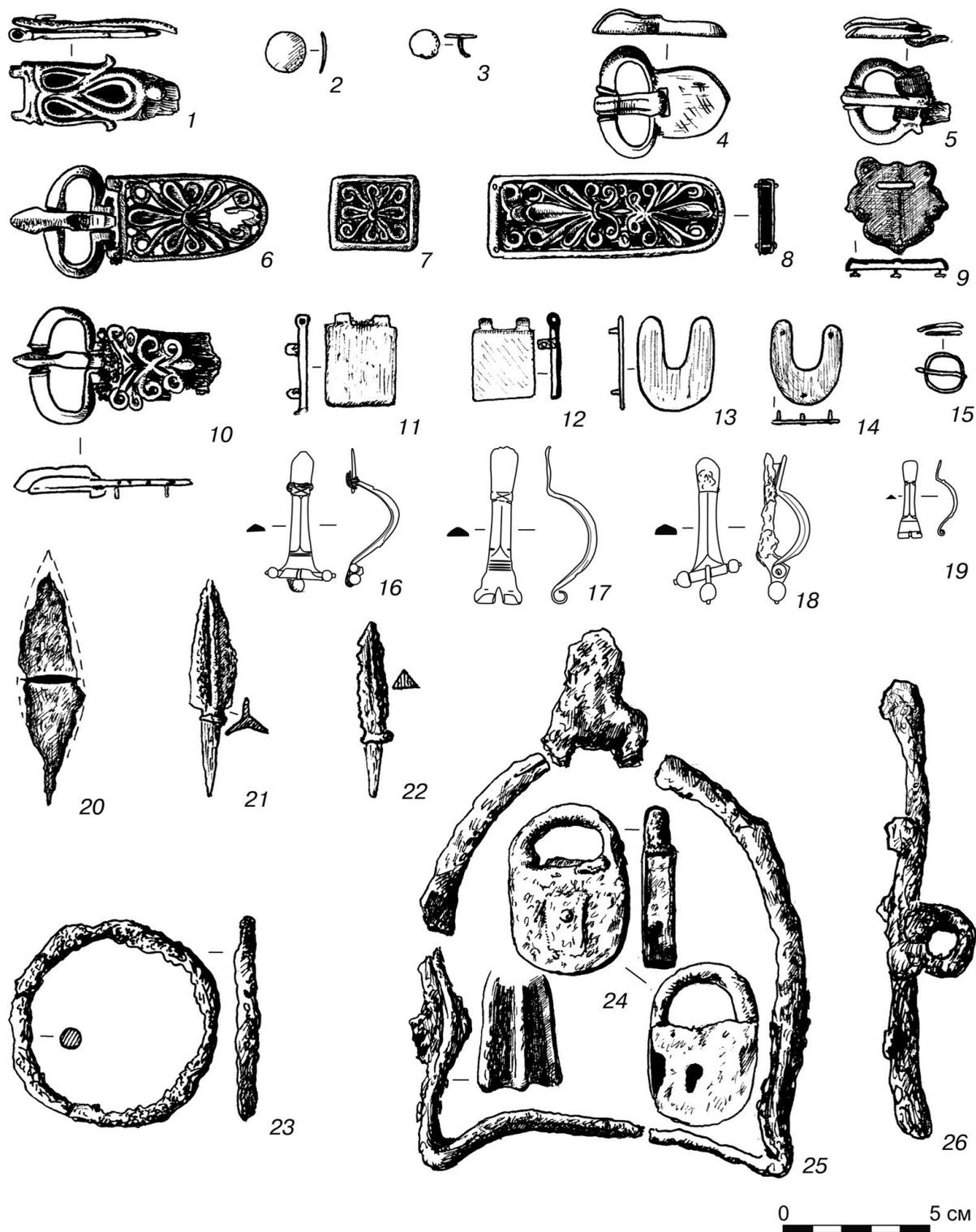

Рис. 96. Период III

1–5, 18, 20, 24, 25 – кат. № 27; 6–9, 12, 14–17, 19, 21, 22, 26 – кат. № 59; 10, 11, 13, 23 – кат. № 60

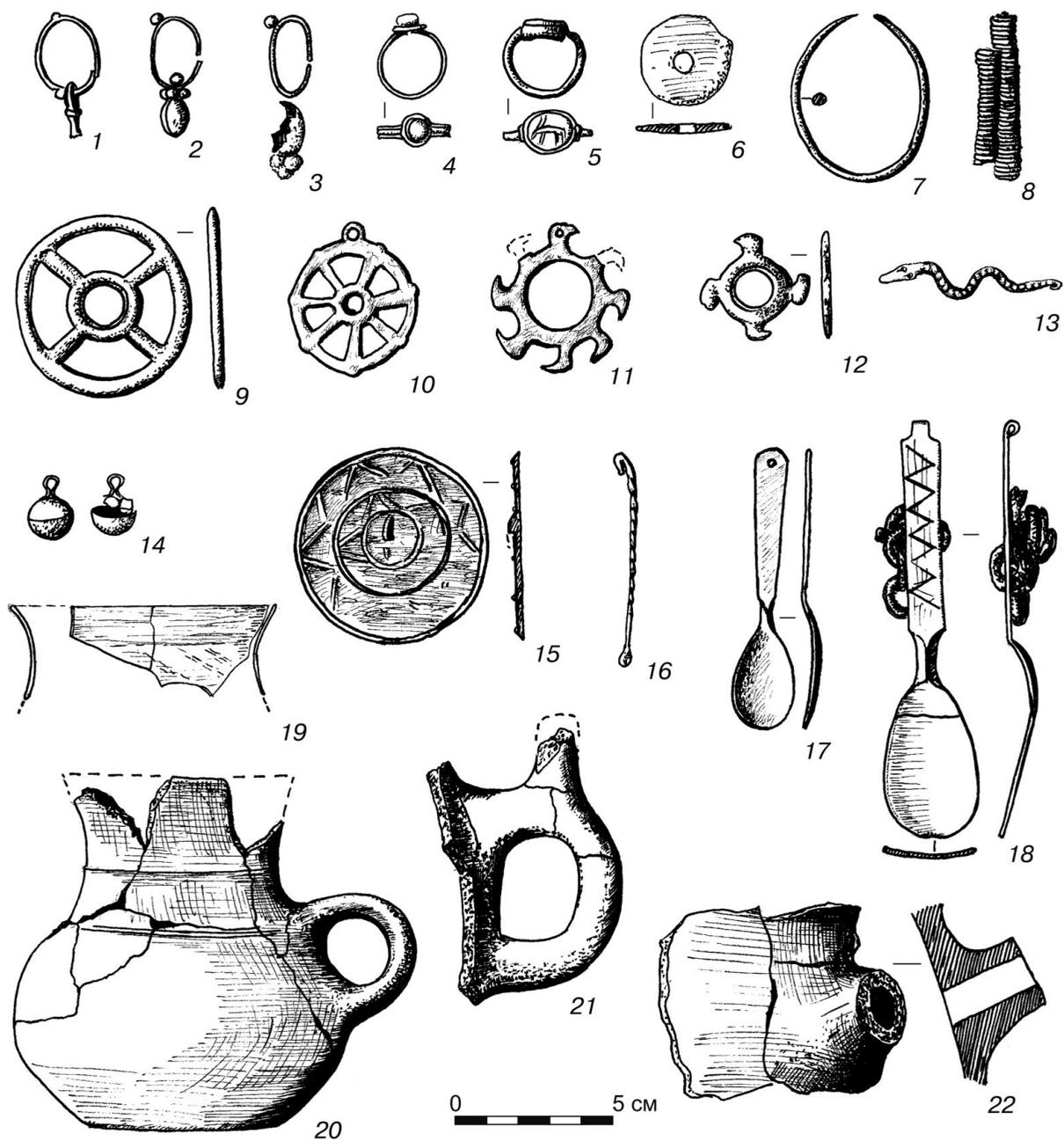

Рис. 97. Период III (продолжение)

1, 2, 4, 5, 7-9, 12, 14, 18-22 – кат. № 27; 3, 6 – кат. № 60; 10, 11, 13, 15-17 – кат. № 59

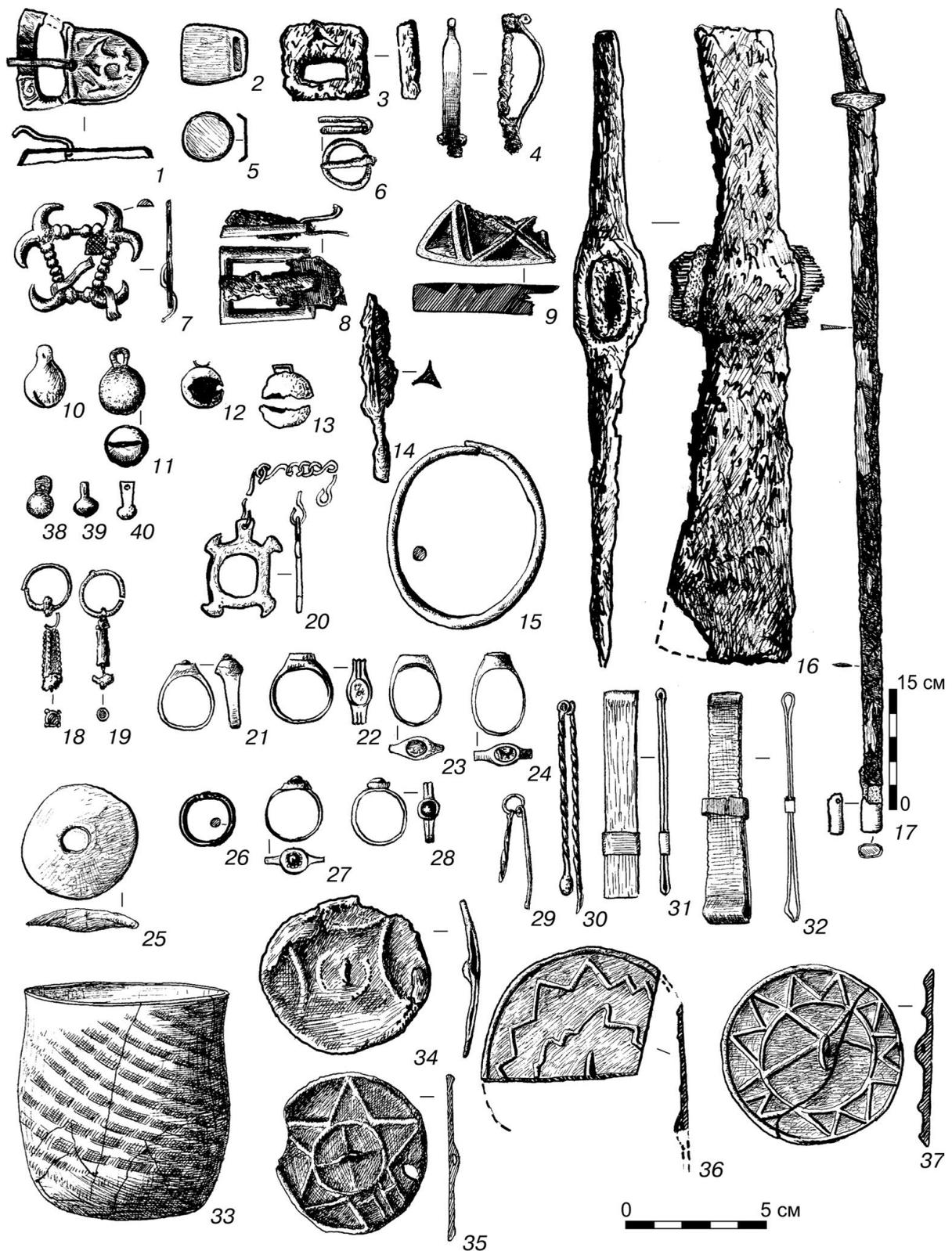

Рис. 98. Период IV. Группа 1

1, 2, 4, 9, 12, 14, 15–17, 20, 21, 28, 36 – кат. № 71; 3, 6, 7, 10, 22, 23, 27, 30, 31, 34, 39 – кат. № 72;
8, 11, 18, 19, 24, 32, 33, 35, 38 – кат. № 15; 13, 25, 26, 29, 37, 40 – кат. № 58

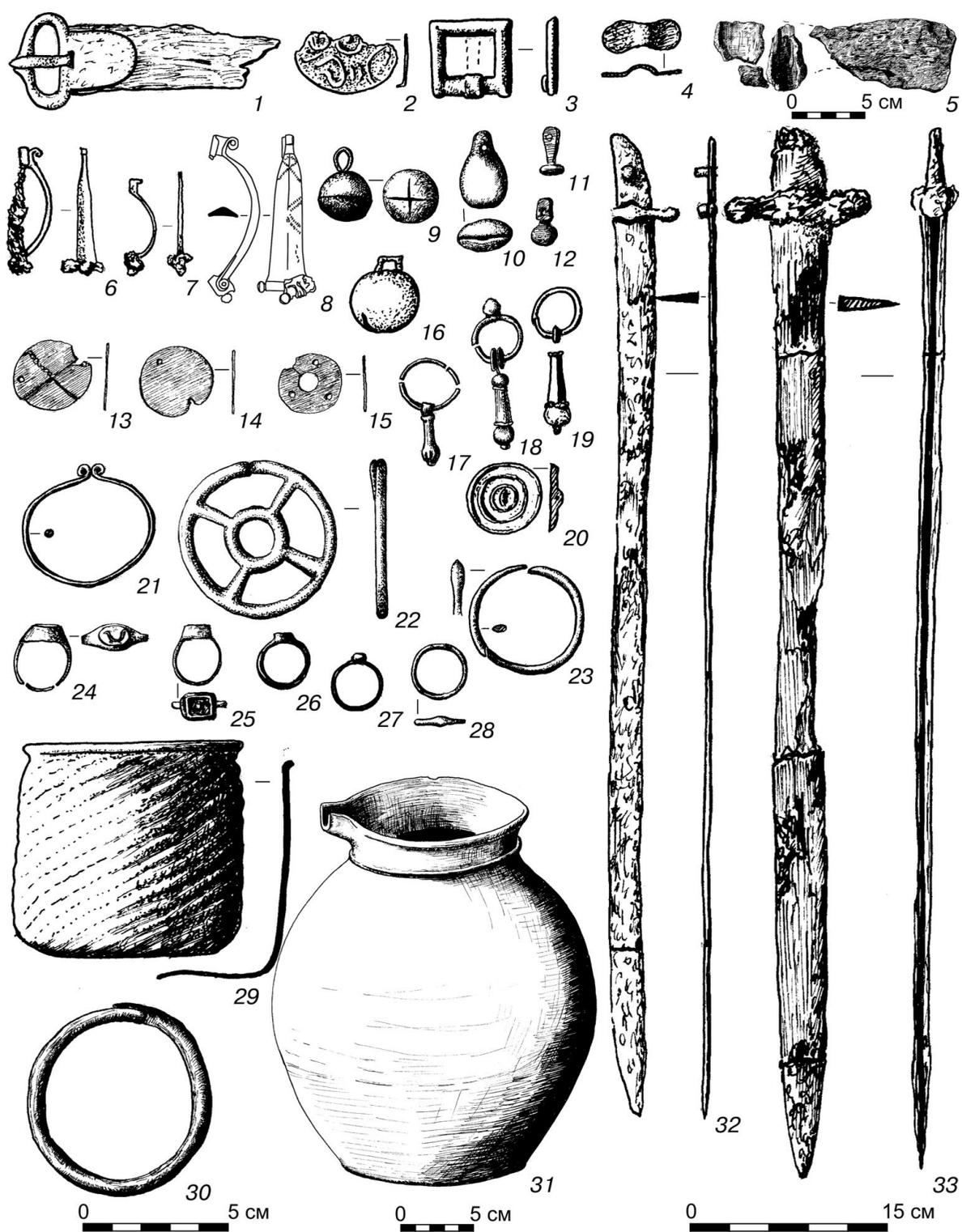

Рис. 99. Период IV. Группа 2

1-4, 6-8, 16, 19, 20, 29, 31-33 – кат. № 47; 5, 9-15, 17, 18, 21-28, 30 – кат. № 17

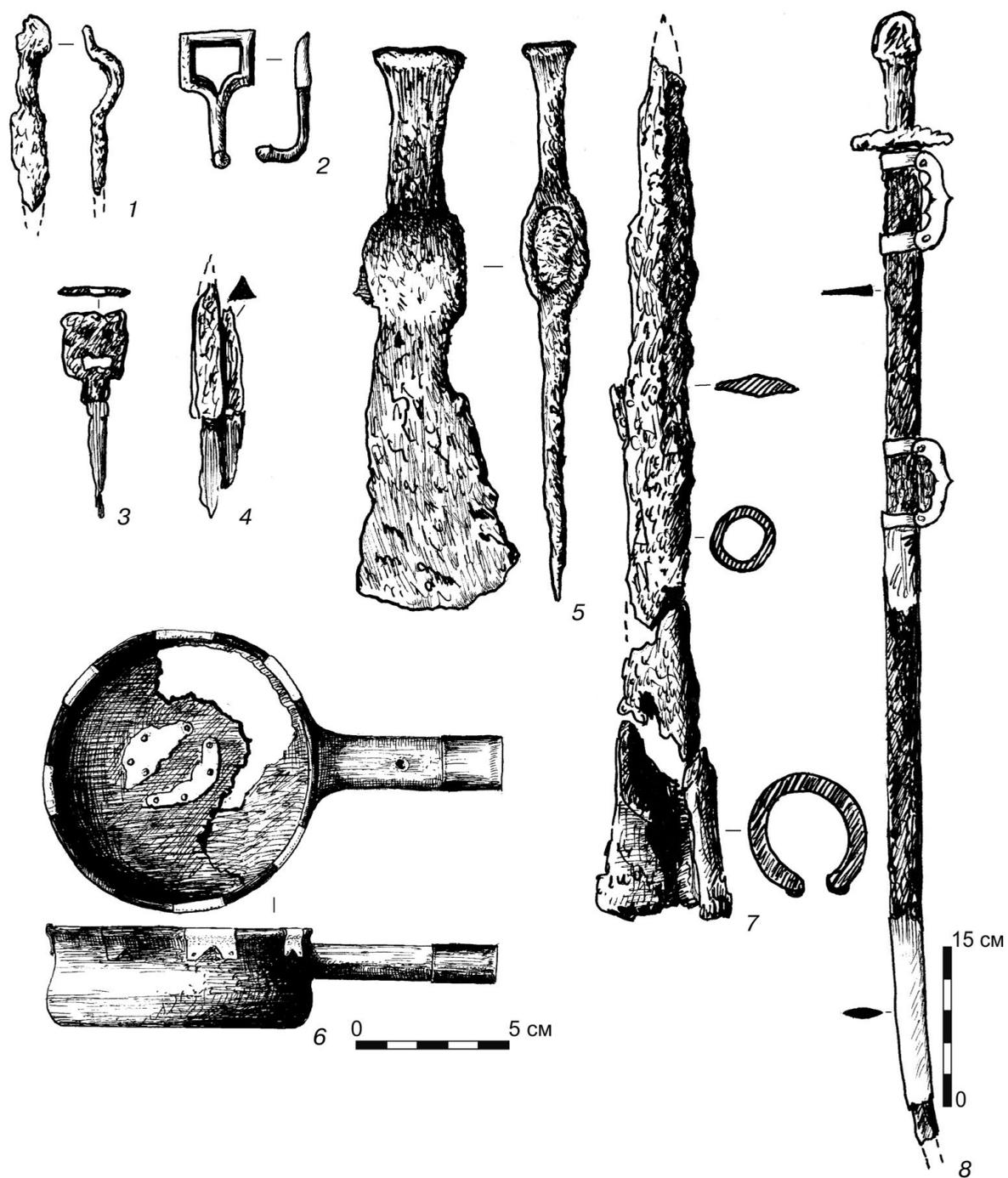

Рис. 100. Период IV. Группа 2. Катакомба № 76. Материалы из комплекса. Предметы вооружения

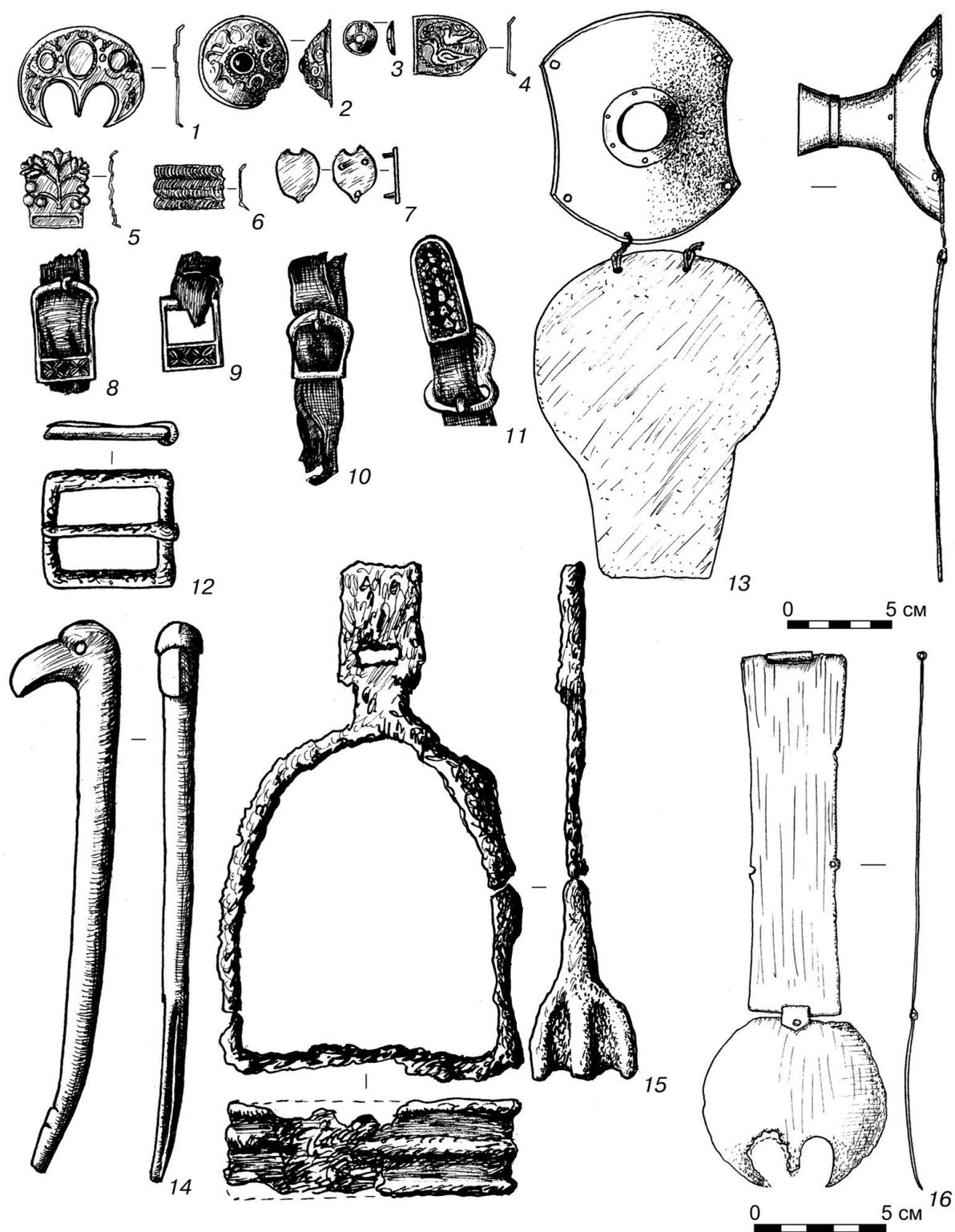

Рис. 101. Период IV. Группа 2, Катакомба № 76. Материалы из комплекса. Предметы конского снаряжения

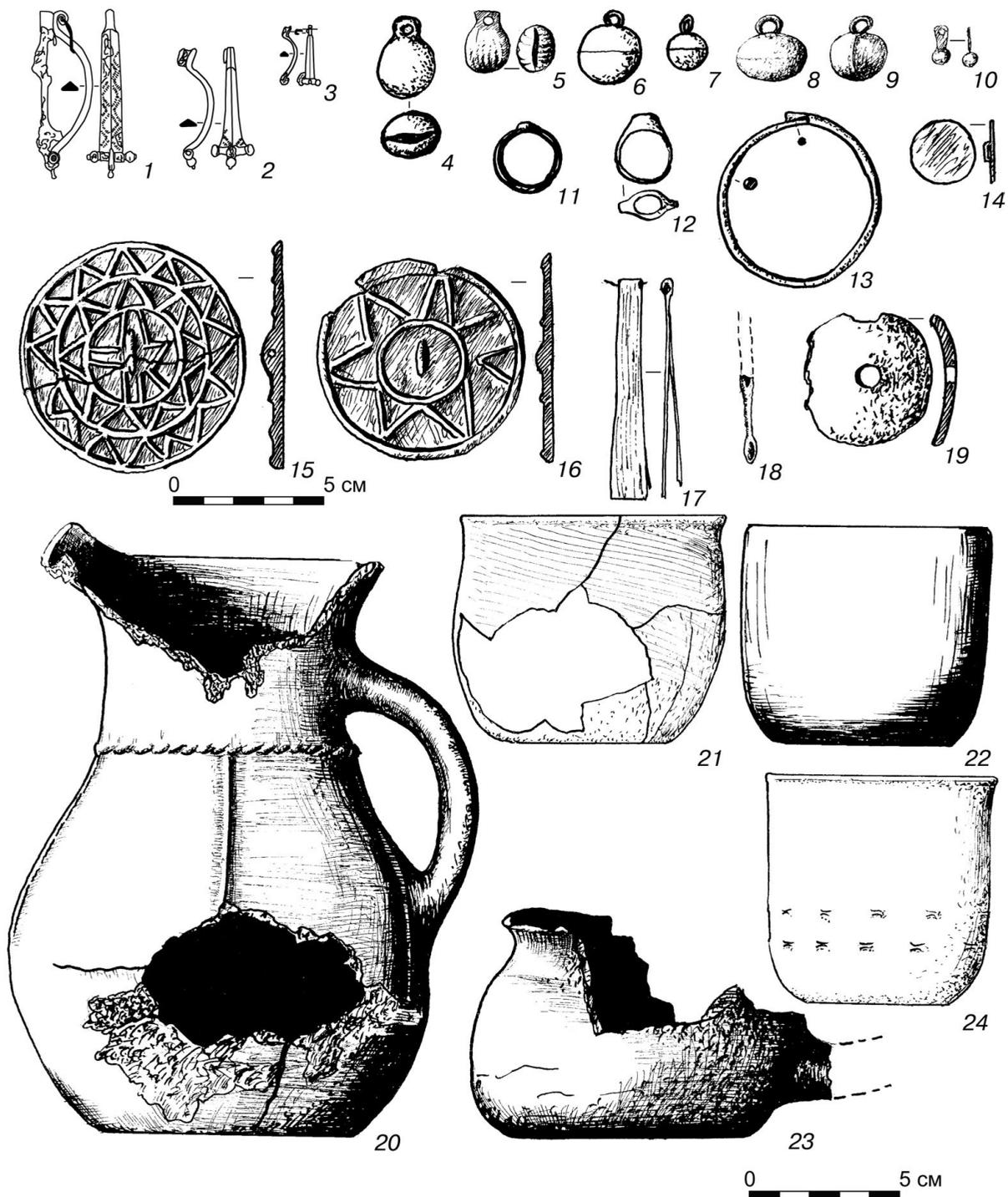
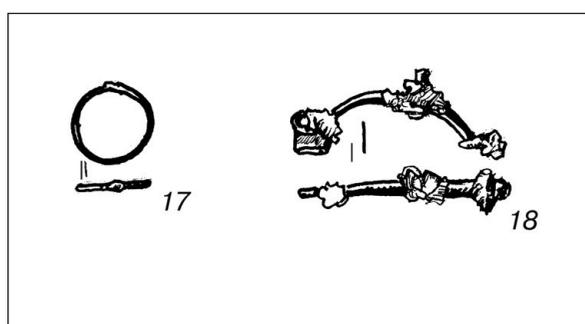
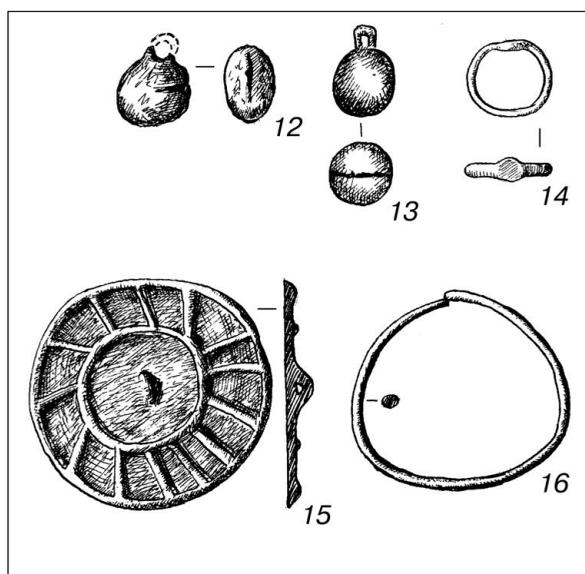
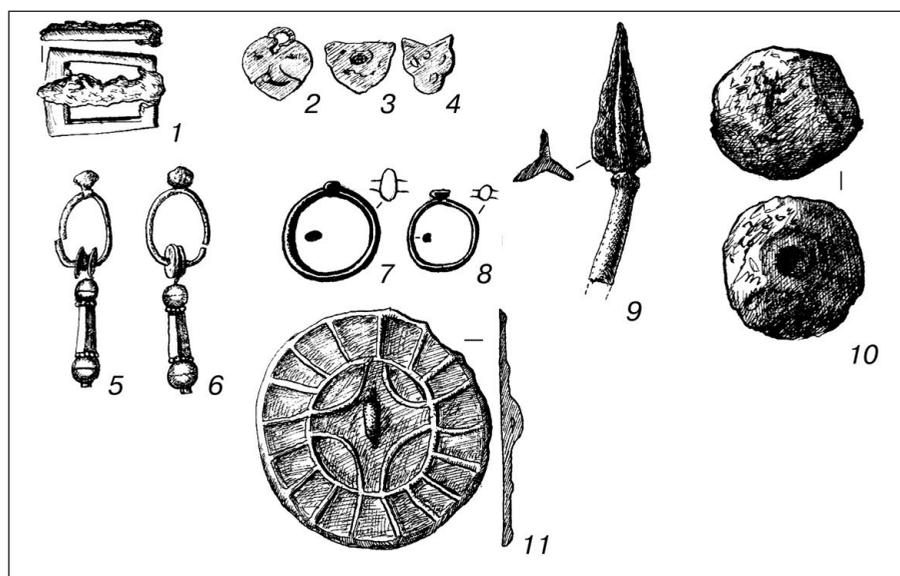

Рис. 102. Период IV. Группа 2. Катакомба № 76. Материалы из комплекса

0 5 см

Рис. 103. Период IV. Группа 3. Предметы из одиночных погребений
1-11 – кат. 7; 12-16 – кат. № 9; 17, 18 – кат. № 78

Рис. 104. Период IV. Группа 3. Предметы из коллективных погребений
 1–3, 9, 17, 26, 27 – кат. № 44; 5, 7, 18–23, 25 – кат. № 34; 6, 10, 11, 13–15, 24 – кат. № 62;
 8, 12 – кат. № 41

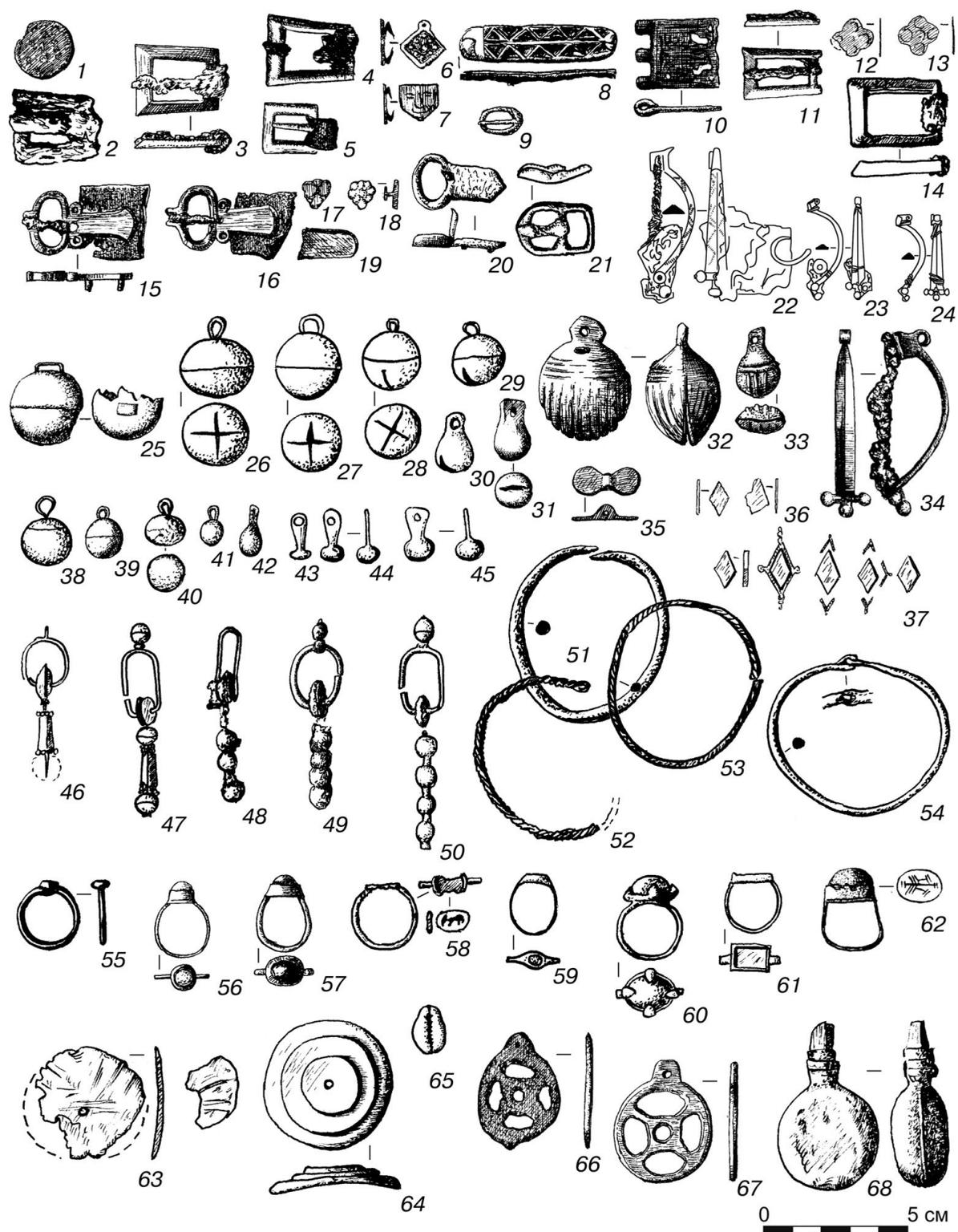

Рис. 105. Период V

1, 3, 33, 35, 37, 49, 56, 57 – кат. № 19; 2, 38, 43, 47, 63 – кат. № 35; 4-8, 10, 25, 31, 34, 36, 62, 66 – кат. № 2; 9, 15-20, 32, 39, 41, 42, 67 – кат. № 22; 11-13 – кат. № 6; 14, 28, 52, 59, 60 – кат. № 63; 21-24, 26, 27, 40, 44-46, 48, 51, 53-55, 58, 68 – кат. № 53; 29, 30, 50, 61, 64 – кат. № 45

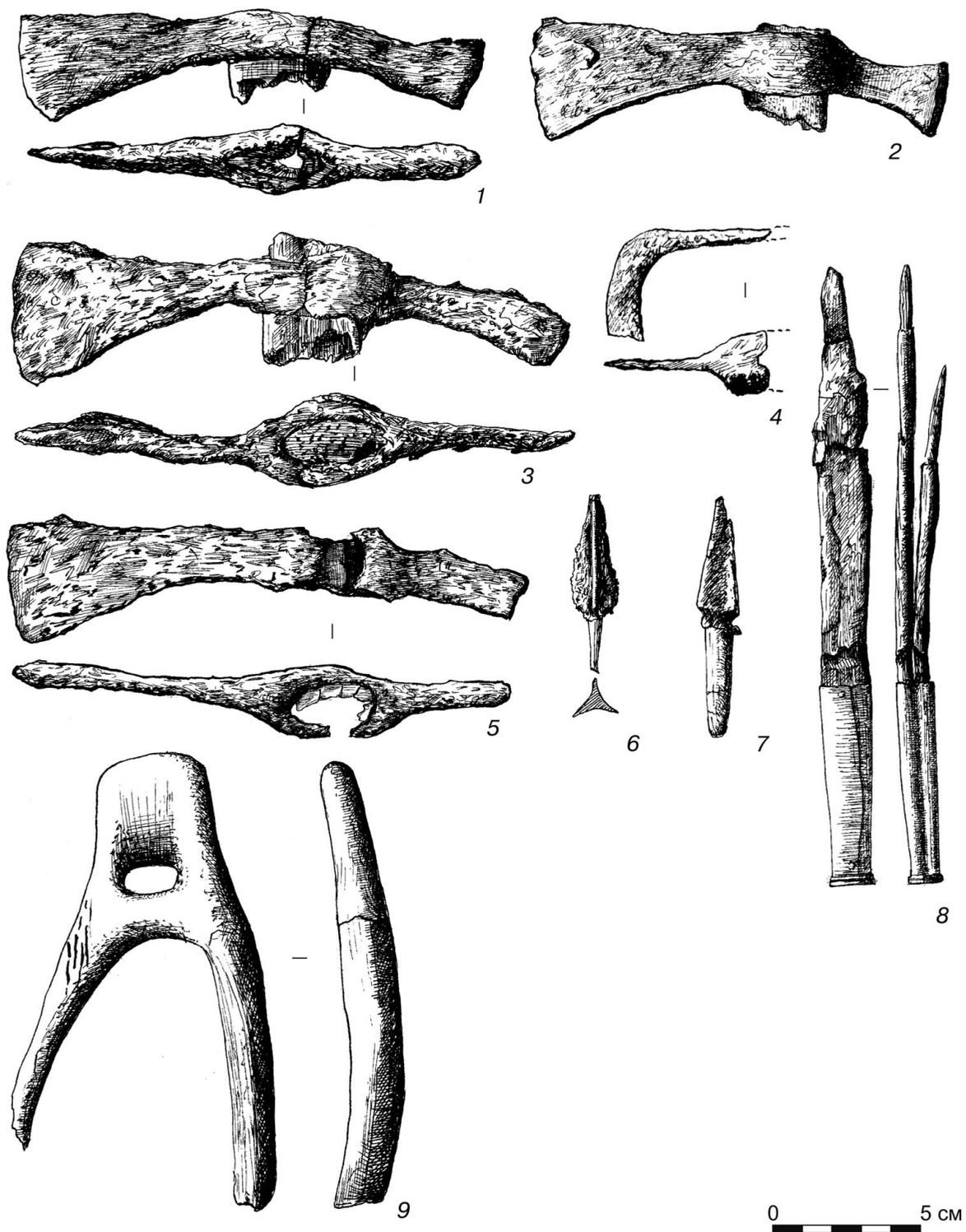

Рис. 106. Период V

1, 7, 9 – кат. № 22; 2, 4 – кат. № 2; 3, 6, 8 – кат. № 19; 5 – кат. № 6

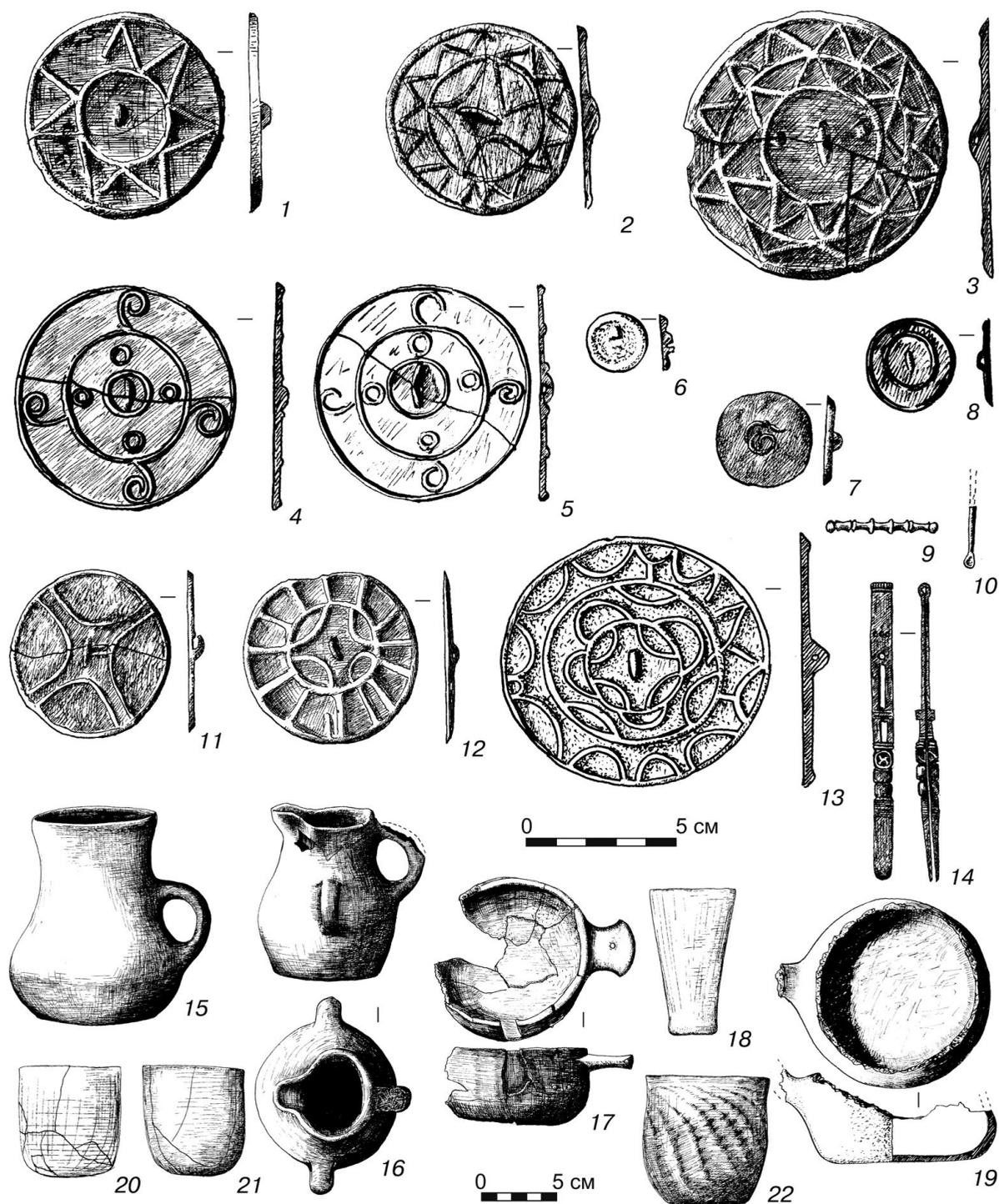

Рис. 107. Период V

1, 10, 15–17 – кат. № 22; 2, 7, 18, 20 – кат. № 2; 3, 9, 11, 14, 21 – кат. № 19; 4, 8 – кат. № 63;
5, 6, 19 – кат. № 53; 12 – кат. № 6; 13 – кат. № 35

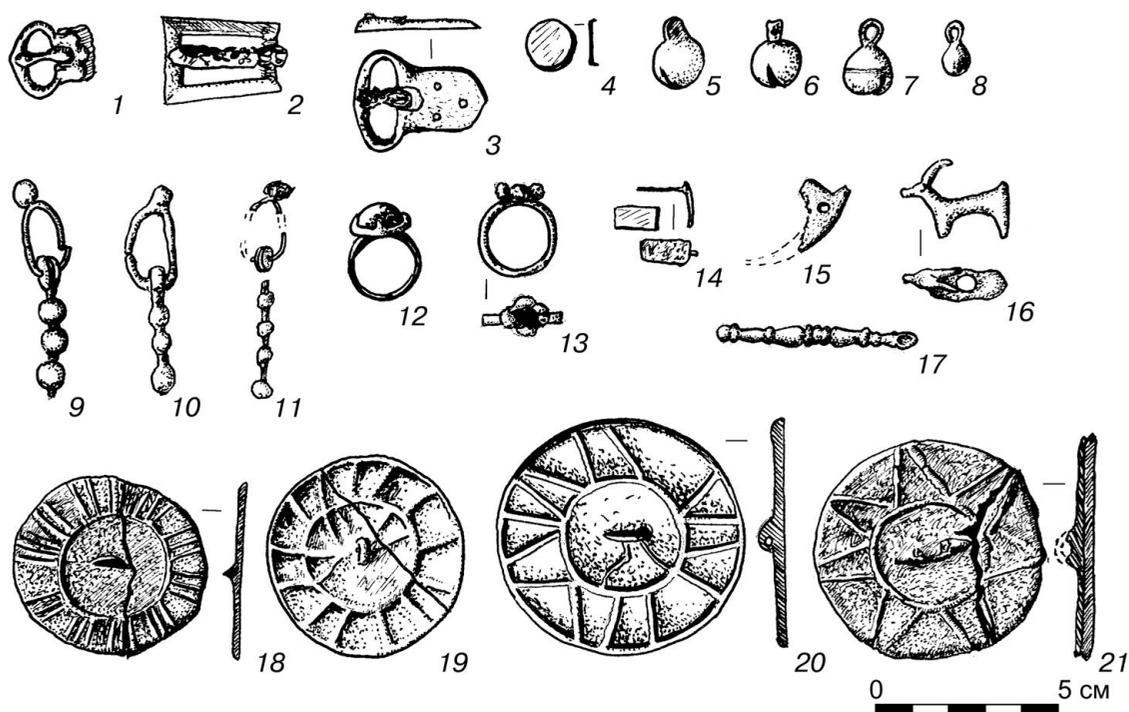

Рис. 108. Период VI

1, 2, 19 – кат. № 33; 3, 13, 20 – кат. № 46; 4, 5, 9, 12 – кат. № 32; 7, 10, 11, 14–18, 21 – кат. № 48; 8 – кат. № 56

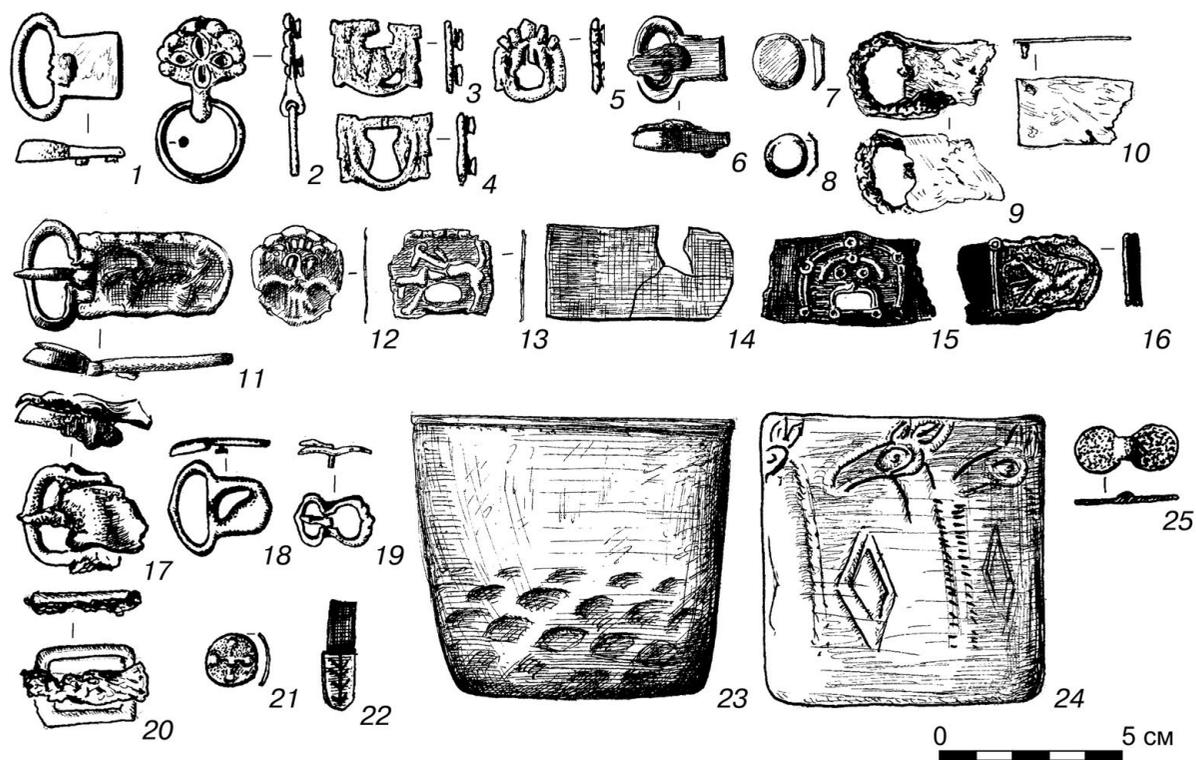

Рис. 109. Период VII

1–5, 9, 10, 20, 24 – кат. № 55; 6, 7, 11–14, 23 – кат. № 16; 8, 15, 16, 18, 19, 21, 22 – кат. № 5; 17, 25 – кат. № 24

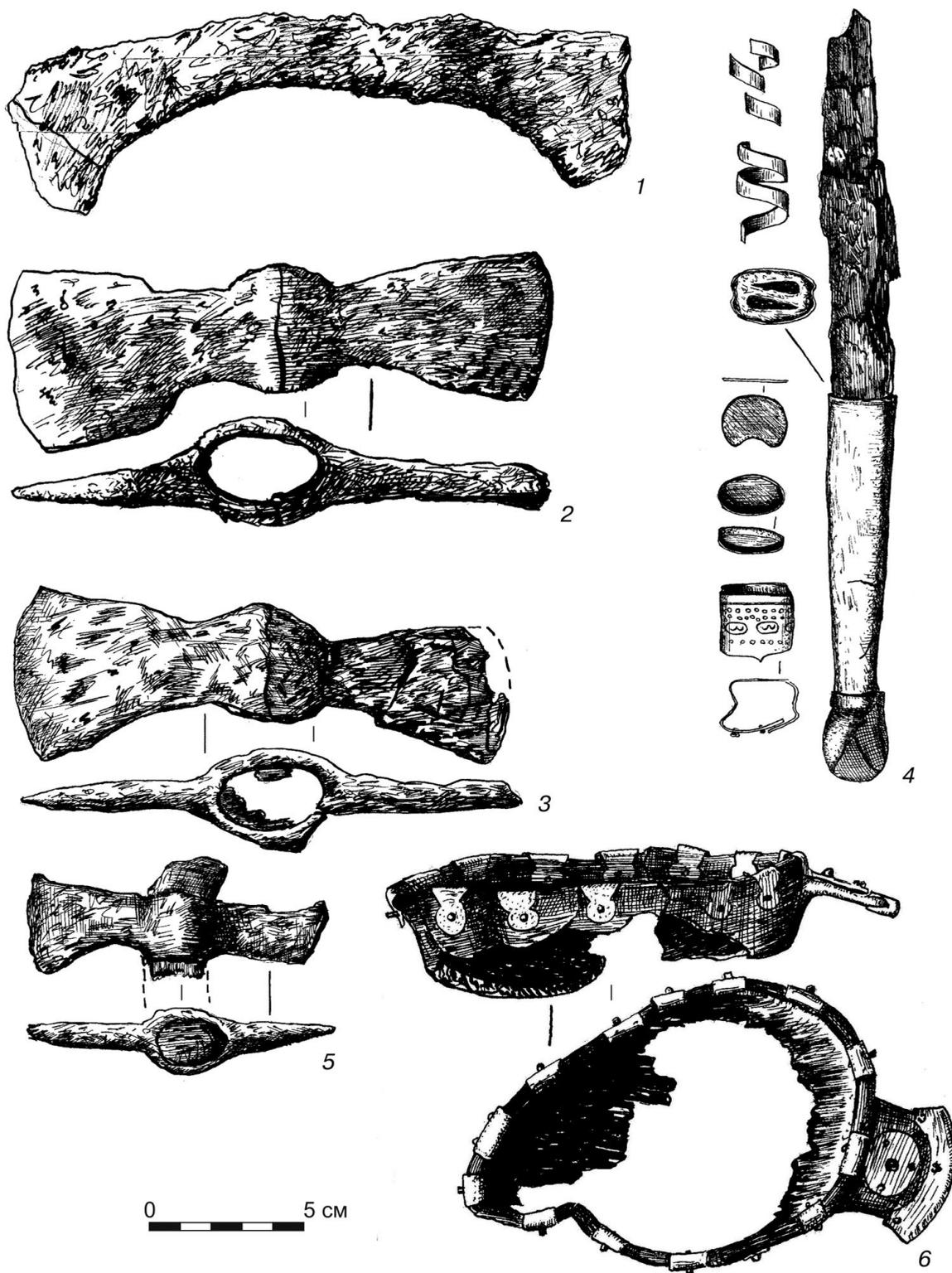

Рис. 110. Период VII

1 – кат. № 55; 2 – кат. № 24; 3–5 – кат. № 16; 6 – кат. № 5

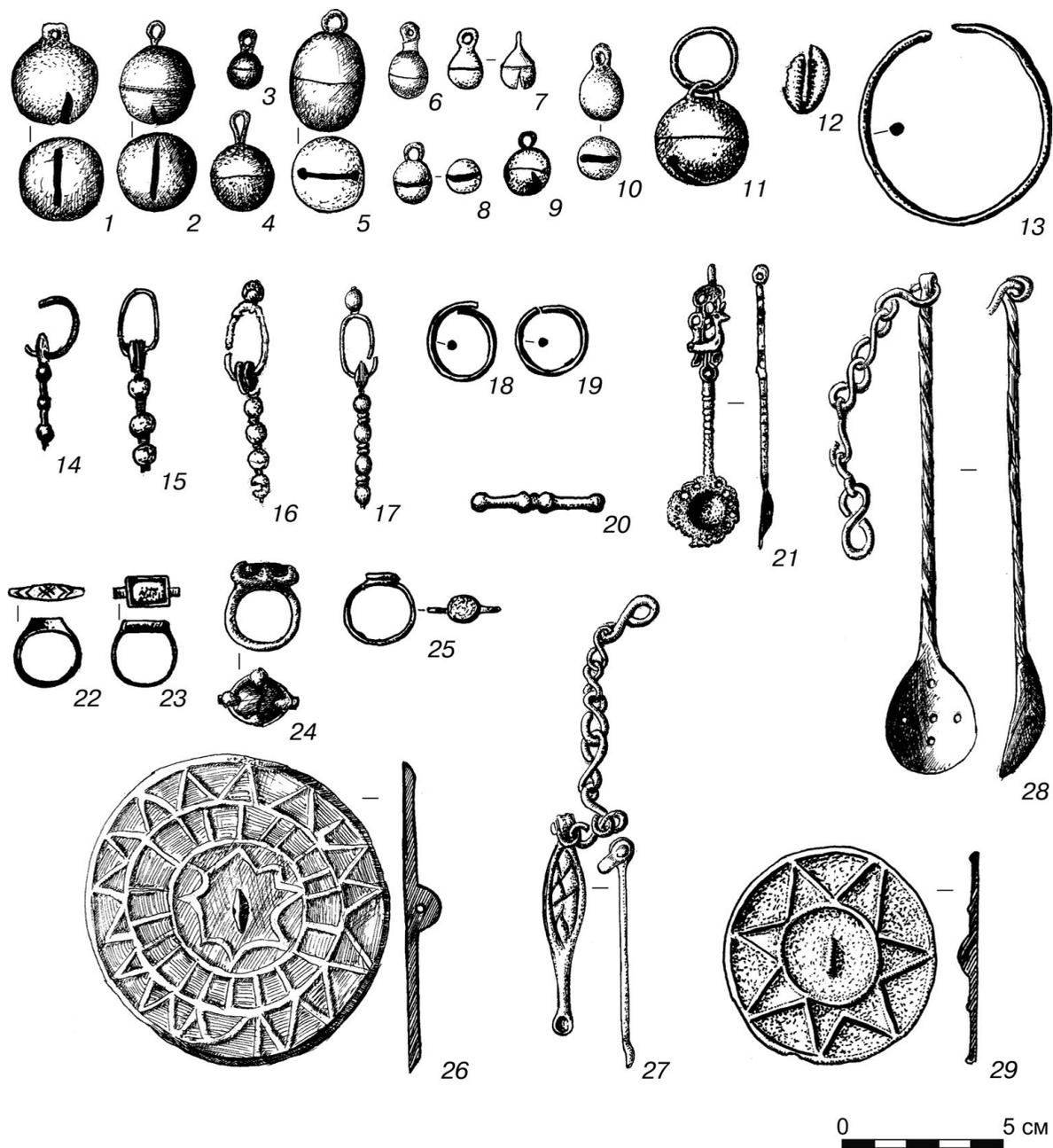

Рис. 111. Период VII

1–8, 10, 24, 26, 27, 28 – кат. № 16; 7, 16 – кат. № 55; 9, 11, 12, 14, 21–23 – кат. № 5;
13, 15, 18–20, 25, 29 – кат. № 24

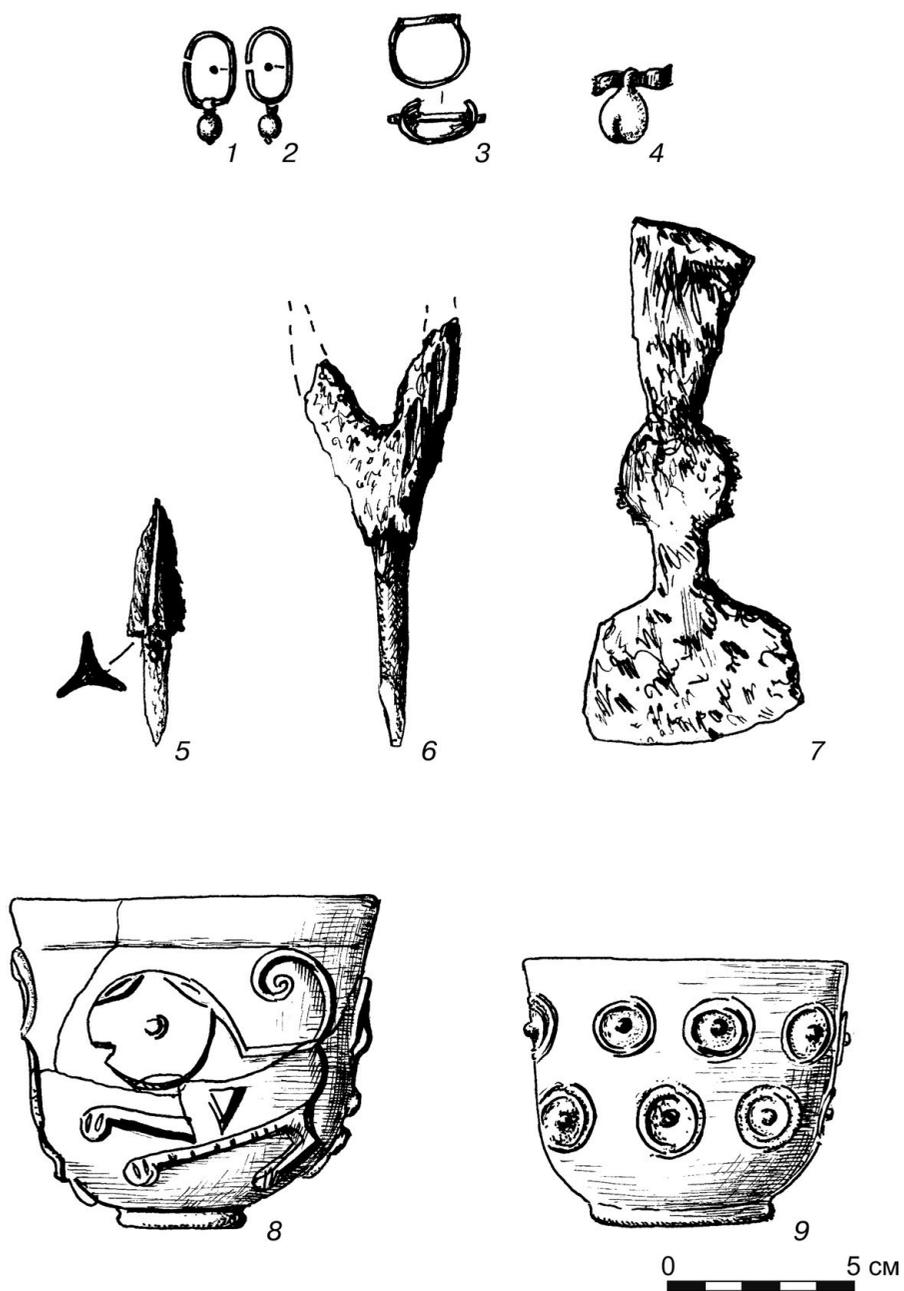

Рис. 112. Период VII–VIII. Инвентарь катакомбы № 37

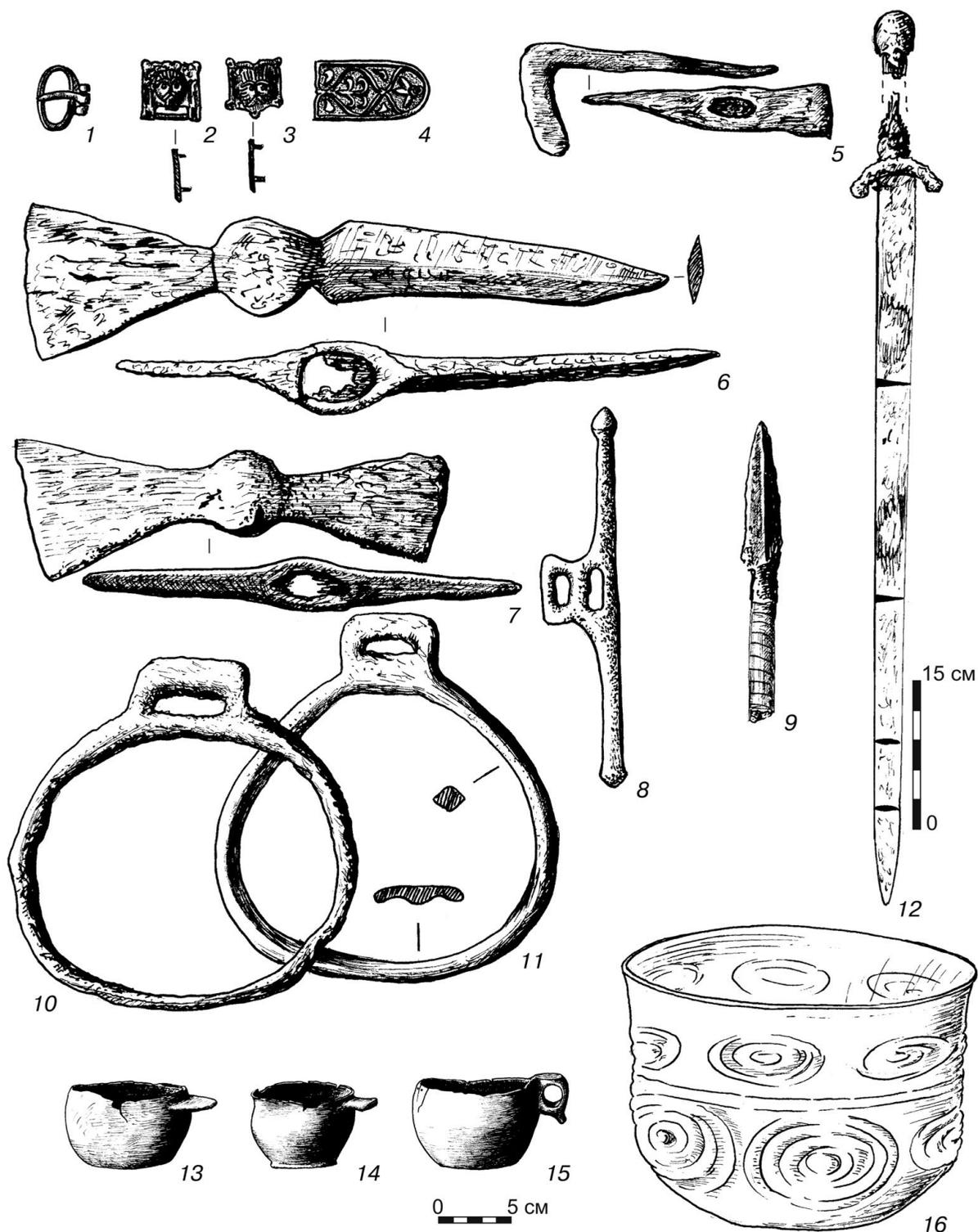

Рис. 113. Период VII–VIII

1–12 – инвентарь мужского погребения из катакомбы № 28; 13–16 – сосуды из катакомбы № 28

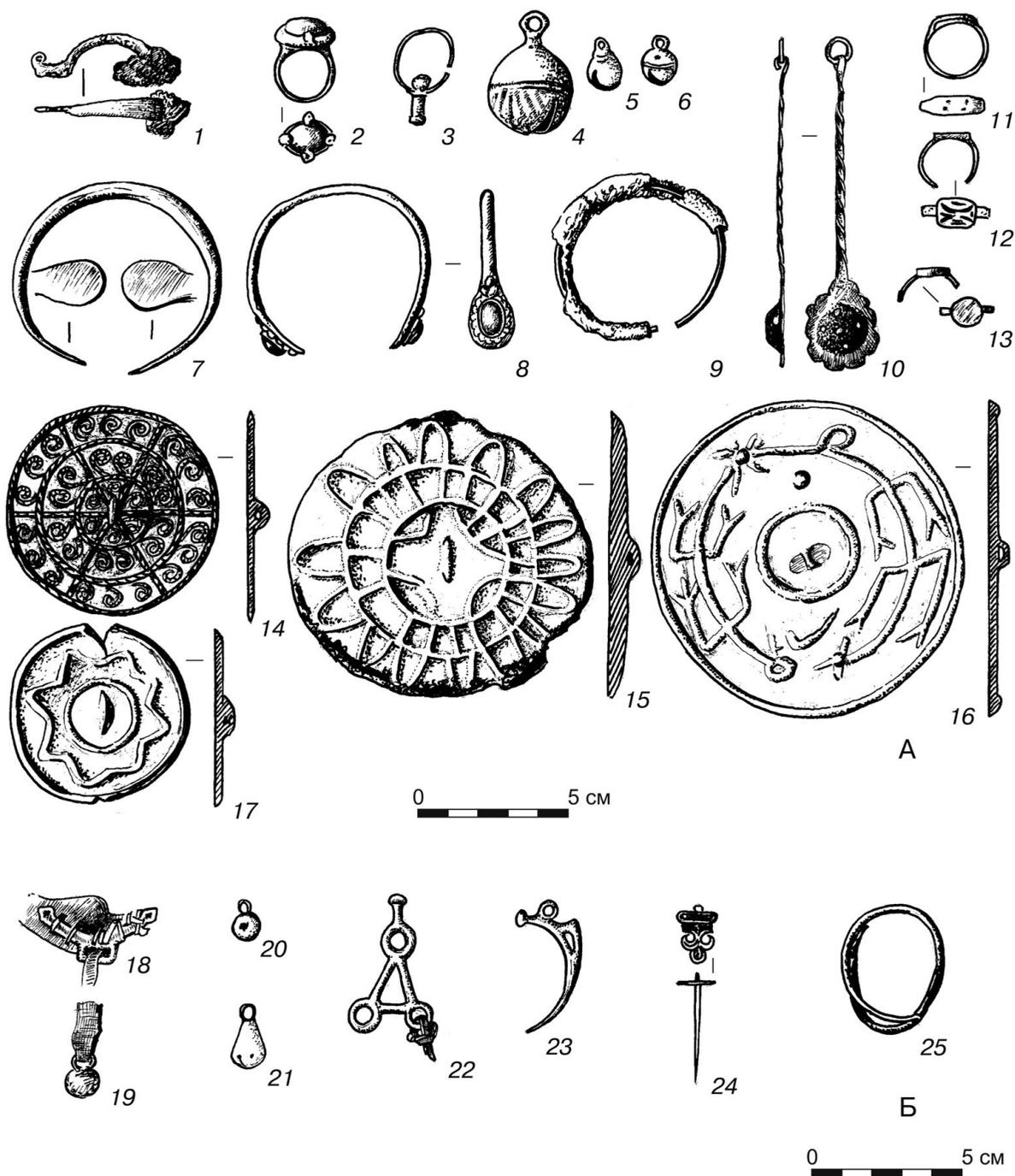

Рис. 114. Период VII–VIII. Инвентарь из катакомбы 28
1–17 – период VII; 18, 19 – период IX

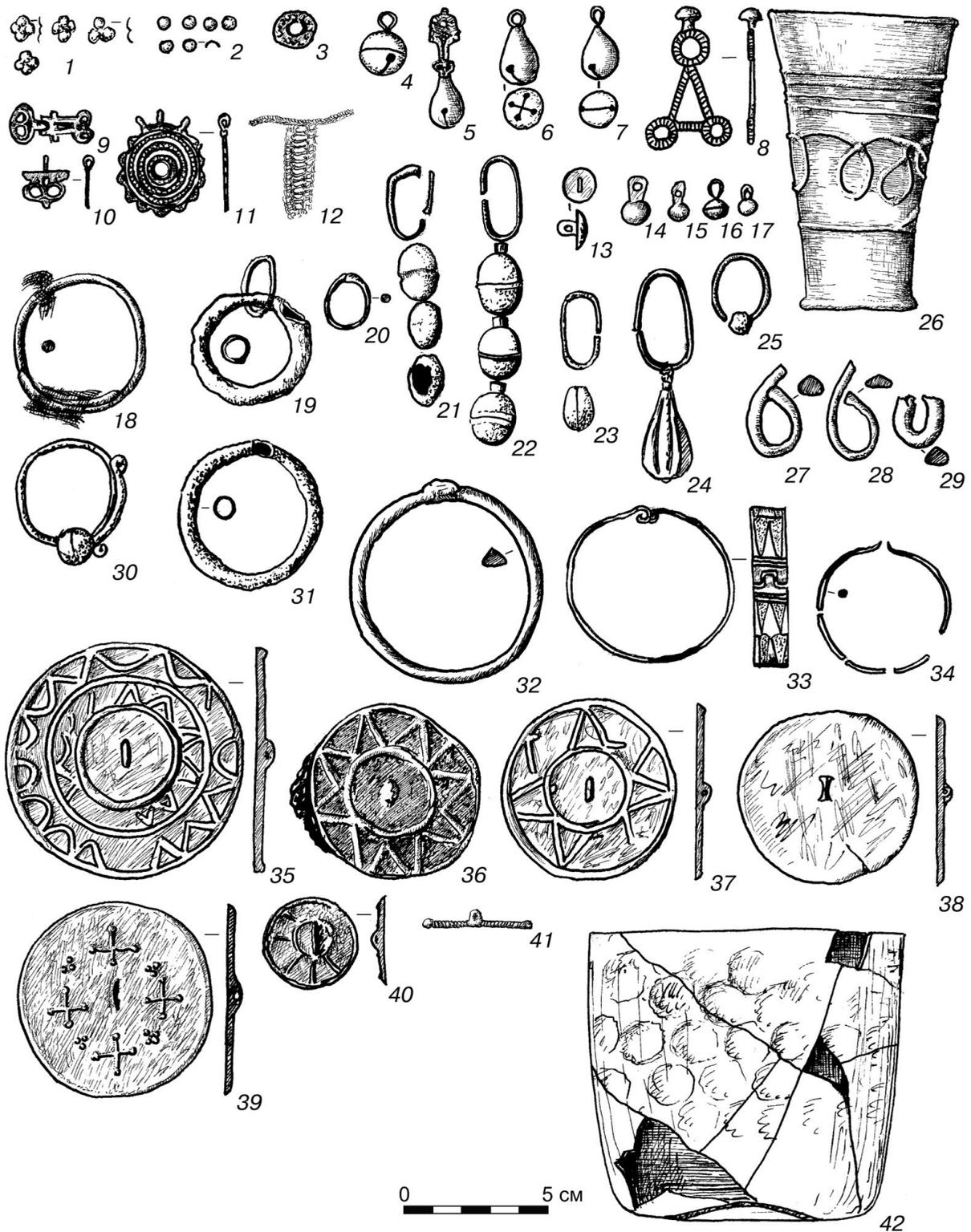

Рис. 115. Период VIII

1, 23, 36 – кат. № 65; 2, 3, 5–17, 26–29, 32, 35, 37, 38 – кат. № 67; 4 – кат. № 26; 18, 41 – кат. № 4; 19, 30, 31, 34, 39 – кат. № 69; 20, 42 – кат. № 39; 24, 30, 40 – кат. № 66; 33 – кат. № 70

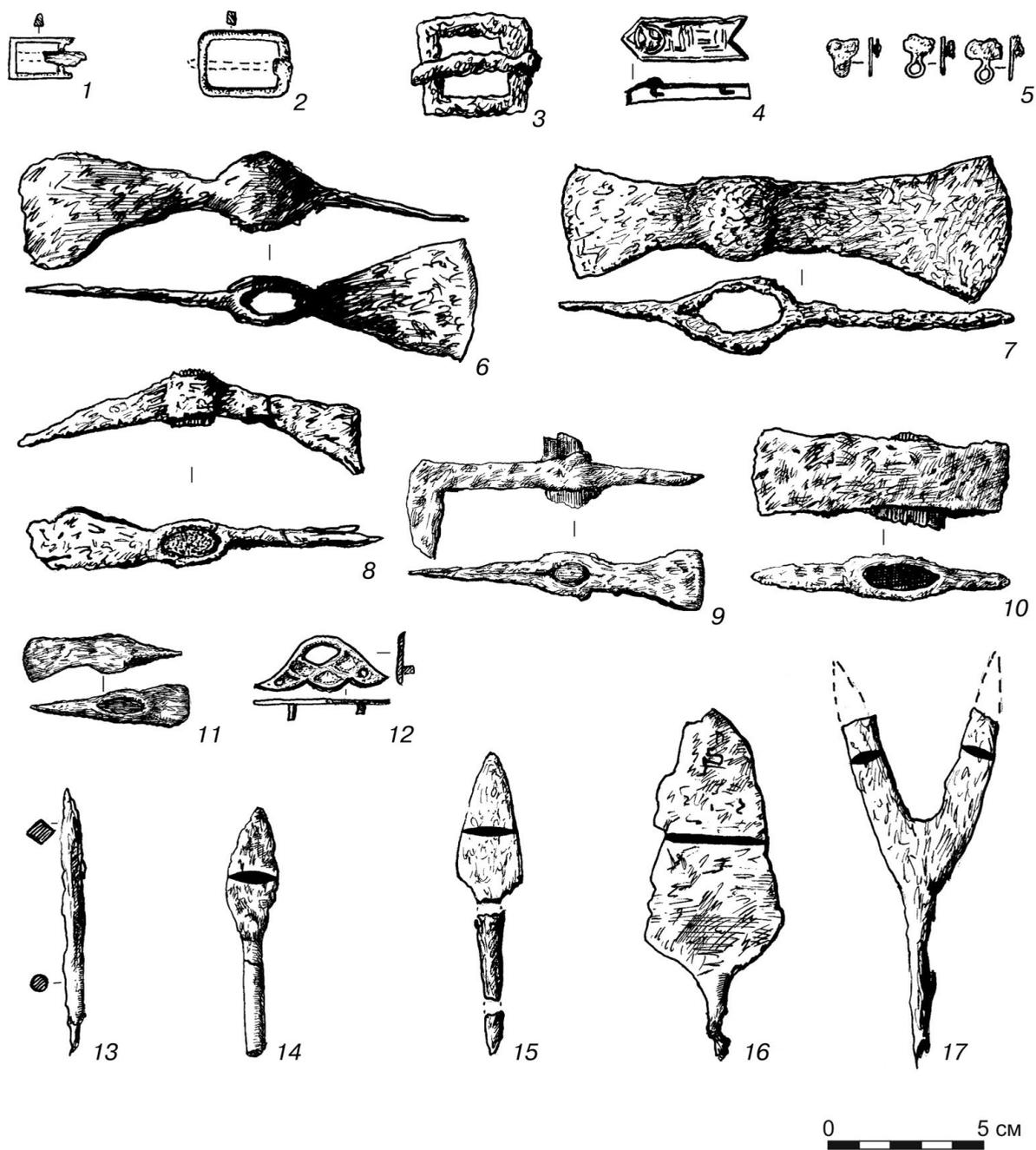

Рис. 116. Период VIII

1, 2, 5, 6, 12, 13, 15, 17 – кат. № 39; 3 – кат. № 65; 4 – кат. № 66; 7 – кат. № 67; 8 – кат. № 68; 9, 14 – кат. № 20; 10, 16 – кат. № 26; 11 – кат. № 4

Рис. 117. Период VIII. Показательные формы керамических сосудов

1, 2 – кат. № 4; 3, 8, 10 – кат. № 67; 4, 6, 14 – кат. № 69; 5 – кат. № 20; 7, 12, 15 – кат. № 65; 9, 11, 13 – кат. № 70

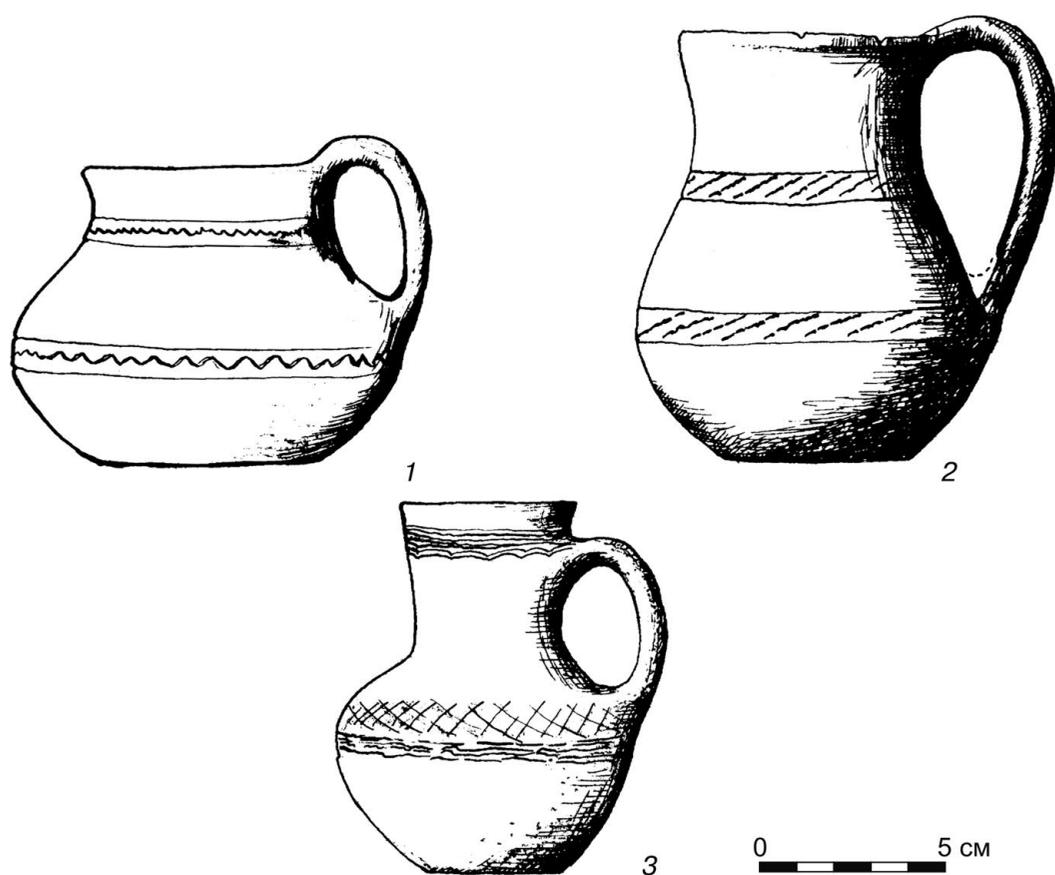

Рис. 118. Период IX. Керамика конца XII – начала XIII в. Катакомба № 1

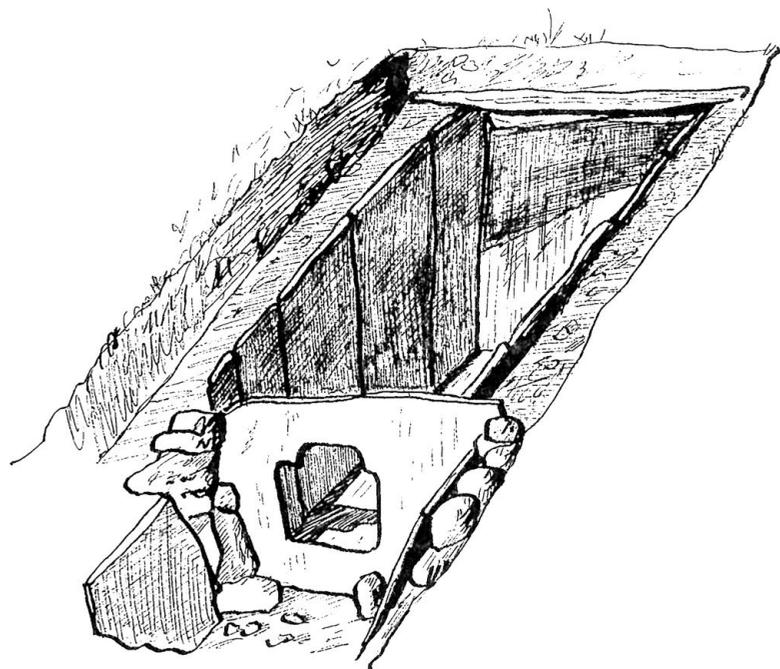

Рис. 119. Даргавский катакомбный могильник. Гробница I (по: Дзаттиаты, 2014)

Список литературы и источников

- Абрамова М. П.*, 1980. Буйнакский курган // *Материалы по археологии Дагестана*. Махачкала. Т. 9. С. 115–143.
- Абрамова М. П.*, 1993. Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. – IV в. н. э.). М. 1993. 240 с.
- Абрамова М. П.*, 1997. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н. э. М. 165 с.
- Айбабин А. И.*, 1993. Могильники VIII – начала X в. в Крыму // *МАИЭТ*. Вып. 3. Симферополь. С. 121–133.
- Айбабин А. И.*, 2003. Крым в VIII–IX вв. Хазарское господство // *Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья*. Археология: в 20 т. М.: Наука. С. 55–67.
- Аксенов В. С.*, 2001. Рубежанский катакомбный могильник салтово-маяцкой культуры на Северском Донце // *ДА*. № 1–2. Ростов-на-Дону. С. 62–78.
- Аксенов В. С.*, 2001–2002. Комплексы с конскими начальниками из Верхнесалтовского катакомбного могильника // *Stratum Plus*. № 5. СПб-Кишинев-Одесса-Бухарест. С. 270–281.
- Аксенов В. С.*, 2005. Новые поминальные комплексы воинов-всадников салтовского времени с территории Верхнего Подончья // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Том 4. Донецк. С. 357–368.
- Аксенов В. С.*, 2009. Исследования раннесредневековых захоронений близ села Металловка в 2006 году (Нетайловский археологический комплекс) // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Хазарское время. Том 7. Донецк. С. 231–258.
- Аксенов В. С.*, 2012. Погребения всадников Нетайловского могильника салтовской культуры: типология и хронология (по материалам 2003–2010 годов) // *Степи Европы в эпоху средневековья*. Том 9. Донецк. С. 207–242.
- Аксенов В. С.*, 2016. Катакомба № 119 Верхне-Салтовского IV могильника под Харьковом // *РА*, № 4. М. С. 106–123.
- Аксенов В. С., Михеев В. К.*, 2006. Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. Сухогомольшанский могильник VIII–X вв. // *ХА*. Том 5. Киев-Харьков. 312 с.
- Албегова З. Х.*, 2001. Палеосоциология аланской религии VII–IX вв. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и среднего Дона) // *РА*, № 2. М. С. 83–96.
- Албегова З. Х.*, 2002. Некоторые особенности типологии зеркал салтово-маяцкой культуры // *XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа*. Сборник тезисов. Ессентуки-Кисловодск. С. 4–6.
- Албегова З. Х.*, 2006. Зеркало из погребения 76 могильника Цибилиум и его аналогии // *Первая Абхазская международная археологическая конференция «Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия»*. Посвящена памяти Ю.Н. Воронова. 6–11 ноября 2006 г. Сухум. С. 97–101.
- Албегова З. Х.*, 2007. Расселение алан на территории Северной Осетии в I–XII вв. по материалам картографирования археологических памятников // *Археология и геоинформатика*. Выпуск 4. CD. М., ИА РАН
- Албегова З. Х., Верецинский-Бабайлов Л. И.*, 2010. Раннесредневековый могильник Мамисондон. Результаты охранных археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. Материалы охранных археологических исследований. М. Т. 11. 492 с.
- Албегова (Царикаева) З. Х.*, 2013. Археологические памятники Зарамагской котловины (по материалам охранных раскопок 2007–2009 гг.) // *КСИА* 228. М. С. 3–18.
- Албегова З. Х., Ковалевская В. Б.*, 2015. Компьютерное картографирование массовых типов раннесредневековых металлических

- зеркал с центральной петелькой как исторический источник (таксоны 9–17) // Историко-археологический альманах. Армавир-Краснодар-Москва. С. 71–90.
- Албегова (Царикаева) З. Х., Меньшиков М. Ю., 2012.* Городище Цми: некоторые предварительные результаты раскопок 2009 г. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: Исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Махачкала, 23–28 апреля 2012 г. Махачкала: Мавраевъ. С. 254–256.
- Албегова (Царикаева) З. Х., Успенский П. С., 2017.* Фибулы Даргавского раннесредневекового катакомбного могильника аланской культуры (по материалам раскопок Р.Г. Дзаттиаты 1993–2009 гг.) // Скифо-аланское наследие Кавказа / под ред. д. и. н. А.А. Гуаллагова. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН. С. 87–114.
- Албегова Царикаева З. Х–М., Успенский П. С., 2019.* Длинноклинковое оружие племен Центрального Кавказа по материалам Даргавского катакомбного могильника // КСИА. Вып. 256. М.: ИА РАН. С. 308–328
- Албегова (Царикаева) З. Х., Успенский П. С., в печати.* К вопросу о специфических типах топоров Центрального Кавказа X–XII веков (по материалам Даргавского катакомбного могильника).
- Алексеев В. П., 1966.* Остеометрия: методика антропологических исследований. М.: Наука. 249 с.
- Алексеев В. П., Дебец Г. Ф., 1964.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука. 128 с.
- Алексеева Е. П., 1971.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии (Вопросы этнического и социально-экономического развития). М.: Наука, Главная редакция Восточной литературы. 356 с.
- Алешковский М. Х., 1960.* Курганы русских дружинников XI–XII вв. // СА, № 1. М. С. 70–90.
- Амброз А. К., 1966.* Фибулы юга европейской части СССР II в. до н. э. – IV в. н. э. САИ, Вып. Д1–30. М. 142 с.
- Амброз А. К., 1971.* Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы // СА № 2. С. 96–123.
- Амброз А. К., 1989.* Хронология древностей Северного Кавказа. М.: Наука. 134 с.
- Апхазава Н. И., 1979.* Материальная культура раннесредневековой Грузии (вопросы археологической хронологии по данным украшений). (На груз. яз.). Тбилиси.
- Апхазава Н. И., 1981.* Материальная культура раннесредневековой Восточной Грузии (вопросы археологической хронологии по данным украшений). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Тбилиси. 26 с.
- Апхазава Н. И., 1988.* Могильник Квемо Алеви. Тбилиси. (На груз.яз). 132 с.
- Армарчук Е. А., 2006.* Конская упряжь из могильников Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков. М.: ИА РАН. 227 с.
- Армарчук Е. А., Малышев А. А., 1997.* Средневековый могильник в Цемесской долине // ИИА. Вып. 3. Армавир–М. С. 92–114.
- Армарчук Е. А., Дмитриев А. В., 2003.* Памятники Северо-Восточного Причерноморья. Курганные могильники // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Археология: в 20 т. М.: Наука. С. 216–225.
- Армарчук Е. А., Дмитриев А. В., 2014.* Цемдолинский курганно-грунтовый могильник. М.: ИА РАН-СПб.: Нестор-история. 132. с.
- Армарчук Е. А., Новичихин А. М., 2004.* Украшения конской упряжи X–XII вв. из могильника «Андреевская щель» близ Анапы // КСИА. Вып. 216. М.: Наука. С. 59–70.
- Артамонова О. А., 1963.* Могильник Саркела – Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. МИА. Т. III. № 109. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР. С. 9–215.
- Атавин А. Г., 2008.* Погребения VII – начала VIII вв. из Восточного Приазовья // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина. М.: Издательство «Таус». С. 28–70.
- Афанасьев Г. Е., 1979.* Отчет Оскольского отряда Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции по изучению Ютановского могильника. Архив ИА РАН. Р-1. № 7994.
- Афанасьев Г. Е., 1993.* Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука. 184 с.

- Афанасьев Г. Е., Рунич А. П., 2001. Мокрая Балка. М.: Научный мир. 251 с.
- Ахмаров А. У., Аксенов В. С., 2020. Нововыявленный катакомбный могильник VIII–X вв. на территории Чечни // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16, № 4. С. 1002–1015.
- Ахмедов Г. М., 2003. Азербайджан в IX–XIII веках // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII вв. М.: Наука. С. 367–481.
- Багаутдинов Р. С., Богачев А. В., Зубов С. Э., 1998. Праболгары на Средней Волге (у истоков истории татар Волго-Камья). Самара.
- Бакушев М. А., Борисов А. В., Доброва О. П., Леонтьева А. С., 2021. К вопросу о хронологии погребальных комплексов Змейского катакомбного могильника // КСИА. Вып. 263. М. С. 360–377.
- Бакушев М. А., Леонтьева А. С., 2020. Змейский катакомбный могильник. Материалы раскопок 2013–2014 гг. М.: ИА РАН. Т. I – 406 с.: 29 илл. Т. II – 432 с.
- Бараниченко Н. Н., 1983. Паметский могильник в горной Ингушетии // Новые археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ингушетии. Грозный. С. 9–19.
- Березина Н. Я., Бужилова А. П., Решетова И. К., 2015. Новые краниологические материалы к вопросу об антропологическом субстрате средневековых алан / Н. Я. Березина, А. П. Бужилова, И. К. Решетова // Вестник Московского университета. – серия 23: Антропология. № 4. С. 18–36.
- Березина Н. Я., 2016. Особенности посткраниального скелета раннесредневекового населения Северной Осетии по материалам могильника Мамисондон // Известия Института антропологии МГУ. 1. 134–146.
- Беспалый Е. И., 1990. Погребения Позднесарматского времени у г. Азова // СА, № 1. С. 213–223.
- Безуглов С. И., 2007. О монете из Большой Орловки (к оценки датирующих возможностей) // Средневековые древности Дона. М.-Иерусалим: Гешарим. С. 114–118.
- Бородовский А. П., 1993. Плетки и стеки в экипировке раннесредневекового всадника юга Западной Сибири // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука. С. 179–188.
- Бугарски Иван, Иванишевић Вујадин, 2013. Раносредневековна остава гвоздених предмета из Рујковца и слични налази са подручја Централног Балкана // Старинар. LXIII. С. 131–152.
- Бужилова А. П., 1995. Древнее население: палеопатологические аспекты исследования. М. 198 с.
- Бужилова А. П., 1998. Глава 4. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях / Историческая экология человека. Методика биологических исследований. Под ред. Бужиловой А. П., Козловской М. В., Медниковой М. Б., Лебединской Г. В. М: Старый Сад. С. 87–146.
- Веселовская Е. В., 1989. Зональное распределение толщины мягких тканей лица. Дисс. ... канд. биол. наук. 187 с.
- Виноградов В. Б., Мамаев Х. М., 1979. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии (по материалам новых могильников) // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный. С. 63–86.
- Виноградов В. Б., Мамаев Х. М., 1984. Аланский могильник у с. Мартан-Чу в Чечне (Материалы 1970–1976 гг.) // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе. С. 62–86.
- Виноградов В. Б., Мамаев Х. М., 1985. Мартан-Чуйский 1-й могильник в Чечне (материалы раскопок 1977–1978 гг.) // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный. С. 5–27.
- Винников А. З., Афанасьев Г. Е., 1991. Культурные комплексы Маяцкого селища. Воронеж: Издательство Воронежского университета. 192 с.
- Винников А. З., Плетнева С. А., 1998. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета. 216 с.
- Владимиров С. И., 2017. Вооружение и военное дело населения Доно-Донецкой лесостепи во второй половине VIII – начале X вв. (салтово-маяцкая культура). Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук 07.00.06. Воронеж.

- Воронов Ю.Н., 1979. Материалы по археологии Абхазии и Санигии (II–VII в.) // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси. С. 49–94.
- Воронов Ю.Н., 2003. Могилы апсиллов. Итоги исследования некрополя Цибиллиума в 1977–1986 годах. Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН. 348 с.
- Воронов Ю.Н., 2010. Тайна Цебельдинской долины // Научные труды. Т. III. Сухум: абхазский институт гуманитарных исследований АН Абхазии. С. 5–140.
- Габуев Т.А., 1988. Классификация каткомб Центрального Предкавказья (II в. до н.э – VII в. н.э.) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа: Северо-Осетинский Гос. Университет им. К.Л. Хетагурова: Орджоникидзе. С. 146–159.
- Габуев Т.А., 2005. Аланский всадник. Сокровища князей I–XII веков: Каталог выставки. М.: ГМИИВ. – 74 с.
- Габуев Т.А., Малашев В.Ю., 2009. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа // МИАР № 11. М.: «Таус». 468 с.
- Гавритухин И.О., 2001. Хронология «среднеаварского» периода // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 2. Донецк. С. 45–162.
- Гавритухин И.О., 2001а. Периодизация ранне-средневековых древностей Кисловодской котловины на основе керамики в свете изучения изделий из металла // Малашев В.Ю. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М. С. 40–49, 146–148.
- Гавритухин И.О., 2008. Фидула из раскопок А.Г. Атавина в Фанагории в 1989 г. // Древности Юга России: памяти А.Г. Атавина. М.: ИА РАН, ТАУСС. 362–367.
- Гавритухин И.О., 2010. Фидулы могильника Мамисондон в контексте кавказских находок // Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон: результаты охранных археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. МОАИ. Т. 11. М. С. 410–428.
- Гавритухин И.О., в печати. Эволюция «геральдических» ременных гарнитур Кисловодской котловины.
- Гавритухин И.О., Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И., 2010. Хронология могильника Мамисондон // Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И., 2010. Раннесредневековый могильник Мамисондон. Результаты археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. Материалы охранных археологических исследований. Том 11. М.: Таус. С. 94–111.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М., 1996. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст: Коллективная монография / Ред. Г.Е. Афанасьев, И.П. Русанова. РСМ. Вып. 3. М.: ИА РАН. 298 с.
- Гавритухин И.О., Малашев В.Ю., 1998. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции 17–20 ноября 1997 г. Самара. Самара. С. 28–86.
- Гавритухин И.О., Пьянков А.В., 2003. Ранне-средневековые древности побережья (IV–IX вв.). Могильники V–VII вв. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева. М.: Наука. С. 193–195.
- Гавритухин И.О., Кадиева А.А., Торгоев А.И., 2018. Кавказская серия подражаний пряжкам типа Митилена // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа». Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. У.Ю. Кочкаров. Карачаевск. С. 303–306.
- Гаглойти Ю.С., 1992. К вопросу о первом упоминании алан на Северном Кавказе. Часть I // Аланы и Кавказ. Alanica II. Владикавказ-Цхинвал. С. 11–21.
- Гаглойти Ю.С., 1995. К вопросу о первом упоминании алан на Северном Кавказе. Часть II // Аланы: история и культура Alanica III. Владикавказ. С. 44–58.
- Гаджиев М.С., Давудов Ш.О., 2018. Об одной группе раннесредневековых металлических зеркал Дагестана // Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск. 4 (62). С. 153–164.
- Гадло А.В., 1994. Этническая история Северного Кавказа X–XIII вв. СПб. 238 с.

- Генинг В. Ф., Халиков А. Х., 1964. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М. 202 с.
- Гиджрати Н. И., 1978. Отчет о разведочных и раскопочных работах на территории Северо-Осетинской АССР старшего научного сотрудника НИ сектора Северо-Осетинского гос. Университета им. К.Л. Хетагурова. Орджоникидзе. А ИА РАН. д. Р-1, 7498.
- Гмыря Л. Б., 1990а. Двусторонняя форма для отливки зеркал из Дагестана // СА, № 1. С. 254–259.
- Гмыря Л. Б., 1990б. Металлические зеркала из катакомбных погребений Прикаспийского Дагестана. Типология и семантика орнаментальных мотивов // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала. С. 59–73.
- Голдина Р. Д., Водолаго Н. В., 1990. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск. 176 с.
- Голубев Л. Э., 2004. Новые погребения половецкого времени из степного Прикубанья // МИАК. Вып. 4. Краснодар. С. 249–253.
- Гончаров С. А., Кадиева А. А., 2019. Катакомбные погребения могильника Балта на Верхнем Тереке по материалам раскопок В. И. Долбежева в 1897 году // Кавказология. История, этнология и археология Кавказа. № 1. Электронное издание. С. 12–42.
- Горбунов В. В., 2006. Военное дело населения Алтая в III–XIV вв. Часть II. Наступательное вооружение. Барнаул. 232 с.
- Гущина И. И., Засецкая И. П., 1994. «Золотое кладбище» Римской эпохи в Прикубанье. СПб.: Фарн. 172 с.
- Данич А. В., 2015. Классификация средневековых топоров Пермского Предуралья // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 10. Пермь. ПГГПУ. С. 71–124.
- Деоник В. Б., 1963. Классификация и хронология аланских украшений VI–IX вв. // Средневековые памятники Северной Осетии. МИА, № 114. М.: Изд-во Академии наук СССР. С. 122–147.
- Дзаттиаты Р. Г., 1994. Отчет Даргавской археологической экспедиции полевого сезона 1993 г. НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 18324, 18325, 18326.
- Дзаттиаты Р. Г., 1995. Отчет совместной археологической экспедиции Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований и Северо-Осетинского объединенного музея истории, археологии и литературы полевого сезона 1994 г. НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 18654 и № 18655.
- Дзаттиаты Р. Г., 1996. Отчет совместной археологической экспедиции Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований и Северо-Осетинского объединенного музея истории, археологии и литературы полевого сезона 1995 г. НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 19121 и № 19122.
- Дзаттиаты Р. Г., 2000. Отчет совместной археологической экспедиции Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований и Северо-Осетинского объединенного музея истории, археологии и литературы полевого сезона 1999 г. НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 23282 и № 23283.
- Дзаттиаты Р. Г., 2001. Отчет совместной археологической экспедиции Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований и Северо-Осетинского объединенного музея истории, археологии и литературы полевого сезона 2000 г. НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 24918.
- Дзаттиаты Р. Г., 2002. Отчет Даргавской археологической экспедиции СОИГСИ и СООМИЛА полевого сезона 2001 г. НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 26507.
- Дзаттиаты Р. Г., 2003. Отчет Даргавской археологической экспедиции СОИГСИ и СООМИЛА полевого сезона 2002 г. НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 27337.
- Дзаттиаты Р. Г., 2004. Отчет Даргавской археологической экспедиции СОИГСИ и СООМИЛА полевого сезона 2003 г. НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 25489.
- Дзаттиаты Р. Г., 2005. Отчет Даргавской археологической экспедиции СОИГСИ и СООМИЛА полевого сезона 2004 г. НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 25490.
- Дзаттиаты Р. Г., 2006. Отчет Даргавской археологической экспедиции СОИГСИ и СООМИЛА полевого сезона 2005 г. НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 34600.
- Дзаттиаты Р. Г., 2006а. Царциатские памятники: Едыское городище и могильники. Владикавказ. 179 с.

- Дзаттиаты Р. Г.*, 2007. Отчет Даргавской археологической экспедиции СОИГСИ и СООМИАЛ полевого сезона 2006 г. НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 36291.
- Дзаттиаты Р. Г.*, 2008. Отчет Даргавской археологической экспедиции СОИГСИ и СООМИАЛ полевого сезона 2007 г. НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 42695.
- Дзаттиаты Р. Г.*, 2009. Отчет Даргавской археологической экспедиции СОИГСИ и СОИМ полевого сезона 2008 г. НОА ИА РАН. Ф. 1. Р. 1. № 42683.
- Дзаттиаты Р. Г.*, 2011. Отчет Даргавской археологической экспедиции полевого сезона 2009 г. НОА ИА РАН, № 42683.
- Дзаттиаты Р. Г.*, 2014. Аланские древности Даргавса. Владикавказ: Ир. 240 с.
- Дзаттиаты Р. Г., Успенский П. С.*, 2016. Катакомба хазарского времени из Даргавского могильника в Северной Осетии // РА, № 2. М. С. 150–168.
- Дзаттиаты Р. Г., Албегова (Царикаева) З. Х., Успенский П. С.*, 2017. Хронология могильника Даргавс в Северной Осетии (по материалам поясных наборов) // V (XXI) Всероссийский археологический съезд: сб. науч. тр. – Барнаул: АлтГУ. С. 315–316.
- Дзуцев Ф. С., Малашев В. Ю.*, 2015. Бесланский археологический комплекс раннеаланской эпохи. Некоторые итоги исследований 1988–2014 гг. Владикавказ: «Проект-Пресс». 112 с.
- Дитлер П. А.*, 1961. Могильники в районе пос. Колосовка на р. Фарс // Сборник материалов по археологии Адыгеи. Т. II. Майкоп. С. 127–187.
- Дмитриев А. В.*, 2003. Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX вв. // Крым, Северо-восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. Археология. М.: Наука. С. 200–206.
- Дружинина И. А., Чхаидзе В. Н., Нарожный Е. И.*, 2011. Средневековые кочевники в Восточном Приазовье. Армавир-Москва. – 266 с.
- Дубровин Г. Е.*, 1990. Зооморфные деревянные навершия // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М. С. 99–136.
- Ениосова Н. В., Ковалевская В. Б., Албегова (Царикаева) З. Х.*, 2004. Средневековые литые зеркала из Юго-Восточной Европы // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Международная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Евгения Игнатьевича Крупнова. (XXIV Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа). Тезисы докладов. С. 78–79.
- Евглевский А. В., Потемкина Т. М.*, 2000. Восточноевропейские позднекочевнические сабли // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 1. Донецк. С. 117–180.
- Жилина Е. В., Нарожный Е. И.*, 2004. О датировке половецких погребальных памятников Северного Кавказа // МИАСК. Вып. 4. Армавир. С. 355–357.
- Иванов А. А.*, 1999. Раннесредневековые подкурганые кочевнические захоронения второй половины VII – первой половины IX вв. Нижнего Дона и Волго-Донского междуречья: дис... канд. ист. наук. Волгоград.
- Иерусалимская А. А.*, 2012. Мощева Балка: необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа. 84 с.
- Ильюков Л. С.*, 2013. Назаровская находка 1914 г. // Хазарские древности. Аксай. С. 176–192.
- Ильюков Л. С., Косяненко В. М.*, 2007. Раннесредневековый комплекс из Большой Орловки // Средневековые древности Дона. М.-Иерусалим: Гешарим. С. 85–113.
- Иченская О. В.*, 1982. Орнаментация зеркал Салтовского могильника // Новые памятники древней и средневековой художественной культуры. Киев: Наукова думка. С. 151–163.
- Йотов Валери*, 2004. Вьоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI век). Варна. Книгоиздателство ЗОГРАФ, Издателство Абагар. 364 с.
- Кадзаева З. П.*, 2018. Катакомба с прессованными и литыми ремennыми деталями из Садонского могильника // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Материалы международной научной конференции / Отв. ред. У. Ю. Кочкаров. Карачаевск. С. 340–344.
- Кадзаева З. П.*, 2020. Кавказские Т-образные шарнирные фибулы из Садонского

- могильника // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной 50-летию Крупновских чтений и 50-летию Дербентской археологической экспедиции. Махачкала. С. 348–351.
- Кадзаева З. П., Канукова М. М., 2020. Раннесредневековый могильник Гусара I в Северной Осетии // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16. № 3. Махачкала. С. 352–362.
- Кадиева А. А., 2012. Хронологические индикаторы в погребальном инвентаре галиатского склепа 1935 г. В Дигорском ущелье (Северная Осетия) // РА № 1. М. С. 100–111.
- Казаков Е. П., 2001. О некоторых группах деталей поясного набора волжских болгар IX–XI вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара. С. 170–179.
- Калантарян А. А., 2003. Армения в IX–XIII вв. // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII вв. М.: Наука. С. 321–334.
- Каминский В. Н., 1987. Алано-болгарский могильник близ станицы Старокорсунской на Кубани // СА № 4. М. С. 187–205.
- Каминский В. Н., 1991. Вооружение племен аланской культуры Северного Кавказа I–XIII вв. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Владикавказ. 514 с.
- Каминский В. Н., Каминская-Цокур И. В., 1997. Вооружение племен Северного Кавказа в раннем средневековье // ИАА. Вып. 3. Армавир–М. С. 61–69.
- Кантемиров Э. С., Дзаттиаты Р. Г., 1995. Тарский катакомбный могильник VIII–IX вв. н. э. // Аланы: история и культура. Alanica – III. Владикавказ. С. 259–314.
- Кирпичников А. Н., 1966. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. Вып. 2. Отв. ред. М. К. Каргер. М.–Л.: Наука. 177 с.
- Кирпичников А. Н., 1966а. Древнерусское оружие. Мечи и сабли IX–XIII вв. // САИ. Вып. E1-36. М.–Л.: Наука. 180 с.
- Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. E1-36. Л. 140 с.
- Ковалевская В. Б., 1979. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки // САИ. Вып. E1-2. М. 87 с.
- Ковалевская В. Б., 1981. Северокавказские древности // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука. С. 83–97.
- Ковалевская В. Б., 1982. Отчет о работах средневековой Северо-Кавказской экспедиции в 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11164.
- Ковалевская В. Б., 1984. Кавказ и аланы. Века и народы. М.: Наука. 192 с.
- Ковалевская В. Б., 1995. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура. Alanica – III. С. 123–183.
- Ковалевская В. Б., 2005. Кавказ: скифы, сарматы, аланы I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. / Институт археологии РАН. Пушкино: ОНТИ ПНЦ РАН. 398 с.
- Ковалевская В. Б., Албегова З. Х., Пьянков А. В., Евсюков А. Н., 2006. Компьютерное картографирование массовых типов раннесредневековых металлических зеркал с центральной петелькой // Археология и геоинформатика. Вып. 3. М. 44 илл.
- Комар А. В., 1999. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // Vita antiqua, № 2. Киев. С. 111–136.
- Комар А. В., 2008. К вопросу о развитии восточноевропейского седла в VII – 1-й пол. VIII в. // Древности юга России. М.: Таус. С. 239–252.
- Комар А. В., 2018. История и археология древних мадьяр в эпоху миграции. Будапешт. 424 с.
- Копылов В. П., Иванов А. А., 2007. Погребение знатного воина хазарского времени из могильника Саловский // Средневековые древности Дона. М.-Иерусалим: Гешарим. С. 119–153.
- Коробов Д. С., 1999. Новый комплекс из могильника Мокрая Балка I // Древности Северного Кавказа. М. С. 161–168
- Коробов Д. С., 2003. Социальная организация алан Северного Кавказа IV–IX вв. СПб. 380 с.
- Коробов Д. С., 2019. Аланы Северного Кавказа: этнос, археология, палеогенетика. СПб.: Нестор-История. 156 с.

- Коробов Д. С., Кадиева А. А., 2010. Могильник Конхуторский 2 близ Кисловодска // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). Самара: ООО «Офорт». С. 76–92.
- Кочкаров У. Ю., 2008. Вооружение воинов Северо-Западного Предкавказья VIII–XIV вв. (оружие ближнего боя). М.: Таус. 176 с.
- Крыганов А. В., 1989. Вооружение и войско населения салтово-маяцкой культуры (по материалам могильников с обрядом трупопожжения) // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск. С. 98–114.
- Кубарев Г. В., 2005. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). Новосибирск: ИАЭ СО РАН. 400 с.
- Кузнецов В. А., 1959. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа // СА, № 2. М. С. 97–118.
- Кузнецов В. А., 1961. Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Труды археологической экспедиции 1953–1957. МАДИСО. Т. 1. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство. С. 62–135.
- Кузнецов В. А., 1962. Аланские племена Северного Кавказа. МИА № 106. М.: Изд-во АН СССР. 134 с.
- Кузнецов В. А., 1971. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе: Ир. – 248 с.
- Кузнецов В. А., 1981а. Археологические памятники на южной окраине г. Орджоникидзе // ВОАЭ. Вып. 1. Т. XXXVI. Орджоникидзе. С. 49–77.
- Кузнецов В. А., 1981б. Катакомбный могильник близ г. Алагир // ВОАЭ. Вып. 1. Т. XXXVI. Орджоникидзе. С. 78–91.
- Кузнецов В. А., 1971. Алания в X–XIII вв. Орджоникидзе: Ир. 248 с.
- Кузнецов В. А., 1992. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир. 392 с.
- Кузнецов В. А., 1993. Нижний Архыз в X–XII веках. К истории средневековых городов Кавказа. Ставрополь: «Кавказская библиотека». 464 с.
- Кузнецов В. А., 1995. Раскопки Змейского катакомбного могильника в 1959 г. // Аланы: история и культура. Алапса-III. Владикавказ. С. 315–362.
- Кузнецов В. А., 1997. Иранизация и тюркизация Центральнокавказского субрегиона // Материалы и исследования по археологии России. № 1. М. С. 153–178.
- Кузнецов В. А., 2016. Очерки истории алан. Пятигорск: Снег. 432 с.
- Кузнецов В. А., 2017. Нижний Архыз и раннее православие. Аланская епархия в X–XII веках. Пятигорск: Издательство «Снег». 320 с.
- Кызласов И. Л., 1983. Аскизская культура Южной Сибири. X–XIV вв. // САИ. Вып. ЕЗ-18. М.: Наука. 128 с.
- Лебединская Г. В., 1973. Соотношения между верхним отделом лицевого черепа и покрывающими его тканями // Антропологическая реконструкция и проблемы палеоэтнографии. Сборник памяти М. М. Герасимова. М.: Наука. С. 38–55.
- Левашова В. П., 1967. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / Рыбаков Б. А. (отв. ред.). Труды ГИМ. Вып. 43. М. С. 7–54.
- Ложкин М. Н., 1984. Аланы на Урупе. (Археологический очерк) // Вопросы археологии и этнографии Северной Осетии. Орджоникидзе. С. 29–61.
- Магомедов М. Г., 1983. Образование Хазарского каганата. М. 225 с.
- МАК. Вып. I. М. 1888. 135 с.
- МАК. Вып. VIII. М, 1900. 381 с.
- Макарова Т. И., 2003. Боспор-Корчев // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII вв. М.: Наука. С. 68–73.
- Мажитов Н. А., 1981. Курганы Южного Урала VIII–XII вв. М.: Наука. 164 с.
- Малашев В. Ю., 2001. Керамика раннесредневекового могильника Мокрая Балка. М. 149 с.
- Малашев В. Ю., 2007. Культурная ситуация в центральных районах Северного Кавказа во II–IV вв. н. э. // Три четверти века. Д. В. Деопику – друзья и ученики. М. С. 487–501.
- Малашев В. Ю., 2008. Хронология погребальных комплексов могильника Клинь-Яр III сарматского времени // Проблемы современной археологии. М. С. 265–283.
- Малашев В. Ю., 2008. Хронология погребальных комплексов могильника Клинь-Яр III //

- Проблемы современной археологии. МИАР № 10. М. С. 265–283.
- Малашев В. Ю., 2019. Кавказская археологическая экспедиция. Сайт ИА РАН. <https://www.archaeolog.ru/ru/expeditions/expeditions-2019/kavkazskaya-arkheologicheskaya-ekspeditsiya-2019>.
- Малашев В. Ю., Гаджиев М. С., Илюков Л. С., 2015. Страна маскутов в Западном Прикаспии. Курганные могильники Прикаспийского Дагестана III–V вв. н. э. Махачкала: Мавраевъ. 452 с.
- Малашев В. Ю., Магомедов Р. Г., Дзуцев Ф. С., Маммаев Х. М., Кадзаева З. П., 2020. Охранно-спасательные исследования могильников раннего этапа аланской культуры на среднем Тереке Октябрьский I и Киевский I в Моздокском районе Республики Северная Осетия-Алания в 2019 г. // История, археология и этнография Кавказа. Т. 16. № 2. Махачкала. С. 439–460.
- Мамаев Х. М., 1980. Литейная форма из Ялхой-Мохка (Юго-Восточная Чечня) // СА, № 4. М. С. 270–272.
- Мамаев Х. М., 1988. Погребальный обряд раннесредневековых катакомбных могильников Среднего Притеречья: (Некоторые итоги изучения) // Погребальный обряд древнего и средневекового населения Северного Кавказа. Орджоникидзе: Северо-Осетинский Гос. Университет им. К. Л. Хетагурова. С. 133–146.
- Мамаев Х. М., 2009. Чишкинский и Майртупский раннесредневековые могильники в Чечне // Вестник Академии наук Чеченской республики. № 1 (10). С. 115–125.
- Мамаев Х. М., 2010. О дате Верхнеалкунской катакомбы 1939 г. (к хронологии могильника Мамисондон) // Албегова З. Х., Верещинский-Бабайлов Л. И. Раннесредневековый могильник Мамисондон. Результаты охранных археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. МОАИ. Т. 11. М. С. 390–410.
- Мамаев Х. М., Савенко С. Н., 1988. Дуба-Юртовские катакомбные могильники // Новые археологические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный: ЧНИИСФ. С. 5–30.
- Мамаев Х. М., Чахкиев Д. Ю., 1987. Новые находки эпохи средневековья из окрестностей селения Майртуп // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный. С. 53–67.
- Мастыкова А. В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV – середине VI в. М.: ИА РАН.
- Медведев А. Ф., 1966. Ручное метательное оружие лук и стрелы, самострел VIII–XIV вв. // САИ. Вып. Е1–36. М. 184 с.
- Мерперт Н. Я., 1955. Из истории оружия племен Восточной Европы // СА. Вып. XXIII. М. С. 14–30.
- Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: Каталог выставки – М.: Кучково поле, 2012. – 320 с.
- Минаева Т. М., 1951. Археологические памятники на р. Гиляч в верховьях Кубани // МИА. № 23. С. 273–301.
- Минаева Т. М., 1955. Могильник в устье реки Теберды // Материалы по истории Северного Кавказа. Вып. 7. С. 261–289.
- Минаева Т. М., 1965. Очерки по археологии Ставрополя. Ставрополь. 112 с.
- Минаева Т. М., 1971. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во. 248 с.
- Нарожный Е. И., 2008. О датировке и этнокультурной атрибуции некоторых средневековых кочевнических комплексов // МИАСК. Вып. 9. Армавир. С. 160–171.
- Никоноров В. П., 2014. Боевые топоры и их культ у древних народов Центральной Азии и Ирана (от раннего железного века до раннего средневековья // Археология древних обществ Евразии: хронология, культурогенез, религиозные воззрения. Памяти Вадима Михайловича Массона (03.05.1929–19.02.2010). Труды ИИМК РАН. СПб.: ИИМК РАН; «Арт-Экспресс». Т. XLII. С. 97–137.
- Новичихин А. М., 2008. Воинский кенотаф с захоронением боевого коня на средневековом могильнике Андреевская щель // Военная археология. Вып. 1. М. С. 26–41.
- Ньоли Герардо, 2002. Название алан в сасанидских надписях: лингвистические и исторические размышления по поводу

- сопоставления Ирана внешнего и Ирана внутреннего. Владикавказ: Ир. 44 с.
- ОАК за 1890. СПб. 1893. С. 87–101.
- ОАК за 1898. СПб., 1901.
- Орбели И. А., Тревер К. В., 1935. Сасанидский металл. Художественные изделия из золота, серебра и бронзы. М.-Л.: Academia.
- Паикова В. И., 1963. Очерки судебно-медицинской остеологии. М.: Медгиз. 156 с.
- Плетнева С. А., 1963. Кочевнический могильник близ Саркела – Белой Вежи // МИА. № 109. М. С. 116–259.
- Плетнева С. А., 1967. От кочевий к городам: Салтово-маяцкая культура // МИА. № 142. М. 198 с.
- Плетнева С. А., 1973. Древности черных клобуков // САИ. Вып. Е1-19. М. 96 с.
- Плетнева С. А., 1981а. Печенег, торки, половцы // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука. С. 213–223.
- Плетнева С. А., 1981б. Ранние болгары на Волге // Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М.: Наука. С. 77–80.
- Плетнева С. А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М. 285 с.
- Полякова Г. Ф., 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань. С. 154–257.
- Пьянков А. В., 1993. Средневековый могильник Абинский 4 // Древности Кубани и Черноморья. Краснодар: Скифская галерея. С. 123–138.
- Пьянков А. В., 2006. Загадки средневековой скульптуры Северо-Западного Кавказа // Кубанский сборник. Т. 1 (22) – Краснодар. С. 283–401.
- Пьянков А. В. Тарабанов В. А., 2004. Воинский комплекс 25 из Молдовановского могильника: (Раскопки 1989 г.) // МИАСК. Вып. 3. Армавир. С. 275–292.
- Пьянков А. В., Хачатурова Е. А., 1995. Погребение половчанки из степного Прикубанья // ИАА. Вып. 1. Армавир-М. С. 154–156.
- Пчелина Е. Г., 1928. Два погребения алано-хазарской культуры из селения Лац // Труды секции археологии. М. С. 408–426.
- Пчелина Е. Г., 1963. Отчет о работе Архонской археологической экспедиции в 1963 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3183.
- Ражев Д. И., 2016. Факторы распространения поротического гиперостоза в средневековых группах Западной Сибири // Вестник московского университета. Серия 23: антропология. № 1. С. 35–45.
- Рашишвили Р. М., 2003. Грузия в эпоху развитого средневековья // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV–XIII века. М.: Наука. С. 297–320.
- Рейнберг С. А., 1955. Рентгенодиагностика заболеваний костей и суставов. Ч. I. М.: Медгиз. 640 с.
- Рохлин Д. Г., 1965. Болезни древних людей. М.-Л.: Наука. 304 с.
- Рунич А. П., 1968. Катакомбный могильник VII–VIII вв. около г. Кисловодска // СА. № 3. М. С. 208–214.
- Рунич А. П., 1970. Катакомбы Рим-горы // СА. № 2. М. С. 198–210.
- Рунич. А. П., 1973. О конской сбруе из района Пятигорья // СА. № 1. М. С. 163–170.
- Савенко С. Н., 1983. Конские захоронения на могильнике X–XII вв. н. э. Кольцо-Гора // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. – Орджонекидзе: СОГУ. С. 105–109.
- Савенко С. Н., 1985а. Раскопки Марган-Чуйского 1-го могильника в 1980 году // Средневековые погребальные памятники Чечено-Ингушетии. Грозный. С. 28–32.
- Савенко С. Н., 1985б. Хронологические особенности зеркал X–XII вв. Центрального Предкавказья // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа. (Сборник научных трудов). Орджонекидзе. С. 97–109.
- Савенко С. Н., 1986. Этнокультурная характеристика богатых погребений конца XI – первой половины XII в. могильника Кольцо-гора // Этнокультурные проблемы эпохи бронзы Северного Кавказа. Орджонекидзе: РИО СОГУ. С. 75–92.
- Савенко С. Н., 1989. Характеристика социального развития аланского общества по материалам катакомбных могильников X–XII вв. н. э. Автореферат дис. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. 07.00.06. М., МГУ. 25 с.
- Савенко С. Н., 2017. Характеристика социального развития аланского общества Северного Кавказа по материалам катакомбных

- могильников X–XII вв. н. э. // Археология евразийских степей. Выпуск 24. Пятигорск, Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость». 384 с.
- Савченко Е. И., 1986. Крымский могильник // Археологические открытия на новостройках. Древности Северного Кавказа (Материалы работ Северокавказской экспедиции). Вып. 1. М.: Глав. редакция изданий для зарубежных стран издательства «Наука». С. 102–101.
- Самоквасов Д. Я., 1908. Могилы Русской земли. М.: Синодальная типография. 276 с.
- Саханев В. В., 1914. Раскопки на Северном Кавказе в 1911–12 гг. // ИАК. Вып. 56. Пг. С. 75–219.
- Свиркина Н. Г., 2019. Жители античной Фанатории: реконструкция питания по данным изотопного анализа // Российская археология. № 2. С. 80–95.
- Сокровища Алании. М.: Эксмо, 2011.
- Соловьев А. И., 1985. О некоторых характеристиках клинкового оружия // Проблемы реконструкции в археологии. Новосибирск: Наука. С. 147–154.
- Семенов Л. П., 1952. Археологические разведки в Ассинском ущелье // КСИА, № XLVI. С. 110–121.
- Сланов А. А., 2007. Военное дело алан I–XV вв. Владикавказ. 399 с.
- Сорокина И. А., 2001. Курганные могильники Закубанья. Краснодар. 282 с.
- Сосранов Р. С., 1986. Захоронения коней на Змейском могильнике как показатель дружинной организации аланского общества в X–XII вв. // Этнокультурные проблемы бронзового века Северного Кавказа. Орджоникидзе: СОГУ. С. 92–100.
- Сташенков Д. А., 1998. Евразийская мода в эпоху раннего средневековья (к постановке проблемы // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии). Материалы II Международной археологической конференции. Самарский областной историко-краеведческий музей им. П. В. Алабина. Самара. С. 213–231.
- Тарабанов В. А., 1989. Вооружение и снаряжение всадника VIII–X вв. в могильниках Казазово I и II // I Кубанская археологическая конференция. Краснодар, 1989.
- Тарабанов В. А., 1990. Отчет о раскопках грунтового могильника в селе Молдаванское Крымского района Краснодарского края в 1989 г. / Архив ИА РАН. Р-1. № 14147.
- Техов Б. В., 2006. Археология южной части Осетии. Владикавказ: Ир. – 639 с.
- Тменов В. Х., 1979. Город мертвых. Позднесредневековые склеповые сооружения Тагаурии. Орджоникидзе. 151 с.
- Требелева Г. В., Сакания С. М., Шведчикова Т. Ю., Япрынцев А. Д., 2020. К проблеме датировки погребений из некрополя Маркульского городища при храме (Абхазия, IV–XIV вв.). Вещь в контексте погребального обряда: Материалы международной научной конференции / Отв. ред. С. А. Яценко, Е. В. Куприянова. М.: РГГУ. С. 242–250.
- Туаллагов А. А., 2007. Гребни из древних и средневековых погребений кочевников Северного Кавказа и Северного Причерноморья // Известия СОИГСИ. Владикавказ. С. 5–16.
- Туаллагов А. А., в печати. Об одной серии аланских бронзовых зеркал.
- Угерелидзе Н. Н., 1967. К истории производства стекла в раннесредневековой Картли (Иберии). Тбилиси: Мецниереба.
- Успенский П. С., 2014. Изучение социальной стратификации населения Северо-Западного Кавказа, по материалам кремационных погребений VIII–XIII вв. // Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа. ТД. М.: ИА РАН. С. 392–394.
- Успенский П. С., 2015. Кремационные погребения Северо-Западного Кавказа VIII–XIII вв. как исторический источник. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук 07.00.06. М. 458 с.
- Успенский П. С., Албегова (Царикаева) З. Х., 2018. Деревянные предметы конского снаряжения из Даргавского катакомбного могильника в Северной Осетии // КСИА. № 252. С. 243–253.
- Успенский П. С., Албегова (Царикаева) З. Х.–М., Свиркина Н. Г., 2020. Археологические исследования в Даргавской котловине в контексте изучения населения Центрального Кавказа VIII–X веков // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. № 3 (100). М. С. 147–158.

- Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.: МГУ. 276 с.
- Фидаров Р. Ф., 1984. Раскопки Змейского могильника // АО – 1982. М. С. 136.
- Фидаров Р. Ф., Тотаева Д. Э., 2019. Материалы раскопок Змейского катакомбного могильника в 2001 г. // Археологическое наследие: материалы и интерпретации. Вып. 1. Владикавказ. С. 173–263.
- Фидаров Р. Ф., Бтемиров Т. М., 2021. Раскопки Змейского катакомбного могильника X–XIV вв. в Кировском районе РСО-А в 2003 г. // Археологическое наследие: материалы и интерпретации. Вып. 2. Владикавказ. С. 204–221.
- Флеров, 1984. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.: Наука. С. 142–199
- Флёров В. С., 2000. Аланы Центрального Предкавказья V–VIII вв.: обряд обезвреживания погребенных. – Труды Клин-Ярской экспедиции. I. М.: Полимедиа.
- Флёров В. С., 2007. Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н. э. – IV в. н. э. и Восточной Европы в IV в. до н. э. – XIV в. н. э. М.: Таус. 376 с.
- Флёрова В. Е., 2001. Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя. 256 с.
- Фризен С. Ю., Фризен О. И., 2012. Предварительные итоги изучения Остеологических материалов из Бесланского могильника // Вестник антропологии № 22. М. С. 71–77.
- Хайнрих А., 1995. Раннесредневековые катакомбные могильники у селений Чми и Кобан // Аланы: история и культура. Alanica-III. Владикавказ. С. 184–258.
- Халикова Е. А., Халиков А. Х., 2018. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник) // Археология евразийских степей. Вып. 25. Казань: Изд-во «Фэн». 144 с.
- Хоружая М. В., 2009а. Катакомбные захоронения главного Верхне-Салтовского могильника (раскопки 1984 года) // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Т. 7. Донецк: Дон НУ. С. 260–294.
- Хоружая М. В., 2009б. «Рогатые» пряжки в знаковой системе салтовского населения бассейна Северского Донца // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. Серія: Історія. № 852. Вип. 41. Харків в. С. 26–39.
- Шведчикова Т. Ю., 2018. Комплексное антропологическое исследование средневекового населения имеретинской низменности (по материалам храма у с. Веселое, IX–XI вв. н. э.) // Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа». Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. У. Ю. Кочкаров. Карачаевск, 22–29 апреля 2018. С. 510–511.
- Цагаева А. Д., 1975. Топонимия Северной Осетии. Ч. 2. Орджоникидзе: Ир. – 560 с.
- Цуциев А. А., 2014. Новые находки сасанидских драхм на территории Осетии // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. XXVIII Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Москва, 21–25 апреля 2014 г. М.: ИА РАН. С. 283–285.
- Цуциев А. А., 2015. Средневековые предметы арабского и иранского происхождения в аланских древностях горной Осетии // Проблемы всеобщей истории и политологии: Сборник научных трудов: Проблемы всеобщей истории и политологии: Сборник научных трудов: Выпуск № 7 / Под ред. докт. полит. наук, проф. Б. Г. Койбаева; Сев.-Осет. гос. ун-т им. К. Л. Хетагурова. Владикавказ: Изд-во СОГУ. С. 73–79.
- Чеченов И. М., 1987. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. Вып. 3. Нальчик. С. 40–169.
- Чижова А. А., 2016. «Восточное стекло» в памятниках северокавказских алан // Изучение и сохранение археологического наследия народов Кавказа. XXIX Крупновские чтения. Материалы Международной научной конференции. Грозный, 18–21 апреля 2016 г. – Грозный: издательство Чеченского государственного университета. С. 253–254.

- Чиждова А. А., 2017. Стекланные сосуды Даргавса // Скифо-аланское наследие Кавказа. Владикавказ: СОИГСИ ВНЦ РАН. С. 115–133.
- Чижи Г., 2010. Сабли аварского периода в Карпатской котловине: вопросы типологии // Культуры Евразийских степей Второй половины I тысячелетия н. э. Вопросы меэтнических контактов и меэкультурного взаимодействия. Самара. С. 207–216.
- Чаидзе В. Н., 2016. Костяные навершия плетей с отростком в погребениях средневековых кочевников восточноевропейских степей // Степи Восточной Европы в средние века. Сборник памяти Светланы Александровны Плетнёвой. М.: «Авторская книга». С. 353–382.
- Шестопалова Э. Ю., 2018. Древний Дагом. По материалам археологических раскопок Дагомского катакомбного могильника VI–VIII вв. Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания. – Владикавказ: ИПЦ ИП Цопанова А. Ю. 409 с.
- Шестопалова Э. Ю., 2020. Вооружение средневековых алан Северного Кавказа // Археологическое наследие Кавказа: актуальные проблемы изучения и сохранения. XXXI Крупновские чтения. Махачкала: МавраевЪ. С. 445–448.
- Antonaros Anastassios, 2011. Early Christian and Byzantina Glass Vessels: Forms and Uses // Falko Daim, Jörg Drauschke. Byzanz – Das Römerreich im Mittelalter. Teil 1: Welt der Ideen, Welt der Dinge / Monographien des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. Band 84, 1. P. 383–430.
- Bass W. M., 1995. Human Osteology: A Laboratory and Field Manual. 4th edition. Missouri Archaeological Society. 361 p.
- Bálint Cs. 1992. Der Gürtel im frühmittelalterlichen Transkaukasus und das Grab von Üç Tepe // Awarenessforschungen I. Wien. S. 309–496.
- Belinskij A. B. and Härke H., 2018. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery (Archäologie in Eurasien, Bd. 36). Berlin: Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung. 428 p.
- Brooks S., Suchey J. M., 1990. Skeletal age determination based on the os pubis: a comparison of the Acsádi-Nemeskéri and Suchey-Brooks methods // Human evolution. 5 (3). P. 227–238.
- Carboni S., Whitehouse D., 2001. Glass of the Sultans. Catalog of an exhibition held at the Corning Museum of Glass. New York.
- Chantre Ernest. 1887. Recherches anthropologiques dans le Caucase. T. 3. Paris-Lion.
- Clayton F., Sealy J., Pfeiffer S., 2006. Weaning age among foragers at Matjes river rock shelter, South Africa, from stable nitrogen and carbon isotope analyses // Am. J. Phys. Anthropol. Vol. 129. Iss. 2. P. 311–317.
- D'Amato R., 2017. Armi e strumenti di lavoro da Iasos // Bollettino dell'Associazione Iasos di Caria. № 23. P. 2–13.
- Galkin L. L., 1983. Nomadischer Grabfund von jenseits der Volga // Acta Archaeologica. Academiae scientiarum Hungarica. Tomus XXXV. Fasciculi 1–2. Akadémiai Kiadó. Budapest.
- Gavritukhin I. O., 2018. Belt sets from Alanic graves: Chronology and cultural links // Belinskij A. B. and Härke H., 2018. Ritual, society and population at Klin-Yar (North Caucasus): Excavations 1994–1996 in the Iron Age to early medieval cemetery (Archäologie in Eurasien. Bd. 36). Berlin: Deutsches Archäologisches Institut, Eurasien-Abteilung. P. 49–96.
- Higham, T., Warren, R., Belinskij, A., Härke, H. and Wood, R., 2010. Radiocarbon dating, stable isotope analysis and diet-derived offsets in ¹⁴C ages from the Klin-Yar site, Russian North Caucasus // Radiocarbon. Vol. 52. Nr. 2–3. 653–670.
- Işcan M. Y., Loth S. R., Wright R. K., 1984. Age estimation from the rib by phase analysis: white males // Journal of Forensic Science. 29 (4). P. 1094–1104.
- Işcan M. Y., Loth S. R., Wright R. K., 1985. Age estimation from the rib by phase analysis: white females // Journal of Forensic Science. 30 (3). P. 853–863.
- Kalantarian Aram A., 1996. Dvin Histoire et archéologie de la ville medievale. Neuchâtel-Paris.
- Mindorashvili D., 2000. The structure of burials and burial customs at the necropolis of Gveleti // Dzeban, The journal of the Centre for archaeological studies Georgian Academy of Sciences. № 5. Tbilisi. P. 78–86.

- Ortner D.J.*, 2003. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. 2nd Edition. Academic Press. 645 p.
- Pukhnachova E.U.*, 2007. Decoratively carved wood: Structural elements of buildings, household and ritual objects // Wood use in Medieval Novgorod. Oxbow Books, Oxford, UK. P. 382-398.
- Sanders R.K., Crim J.R.*, 2001. Osteochondral injuries // Semin Ultrasound CT MR. Volume 22, Issue 4: 352-370.
- Sauer, Eberhard & Pitskhelauri, Konstantin & Hopper, Kristen & Tiliakou, Anthi & Pickard, Catriona & Lawrence, Daniel & Diana, Annamaria & Kranioti, Elena & Shupe, Catherine.* (2015). Northern outpost of the Caliphate: Maintaining military forces in a hostile environment (the Dariali Gorge in the Central Caucasus in Georgia). *Antiquity*. 89. 885-904.
- Schaefer M., Black S., Scheuer L.*, 2009. Juvenile osteology. A laboratory and field manual. Amsterdam: Elsevier. 369 p.
- Schulze-Dörrlamm Mechthild*, 2002. Byzantinische Gürtelschnallen und Gürtelbeschläge im Römisch-Germanischen Zentralmuseum. 2 Bände (Kataloge RGZM 30, 1-2). Mainz.
- Standards for data collection from human skeletal remains, 1994. Jane E. Buikstra, Douglas H. Ubelaker (Eds.) Arkansas archaeological survey. Research Series. 44. 218 p.
- Touratsoglou Ioannis, Chalkia Eugenia*, 2008. The Kratigos, Mytilene Treasure. Coins and valuables of the 7th century AD. Athens.
- The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Edited by Istvan Fodor. Budapest. 1996. 447 p.
- Ubelaker D.H.*, 1978. Human Skeletal Remains: Excavation, Analysis, Interpretation. Chicago: Aldine Publishing Company. 116 p.

Список сокращений

ВОАЭ	- Вопросы осетинской археологии и этнографии
ГИМ	- Государственный исторический музей
МАДИСО	- Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии
МАК	- Материалы по археологии Кавказа
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР
МИАК	- Материалы и исследования по археологии Кубани
МИАР	- Материалы и исследования по археологии России
МИАСК	- Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
ИАА	- Историко-археологический альманах
ИА РАН	- Институт археологии Российской академии наук
ИЭА РАН	- Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
КСИА	- Краткие сообщения Института археологии
НМ РСО-А	- Национальный музей Республики Северная Осетия-Алания
ОАК	- Отчет императорский археологической комиссии
ПЛ	- погребение лошади
РА	- Российская археология
РФФИ	- Российский фонд фундаментальных исследований
СА	- Советская археология
СОИГСИ ВНЦ РАН	- Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований Владикавказского научного центра Российской академии наук

Научное издание

Успенский Павел Сергеевич
Албегова (Царикаева) Зарина Хаджи-Муратовна

Древности Центрального Кавказа VII-XIII вв.
(по материалам Даргавского могильника)

Подготовка иллюстративного материала
и изготовление оригинал-макета: М. Б. Рассаднев
Дизайн обложки: Д. И. Стулова

В оформлении обложки использована акварель
И. В. Лотиева (Лотити) «Аланский всадник»

Подписано в печать 07.12.2021

Формат 60×84/8

Усл. печ. л. 31,6. Уч.-изд. л. 26,8

Тираж 200 экз. Заказ Н-7219

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, 19

Отпечатано в типографии ООО «Буки Веди»
115093, г. Москва, пер. Партийный, д. 1, корп. 58, стр. 3, помещение I, офис 303а
Тел.: +7 (495) 926-63-96, www.bukivedi.com, info@bukivedi.com

ISBN 978-5-94375-356-5

9 785943 753565